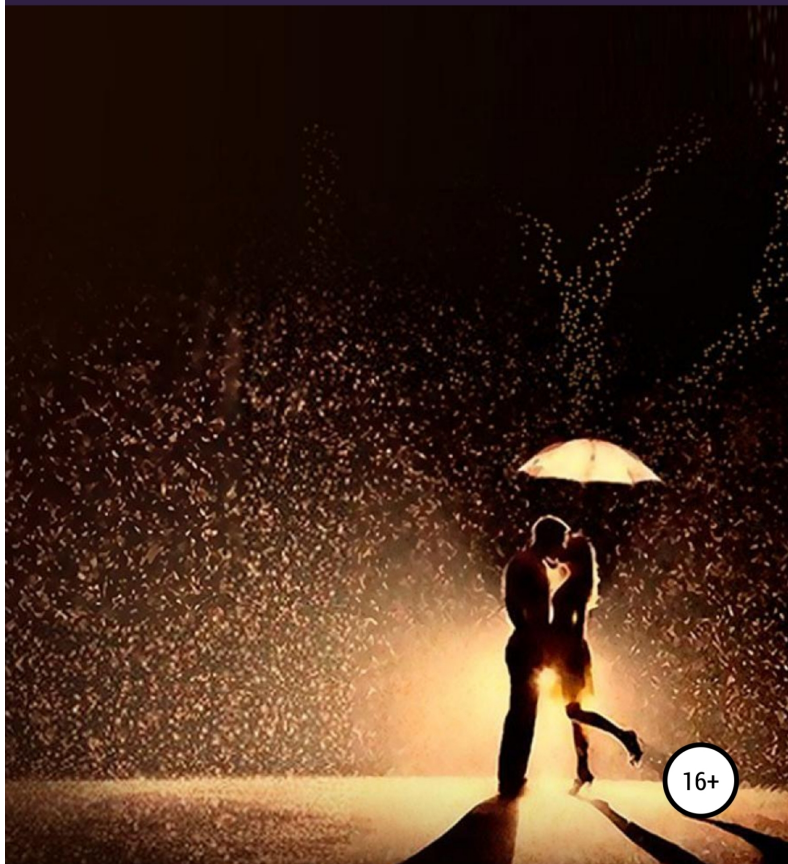

Ольга Распутняя

Объятые иллюзиями

16+

Ольга Сергеевна Распутняя

Объятые иллюзиями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64874697

SelfPub; 2021

Аннотация

Летиция Дэвис поступает в колледж в город свободы Нью Йорк, окрыленная мечтами о карьере актрисы и верой в свой успех. Романтичная и амбициозная девушка уверена – перед ней целый мир бесконечных возможностей. Успехи в учебе, внимание парней и популярность – казалось, с первых дней удача сопровождает каждый ее шаг. Почему же несколько лет спустя Летиция буквально сбежала из Нью Йорка безо всяких объяснений и заперлась в старом доме на окраине маленького городка? Что произошло между ней и загадочным фотографом по имени Брайан? И удалось ли осуществиться ее мечтам о славе и знаменитости? Это история о поиске своего места в жизни, о больших надеждах и мечтах, с которыми мы вступаем в большой мир, и, конечно же, о роковой истории любви. Возможно, кто-то из молодых читательниц узнает в главной героине себя...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	52
Глава 4	66
Глава 5	75
Глава 6	96
Глава 7	122
Глава 8	137
Глава 9	154
Глава 10	181
Глава 12	230
Глава 13	257
Глава 14	278
Глава 15	304
Глава 16	338
Глава 17	370
Глава 18	393
Глава 19	427
Глава 20	449

Ольга Распутная

Объяты иллюзиями

Пролог

Предрассветная дымка окутала городок, бледными шупальцами тумана лениво огибая высокие фонарные столбы и кирпичные стены аккуратных, выстроенных рядком домов. Создавалось впечатление, что усадьбы не стоят на земле, а словно плывут в потоке призрачной реки. В сизоватые, неприветливые небеса замешались золотистые полосы рассвета, превратившие их в голубовато-сиреневую массу, тягучим потоком струящуюся над черепичными крышами и придававшую всему окружающему ощущение зыбкости и таинственности. В звонкой, свежей утренней тишине начал раздаваться сначала разрозненный и одинокий, а позже все более дружный и уверенный птичий щебет, знаменуя собой начало нового дня. Блеклые лучи тусклого, словно припорошенного пылью осеннего солнца с трудом пробивались сквозь тяжело нависшие свинцовые тучи, стремясь скорее дотянуться до земли. Медленно, словно нехотя, снопы серебристого света развеивали туман, заставляя его отступать и растворяться вместе с уходившей ночью, оставив напоследок мириады разбросанных по жухлой траве сверкающих

кристаллов холодной росы. Мир неуверенно стряхивал с себя остатки дымчатых клочьев, готовясь к тому, чтоб предстать перед лицом распускавшегося дня.

Октябрь подходил к концу, неумолимо унося с собой ту очаровательно-поэтичную, золотую пору, которую так любят возносить в стихах. Деревья грустно покачивали поредевшими ветвями, и лишь вечнозеленые ели горделиво и высокомерно взирали на менее удачливых собратьев, уверенные в своей неприкосновенности. Жухлую, утратившую последнюю живительную сочность траву все еще украшали ярко-алые, апельсиново-оранжевые, бледно-лимонные, медные и кирпично-коричневые листья, но они уже безнадежно теряли краски, высыхая и скручиваясь, словно стесняясь своего увядшего вида. Они легко подхватывались и уносились неприветливым осенним ветром, в мечтах когда-то вновь обрести утраченную красоту. Их скорбный тихий шелест ознаменовал собой незаметный переход к угрюмой и мрачной поре, когда, зараженные всеобщей меланхоличностью жители городка поскорее спешат по домам, поплотнее укутавшись в длинные пальто и мягкие шарфы. Там они заваривают себе имбирный чай и карамельный латте и, обжигая руки о горячие чашки, проводят часы за чтением мрачноватых книг о замках с привидениями и просмотром леденящих душу фильмов.

Отвоевавший свои права день осветил тихие загородные дома, незримо просачиваясь сквозь тяжелые шторы и плот-

ные занавески, ласково и шаловливо пробегая по лицам жителей, заставляя их нехотя просыпаться и, отчаянно зевая, выбираться из теплых постелей. Утренний холод просачивался даже сквозь толстые стены, так что люди зябко ёжились и укутывались в махровые халаты.

Начиналась обычная утренняя рутина: с бодрым свистом закипала вода, ложечки звенели о дно керамических чашек, насыпая кофе и сахар в скрупулезно выверенных пропорциях, гремели сковородки, бились яйца, выпекались вафли, раздавались щелчки бойко выпрыгивающих из тостерниц поджаренных кусочков хлеба, шелестели тонкие страницы газет, а члены семьи привычно переругивались, выясняя, кто первым займет ванную. Вскоре дома заполнялись соблазнительными запахами поджаренного омлета с беконом, свежесваренного кофе с карамельным или кокосовым сиропом, горячих бутербродов и добавляемой в овсянку корицы. Наиболее энергичные уже успевали пробежаться до ближайшей пекарни и вернуться домой, с видом победителей раскладывая на столе сырные багеты, политые глазурью булочки, маффины с ореховой начинкой и аппетитно хрустевшие круассаны. Завтрак проходил, как обычно: отламывались небольшие кусочки от багетов, намазывались маслом мягкие булочки, джем щедро лился на румяные тосты, золотистые вафли украшались ягодами и фруктами, в круассаны вкладывалась ветчина, мягкий сыр и листья салата, а из омлета выковыривались наиболее аппетитные кусочки беко-

на. Некоторые деловитые и вечно спешащие горожане ограничивались лишь маленькой чашкой кофе и суетливым пролистыванием утренних новостей. Пятнадцать минут спустя они судорожно застегивали пуговицы на плащах, натягивали на головы береты, проверяли содержимое кожаных сумок и портфелей, быстро расцеловывали детей и выбегали на улицы, поплотнее запахивая шарфы и поеживаясь от пробирающей до костей сырости. Вскоре они уже вливались в привычную будничную колею.

Маленький загородный сектор не отличался ничем примечательным. Те же ровные ряды одинаково ухоженных двух- и трехэтажных домиков, похожих на тысячу других. Стены заботливо и тщательно окрашены в бежевый, песочный, ненавязчиво-желтоватый и стерильно-белый цвета. Неяркие утренние лучи золотили черепичные крыши. Машины в небольших гаражах терпеливо ждали спешащих по делам хозяев. Вокруг каждого дома был разбит аккуратный сад, расчерченный прямыми брусчатыми дорожками. На ровно стриженных газонах кое-где яркими вкраплениями виднелись опавшие с деревьев листья и румяные бока позабытых яблок. Усадьбы были окружены, в зависимости от предпочтений хозяев, толстыми бетонными оградами, хрупкими деревянными конструкциями или изящными металлически решетками с художественно изогнутыми краями. Узкие улочки часто петляли и пересекались друг с другом, грозя совершенно сбить с толку новоприбывших, но таких

здесь было немного. На каждой улице стояло несколько фонарей, зажигающихся поздно вечером и освещавших дороги неприятным желтым светом. Дома перемежались небольшими магазинчиками с цветами, продуктами, свежей выпечкой и необходимыми товарами для быта. Почта, маленький театр да несколько кафе с неброскими витринами и вынесенными на улицу захудалыми столиками являли собой единственные достопримечательности отдаленного от шумного мира и живущего своей обособленной жизнью пригорода.

Городок ожил и наполнился перекрикиванием торговцев, которые были на ногах с самого рассвета, грохотом открывающихся дверей и поднимающихся жалюзи, скрипами тележек и мерным гулом разогревающихся моторов машин. Пекари засовывали сформованное тесто в громадные печи, чтоб успеть выставить свежую выпечку для ранних посетителей. Продавцы приносили мешки, коробки и корзинки с последними собранными в огородах и садах овощами, фруктами и орехами. Ровными рядками на всеобщее обозрение были гордо выставлены громадные тыквы, аккуратные кочанчики капусты, морковь, свекла и яблоки с подбитыми боками. Работники небольших магазинчиков протирали витрины с трудом найденными губками, возвращали по местам в спешке брошенные накануне вещи и раскладывали товары, одновременно натягивая на лица фирменные улыбки к часу открытия. Покупатели и продавцы торговались, монеты пересыпались из рук в руки, привычным движением выхва-

тывались утренние газеты, из маленьких окошек протягивались исходящие ароматным паром на морозном воздухе стаканчики с кофе и забирались деньги. Жизнь, ничем не нарушаемая и привычная до мелочей, шла своим обычным чередом.

Как и во всех небольших местах, все местное население знало друг друга в лицо и поименно, так что на улицах и в небольших очередях за кофе или булочкой то и дело раздавались приветственные возгласы, пожимались руки и дружески похлопывались плечи. Люди останавливались на улицах и собирались в группки в магазинах, чтоб переброситься ничего не значащими фразами, обменяться новостями, закончить начатые накануне разговоры и пожелать друг другу хорошего дня.

На постепенно оживающей улице, ни с кем ни здороваясь и ни на кого не глядя, появилась одинокая женская фигура. Она быстрым шагом шла по неровной дороге, не присоединяясь ни к кому из ведущих разговор прохожих, глядя прямо перед собой задумчивым и ничего не выражающим взглядом. На девушке было кашемировое пальто графитного цвета, а шея плотно запахнута тонким клетчатым шарфом, под которым от осеннего холода были спрятаны прямые светлые волосы. Ни ее одежда, ни тоненький силуэт, ни черты лица не имели никаких кричащих деталей и ничем не притягивали взгляда. Но ее намеренная обособленность от остальных выглядела здесь настолько неестественно и так бросалась в

глаза, что это выделяло ее более, чем самое вызывающее поведение. В этом кроется иногда парадокс жизни – чем больше хотим мы остаться в тени, тем больше вызываем желания узнать, что за этой тенью спрятано. Может быть, поэтому так много таинственных историй, которые так любят пересказывать в тесном кругу по вечерам, происходят именно по ночам, – ведь тайна всегда скрыта покровом неизвестности. Вот почему все меньше людей привлекает солнце, – оно у всех на виду, ярким сиянием освещая все вокруг, а, следовательно, не оставляя ни интриги, ни загадки, ни места для домыслов.

Как бы там ни было, девушка подошла к небольшой булочной и скрылась внутри. Перед прилавком стоял молодой улыбчивый парень, в этот момент принимающий из рук полноватой раскрасневшейся торговки хрустящую булочку с карамельным соусом и тут же с наслаждением откусывающий от нее кусок. Рядом с ним хмурый пожилой мужчина сквозь толстые стекла очков придирчиво оглядывал товар. Парень бегло и заинтересованно взглянул на девушку, прежде чем выйти из магазинчика, но быстро переключил свое внимание на ароматную булочку. Подозрительный мужчина все еще продолжал разглядывать румяные круассаны и багеты, источавшие потрясающий запах горячего сыра и поджаренного лука, поэтому продавец нетерпеливо перевела взгляд на девушку.

– Один круассан, будьте добры, – торопливо сказала она.

Женщина одетой в перчатку рукой достала крупный хрустящий круассан и вопросительно взглянула на девушку, мол, подходит или нет. Но девушка смотрела перед собой остановившимся взглядом, явно свидетельствующим о том, что мысли ее были далеко отсюда. Продавец лишь пожала плечами и назвала цену. Вздвогнув, девушка быстро расплатилась, осторожно взяла завернутую в немного замасленную бумагу горячую выпечку и торопливо покинула магазин вместе с соблазнительными запахами ванили, корицы и шоколада.

– А это еще кто такая, Кларисса? – недоуменно поинтересовался хмурый джентльмен. – Приезжая, что ли?

– Да она уже несколько месяцев здесь живет, – ответила торговка. – Только она редко на улицах появляется, выходит разве что за продуктами, поэтому ты ее и не видел. Она живет в доме на углу улицы, который слева от Мориссов.

– А с кем она живет? – поинтересовался мужчина. – Странно это все-таки. Не так уж много нас здесь, чтоб приезд новых соседей остался незамеченным.

– Ничего странного в этом, собственно, и нет, – ответила Кларисса. – Если принять во внимание то, что она живет там совершенно одна. Мой племянник разносит почту, и, по его словам, в доме находятся только она и ее собака, очень симпатичный пятнистый бигль. Сколько раз он ни приходил туда, никого, кроме девушки, там не было.

– И кому охота перебираться в нашу глушь, да еще и такой

юной девушке, – недоуменно хмыкнул джентльмен. – К нам если кто и переезжает, так это любящие тишину женатые пары с детьми и старики вроде меня, нуждающиеся в покое и меланхоличных раздумьях о своей жизни. Заверни мне, будь добра, багет с чесночным соусом.

– Так, может, и она сюда переехала в поисках покоя и меланхоличных раздумий о своей жизни, откуда же нам знать, – беззаботно засмеялась продавщица и протянула багет. – Один доллар пятьдесят центов.

Мужчина забрал свой заказ и вышел из пекарни, неловко развернувшись в дверях с заходившим покупателем. Кларисса уже переключила внимание на очередного клиента. Любопытство, вызванное загадочным приездом и одиноким проживанием нелюдистой, совсем юной особы на окраине города в пустом доме, быстро угасло, вытесненное более насущными вопросами. День только начинался, а дел еще предстояло невпроворот.

Глава 1

Я все таким же торопливым шагом повернула за угол, оставив позади трехэтажную усадьбу Мориссов с неглубоким пустым бассейном, кафельное дно которого было засыпано сухими листья. Я зябко поежилась, кутаясь в сползающий шарф и спеша поскорее укрыться в спасительных домашних стенах. Я прошла вдоль крепкого, вычурно переплетающегося в верхней части ограждения вокруг своего дома, желая только, чтоб оно стало в несколько раз выше и толще, непроницаемой стеной отрезав меня от оставшегося позади мира.

Я резко нажала на темно-бронзового цвета ручку с немного облупившейся краской, обжегшей мою руку колючим холодом, и распахнула калитку дома, стараясь поскорее скрыться от беглых, иногда заинтересованных, а порой и недоуменных взглядов, вскользь бросаемых на меня. В голове мимоходом мелькнула мысль о том, как много люди могут понять и принять, кроме неудовлетворения их интереса и пренебрежения их обществом. Иногда меня охватывало непреодолимое желание скрыться, раствориться, стать невидимой и неосязаемой, чтоб, смешавшись с терпким дыханием осеннего ветра, затеряться в толпе. Я поняла, что просчиталась, решив, что здесь не привлеку ничьего внимания. Я вполне могла бы остаться там, откуда сбежала. Там всем бы-

ло в достаточной степени плевать друг на друга.

Но я прекрасно знала, что это невозможно. Продолжать жить в месте, где каждый камень, каждый фонарь и каждое мелькнувшее в толпе лицо служило насмешливым напоминанием о неоправданных надеждах прошлого и о лишенном всякого смысла настоящем, было равносильно самоубийству.

Я захлопнула калитку за своей спиной немного громче, чем следовало, и наконец-то вздохнула со смешанным чувством, которое испытывала всегда, оставаясь наедине с собой. Проходя мимо щебечущих влюбленных парочек, смеющихся друзей и о чем-то спорящих членов семьи, меня охватывало скребущее душу понимание, насколько я одинока. Мне все время казалось, что прохожие поглядывают на меня с какой-то жалостью, провожая взглядом мою сиротливую фигуру. А может, это всего лишь игры моего разыгравшегося воображения. И все-таки, хотя бы нечастое нахождение среди людей было мне необходимо. Они были моим связующим звеном с внешним миром, которое я и отчаянно желала, и с содроганием боялась оборвать.

Из задумчивости меня вывел мой пес, бигль Майло, с радостным лаем бросившийся мне навстречу и, вставая на короткие задние лапы, возбужденно повиливая хвостом. Его блестящие глаза-бусинки приветственно заглядывали мне в лицо, а светло-розовый язычок все норовил облизать меня. Майло был моим неиссякаемым источником радости, и про-

сто невозможно было не улыбаться при взгляде на его забавную пятнистую мордашку.

– Да ладно тебе, прекрати разыгрывать комедию, маленький лицемер. Я оставила тебя всего на каких-то пятнадцать минут, – со смехом сказала я, почесывая его за ушком и с удовольствием ощущая бархатную шелковистость его шерсти с рыжеватыми пятнами, в которой кое-где запутались мелкие листья и острые иголки. Вздохнув, я начала выбирать их, но потом лишь безнадежно махнула рукой, бросив это занятие. Мой неугомонный пес редко задерживалась на одном месте, так что, вероятнее всего, через несколько минут он снова будет с восторгом зарываться в ближайшую кучу палой листвы.

Я направилась к входным дверям, цокая каблуками черных замшевых ботинок по брусчатой дорожке. Летом я обожала гулять по небольшому саду, окружавшему мой дом, с наслаждением вдыхая пьянящие ароматы кроваво-красных и приглушенно-розовых тюльпанов, наслаждаясь мягкими солнечными лучами и блаженным теплом. Сейчас же увядшие и поблекшие деревья и кусты, прелые влажноватые листья и разбросанные по траве сморщенные маленькие яблоки вызывали во мне только чувство уныния и отвращения. Шелестя листвой, Майло бодро трусил вслед за мной и время от времени бросался в траву, замечая в ней мелкого жука или колеблемый ветром опавший лист.

Жилище мое ничем особенно не отличалось от осталь-

ных окружавших его домов, разве что было немного поменьше размером и выглядело не так аккуратно и ухоженно, как остальные, так как я особо не отягощала себя ни регулярным подравниванием газонов, ни подкрашиванием стен. Дом был двухэтажный, с кирпичными стенами неброского темно-бежевого цвета. Остроконечная крыша была покрыта черепицей. Большие прямоугольные окна были завешаны изнутри полупрозрачными занавесками. К главному входу вело несколько высоких ступеней, а по бокам от них свод поддерживали две изящные тонкие колонны. Поднимаясь по скользким ступеням, я шарила по внутренности карманов в поисках ключа и одновременно зажимала под мышкой завернутый в теплую бумагу круассан. Наконец, я отыскала их между помадой и смятой денежной купюрой, и отперла дверь.

Она открылась с неприятным скрипом, настойчиво напоминая мне, что неплохо бы смазать петли. Я в очередной раз сделала вид, что не заметила этого, и, пропустив Майло вперед, быстро заперла за собой дверь, не позволяя стылому воздуху проскользнуть вслед за мной во внутреннее помещение. Я зашла в просторную гостиную с гладким белым диваном и разбросанными по нему небольшими подушечками, круглым полированным столиком на изогнутых ножках из светлого дерева и мягкими затертыми пуфами цвета корицы. На столике лежала брошенная мною книга «Ребекка» с видневшейся между страниц малиновой закладкой. Рядом с ней

укоризненно стояла невымытая чашка с холодными остатками жасминового чая.

Я размотала шарф и сбросила пальто, торопясь поскорее съесть свой завтрак, пока выпечка была еще теплой. Подхватив по дороге чашку и строго прикрикнув на Майло, чрезвычайно заинтересованного содержимым огромного вазона, расписанного переплетающимися цветами и птицами, я последовала в кухню.

Хотя мои дядя с тетей уже около полугода как переехали из этого дома, однако многое здесь все еще носило на себе отпечаток их присутствия, заставляя меня чувствовать себя неуместно и время от времени вызывая совершенно необоснованное чувство неловкости. Это похоже на то, когда приезжаешь погостить к друзьям на несколько дней и испытываешь стеснение, раскладывая свои вещи по чужим комнатам.

Со стен гостиной на меня строго посматривали лица любимых исторических деятелей моего дяди Роджера. Дядя с неослабевающим пристрастием выискивал их на всевозможных аукционах и распродажах, уже через несколько дней теряя к ним всякий интерес и пускаясь в новые поиски. Так что, ничего удивительного, что картинами в тяжелых рамках были завешаны стены всех комнат. Я не преувеличиваю, буквально всех.

Тетя Полли же была маниакально помешана на создании уюта, вот только понимала его на свой манер. Требовалась немалая ловкость, чтоб лавировать между огромным коли-

чувством пуфов и колоссальных размеров креслами, которые создавали впечатление, что в гостях у тети Полли некогда заседало по меньшей мере пол города. А подсчитать, сколько времени мне пришлось потратить, задвигая в кладовую неподъемные вазоны и собирая расставленные по всему дому многочисленные стеклянные шары, шкатулки и статуэтки, изображающие ангелов, тонконогих оленей и жутковатого вида длинноухих зайцев, было просто невозможно.

Конечно, откликнувшись на мою просьбу не выставлять дом на продажу после переезда, а позволить мне некоторое время занимать его, оплачивая им аренду, дядя с тетей не потрудились забрать с собой все эти сокровища. Они вообще были люди довольно легкомысленные. Наверное, поэтому они и не стали сильно докучать мне, интересуясь, почему я так неожиданно покинула Нью Йорк, чтоб переехать в столь малонаселенное место совершенно одной. Я сослалась на то, что мне просто необходимо было некоторое время побыть в тишине подальше от шумного города, наслаждаясь свежим воздухом и восстанавливая пошатнувшееся здоровье. Не думаю, что они мне поверили, но их это и не слишком заботило. Главное, что я на время избавила их от мороки с продажей дома, а остальное было не их делом. Так что они удовлетворились этим ответом, а я выдохнула с облегчением. Боюсь, что попытки проникнуть глубже в настоящие причины моего бегства оказались бы для меня непереносимыми.

Перебравшись на новое место и терпеливо выслушав перечень имен, фамилий, марок машин и взаимосвязей между соседями, а также контакты всех сантехников, электриков и водопроводчиков, которые могли бы мне понадобиться, я распрощалась с дядей и тетей. Заполнив грузовик чемоданами, дорожными сумками, коробками и ящиками, они уехали в новое место, навстречу новой жизни. Как и я тогда. Вот только для них переезд был новым началом, а для меня – конечной станцией. Так мне казалось тогда, ведь я не могла представить себе, что способно побудить меня вновь стать частью этого грубого бессердечного мира, остающегося молчаливым в ответ на самые горячие просьбы. Мне казалось, что я словно очутилась в эмоциональном вакууме, не в силах более ничего испытывать и ничего желать. Я осталась наедине с самой собой.

Поначалу с отрешенным безразличием, а позже с каким-то отчаянным остервенением я принялась заполнять дом теми ничего не значащими вещами, которые по какой-то причине доставляют нам удовольствие. Я разбросала на кроватях и креслах шелковистые пледы и милые декоративные подушечки, наполнила вазочки свежими цветами, разложила на столиках свои дневники, блокноты и журналы и заполнила полки книгами: старыми экземплярами с затертыми, потускневшими страницами, и совсем новыми, пахнущими свежей краской, купленными в единственном книжном магазинчике поблизости. Я заставляла полки и ниши в

стенах разноцветными ароматическими свечами, украшала столики изящными ажурными салфетками и ставила на них небольшие тарелочки из переливчатого стекла. Я страстно желала заполнить собой каждый уголок своего нового жилья, чтоб почувствовать себя, как дома. Я хотела, чтоб каждая вещь в нем носила на себе мой собственный отпечаток. Я словно пыталась воплотить во внешний мир свою внутреннюю вселенную, чтоб взглянуть на себя со стороны и наконец-то понять.

***

Я включила электрический чайник и открыла ящик с чаем. Кофе я терпеть не могла – понятия не имею, почему мысль об этой горькой черной жидкости была почти единственным, что поднимало людей с постели по утрам. Я лично могло пить его, только добавив туда такое количество сладкого сиропа и взбитых сливок, что в итоге полученный напиток напоминал кофе весьма отдаленно.

Бегло пробежавшись взглядом по пакетикам с имбирным, малиновым, мятным, жасминовым и целой коллекцией фруктовых чаев, я решила остановиться на имбирном, добавив к нему дольку лимона. Подходящий выбор для промозглого осеннего дня. Заварив чай, я немного подула на него и с наслаждением отхлебнула, чувствуя, как по мне разливается живительное тепло. К слову, всех моих знакомых всегда шокировала моя способность пить практически кипятком. Инте-

ресно, можно ли добавить это к перечню моих немногочисленных талантов?

Добравшись наконец до вожделенного круассана, я, растягивая удовольствие, медленно разломала его на две половинки, усыпав стол хрустящими крошками, и начала намазывать одну из них арахисовым маслом без сахара. Майло в это время удобно устроился у моих ног, лениво повиливая хвостом. Он жадно поглядел на еду в моих руках, однако, быстро убедившись, что она не представляет для него интереса, равнодушно положил голову на лапы.

Я уже заканчивала выкладывать на арахисовое масло кружочки банана, когда мой телефон неожиданно громко зазвонил. Я вздрогнула – в последнее время мне не так часто поступали звонки. Скосив глаза на экран, я внутренне застыла.

Вот черт. Только этого сейчас не хватало. Я и так была не в лучшем настроении. Быстро вытерев пальцы о первую подвернувшуюся салфетку, я подняла телефон.

– Привет, мам, – хорошо отрепетированным за последнее время жизнерадостным голосом сказала я.

– Легти, дорогая, – раздался в трубке не менее оптимистичный и не менее наигранный голос моей мамы, в котором за непринужденным тоном скрывалась внутренняя озабоченность, – как у тебя дела? Надеюсь, все в порядке?

– Спасибо, мам, все хорошо, – ровным голосом ответила я, и, поняв по ее красноречивому молчанию, что она ожидает

продолжения, вздохнула и добавила. – Все так же, как и пару недель назад. Что нового здесь может произойти? Я работаю, читаю, гуляю с Майло. В общем, наслаждаюсь жизнью, – тут мне пришлось подавить в себе нервный смешок.

– И все равно я не могу понять, почему ты не осталась в Нью Йорке... Ты могла начать строить отличную карьеру, Летти. Я ведь уже говорила, такими шансами не разбрасываются. И от нас ты была не так далеко. Зачем вдруг понадобился этот переезд в такую глушь...

– Мам, я уже сто раз говорила тебе и повторяю еще раз, что я нуждалась в отдыхе. Я не хотела работать в офисе, так что я всего навсего нашла компанию с возможностью писать из дома. Нью Йорк... утомил меня, мам. Мне просто необходимо немного побыть вдали от города и побольше времени проводить на свежем воздухе. Это что, слишком странно? – я объяснила ей свой быстрый, ничем не обоснованный, без всякого предупреждения переезд точно так же, как и дяде с тетей.

– Ладно, тебе лучше видно, – миролюбиво сказала мама.

Мне был прекрасно знаком этот тон. Обычно она принимала его, когда делала вид, что сдавалась, чтоб через несколько минут продолжить осаду с удвоенной энергией.

Воцарилось недолгое молчание.

– А как дела у вас с папой? – постаралась отвлечь ее я. – И как там Джордж? Сколько оппонентов он оставил с носом на этой неделе?

Мой брат Джордж, который был старше меня на восемь лет, после окончания университета построил успешную карьеру адвоката, а число выигранных им дел уже перевалило за сотню. По крайней мере, он так утверждал. Все мы ужасно им гордились, включая меня. Я очень люблю своего «большого брата», как я шутливо привыкла называть его с детства, но его маниакальное увлечение работой и расписанный по пунктикам распорядок дня всегда вызывали во мне скуку и непонимание.

– О, у нас все отлично, – оживленно сказала мама. – Джордж на днях снова выиграл дело. Но в этом и не было никаких сомнений, правда ведь? Кстати, он интересовался, как ты там. Позвони ему, как сможешь, ладно? Мы с папой вчера отлично провели вечер. Папин коллега по работе и хороший друг пригласил нас в гости. Ты ведь помнишь мистера Крафта, верно? У него еще такие длинные тонкие усы и совершенно лысая макушка. он еще подарил тебе комплект для катания на лыжах, когда тебе исполнилось одиннадцать. Ты была просто в восторге! Так вот, мы познакомились с его женой Вильгельминой, очень элегантной и аристократичной женщиной с прической а-ля гарсон. Правда, мне казалось, что она держится немного высокомерно. Но, возможно, это только первое впечатление, а оно порой так обманчиво.

Я с обреченностью ожидала, что последует за этой тирадой. Обычно за таким несвойственным для мамы шквалом болтовни следовал плавный переход к тому, что ее действи-

тельно интересовало. Собственно, долго ждать мне не пришлось.

– Так вот, дочь мистера Крафта как раз собирается переезжать в Нью Йорк. Все они, разумеется, озабочены космическими ценами на аренду, поэтому поинтересовались, не могли бы вы с ней снимать квартиру на двоих. Ну а я сказала, что ты на время покинула город, но до этого жила с молодым человеком, так что в любом случае из этого ничего бы не вышло. К слову сказать, ты так ни разу и не объяснила мне, почему Брайан не...

Я сама не ожидала, что это имя произведет на меня эффект взорвавшейся бомбы.

– О Господи, мам! – крикнула я. – Неужели так трудно понять, что, если я молчу об этом, значит, мне не хочется говорить на эту тему?! Почему нельзя хоть иногда проявлять немного такта?!

Я с грохотом бросила телефон на стол. Тот проскользнул по гладкой поверхности и остановился практически на самом краю столешницы, чудом не упав. Майло недоуменно поднял голову, не понимая резкой перемены в поведении хозяйки, жалобно тявкнул и ткнулся головой мне в ногу. Я не обратила на него внимания.

Чай уже остыл, но выпечка все еще источала аппетитные запахи корицы и арахисового масла. Я машинально откусила кусок и тут же отбросила его. Во рту появился неприятный привкус желчи, не имевший никакого отношения к еде. Ап-

петит пропал совершенно.

Я пошарила рукой в ящике под столом и вытащила полупустую коробку с забытыми дядюшкой сигаретами Мальборо. Чиркнув зажигалкой, я жадно затянулась и тут же ужасно закашлялась – едкий дым непривычно крепких сигареты опалил горло. Я торопливо затушила сигарету о первую подвернувшуюся тарелку. Не имею ни малейшего понятия, почему эта дрянь когда-то доставляла мне удовольствие.

Я знала, что я не права – мама просто волнуется, и я не могла на нее за это злиться. Однако я ничего не могла с собой поделать. Я не могла ни слышать его имя, ни думать о Нью Йорке, в котором рухнули все мои мечты. Я не могла объяснить все причины, по которым я исчезла безо всяких объяснений. И уж тем более я не могла вернуться.

Я дала себе слово. Я покину этот дом и выйду из своего добровольного заточения только тогда, когда до конца разберусь во всем. Я должна была понять, почему так произошло.

Глава 2

Разумеется, я не всегда была такой мрачной и отчужденной. И уж точно я никогда не могла подумать, что когда-нибудь пределом моих мечтаний будет запереться в четырех стенах чужого дома на Богом забытой окраине города в надежде оказаться подальше от посторонних взглядов. Эта мысль показалась бы мне попросту абсурдной: я ненавидела тишину, не переносила обыденности, терпеть не могла бездействие. Я была переполнена жизнью и всем существом стремилась навстречу большим городам, шумным вечеринкам, веселым скопищам людей, новым знакомствам и впечатлениям. Я обожала находиться в центре внимания и испытывала затаенную тягу к тому, чтоб вызывать восхищенные взгляды, волновать людей, возбуждать интерес и разговоры о себе. Я безумно скучала, когда мне приходилось оставаться в одиночестве дольше, чем на несколько часов. Присутствие кого-то рядом было для меня так же необходимо, как кислород.

Родилась я в небольшом городке в штате Нью Джерси. Он относился к тому типу населенных пунктов, в которых жизнь не бьет ключом и где никогда не происходит бурных событий, но есть все необходимое для комфортной и размеренной жизни. Обычно про такие небольшие, уютные и благополучные городки, утопающие в зелени, режиссеры любят

снимать детективные и мистические фильмы. Ну, те самые, в которых оказывается, что на самом деле он лишь с виду тихий и спокойный, а на самом деле кишит леденящими душу тайнами.

Но это было не про нас. Мне действительно повезло родиться в ничем не примечательном городке, в среднестатистической семье и ходить в обыкновенную школу. Моя жизнь не была отмечена ни подростковыми интригами, ни особыми семейными драмами, ни вообще какими-либо событиями, которые переворачивают все с ног на голову и навсегда остаются в воспоминаниях. Но я забегаю вперед.

С детства я была довольно живым и неугомонным ребенком, который обожал узнавать все новое и предпочитал подвижные игры. Родители часто шутили в духе: «Как корабль назовешь, так он и поплывет.» Дело в том, что мое имя «Летиция» означало «радость приносящая», и я полностью соответствовала ему, не доставляя своим родителям особых переживаний и хлопот.

С самой ранней поры я отличалась мечтательностью и романтичностью. Единственное, что могло заставить меня усидеть на месте, были книги. Родители, сами любившие читать, с малых лет прививали мне любовь к ним, и я могла часами лежать на кровати в своей комнатке и увлеченно читать сказки про отчаянных принцев, прекрасных принцесс, страшных драконов и коварных злодеев. Мое красочное воображение переносило меня в фантастический мир, где храбрые рыца-

ри спасали меня от ужасных чудовищ, похитивших меня и держащих взаперти в высокой башне. Моя живая фантазия рисовала необъятный волшебный мир, в истории которого я играла то одну, то другую, но всегда главенствующую роль.

Рыцари убивали чудовищ, признавались мне в любви и увозили меня в свое прекрасное королевство, в котором, наряду с обычными жителями, существовали феи в струящихся разноцветных платьях, говорящие животные и птицы со сверкающими золотыми крыльями. Я выходила замуж за принца, и мы вместе правили королевством в бесконечной любви и согласии.

Я отправлялась в сказочное путешествие в поисках спрятанного сотни лет назад клада, который мог спасти мой мир, и всегда возвращалась домой с победой.

Я бороздила моря, поднималась на высокие вершины гор, верхушки которых утопали в облаках, пробиралась в опасных чащах джунглей, благоухающих крупными тропическими цветами, и, конечно, переживала волнующую историю любви, достойную быть записанной в легенды.

Родители добродушно посмеивались надо мной, называли «Наше маленькое Величество» и шутливо приседали в реверансах. Они души во мне не чаяли и часто подыгрывали моим фантазиям, чтоб развлечь меня. Когда мне было восемь, брат Джордж на скопленные деньги подарил мне очаровательное золотистое платье из тонкого батиста с пышной юбкой и туфельки на небольшом каблучке, с россыпью малень-

ких кристаллов по кромке. Я была в абсолютном восторге – теперь я была настоящей принцессой! Я расхаживала в этих обновках днями напролет, гордо подняв голову и намеренно громко цокая каблучками по полу. Маме стоило огромных усилий заставить меня снять все это даже во время сна.

Однажды, когда мне было двенадцать, я упросила родителей взять меня с собой в кино. Могла ли я знать, что этот день ознаменуется для меня началом новой эпохи? В тот раз в прокате был фильм «Завтрак у Тиффани». С первых же секунд я была совершенно очарована Одри Хепберн, которая поразила меня своей утонченностью, элегантностью и искусством непринужденно кокетничать. Для меня, с моей еще детской любовью ко всему пышному, яркому и блестящему, это стало совсем новым взглядом на красоту и искусство. Весь сеанс я просидела с открытым ртом, подавшись вперед и расширенными глазами разглядывая изысканные длинные платья, напоминающие о «прекрасной эпохе», искусно уложенные волосы и сверкающие украшения на обнаженных шеях и запястьях.

Почти не дыша и стараясь запечатлеть в памяти каждую секунду происходящего на экране, я следила за историей любви эксцентричной Холли Голайтли и казавшегося мне таким романтичным и загадочным писателя Пола Варжака. Тогда мое наивное детское восприятие было возмущено корыстными плотскими связями главных героев с казавшимися мне старыми и омерзительными леди и джентльменами.

Но благодаря этому тем интимнее стала для меня история их отношений и тем ярче засверкало торжество настоящей любви, с малых лет восторгавшей меня. В тот день мое недавнее романтическое виденье простой и неподдельной любви с первого взгляда пошатнулось, чтоб позволить воздвигнуться новому идеалу – любви сложной, волнительной, прошедшей сквозь ссоры и препятствия, временами причиняющей боль, но от того не менее пылкой и гарантирующей счастливый конец.

С того времени я начала копить все выдаваемые мне родителями и подаренные родственниками деньги, и при любой выдавшейся возможности бежала в кинотеатр. Я удобно устраивалась в самом первом ряду с полным стаканчиком сладкого карамельного попкорна и с увлечением смотрела все новые и новые экранизации. После я по много раз пересматривала на ноутбуке любимые сцены, однако только кинотеатр давал мне ощущение реалистичности и зрелищности происходящего. Я восхищалась блистательными главными героинями, их красотой, обаянием и успехом. Я закрывала глаза и представляла себя на их месте, волшебным образом переносясь в самую гущу событий своих любимых фильмов.

Но постепенно это чувство обретало новую форму – во мне все больше и больше возникало желание оказаться по другую сторону экрана. Мне хотелось иметь такую же идеальную прическу, носить красивые дорогие вещи, а в конце

фильма изображать культовый донельзя романтический поцелуй на фоне заката. Собственная жизнь начала казаться мне скучной и однообразной. Именно поэтому меня начала так привлекать мысль о том, чтоб стать актрисой. Тогда я могла бы менять роли, как перчатки, перевоплощаться в кого угодно, проживать тысячи жизней, примерять на себя множество образов. Я могла быть и наивной деревенской девушкой, соблазненной самоуверенным красавцем-сердцеедом, и роковой светской львицей, которая одним взмахом руки перекраивает мир по своему усмотрению, и бродячей артисткой, проводящей свою жизнь в странствиях по миру и необыкновенных приключениях. И все это происходило бы со мной, Летицией Дэвис!

Вскоре я начала копировать внешность и манеры любимых актрис, пытаясь представить себя на их месте. Когда мне было тринадцать, я посмотрела фильм «Джентльмены предпочитают блондинок», после чего образ английской элегантности Одри Хепберн был на время свергнут в моей голове яркой и соблазнительной Мерлин Монро. Я тут же вообразила себя роковой женщиной, одним взглядом покоряющей любого мужчину, заставляющей исполнять все свои прихоти и осыпать подарками. Мне очень хотелось быть похожей на Мерлин, поэтому я ужасно злилась, что мои длинные русые волосы были не такого платинового оттенка, как у нее. В итоге я, не сказав ни слова родителям, после школы побежала в парикмахерскую и попросила обесцветить себе воло-

сы на несколько тонов. Такими, как у Мерлин, они, конечно, не стали, но я все равно была удовлетворена. А вот мама пришла в ужас от того, что я так испортила свой красивый натуральный цвет. Папа же заметил это только после того, как мама прямо и недвусмысленно практически ткнула его носом в мои волосы, однако меня все равно лишили карманных денег на месяц и забрали телефон. Но это не могла омрачить моего довольства собой, и я ходила, гордая и счастливая, в своем воображении приблизившаяся к своему сияющему идеалу. Завистливые взгляды не отличающихся той же смелостью подруг в школе послужили мне дополнительной наградой.

Так я и росла, возвращенная романами и фильмами, и позволяя им, словно мудрым наставникам, формировать свой характер. Я смотрела на мир сквозь красочную призму, изображавшую будущее пространством безграничных возможностей, завлекающе улыбающихся мне и ожидающих только, пока я протяну руку и воспользовалась ими. В моей спокойной и размеренной жизни не происходило ничего такого, что поколебало бы такое окрыляющее мировоззрение: родители в меру баловали меня, но никогда не перегибали палку, так что я избежала участи изнеженного ребенка, который от пресыщения перестает получать удовольствие от чего бы то ни было. Старший брат, несмотря на чопорный и немного напыщенный деловой вид, тоже любил свою маленькую сестренку и, когда уже начал прокладывать путь к

званию успешного адвоката, при каждом приезде домой привозил мне подарки и водил меня в парк аттракционов или кафе-мороженое. А нечастые ссоры никогда не длились долго и быстро забывались.

Учеба в школе давалась мне легко, а потому, как и все, что хорошо нам удается, нравилась мне и вызывала гордость за себя и уверенность в будущем. Никто не сомневался, что с моими достижениями мне не составит труда поступить в престижный колледж и, как и Джордж, построить перспективную карьеру. Родители не переставали уверять меня в том, что с моими данными меня ждет не меньший успех, чем моего брата. И я охотно верила им словам, рисуя картины своего многообещающего будущего. Правда, по поводу карьеры мои планы значительно отличались от их, но им не стоило знать об этом раньше, чем это стало бы неизбежно.

В общем, до самого окончания школы я пребывала в полной гармонии с собой и моим уютным маленьким мирком, не дававшим мне никаких поводов для низвержения затаенных надежд об ожидающем меня успехе, которые я лелеяла глубоко внутри себя и никому не озвучивала. А так как я не успела пережить никаких событий, которые могли бы заставить меня испытать слишком бурные эмоции, я не успела разочароваться в несоответствии между своими представлениями и реальностью, сохранив все романтизированные убеждения. Мне ужасно наскучила эта пресная жизнь в небольшом городе, и я жаждала перемен всем своим суще-

ством. Я свято верила в то, что только переезд в большой город и поступление в колледж отделяют меня от потрясающих изменений и вихря захватывающих событий. Так что я начала отсчитывать дни, живя ожиданием этого момента и вынашивая в сердце сладкие мечты.

***

Джордж месяцами пропадал в Нью-Йорке, так как его должность требовала постоянного его присутствия и полной сосредоточенности на работе. Как я уже упоминала, карьера была для него чем-то вроде мании, занимающей главенствующее место в распределении жизненных приоритетов. И если для кого-то работа была само собой разумеющейся деятельностью для получения дохода и с которой приходилось поневоле мириться, то для Джорджа это был источник неизмеримого удовольствия и самоутверждения. Каждому новому делу он радовался, словно рождественскому подарку, причем, чем сложнее и обреченнее был случай клиента, тем лучше. С лихорадочным блеском в глазах он с головой погружался в ворох докладов, описаний, обвинений, личных досье и показаний свидетелей. Все его физические силы и интеллектуальные ресурсы полностью концентрировались на благополучном разрешении дела, и ничего более до этого момента его не занимало. Эта концентрация порой доходила до такой степени, что он спал по четыре часа в сутки и практически не ел. Если кому-то приходило в голову

посочувствовать тому удручающему состоянию, до которого его доводит работа, он с громким возмущением заявлял, что ничто не может заставить его испытать большее удовольствие, чем видеть радость освобожденного клиента. Я лично всегда считала, что гораздо больше ему нравится снисходительно пожимать руки коллегам и выходить из зала суда с высоко поднятой головой и полуулыбкой победителя. Каждое выигранное дело заставляло его все больше утверждаться в своей значимости и добавляло веса в собственных глазах. Но это было сугубо мое мнение. Родители же при встречах со знакомыми, естественно, не могли не упомянуть с сияющими гордостью улыбками об очередном достижении сына, немного омраченными сожалением, что ради работы ему приходится жертвовать здоровьем, семьей и личной жизнью.

Поэтому не было ничего необычного в том, что каждый из редких приездов Джорджа превращался для нашей семьи в мероприятие колоссальных масштабов. Мы за неделю начинали приводить в порядок весь дом, чтоб любимому Джорджу не так сильно бросалась в глаза разница с Нью Йорком, которая свидетельствовала явно не в нашу пользу. Папа отправлялся в погреб и доставал темные бутылки с крепким сладковатым вином, припасенным для «особых» случаев. Мама, захватив меня с собой, панически сносила полки продуктовых магазинов, заполняя тележку итальянской пастой, бальзамическим соусом, белыми шампиньонами, орга-

нической индейкой, различными сортами сыра разной степени жирности, миндальным молоком, безлактозным творогом, коробками с шоколадными макаронами и еще множеством всего. Когда количество покупок начинало угрожающе перевешивать через край корзины, она, ничуть не растерявшись, посылала меня еще за одной.

На целые сутки наш дом превращался в подобие бэкстейджа съемок кулинарного шоу. Под несмолкаемый аккомпанемент маминых громких команд и папиных недовольных бормотаний резались фрукты, тушились овощи, отваривались кальмары, запекалось мясо с картофелем и помещивалось тесто. И только когда разложенный по такому случаю полированный стол был накрыт праздничной скатертью с ажурными концами и заставлен тарелками с салатами, жареными грибами, канapé, индейкой с яблоками, нарезками из бекона и сыра и различными видами гарнира и соусов, в вазочки насыпаны конфеты, кокосовые пирожные и миндальное печенье, а на кухне дожидался мамин фирменный тыквенный тарт, все немного выдохали.

Появление Джорджа было, как и всегда, полностью в его репертуаре. То есть он буквально ввалился внутрь с клубами зимнего воздуха, с тем самым легко узнаваемым маниакальным рабочим блеском в глазах, одной рукой прижимая телефон к уху, а другой лихорадочно жестикулируя нам, чтоб мы подали ему бумагу и ручку.

– Да-да, Скотт, я... сейчас, буквально одну секунду... да,

записываю. Будь любезен, повтори предпоследнюю цифру. Спасибо. Да, разумеется, я берусь за это. У меня был подобный случай предыдущей весной. Ты, конечно, помнишь... Да, пришлось немного попотеть, но все что... Ну что-ты, не стоит. Во многом это была и твоя заслуга. Да, все это совершенно прискорбно... как же, нужно было постараться... Разумеется, клиент есть клиент. Да, конечно, совершенно согласен: никогда не спрашивать, совершал он это или нет. С юридической точки зрения нас это никаким образом не интересует. Ах да, благотворительный прием у Монтгомери в понедельник. Разумеется, я там буду... хотя все это совершенно некстати. У меня расписан каждый час, я имею ввиду, буквально каждый, но, разумеется, приличия... Да... конечно... и передавай привет Энни... Ох, я прошу прощения, неотложные дела.

В то время, пока длился этот содержательный разговор, я внимательно разглядывала старшего брата. Я не видела Джорджа уже полгода, поэтому изменения в его внешности особенно бросались в глаза. Конечно, он всегда был долговязым и худощавым, однако сейчас его элегантный костюм (никто, кроме Джорджа, не додумался бы приехать на домашние посиделки в костюме) прямо-таки повис на нем, как на вешалке, а под глазами пролегли глубокие тени. Впрочем, все это характерно свидетельствовало о том, насколько успешно продвигалась его карьера. Несмотря на явные признаки физической истощенности, выглядел он довольно бодро. Его

голубовато-серые, как и у меня, глаза, возбужденно сверкали, как и всегда, когда его ожидало интересное дело. Немного выющиеся, золотисто-рыжеватые волосы Джорджа были тщательно приглажены, да и вообще, он явно старался выглядеть образцово и респектабельно. Судя по всему, производить впечатление уже твердо вошло у него в привычку

Закончив разговор, мой щеголеватый братец наконец снизошел до того, чтоб крепко пожать руку отцу и поцеловать маму. Правда, уже в следующую секунду он буквально утонул в объятиях крепко обхватившей его обеими руками мамы, которая никак не хотела его отпускать, украдкой смахивая слезинку. Нужно сказать, это неплохо сбило с него спесь, так что, когда она наконец отстранилась, вид у него был немного сконфузившийся.

– Ну привет, Большой брат, – улыбаясь, сказала я. – Или ты теперь слишком деловой, чтоб так тебя называть?

– Привет, Летти, ты хорошеешь с каждым днем, – чопорно сказал Джордж и поцеловал меня в щеку.

Я лишь закатила глаза и крепко обняла его, взлохматив его гладко причесанную шевелюру. Я отлично знала своего брата и понимала его повадки. Он настолько вживался в столь льстивший ему облик уважаемого адвоката, что выйти из него даже в кругу семьи было довольно сложно. Скорее всего, это и было причиной, по которой Джордж так редко появлялся дома. Здесь его с таким трудом выстроенный образ начинал покрываться трещинами. Перед его глазами

вставал тот долговязый, немного неуклюжий и не слишком уверенный в себе мальчик, которым он был раньше и которым в глубине души продолжал быть и сейчас, задекорировав его напускной напыщенностью и лоском. Это вызывало во мне смесь ласкового умиления с небольшим оттенком жалости. Родители же считали, что Джордж добился всего, чего только может пожелать современный деловой человек.

– Скорее же, давай мне пальто и идем к столу, милый, – суетилась мама. – Уверена, ты ужасно замерз и проголодался.

– Для такого случая я открыл коньяк четырехлетней выдержки, – шепотом сказал папа, когда мама энергично бежала на кухню, чтоб вытащить из духовки запеченный лосось с дольками лимона и французской горчицей. – Только, ради Бога, не говори маме. Она собиралась подарить его Полли на Рождество.

Все направились в чисто прибранную небольшую гостиную, из которой струились аппетитные запахи. Маму с огромным трудом удалось заставить усесться за стол, потому что она все норовила наложить Джорджу самые аппетитные кусочки, сокрушаясь, как он исхудал. Я понимала, что брату нужно было дать немного времени, чтоб заставить его на время расстаться со своими помпезными замашками. Слава Богу, скоро он уже разговаривал почти что как нормальный человек. Конечно, время от времени у него по привычке проскальзывал его адвокатский жаргон и надменно-гор-

деливый тон дворянина, доступным языком разъясняющего недалекой челяди значение непонятных терминов. Мне пришлось несколько раз очень выразительно закатить глаза, прежде чем он немного сконфузился и начал выражаться белее-менее по-человечески. Со всем остальным пришлось смириться.

– О, у меня намечается чрезвычайно интересное дело, – оживленно рассказывал он, – накручивая пасту с соусом карбонара на вилку, – я как раз обсуждал его, когда входил... Подозрение в коррупции... обвиняют в регулярном принятии взяток. Что, строго говоря, так и есть... Но меня это вообще-то не должно касаться...

И следующие пол часа под разглагольствования Джорджа я уныло ковыряла стейк и салат из киноа, помидоров черри и поджаренных кусочков тофу. Родители слушали с огромным интересом и попеременно засыпали его вопросами. Я же уже через несколько минут перестала слушать брата и стала нетерпеливо ожидать десерт, погружившись в свои мысли.

Несмотря на то, что слова Джорджа пролетали по большей части мимо меня, все же они вызвали довольно неприятное чувство, которое я старалась всячески гнать от себя. В следующем году я должна была поступать в колледж, так что я не могла не задумываться о своем будущем. Однако родительское восхищение Джорджем смущало мои собственные тайные планы и мечты, которые уж точно не одобряет мама с папой. Все так гордятся братом и ожидают, что и я добьюсь не

меньших успехов, ведь я такая умница. Но, если разобраться, какую жизнь вел Джордж? Он лишь изо дня в день просиживал в своем душном офисе и рылся в кипах бумажек, в которых в разных интерпретациях было изложено одно и то же. Но если успех и всеобщее признание предполагает такую заурядную, до тошноты продуманную и лишенную ярких впечатлений жизнь, то разве они того стоят? Неужели родители и для меня хотят того же самого?

Поступление в колледж и отъезд из домашнего гнезда представлялся мне не просто волнительным переходом во взрослую жизнь. Нет, это чувство испытывали практически все. Но для меня, грезящей о жизни в большом городе, новых знакомствах и потрясающих возможностях, это было путем к открытию настоящей меня. Я никому, и в первую очередь самой себе, не признавала, насколько угнетало меня отсутствие ярких событий и приключений. Мне, познающей мир через страницы романов и экраны кинотеатров, болезненно хотелось испытать хотя бы часть того, что испытывали главные герои. Порой мне казалось, что я нахожусь как-бы в состоянии полудрема, и лишь сильные эмоции могут вытащить меня из него и пробудить из забвения настоящую Летицию.

Однако моя жизнь протекала ровно и гладко, без встрясок и колебаний. Даже в школе никогда не происходило ничего драматического, стоящего упоминания. У меня вполне хватало друзей, но я никогда не выделялась среди них. Никто не распускали обо мне сплетни за спиной и не строил ин-

триги. Внимание парней не было ни столь сильным, чтоб вызвать во мне ответное чувство, ни столь слабым, чтоб я страдала и чувствовала себя несчастной. Словом, ничего такого, что обычно показывают в популярных подростковых сериалах. Все было благополучно и... до ужаса скучно. Вот почему отъезд в колледж должен был в корне изменить всю мою жизнь и позволить мне наконец дышать полной грудью. Однако занудные подробности повседневности моего успешного брата, на которого мне следовало ровняться, впервые пошатнули мою надежду в это.

– Летиция, ты вообще меня слышишь? – как будто изда- лека донесся до меня нетерпеливый голос Джорджа.

– Что? Прости, что ты сказал? – от неожиданности моя вилка промазала мимо изумрудной оливки и с противным скрипом проскользнула по тарелке.

– Ты слишком много летаешь в облаках, милая, – укориз- ненно сказала мама. – Джордж заметил, что твое поступле- ние уже не за горами, и нам следует тщательно продумать, в какой колледж ты будешь поступать и какие предметы изу- чать. Мы все очень хотим, что ты, как и Джордж, уехала в Нью Йорк, а нью-йоркские высшие учебные заведения край- не требовательны. Так что ты обязательно должна исполь- зовать не только свои академические достижения, но и вне- школьную активность.

– Эээ, – замялась я. Удивительным образом родители ре- шили заговорить именно о том, что сейчас крутилось у ме-

ня в голове. А я все надеялась подольше откладывать этот неприятный разговор... Но когда-нибудь он все равно должен будет состояться, так чем же этот момент хуже всех остальных?

– Кхм. Да, конечно, – я колебалась, не зная, с какой бы стороны лучше подступиться. – Мы с мамой и папой твердо решили, что я тоже буду пробовать поступать в Нью Йорк. Но мы так и не определились с профессией, с которой я свяжу свою жизнь... Эээ... Ну, мама думает, что я могла бы стать отличным журналистом, а я задумывалась над тем, чтоб работать на телевидении и...

– На телевидении, – повторил Джордж таким недоуменным тоном, которым мог бы сказать: «Так, значит, ты собираешься доить коз при монастыре в Месопотамии».

Я обреченно вздохнула. Если даже за этим последовала такая реакция, то что же он скажет на следующее... Я собрала в кулак всю свою волю.

– Но все-таки я пришла к выводу, что телевидению не для меня... Мне уже давно нравится кое-что другое. Я, конечно, еще раздумываю и хотела посоветоваться с вами... В общем, – я набрала полную грудь воздуха, – что вы думаете на счет того, чтоб я училась актерскому мастерству?

Реакция последовала незамедлительно и, судя по всему, не сулящая мне ничего хорошего. Папа поперхнулся соком, Джордж уставился на меня так, словно у меня выросли рога, а мама выглядела совершенно растерянной. Я видела, как

папа уже открывает рот, явно намереваясь сказать что-то категоричное, махом перечёркивающее все надежды, которые я вынашивала в себе многие годы.

– Я знаю, что это немного неожиданно, – решила опередить его я, сразу переходя в наступление, – но, серьезно, почему бы и нет? Во время школьных спектаклей меня всегда хвалили за артистичность и выразительность, а мистер Бинс, который в прошлом году организовывал «Сон в летнюю ночь», был так восторжен тем, как я справилась с ролью Гермии, что заявил, что я рождена быть актрисой, что я очень естественна и...

– Боже мой, Летти, – добродушно сказал папа, довольно быстро овладев собой и, очевидно, решив не воспринимать мои слова всерьез, – это ведь только школьные постановки, а ты говоришь о нескольких потраченных годах образования, самых важных годах твоей жизни, которые, кстати, впоследствии совершенно не гарантируют тебе никаких успехов в кино.

– Я уже молчу о том, что все это абсолютно несерьезные, детские глупости, совершенно оторванные от реальности. Я думал, ты уже давно повзрослела, Летиция, и стала ответственно относиться к своему будущему. А ты думаешь не понятно, о чем. Или что, ты мечтаешь, чтоб у тебя просили автографы и преследовали папарацци? – иронически вставил Джордж, намеренно растягивая последнее слово.

Я вспыхнула. Наконец-то я решилась открыть родным

свою заветную мечту, а ее всего несколькими фразами смешали с грязью, даже не отдавая себе отчета в том, что это значило для меня. Я прекрасно видела, что никто из моей семьи даже не принял мои слова всерьез. Они смотрели на меня так снисходительно, как на малыша, который сообщает о намерении улететь в путешествие по Солнечной галактике.

В то время как эти мои мечты зрели, воодушевляли и подпитывали меня на протяжении многих лет, с того самого первого просмотра «Завтрака у Тиффани». Читка сценариев, разучивание ролей, репетиции, вспышки камер, гри-мерки с заваленными косметикой столиками и съемки в разных уголках мира – все это заставляло мою кровь быстрее устремляться по жилам, а сердце отзываться ускоренным биением. Мне казалось, что я рождена лишь для этого, и никем более не могла бы быть. И дело было совсем не в желании быть преследуемой папарацци, как остроумно выразился Джордж, хотя мысль эта и доставляла мне затаенное удовольствие.

Нет, все это значило для меня гораздо больше. Съемки в кино предоставили бы мне возможность вырваться из оболочки Летицией Дэвис, обычной, ничем не примечательной девушки из маленького городка штата Нью Джерси. Я могла бы стать одновременно сотней разных людей, пережить все их эмоции, посмотреть на мир их глазами, рассуждать их мыслями, чего никогда не смогла бы сделать Летиция. Да, стать актрисой и играть в кино было для меня более,

чем мечтой, – это было моей единственной возможностью жить жизнью, которая вообще стоит того, чтоб ей называться. Все остальные вероятности казались мне ничтожными и бессмысленными, не стоящими даже того, чтоб мимолетно задуматься о них.

Все эти размышления были обрывочными и хаотичными. Они долгое время крутились у меня в голове, но никак не формировались в определенные выводы. Эти мечты казались мне настолько прекрасными и недостижимыми, что я даже боялась осквернить их тем, чтоб облекать в слова. Я сама с трудом могла объяснить свои чувства, но мне казалось, что, как только они начнут воплощаться в реальность, то разом лишаться доли своего очарования. Наверное, я боялась, что, как только мечта перестанет быть мечтой, а перерастет в план действий, я могу претерпеть разочарование: вдруг то, что казалось мне смыслом жизни, все-таки лишь плод моего разыгравшегося воображения?

И вот, реакция моих родных только укрепила эти опасения. Стоило мне постараться сделать робкий, неуверенный шаг, чтоб приблизиться к своей мечте, как ее тут же разнесли в пух и прах. Но, хуже того, меня и саму заставили усомниться в ней. Поэтому, пока ядовитый червячок сомнения еще не успел закрасться ко мне в душу, я моментально перешла в упорное наступление.

– Честно говоря, мне совершенно непонятно, почему в стране, где каждый третий находит себя в творческой сфе-

ре, вас так удивляет мое желание. Кроме того, многие актеры начинали свой путь с того, что играли в школьных постановках и театрах. А если вам кажется, что эта профессия несерьезна, то вы вообще представляете себе, какие гонорары платят знаменитым актрисам. . .

– Так то-то и оно, что знаменитым, – папа совсем не разочлился, а, скорее, забавлялся, что выводило меня из себя еще больше. – Летти, ты знаешь, сколько в одном только Нью Йорке таких юных девушек, как ты, грезящих о славе и признании? Тысячи. Ты никогда не думала, где же все они?

– Знаешь, папочка, это очень миленько, как ты заранее равняешь меня с миллионами тех, кто так и остался в безызвестности и вечном поиске хоть какого-то заработка, – взорвалась я, со звоном бросив вилку на стол. – То есть ты даже не допускаешь мысли о том, что меня может ждать успех! Но ведь ты же сам всегда говорил, какая я перспективная и талантливая. Что, как только я решила сделать то, что ты не одобряешь, все сразу изменилось, а?! И, к слову сказать, я НЕ мечтаю о славе и признании!

– Но, милая, – вмешалась мама, с женской чуткостью угадывая, что дело принимает для меня болезненный и уязвляющий самолюбие оборот, – папа лишь хотел сказать, что у тебя слишком возвышенные и романтизированные ожидания по поводу этой профессии. Разумеется, ты смотришь на Энн Хэтуэй и Николь Кидман в знаменитых кинокартинах, которые будут вписаны в историю шедевров мира, восхища-

ешься ими и хочешь проживать такую же жизнь. И это совершенно естественный порыв для каждой способной и хорошенькой девушки, как ты, – тут маме пришлось немного возвысить голос, потому что и папа, и Джордж явно собирались вставить свои реплики. – И все дело вовсе не в том, что мы сомневаемся в твоих талантах, или целеустремленности, или красоте. Однако, ты и сама должна понимать, что подавляющее большинство актрис не блещут в главных ролях, а часто играют тех героев, которые им совершенно не нравятся, лишь бы заработать денег. И они могут жить так много лет подряд, ожидая, пока они наконец вытянут свою золотую карту. А если ты поймешь, что все это не для тебя, а за плечами у тебя будет только актерское образование, что тогда ты будешь делать? Ведь будет уже поздно – многие дороги окажутся для тебя закрыты. Пойми, детка, ты смотришь на мир сквозь розовые очки, а мы смотрим с точки зрения некоторого жизненного опыта.

Я не нашлась, что возражать дальше, да и, честно говоря, у меня совершенно пропало желание. Ведь мамины слова не только отдавали горькой правдой, но и продублировали мой собственный внутренний голосок, от которого я старательно отмахивалась. Действительно, что, если все мои мечты – не более, чем самообман? Что, если, сделав это единственной целью своей жизни и поставив на кон все, я потерплю поражение? Или все окажется совсем не так, как я себе представляла? Что в таком случае послужит для меня путе-

водной звездой, ради которой я буду жить дальше? Может быть, мама права, и мне действительно нужно иметь под ногами достаточно надежный трамплин, от которого было бы не страшно оттолкнуться...

Вечер продолжился, как ни в чем не бывало. Очевидно, что этот инцидент только для меня сыграл важное значение. Мама принесла источающий потрясающий аромат корицы тыквенный тарт, который был любимым десертом в нашей семье. Даже Джордж оставил свою обычную степенность и жадно набросился на свой кусок, одобрительно причмокивая губами. Атмосфера за столом постепенно разрядилась, и даже я значительно повеселела, соскребая с хрустящей золотистой корочки воздушную тыквенную начинку.

Если быть откровенной, то я испытывала облегчение. Наверное, в глубине души я все-таки опасалась, что родители воодушевились бы и поддержали меня в моем начинании. Главное препятствие было бы устранено, и мы перешли бы к активным действиям по поиску наиболее перспективных учебных заведений актерского мастерства. И тогда у меня уже не оставалось бы выбора, кроме как двигаться вперед. Конечно, в своих мечтах я видела себя уже достигшей успеха и признания, но я совершенно упускала ту часть, которая ей предшествовала. Эта часть очень пугала меня, а сомнения, вызванные словами мамы, не давали покоя. Теперь же, когда родители проявили такую категоричность, я могла со спокойной совестью немного отложить воплощение своих

планов, пока не встану твердо на ноги и не смогу руководствоваться только собственными решениями.

И все же я не могла справиться с внутренним смятением. Мне все казалось, что я предаю свои мечты, предаю сама себя. Однако и тут маме удалось успокоить меня, отыскав альтернативу. В конце концов, сказала она, пробы на съемки проходят постоянно в любом большом городе, хватало бы желаний и упорства, а уж этого мне не занимать. К тому же, режиссеры часто ищут новые лица, еще не знакомые широкому кругу зрителей. Многим интересны именно непрофессионалы, так как они играют более естественно, не испорченные многочисленной проработкой одних и тех же эмоций, отдающих механичностью. Я же могу принимать участие в кастингах и одновременно получать образование в более устойчивой и дающей гарантии сфере на случай, если мое желание стать актрисой все-таки изменится. Поразмыслив, я не могла не согласиться с разумностью этой мысли, и, таким образом, благополучно достигла компромисса с семьей и с самой собой.

В следующем году я успешно сдала все экзамены, результаты которых открыли мне двери в один из лучших колледжей Нью Йорка. Я собиралась изучать журналистику и связи с общественностью. И пусть я не горела этой профессией, но все же она казалась мне в достаточной степени интересной, авантюрной и романтической, чтоб мои мечты о карьере актрисы на время отступили на дальний план. Ожидание

разительных перемен захватило меня, и я восторженно чувствовала, что стою на пороге новой жизни, в которой возможно абсолютно все.

Летом мы начали активно упаковывать мои вещи и готовиться к моему отбытию в Нью Йорк.

Глава 3

Погрузившись в свои мысли, я машинально отхлебнула из чашки и тут же поставила ее на место – чай был холодный и безвкусный. Я забыла добавить туда ложечку меда – я уже много лет не ела сахар. Майло у моих ног настороженно помахивал хвостом и с любопытством поглядывал на меня доверчивыми блестящими глазками. Видимо, почувствовав мое настроение, он необычайно притих.

Воспоминания о тех далеких днях спутанным ворохом пронеслись в моей голове, оставляя неприятный привкус горечи. Я все пыталась вспомнить свои мысли и чувства в то время, но никак не могла. Все это происходило с другой Летицией, наивной и глупой маленькой девочкой, которая росла, словно цветок в оранжерее, питаясь своими фантазиями, как живительными лучами солнца. Тогда мне казалось, что я могу покорить весь мир, но я не знала даже малой его части.

Вдруг злая улыбка произвольно искривила мои губы. Отрывки наших разговоров с родителями вновь болезненно вспыхнули в памяти. Во мне желчной волной поднялось чувство отвращения к самой себе. Как же легко я переложила ответственность за собственную трусость на своих родителей! Как просто позволила сыграть на своей неуверенности, как непринужденно мне удалось убедить себя обменять мечты на здравый смысл. С какой чистой совестью оправдала я

себя тем, что я не отступаю перед страхом поражения и возможным разочарованием, о нет! Я лишь нахожу компромисс между своими желаниями и единственным выходом, который устроил бы всех и не вызвал бы никаких сложностей, усилий и ссор с родителями, от которых зависело мое будущее. С каким рвением я выискивала в этом своем решении все больше и больше преимуществ, обманывая всех вокруг и саму себя. Но правда, которую я даже тогда понимала и старательно игнорировала, сейчас предстала передо мной, беспощадно и неумолимо.

А правда эта была в том, что я выбрала жить с мечтой о мечте, потому что боялась падения, боялась потерять поддержку и остаться одна, взять ответственность на себя, и на себя же и рассчитывать. Я боялась столкнуться с препятствиями, одолеть которые было бы мне не по силам. Сама вероятность того, чтоб нести на себе все бремя своих решений, не имея никаких путей к отступлению, приводила меня в ужас. Я поняла, что сама же загнала себя в тупик тем, что видела единственно возможное счастье лишь в некоем образе в своем воображении, одновременно пугаясь в его размытости и неопределенности. Вот только далось мне это понимание намного жестче и болезненнее, чем я могла себе представить.

Пора было кончать с этим.

– Знаешь, что, Майло, – решительно сказала я, вставая и собирая свои длинные волосы в пучок, – что-то мы с тобой совсем раскисли. А мы ведь не собираемся поддавать-

ся осенней хандре, правильно? Это уже давно и безнадежно вышло из моды.

Одним из главных своих преимуществ я всегда считала то, что не позволяла себе долго предаваться грустным мыслям, хоть у вас наверняка и сложилось обратное впечатление. Всякая трагичность была несвойственна моей природе, поэтому я и боялась так сильно испытать боль и разочарование, неосознанно стараясь уберечь себя от них, как могла. Как только меня начинал затягивать поток печали и уныния, все во мне мгновенно восставало против этих ощущений, и я тут же с яростью начинала буквально силой изгонять их из своей головы. Я всегда до паники страшилась, что, если слишком погрязну в этом водовороте, то мне уже не останется сил вынырнуть обратно, поэтому я решительно срубала их на корню. По этой причине я и взялась с таким рвением за немедленное уничтожение ядовитых воспоминаний, отравляющих меня.

– Думаю, Майло, нам давно уже не помешало бы немного привести дом в надлежащий вид. Порядок в вещах – порядок в мыслях, – бодро сказала я.

Ободренный моим повеселевшим голосом, Майло тут же резво подскочил, опрокинув при этом табуретку, чем выразил свое полное одобрение тому, что уборка действительно не мешает.

Тут стоит упомянуть, что я никогда особо не отличалась ни аккуратностью, ни педантичностью в плане порядка, а в

последнее время и вовсе перестала следить за ним. Так что мои вещи валялись по всему дому в самых неожиданных местах, как им вздумается. Оценив весь масштаб происходящего, мой задор немного погас, но все же я решительно взялась за дело.

Мои книги, ежедневники, альбомы, записные книги, пищевые дневники, блокноты для рецептов, списков и идей, разноцветные листочки-напоминания и планеры выглядывали буквально отовсюду. Они лежали на подоконниках, валялись на журнальных столиках, сиротливо ютились в уголках диванов и кресел, торчали из-под горшков и вазочек с цветами и скромно выглядывали между подушками. Дело в том, что я практически постоянно что-то читала, записывала или просматривала, благополучно оставляя вещи на том же месте. А затем я сбивалась с ног, пытаясь по всему дому отыскать нужную записную книгу, но, потерпев поражение, лишь махала рукой и брала другую. Можете себе представить, какой невообразимый хаос царил в моих записях.

Неисчислимое количество времени у меня ушло только на то, чтоб собрать все вышеперечисленное со всех обозримых поверхностей. Войдя в раж, я даже разложила книги по полкам практически в алфавитном порядке (моего терпения хватило примерно до буквы «з»), а блокноты и записные книжки в аккуратные стопки. Приободренная тем, что по крайней мере несколько дней мне не придется обегать половину дома в поисках нужной заметки, я с энтузиазмом на-

правилась в свою комнату. Майло не отставал от меня ни на шаг, путаясь под ногами и заставляя меня то и дело спотыкаться и ругаться сквозь зубы.

Я занимала гостевую комнату, так как она единственная не хранила на себе отпечаток предыдущих обладателей. Ее стены были выкрашены в мягкий бежевый цвет, а не обиты вызывающими рябь в глазах старомодными кирпично-красными обоями, как спальня дяди и тети. Что касается чистоты, то здесь все было далеко не так плачевно, как в остальном доме. Моя комната была для меня очень сокровенным местом, поэтому содержалась практически в образцовом порядке. Я со всех сторон окружила себя любимыми вещами, доставляющими удовольствие, ведь только так я могла чувствовать себя здесь хотя бы отчасти в своей тарелке. Так что, лишь бегло исследовав содержимое моей спальни, можно было составить вполне исчерпывающее представление о ее хозяйке.

Занимавшее пол стены витражное окно выходило на заднюю часть дома. Обзорение частично закрывали густо широко разросшиеся ветви ясеня с серебристыми остроконечными листьями. На широком подоконнике лежала записная книжка в кожаной обложке горчичного цвета. Горшочки с цветами я переставила оттуда в первый же день, понимая, что со мной они долго не проживут, оставив после себя лишь рассыпанные по полу сморщенные листья. Пол комнаты я застелила мягким ворсистым ковром: холод линолеума застав-

для меня чувствовать себя уютно.

Большую часть комнаты занимала огромная кровать, расположившаяся прямо под окном. Она была застелена пушистым белым пледом и забросана декоративными подушками пыльно-розового цвета. В углу кровати была аккуратно сложена моя любимая ночная рубашка на тонких бретелях из сиреневого атласа. Сбоку стояла небольшая тумбочка из светлого дерева, на которой размещался довольно старомодной абажур, при мягком оранжевом свете которого я так люблю читать перед сном. Рядом лежала перечитанные мной по множеству раз «Унесенные ветром» и как обычно спутанные наушники. Я слушала музыку практически постоянно, иногда снимая их только во время душа. Музыка помогала мне отвлечься и забыться, и часто под аккорды любимых песен я уносила в сладкие грезы.

На низком овальном столике со стеклянной поверхностью, поверх узорчатых салфеток лежало несколько старых выпусков Vogue. Раньше я заказывала каждый свежий номер, чтоб быть в курсе быстро сменяющихся модных тенденций и не упустить ни одной подробности из личной жизни звезд, которыми восхищалась. Новый выпуск журнала с манящей глянцевой обложкой был для меня окном в вожделенный мир, частью которого мне хотелось стать. Когда-то я могла обойтись без новых туфель, но свежий номер должен был оказаться у меня сразу же после выхода. Я часами пролистывала источающие приятный аромат страницы, раз-

глядывая фото актрис и моделей и представляя себя на их месте. Теперь же я абсолютно потеряла интерес к модным новинкам и пикантным новостям, и некоторое время лишь в силу привычки перелистывала старые журналы из своей коллекции. Искусственные идеальные лица словно насмеялись надо мной с белоснежных страниц, потешаясь над моими рухнувшими надеждами, так что вскоре я перестала даже заглядывать в них.

Рядом с журналами стояла стеклянная вазочка с сухофруктами и стакан с водой и сиротливо плавающей в ней долька лимона. Потянувшись за ним, я нечаянно перевернула косметичку, находившуюся здесь больше для вида, так как я не красилась уже несколько месяцев. Из ее недр выкатились засохшая тушь и моя любимая матовая помада сочного вишневого оттенка. Я сложила все на место, застегнула молнию и засунула косметичку в нижний ящик комода.

Намного сложнее дела обстояли с содержимым шкафа-купе со стеклянными дверцами, на которых были изображены цветущие нежно-розовые ветви сакуры. Он был одним из немногих предметов интерьера дяди и тети, который мне очень нравился. Дверца бесшумно отъехала в сторону, и я подавила вздох. Сколько бы я не наводила порядок, однако кожаные штаны неизменно оказывались на одной полке с вязаными свитерами, а домашние футболки лежали вперемешку с тонкими блузами и рубашками. Нижнюю часть спортивного костюма я выудила из пакета с бельем, а соскользнув-

шую юбку-колокол подобрала с туфель.

И только самая большая полка с платьями содержалась в образцовом порядке, потому что мне уже давно не куда было их надевать – а ведь раньше я часами крутилась перед зеркалом, подбирая себе подходящий фасон... Вот лежит классическое платье элегантного серого цвета со скромным воротничком, закрывающее ноги до колен; под ним роскошное черное платье в пол, державшееся лишь на тонких бретелях и обнажавшее спину; очаровательнее короткое платьице с развевающейся юбкой, в котором я чувствовала себя кокетливой и игривой, и мое любимое, благородного кораллового цвета, спускавшееся на одно плечо и обольстительно облегавшее фигуру. Меня находили в нем просто неотразимой... А из самого дальнего угла робко выглядывал краешек серебристо-голубой струящейся ткани. Это было особое платье, которое, я знала, я больше никогда в жизни не надену, но расстаться с которым было выше моих сил. Ему... оно особенно нравилось.

Но это все в прошлом. Теперь же все эти платья разноцветным ворохом пылились в шкафу, бездушные, ненужные и покинутые, служившие лишь отголосками когда-то промелькнувших событий. И зачем только я привезла их с собой? Наверно, несмотря на свое решение отречься от всего, что раньше делало меня Летицией Дэвис, мне все же было страшно разом оборвать все связи, соединяющие меня с прошлой жизнью. Так что я увезла за собой все эти несчастные

платья, будто они могли что-то изменить. Я снова разозлилась на свою слабость и резко задвинула дверцу. Она обиженно скрипнула.

От резкого движения у меня распались волосы, и я подошла к висевшему на стене небольшому овальному зеркалу без рамы. Я начала вновь собирать выбившееся пряди, как вдруг руки мои медленно опустились. Волосы растрепанной волной упали на плечи и спину. Я стояла и внимательно разглядывала себя.

В течение последних нескольких месяцев я смотрела на себя лишь мельком. Когда-то я проводила перед зеркалом часы, в подробностях рассматривая свое лицо, изучая малейшие детали и пытаюсь представить, как я выгляжу чужими глазами. Я вглядывалась в разрез глаз, неровности кожи, изгиб губ, линию бровей. Я подолгу выискивала в своем лице малейшую асимметрию и скептически хмурилась, подмечая несовершенства. Я сравнивала свои черты с чертами любимых актрис. Я представляла, как выглядели бы в реальности так восхищавшие меня героини книг, и пыталась отыскать в собственном лице сходства с ними. Я часто репетировала перед зеркалом разные эмоции и чувства, тренируясь изображать их как можно естественнее и живее и воображая, что я играю сцену в кино. Но я уже давно перестала пристально всматриваться в свое лицо, и лишь мельком, краем глаза замечала отражающийся в зеркале светловолосый силуэт.

Нет, меня поразили совсем не перемены во внешности. У

меня были все те же голубовато-серые глаза с длинными ресницами, очень светлая кожа, бледноватые губы сердечком и крохотная черная родинка сбоку от левой брови, которую многие находили очаровательной. Мне она тоже очень нравилась, придавая, как мне казалось, моему лицу таинственный вид. Я не мыла свои светлые волосы с такой регулярностью, как раньше, и сейчас они выглядели тускло и неряшливо. Да, конечно, форму бровей не мешало бы подправить, а и без того белая кожа стала совсем фарфоровой из-за того, что я редко выходила из дома. В остальном же, никаких видимых изменений не произошло. Однако меня поразило и напугало не это, а случайно выхваченное в зеркале выражение, отпечаток которого наверняка лежал на моем лице уже долгое время.

Я всегда отличалась живой мимикой, и все бушующие внутри мысли и эмоции мгновенно находили отражение в изгибе бровей, чуть дрогнувших губах или прищуренных глазах. Я старалась научиться контролировать свое лицо, чтоб по нему нельзя было читать, как по открытой книге, но все было тщетно. Сейчас же, когда я стояла перед зеркалом и внимательно рассматривала свое отражение, я поняла, что так испугало меня. Все эмоции все так же проглядывали в чертах лица, однако не находили отражения в глазах. Они походили на толщу океанских вод, поверхность которой колеблется рябью от набежавшего ветра, но глубины ее остаются нетронутыми и холодными. Во взгляде моем не читалась

никакого выражения. В сером свете осеннего дня они казались мне стеклянными, пустыми и... совершенно мертвыми. Жизненный огонь в них погас.

Я медленно отвернулась от зеркала и подошла к полированному деревянному столу со стопками рабочих бумаг, испещрённых мелкими печатными строками. Взглянув на них с некоторой долей отвращения, и устало опустилась на обитый бархатистой тканью стул с узкой высокой спинкой. Весь мой с таким трудом поддерживаемый в течение дня запал мгновенно угас, словно проткнутый раскаленной иглой воздушный шарик. Что же случилось со мной? Как вернуть внутренний свет в моих глазах, который раньше зажигали буйствовавшие там мечты, хоть и далекие, но оттого не менее прекрасные?

Чтоб отвлечься, я подняла глаза выше, на длинную полку с моими любимыми книгами, в которых я находила утешение в сложные минуты. Здесь было и потрепанное издание «Унесенных ветром», от которого я не отрывалась ни днем, ни ночью, с замиранием сердца наблюдая за ставшей моим кумиром Скарлетт О'Харой и ее бурными отношениями с так взволновавшим меня Рэттом Батлером; и «Грозовой перевал» с немного загнутыми уголками, от описанной в котором трагической истории любви по моим рукам буквально пробегала дрожь; и «Джейн Эйр», нравившаяся мне за прекрасный слог, но так и не нашедшая отголоска в моей душе – главные герои романа были совсем не красавцами, скорее

наоборот, а потому никак не могли мне нравиться. Я всегда была болезненно зависима от красоты, восхищаясь и вдохновляясь всем прекрасным.

Между «Эпохой невинности» и «Лолитой» я заметила пухлый альбом с глянцевой обложкой перламутрового цвета. Я вытащила его, осторожно скользнула пальцем по шероховатой золотистой окантовке. В центре обложки была вставлена моя детская фотография, заключенная в рамочку в форме сердечка. Под ней было отпечатано крупными буквами с изящными завитушками: «История нашей малышки Летти».

Я открыла альбом и стала осторожно переворачивать страницы, разглядывая немного поблекшие фотографии, сделанные еще на старенький папин фотоаппарат. Вот я, совсем кроха, с тонким пушком волос и казавшимися огромными на сморщенном детском личике глазами, сижу на руках у улыбающейся мамы с куклой Барби в пышном розовом платье в руках. Вот мне пять лет, и я с победоносной улыбкой восседаю на шее у папы, крепко ухватившись ему за волосы, а он изо всех сил пытается не морщиться. На следующей фотографии я, с милыми косичками и одетая в легкое золотистое платьице с рукавами фонариками, стою на школьной сцене и получаю награду за лучшее танцевальное исполнение. На меня были направлены все взгляды, и я тогда впервые познала чувство удовлетворенного тщеславия. А вот я, уже с длинными завитыми локонами и трогатель-

но заломленными руками изображаю Джульетту в школьной пьесе. Я до сих пор помню, как обрадовала меня эта роль, как я, совсем еще ребенок, пыталась передать всю трагичности этой смертоносной любви. А после окончания пьесы я тайком расплакалась за кулисами, но не от жалости к главным героям, а потому, что у меня не получалась почувствовать себя Джульеттой, и я чувствовала себя полной бездарностью.

Я перелистнула еще несколько страниц: семейные посиделки со стаканчиками попкорна и сырной пищей, лесной поход с палатками, соревнования между школами по баскетболу, катание на лыжах с Джорджем, тогда еще долговязым подростком в смешных кругленьких очках и с взъерошенными волосами... А вот и мой выпускной вечер. О, я никогда не забуду этот день! Я стою в очаровательном лилово-голубом переливчатом платье, которое так шло к моим глазам. Волосы, которые я начала отращивать задолго до выпускного, слегка подобраны сверху и мягкими локонами падают на оголенные плечи. Я выглядела в этом наряде эфемерной, донельзя романтичной и ... немного потерянной. Я никогда еще не казалась себе такой красивой, как в тот день. До того я постоянно сравнивала себя с другими, теми, кто был для меня воплощением идеала. Но в тот вечер, глядя на незнакомую мне привлекательную девушку, я, кажется, впервые посмотрела на себя собственными глазами, а не через призму чужих лиц. Я ощутила в себе невиданную раньше силу и уверенность и, признаться, не знала, что делать с этим

новым осознанием себя. Но в тот день для меня исчезли все призрачные кумиры. Я стала героиней собственного романа.

Мой взгляд зацепился за одну из фотографий в самом конце альбома, на котором была изображена вся наша семья. Я стояла между мамой и папой, крепко обнимая их обоих. Джордж, как самый высокий, стоял немного сзади. Мама старательно улыбалась сквозь слезы, да и у папы как-то подозрительно блестели глаза. А может, это были только лучи ласкового утреннего солнца. И только Джордж, одетый в строгое длинное пальто и с тщательно приглаженными волосами, оставался, как всегда, сдержанным и невозмутимым. Я была одета в новенький спортивный костюм кремового цвета, а на одном плече висел небольшой кожаный рюкзачок. Мои длинные светлые волосы были убраны в высокий хвост, который очень мне шел. Я также улыбалась, однако улыбка не могла скрыть затаенного страха и растерянности в уголках моих глазах.

Я прекрасно помнила этот день. Был конец августа. Все мы стояли на вокзале и ждали прибытия утреннего экспресса, который должен был увезти меня в Нью Йорк, навстречу новой жизни.

Глава 4

– Дорогая, проверь еще раз документы, деньги и билеты, – уже в десятый раз за последние пол часа озабоченно повторила мама. – Я надеюсь, ты ничего не оставила в своей комнате?

Я вместе с родителями и Джорджем стояла на перроне, заполненном бурно переговаривающимися, смеющимися, рожущимися в дорожных сумках, допивающими кофе из пластиковых стаканчиков и нервно покуривающими людьми. Где-то слышался отдаленный гул поездов. Потоки смрадного вокзального воздуха трепали наши волосы. Я зябко поживалась, то и дело отходя в сторону, чтоб уступить дорогу бегущим с расширенными глазами пассажирами, которые опоздали или перепутали свой перрон. За их спинами с грохотом катились тяжелые чемоданы на колесиках, отдавливая ноги стоящим.

Все мои вещи еще в прошлом месяце были благополучно перевезены в общежитие. Целое лето мы занимались сборами и укладыванием вещей в коробки и чемоданы, документацией, бурным обсуждением истории колледжа, его архитектуры, стипендий, программ по обмену, квалификации преподавателей, достижений выпускников, преимуществ и недостатков проживания в общежитии и так далее, и так до бесконечности. Родители были чрезвычайно возбуждены и

буквально сияли от осознания торжественности происходящего: их маленькая дочурка отправлялась в колледж, чтоб начать свой собственный жизненный путь. Они пророчили мне в колледже не менее выдающиеся достижения, чем в школе, и уже с нетерпением ожидали, какая успешная карьера меня ждет. Разговоры о пробах в кино были ими благополучно забыты, а я больше не считала нужным упоминать об этом. Так что родители с облегчением решили, что я оставила свои глупости и взялась за ум. Имело значение только то, что уже оба их ребенка перебрались в Нью Йорк, и они были вправе считать себя гордыми родителями преуспевших детей.

Я не разделяла их восторга. Все лето, занятое хаотичной беготней, подготовкой и сборами, пролетело, словно во сне. Я понимала, что мой устойчивый, привычный и уютный мир, знакомый мне с рождения, навсегда измениться, но не могла свыкнуться с этой мыслью. Я знала, что наконец становлюсь на тот путь, который я тысячи и тысячи раз проходила в воображении. Я уезжала в мир безграничного количества возможностей, о которых я так мечтала, однако близость этого момента, наступившего неожиданно быстро, испугала меня и выбила из колеи. Я механически укладывала одежду, перепроверяла документы, пролистывала интернет-портал колледжа, однако в глубине души никак не могла осознать то, что совсем скоро я вырвусь из любимого дома, от окружающих меня теплом и заботой родителей, и останусь наедине

с неизвестностью.

Все последнее время я находилась будто в глубокой летаргии, настолько нереалистичным казалось происходящее. И только сейчас, когда лето, как и мое детство, подошло к концу, и мы с семьей на самом деле стояли на перроне, ожидая прибытия поезда, до меня наконец начало доходить, что я действительно уезжаю в колледж. И от этой мысли меня начинала бить мелкая дрожь. Я тщетно старалась прочувствовать всю значимость и торжественность момента, однако на самом деле испытывала только одно – неприятный, сощущий холодок панического страха, опускающийся куда-то вниз живота.

– Ой, да брось, мам, – донесся до меня откуда-то издали раздраженный голос Джорджа, – послушать тебя, так Летти переезжает на другой конец мира. Может, тебя это удивит, но в Нью Йорке тоже есть магазины, где она сможет купить все необходимое, даже если что-то забыла. В чем лично я не сомневаюсь.

– К тому же, мам, ты всегда можешь передать мне посылку, если я оставила что-то важное, – стараясь взять контроль над дрожащим голосом, чтоб успокоить ее, сказала я, пропустив последнюю реплику Джорджа мимо ушей. Хотя на самом деле, при мысли о том, что я могла забыть дома какую-то из дорогих мне вещей, меня охватывало необъяснимое чувство незащитности и уязвимости, как будто я собиралась ехать в колледж голой.

– Ты немного бледная, милая, – сказал папа, озабоченно вглядываясь в мое лицо, – ты хорошо себя чувствуешь? Джордж, тебе следовало бы отвезти ее, так ей было бы спокойнее.

– Я уже говорил, что мне еще нужно уладить несколько дел в паспортном отделе перед отъездом, – раздраженно ответил Джордж, – иначе я бы обязательно отвез ее, хотя я и не вижу в этом абсолютно никакой необходимости. Она ведь уже не маленькая девочка, чтоб я отводил ее за ручку.

– Не переживай, пап, я хорошо себя чувствую, – поспешно вмешалась я, хотя при последних словах Джорджа у меня в животе с новой силой скрутился ослабший было узел страха. – Мы ведь уже смотрели общежитие, так что Джордж прав, нет никакой необходимости ехать со мной еще раз.

«Если говорить уверенно, то и чувствовать себя будешь так же», – как мантру, повторяла я про себя снова и снова, буквально физически заталкивая подкатывающую к горлу нервную тошноту обратно.

– Во сколько прибывает поезд? – спросила мама, хотя она точно знала время, заставив нас приехать на полтора часа раньше.

– В 8.45, – ответила я, непонятно зачем опуская глаза на смятый билет, крепко зажатый у меня в ладони, ведь я тоже прекрасно знала время прибытия.

Оставалось буквально несколько минут.

Повисло неловкое молчание. Мы первый раз расставались

надолго, поэтому совершенно не знали, как нужно прощаться и что в таких случаях следует говорить. Папа смотрел в сторону так пристально, как будто там происходило что-то чрезвычайно интересное. Мама закусила губу, стараясь не показывать слез, чтоб подбодрить меня. Джордж явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он несколько раз открывал рот, очевидно, намереваясь поддержать меня, но трогательные сцены находились вне сферы его компетенции. Так что, не находя подходящих слов, он опять закрывал рот и лишь несколько раз ободряюще похлопал меня по плечу. Не могу сказать, чтоб от этого я почувствовала себя намного увереннее.

Мы все напряженно ожидали прибытия поезда и, как это всегда бывает, когда чего-то ждешь, были застегнуты врасплох его неожиданным появлением. Совсем близко раздался громкий гудок, от которого по всему моему телу прокатилась ледяная волна. Словно по щелчку, все моментально пришли в движение. Вокруг меня обвили руки мамы, крепко прижавшие меня к себе. Ее дрожащий голос, шепчущий на ухо, как она меня любит, и чтоб я позвонила ей сразу же по приезду, смешался с подбадривающими выкриками папы и последними торопливыми советами Джорджа. Все это потонуло в какофонии пришедших в движение пассажиров и грохоте появившегося экспресса. Он с громким шипением пронесся мимо нас, разметав волосы потоками задымленного воздуха. Я вдруг почувствовала, как с меня медлен-

но спадает оцепенение, и кровь с бешеным стуком приливает к вискам.

Папа уже подхватил дорожный чемодан с самыми необходимыми вещами, и мы торопливо пошли вдоль перрона в поисках нужного вагона. К счастью, он остановилась всего в нескольких десятках метров от нас, и нам не пришлось проталкиваться через толчею мечущихся людей, их багаж и животных. Забравшись в вагон, мы проследовали к моему месту, с трудом проталкивая сумку через узкий коридорчик.

– До отбытия поезда осталось две минуты. Просьба провожающим выйти из вагона, – раздался у нас над головами механический женский голос.

Я поняла, что уже через несколько минут родители и брат останутся на перроне, а бездушный экспресс с грохотом унесет меня навстречу пугающей неизвестности – совершенно одну. Я с чувством обняла обоих родителей, а затем заключила в объятия Джорджа. Удивительно, но, кажется, он вдруг тоже проникся моментом, хоть это и проявилось лишь в том, что он неловким движением пригладил мне волосы.

– Береги себя, милая, – быстро прошептала мама. – Помни, мы любим тебя больше всего на свете.

– Я встречу с тобой сразу же, как только закончу с делами и приеду в город, – это было высшей степенью поддержки, которую только мог продемонстрировать Джордж.

– Главное, никогда не забывай, кто ты, Летиция. Тебе под силу намного больше, чем ты можешь себе представить, –

вдруг с несвойственной ему абсолютной серьезностью сказал папа мне на ухо, обнимая меня еще раз.

Эта фраза еще долго гулким эхом отбивалась у меня в ушах, и в самые трудные моменты своей жизни я закрывала глаза и, как заклинание, повторяла их про себя.

***

Раздалось шипение, и поезд медленно сдвинулся с места. Я прилипла к стеклу, не отрывая взгляда от моей семьи, оставшейся по ту сторону стекла. Они шли вровень с поездом, неустанно махая мне и посылая воздушные поцелуи. Я усиленно улыбалась и махала в ответ, пока поезд не ускорился, и они не скрылись из вида.

В первые минуты меня охватило отчаянное чувство бесконечного одиночества, как у цветка, который беспощадные руки оторвали от стебля и бросили на землю. Я никогда еще не расставалась с семьей дольше, чем на пару недель, поэтому не могла избавиться от гложущего меня страха. Мне казалось, что я оставляла позади самую свою сущность, а вперед уносила только пустая оболочка. Слезы наполнили мои глаза, но я зло смахнула их.

И чего это я так раскисла? Ведь это было началом пути, о котором я так мечтала. Я ехала в мир, совершенно не похожий на тот, который покидала, но оттого лишь более прекрасный и заманчивый. Там я смогу найти свое предназначение.

ние, познакомиться с новыми людьми, осуществить все свои долго вынашиваемые планы, раскрыть дремлющие до того способности. Слишком долго я пребывала в состоянии томительного ожидания, лишь мечтая и воображая. Настало время действовать. А первый шаг на пути к чему-то новому всегда пугает, как и все неизведанное.

Я представила себя героиней фильма, которая, изнывая от страха и любопытства, сквозь тьму мчится в неизвестность, понимая, что отныне она никогда уже не будет прежней. Действительно, мой отъезд был завязкой увлекательного сюжета истории моей жизни. Моей совсем новой жизни.

Я открыла рюкзак и развернула пачку любимого печенья с шоколадно-ореховой начинкой, постепенно приходя все в лучшее расположение духа. Я еще не знала, что ждет меня впереди: успех или разочарование, любовь или боль, приключения или однообразие. Но наверняка я знала одно – моя жизнь сдвинулась с мертвой точки, и теперь только я определяла свою судьбу. Что бы меня ни ждало, но это будет что-то новое, живительный глоток свежего воздуха, бурный переворот, так необходимый мне. Я ехала туда, где меня никто не знает, где у меня есть возможность стать любимым человеком, каким только пожелаю. И я смогу доказать родителям и самой себе, что обуревавшие меня амбициозные желания – это гораздо больше, чем обычные детские глупости.

... Чем дальше я отъезжала от знакомых с детства мест, тем больше истончалась моя связь с домом. Меня еще не до

конца отпустили страх и тоска по семье, но они уже медленно сменялись нетерпеливым предвкушением. Эти нахлынувшее чувство новизны опьянило меня, а на время приглушенные гнетом паники мечты вспыхнули с новой силой. Они представились мне настолько яркими и реалистичными, что я только удивилась, как могла сомневаться в них. Ведь я же Летиция Дэвис. И я могу намного больше, чем мне представляется.

Глава 5

Такси подъехало к большому зданию довольно унылого вида, поделенного на множество корпусов. Я расплатилась с таксистом и приняла у него из рук свою дорожную сумку на колесиках. Машина сразу же отъехала, а я поудобнее закинула на плечо рюкзак, одернула джинсовую куртку и, в растрепанном виде и смешанных чувствах, направилась к общежитию. Сумка с тихим дребезжанием волоклась за мной. Стук колесиков по асфальтированной дорожке показался мне еще более неприятным, чем обычно, но я решила не обращать на это внимания.

Дорога вымотала меня, да и сильные эмоциональные перепады за последние несколько часов давали о себя знать. Все, о чем я мечтала сейчас, это принять горячий душ и добраться до любой горизонтальной поверхности. Однако не успела я даже переступить порога, как моя сумка резко подскочила на ступеньках от слишком поспешного рывка, а поврежденное колесико отскочило в сторону и покатилося вниз.

Ну разумеется, со мной непременно должно было что-то случиться! Я вспомнила, что моя комната находится на четвертом этаже, и мысленно застонала.

Я тяжело поволокла за собой то и дело заваливающуюся на бок сумку. Несколько раз я с усилием приподнимала

ее, проносила в трясущихся рукав несколько метров и с грохотом бросала обратно на пол. Задыхаясь, я остановилась, оглядываясь вокруг в поисках помощи. Как на зло, вокруг не было видно ни одного дежурного.

В этот момент мимо меня прошла бурно переговаривающаяся и громко смеющаяся компания парней. Я почувствовала себя крайне неловко, стоя здесь в полусогнутом положении с этой дурацкой сумкой. Вдруг один из парней мельком взглянул на меня и приостановился.

– Эй, помощь нужна? – дружелюбным, но довольно-таки развязным тоном спросил он.

– Не откажусь, – нарочито непринужденно сказала я, удивляясь тому, что почти без усилий переборол неловкость. Обычно при разговорах с незнакомыми людьми, особенно парнями, мне нужно было некоторое время, чтоб приспособиться к их манере и не чувствовать себя не в своей тарелке. Кажется, я действительно начинала обнаруживать в себе совершенно неожиданные стороны.

Парень махнул приятелям, чтоб они его не ждали, и подхватил мою сумку обоими руками.

– Тебе на какой? – поинтересовался он, направляясь к лестнице.

– На четвертый, – ответила я. – А что, лифты здесь не работают?

– Да, вообще-то, работают, – ответил он и иронично усмехнулся. – Но у нас никто не рискует ими пользоваться.

Вчера он в очередной раз застрял, и мне пришлось проторчать там битых два часа, пока приехали рабочие. Сомнительное удовольствие, повторять не очень хочется.

Я шла вслед за парнем, украдкой рассматривая его. На вид он был одного возраста со мной, хотя держался очень уж непринужденно как для первокурсника, словно знал все, как свои пять пальцев. В его внешности не было ни одной черты, которая привлекла бы меня: короткие русые волосы, прищуренные светло-карие глаза, да и, как на мой взгляд, он был слегка рыхловат. Однако от него исходили прямо-таки физически ощутимые волны абсолютной уверенности в себе и раскованности, которые часто нравятся девушкам гораздо больше, чем красивая наружность. Все это я отметила чисто машинально, так как больше всего мне хотелось сейчас остаться одной и отдохнуть.

– Ты тоже на первом курсе? – вежливо поинтересовалась я, чтоб не молчать.

– Ага, – небрежно кивнул он. – Но мой старший брат здесь уже четвертый год, так что я давненько здесь зависаю. Если нужна будет помощь, обращайся. По разного рода вопросам, – многозначительно добавил он.

Хм. Интересно, что именно он имел ввиду?

– Возьму на заметку. Летиция, кстати.

– Грег.

Мы вышли на мой этаж и оказались в узком длинном коридоре, покрытом оранжевым линолеумом, с рядом одина-

ковых белых дверей. Я пошла немного впереди Грега, чтоб показать ему мою комнату. Вдруг одна из дверей открылась, и оттуда вышли несколько девчонок в коротких домашних шортах и топах, с пластиковыми стаканчиками в руках, залиристо смеющихся над чем-то. Из комнаты за их спиной раздались раскатистые басы популярной песни и еще несколько громких мужских и женских голосов. Судя по всему, там явно не скучали.

– Эй, Грегги, – громко окликнула моего провожатого одна из них, с вызывающим взглядом маленьких зеленых глаз и короткими рыжими волосами, – наконец-то ты здесь на официальных основаниях, а?

– Я всегда здесь на более чем официальных основаниях, Мэдисон, – развязно ответил мой провожатый и, к моему удивлению, поцеловал в щеку всех трех девушек. Это у них что, такой вид приветствия здесь?

Девушки хихикнули и вопросительно перевели взгляд на меня, на мою сумку и на Грега, державшего ее. Я немного смутилась.

– Привет. Я Летиция, – немного запнувшись, сказала я. Я уже открыла рот, чтоб объяснить, почему Грег тащит мою сумку, но вовремя прикусила язык. С чего это я должна была объясняться?

– Привет. Я Мэдисон, – немного растягивая слова, поздоровалась рыжеволосая. – А это Кимберли и Энджи.

Я обменялась приветствиями с ее подругами, миловидной

блондинкой с очень бледной кожей и девушкой с дредами и крупными серьгами в виде полумесяцев.

– Идете сегодня вечером на вечеринку брата? – спросил Грег.

– Не знаю, – нарочито небрежно ответила рыжая, накручивая локон на палец. – Вечеринки в общежитие напоминают мне что-то среднее между детским садом и притоном наркоторговцев. Мы с девчонками собирались в «Эйфорию».

– Что ж, будет вас не хватать, – весело ответил Грег, не поддавшись на провокацию и не утруждая себя уговорами. – Но помните, Бен дважды не приглашает.

Все это время я неловко топталась рядом, и мне это уже порядком надоело.

– Летиция, а ты пойдешь? – вдруг спросил Грег, повернувшись ко мне.

– Нууу... – я немного растерялась, но быстро взяла себя в руки. – Ничего не имею против вечеринки.

Кажется, на меня начала влиять царившая вокруг атмосфера бесшабашности и лихорадочного веселья. И все же я сомневалась.

– Но я никого там не знаю, так что... – неуверенно добавила я.

– Ну, так это лучшее место, чтоб близко со всеми познакомиться, – хитро подмигнув, ответил Грег.

Мэдисон лишь закатила глаза. Девчонки кивнули мне на прощание и пошли дальше, а мы наконец-то добрались до

нужной мне комнаты.

– Сегодня в восемь вечера. Комната № 96. Мой брат знает толк в мероприятиях, так что там не будет всякого сброда, не переживай. Когда придешь, скажи, что ты от Грэга, а не то могут не впустить – подмигнул он мне и, поцеловав меня в щеку, как перед тем поцеловал девчонок, повернул обратно.

– Спасибо за помощь, – крикнула я ему вслед и, в замешательстве от всего происходящего, толкнула дверь.

***

Конечно, я очень переживала по поводу того, кто окажется моей соседкой по комнате. Не то чтобы я плохо ладила с людьми. Дома мы часто устраивали с парочкой подруг пиважные вечеринки, но находиться с чужим мне человеком день и ночь... Я со страхом думала, что будет, если мне придется жить с кем-то с ужасным характером. Воображение рисовало картины одну хуже другой: моя соседка представлялась мне то развязной девицей с разноцветными волосами, целыми днями валяющейся в кровати и пускающей в потолок сигаретный дым, то высокомерной стервозной блондинкой, постоянно висящей на телефоне с подружками, то странноватой особой в огромных очках, пишушей по ночам реп и не разговаривающей со мной.

Однако ожидания в очередной раз обманули меня, но, в виде разнообразия, в лучшую сторону. Среди открытых чемоданов и наполовину распакованных вещей стояла вполне приятная с виду невысокая худенькая девушка с вьющими-

ся темными волосами. Она была в наушниках, и потому не сразу услышала, как я вошла. Мне пришлось несколько раз окликнуть ее.

– О, привет, – улыбнувшись, сказала она, вынимая оба наушника. Девушка переступила через огромный чемодан и протянула мне руку. – Ты, наверное, моя соседка. Ну да, что я говорю, конечно же, ты она. Я Лесли.

И она застенчиво посмотрела на меня.

– Привет. Летиция. Рада знакомству.

Мы тепло пожали друг другу руки. Лесли показалась мне очень милой и дружелюбной, но слишком уж скромной и какой-то несурзной. Не знаю, что произошло со мной за время короткого знакомства с Греггом и его подругами, буквально излучавших уверенность и жадную жажду развлечений, но во мне начинало зарождаться какое-то незнакомое и волнующее ощущение веселого буйства. И на фоне этого чувства моя соседка показалась мне довольно скучной и посредственной.

Я переделалась, приняла душ и тоже принялась распаковывать вещи. Одновременно мы с Лесли рассказывали друг другу о своем городе, школе, родителях, факультете и впечатлениях о городе. Коротко говоря, мы перебрали все общие темы, которые обычно следуют на первых порах знакомства и формируют первое впечатление друг о друге.

Лесли так же, как и я, приехала из небольшого городка, вот только она вообще первый раз попала в Нью Йорк и пре-

бывала сейчас в состоянии эйфории. Она с детства увлекалась рисованием, отправляла свои картины на всевозможные конкурсы и во многом благодаря этому и поступила сюда на факультет изобразительного искусства. Родители ее были в разводе, поэтому она жила с мамой, а на каникулы изредка прилетала к отцу, который жил где-то возле Лондона. Вообще-то, ей хотелось бы чаще видаться с отцом, но его частые командировки по всей Европе не давали этому осуществиться. Это было самой откровенной подробностью, которую мне удалось вытащить из Лесли. В общем, ничего особо примечательного она собой не представляла, и я была слегка разочарована. Я начинала испытывать непонятную потребность чего-то интересного и интригующего, а Лесли, как я поняла, ничем таким похвастаться не могла.

За этими ничего не значащими разговорами я совсем заскучала, но тут мой взгляд упал на часы, и я вспомнила о вечеринке у старшего брата Грега. Меня охватило уже знакомое чувство предвкушения.

– Слушай, Лесли, – непринужденно бросила ее, – сегодня намечается вечеринка в честь начала учебного года. Один парень, чей старший брат и устраивает вечеринку, пригласил меня, и я не думаю, чтоб он возражал против того, что я приведу с собой подругу.

Я понимала, что каждый из новоприбывших первокурсников хочет как можно скорее занять свою ячейку в выстраиваемом новом социальном укладе, чтоб не остаться за

бортом. Что ж, думаю, у меня появился шанс не только приобщиться к местной элите, но и стать провожатой для застенчивой Лесли. Я впервые выступала в такой роли, и мне это чрезвычайно понравилось. Чувство веселого возбуждения внутри меня нарастало с каждой секундой, а прилив уверенности, о которой я и не подозревала, совсем вскружил мне голову.

– Я, конечно же, не против, – неуверенно сказала Лесли. – Конечно, это было бы очень круто. То есть, мы могли бы познакомиться со всеми, и все такое. А твой приятель точно не будет против?

– Судя по тому, что я знаю о вечеринках в честь начала учебного года, никто и не заметит, – засмеялась я.

В Лесли еще немного поколебались неуверенность и застенчивое желание присутствовать на таком событии, и все же она согласилась. Я про себя вздохнула с облегчением, ведь все-таки мне было страшновато идти туда самой: незнакомые старшекурсники, общажные вечеринки, алкоголь и непонятно что еще... К тому же, меня начинали одолевать сомнения: может, Грег позвал меня туда только для того, чтоб подразнить Мэдисон? Что, если все там окажутся давно знакомы между собой, а мы с Лесли будем выглядеть глупо и не к месту? Однако нужно было гнать от себя эти предательские мысли. В конце концов, я была в Нью Йорке, городе сумасшествия и непредсказуемости, и я могу стать той Летицией, которой пожелаю. А сейчас мне хотелось быть смелой,

уверенной и раскрепощенной.

Чтоб скрыть от Лесли затаенную неуверенность и не дать себе передумать, я тут же начала собираться. Немного поколебавшись, я решила все же не надевать так нравившееся голубой платье из переливчатой ткани, чтоб не выглядеть слишком вычурно. Облегающие джинсы и короткий топ показались мне гораздо более подходящим вариантом. Я немного завила кончики волос утюжком, затониrowала корректирующим средством темные тени от недосыпа под глазами, и подкрасила губы перламутровым блеском. Покрутившись перед небольшим круглым зеркалом на стене, я осталась вполне удовлетворена своим внешним видом. Лесли уже практически собралась, и сейчас торопливо подрисовывала ресницы в небольшом карманном зеркальце. Она была в обычных джинсах и слегка мешковатой футболке, которым всегда отдавала предпочтение, скрывая свою худобу. Я посоветовала Лесли нанести немного персиковых румян на скулы, и мы направлялись к комнате № 96.

***

Я успела только лишь дотронулась до двери, как уже ощутила волны вибрации от разрывающихся в комнате басов. Подавив подступившую тревогу, я толкнула дверь, и мы с Лесли вошли внутрь, моментально оказавшись в каком-то задымленном хаосе. Комната была погружена в полумрак, который рассеивался лишь разноцветными огоньками гир-

лянд и светящихся неоновым светом колонок. После яркого освещения коридоров мои глаза практически ничего не различали в темноте, а музыка от нескольких акустических систем просто оглушила меня. Насколько я смогла сориентироваться в первый момент, комната была заполнена людьми, но все же не набита ими до отвала. Как и сказал Грэг, сюда явно были приглашены не все.

Дверь за нашей спиной закрылась.

– Пароль, девчонки, – услышала я голос какого-то смутного мужского силуэта, с трудом стоящего на ногах и обладающего нас стойким запахом сигарет и виски с колой.

– Нас Грег пригласил. Не знала, что здесь нужен пароль, – мило улыбнулась я, вдруг совершенно уверившись в том, что нас сейчас вытолкают обратно за дверь. Я почувствовала, как Лесли напряглась у меня за спиной.

– Хм. От Грега, значит. Ну, он времени зря не теряет. Милости просим. Поищи его где-то там, – парень обернулся, покачнулся, расплескал содержимое стаканчика и махнул рукой в неопределенном направлении.

Еле восстановив равновесие, он исчез в полумраке.

Мы с Лесли осмотрелись. Веселье было уже в самом разгаре. Мои глаза наконец-то привыкли к темноте, и я смогла осмотреться. Теперь я поняла, каким образом здесь могло уместиться столько людей: из комнаты, и так в несколько раз большей, чем моя собственная, был выход прямо на громадную террасу, где и разместились большая часть ком-

пании. Все что-то пили из пластиковых стаканчиков, смеялись и играли в непонятные игры, судя тому, что кто-то время от времени залпом опрокидывал в себя несколько стопок с яркой голубой жидкостью, а остальные свистели и ободряюще хлопали в ладоши.

Несколько группок, державшихся немного зажато и обособленно от остальной массы, были, как я с облегчением поняла, первокурсниками, как и мы. Скорее всего, им хотелось как можно скорее избавиться от скованности и влиться в компанию, поэтому они в ускоренном темпе вливали в себя содержимое стаканчиков и маленьких стеклянных бутылочек. Отделились от остальных также несколько парочек, прижимающихся друг другу в темных углах комнат, целующихся на диванчиках и совершенно не смущенных окружающей их толпой. Впрочем, на них и так никто не обращал внимания. Через оглушительные звуки музыки пробивались выкрики, взрывы хохота и, периодически, звук разбитого стекла.

– Ну, и где же твой приятель? – в самое ухо крикнула мне Лесли, пытаясь перекрыть музыку.

– Должен быть где-то здесь. Да ладно, больно он нам нужен, – стараясь казаться уверенней, чем чувствовала себя на самом деле, сказала я, про себя прекрасно понимая, что Грег, скорее всего, обо мне и не вспомнит.

Однако именно тут вольготно развалившийся на спинке дивана и потягивающий что-то из стеклянной бутылочки па-

рень повернул голову, и я узнала Грега. Он тоже увидел меня, просиял и довольно бодро соскользнул на пол, лишь слегка покачнувшись.

– Аааа, Летиция, – несмотря на немного расфокусированный взгляд, он даже помнил, как меня зовут, ну просто удивительно. – Любишь появляться к самой кульминации, а?

– Уважающие себя девушки приходят на вечеринку спустя пару часов после начала, – в тон ему ответила я. Кажется, я начала перенимать всеобщую шутливо-кокетливую манеру.

Он наклонился ко мне, и в этот раз я тоже поцеловала его в щеку. Я действительно рада была его видеть, ведь теперь нам с Лесли не придется глупо толкаться в стороне от всех, прислонившись к стене.

К слову, о Лесли. Наверное, нужно было ее представить.

– Кстати, знакомься, это моя соседка Лесли. У вас же здесь найдется местечко еще для одной, не так ли?

– Привет, – сказала Лесли, выходя из-за моей спины. Сомневаюсь, что он услышал ее тоненький голосок в царящей вокруг какофонии.

– Для симпатичных девушек здесь сколько угодно места, – засмеялся он и подмигнул нам.

Несмотря на то, что он скользнул по Лесли довольно поверхностным взглядом, улыбка его от этого не стала менее дружелюбной. Видимо, Грег относился к тому типу людей, которые взяли за правило всегда и со всеми оставаться при-

ветливыми и держаться на равных. По крайней мере, сохранять такую видимость. Мне это понравилось.

– Идемте, присоединяйтесь к нам, – приглашающим жестом он махнул рукой на расположившиеся вокруг большого стола диванчики. Там вальяжно раскинулась целая компания, половина которой полулежала друг на друге, переплетаясь руками и ногами. Кажется, там собрались только старшекурсники.

Грег бесцеремонно подвинул сидящих на краю дивана парней, и мы с Лесли опустились на их место. Меня тут же окружили дурманящие запахи сигар и алкоголя, и я сразу же немного расслабилась, начав впадать в царящее вокруг возбужденно-блаженное состояние. Мои сомнения по поводу того, что я буду здесь не к месту, быстро рассеивались. Несколько парней окинули меня беглыми заинтересованными взглядами, и я вдруг почувствовала себя намного уверенней. Удивительная раскованность и тщеславная жажда внимания в глубине меня разрастались все больше и больше.

Грег толкнул в бок лениво развалившегося массивного парня, одной рукой с наслаждением затягивающегося сигаретой, а другой обнимавший за талию буквально падающего на него черноволосую девушку со смазанной помадой.

– Эй, Бен, есть что-то эффективное и быстрое? У нас новенькие, и, боюсь, им пока что с нами скучно.

Добродушная улыбка, тронувшая губы Бена еще до того, как он развернулся к нам, и самоуверенный прищуренный

взгляд не оставили сомнений, что это и был старший брат Грега и сам хозяин торжества.

– Ааа, молодежь, – приветливо и понимающе сказал он, заговорщически глядя на нас, как на старых и долгожданных знакомых. – Увы, осталось только немного травы и одна таблетка, но, если девушки немного подождут, то придет Редж и принесет еще немного.

Даже не оборачиваясь, я физически прочувствовала, как испуганно дернулась Лесли. Но я даже не дрогнула.

– Спасибо, но мы не по этим делам, – непринужденно улыбнулась я. Пусть у меня и не было большого опыта в подобных мероприятиях, но его хватало на то, чтоб знать, что отказ от наркоты не сделает меня ханжой в их глазах.

– Ну, что ж, заставлять никого не будем. У нас же здесь, в конце концов, приличное общество, а не притон какой-то, – все таким же располагающим голосом ответил Бен, хоть взгляд его и плохо фокусировался на мне. – Грег, тогда займись ими сам.

Грег усмехнулся, смешал что-то из нескольких бутылочек на столике и подал нам стаканы. Я не стала дальше строить из себя паиньку и, даже не поинтересовавшись, что там, быстро отпила. Напиток неприятно обжег горло и оказался колой с водкой и бог знает чем еще. Я внутренне поздравила себя с тем, что не замечала за собой склонности быстро пьянеть, хоть раньше мне и не доводилось пить таких крепких напитков. Оставалось только понадеяться, что и Лесли обладает

неплохой выдержкой. Или хотя бы просто выдержкой. Но, честно говоря, что-то подсказывало мне, что она относится к тому типу девочек, которые никогда не посещали вечеринок и пьянеют после первого же стакана. В чем я скоро и убедилась.

Тем временем веселье все более набирало обороты. От выпитого алкоголя мое сознание заполнилось приятным дурманящим туманом, и я полностью расслабилась. Словно сквозь пелену я видела, что к нам постепенно стянулись почти все, находящиеся в комнате. Немногие присутствующие на вечеринке новобранцы давно успели оставить совсем недавно владевшую ими скованность. Вскоре я уже перезнакомилась с сидящими вокруг ребятами, хоть их имена и забывались мной практически в ту же минуту, как я их слышала. Вокруг то и дело слышались колкие шуточки и сальные комментарии, однако, на удивление, меня это совершенно не трогало. Наоборот, мне казалось, я никогда еще не чувствовала себя настолько комфортно, как здесь, в этой пропахшей сигарным дымом и забитой студентами на разных стадиях опьянения комнате.

Я закрыла глаза и полностью отдалась этому новому возбуждающему чувству пьянящей свободы и беспечности. Мне казалось, что все мучающие меня до этого страхи, сомнения, неуверенность, неудовлетворение, несоответствие своим же собственным идеалам растворились в этой толпе тесно прижавшихся друг к другу тел и бесследно исчезли. Я больше

не была Летицией Дэвис, так что у меня не могло быть ни внутренних волнений, ни личных желаний. Я была неотъемлемой частью единого целого, и это целое требовало только одного – поддерживать всеобщее веселье. Так что у меня не было потребности ни думать, ни чувствовать – это делалось за меня, а мне нужно было лишь расслабиться и раствориться в общем потоке, ласково подхватившем меня и увлекающим за собой.

По начинающим расплываться разноцветным огонькам я поняла, что алкоголь начинает действовать все сильнее и сильнее. Я почувствовала, как Грег дотронулся до моей руки, спросив, в порядке ли я. Я никогда еще не была настолько в порядке, но его мимолетная забота была приятна. А вот Лесли явно требовалась помощь. Она уже довольно давно смеялась слишком громко, а сейчас начала заваливаться попеременно то на меня, то на опустившегося рядом первокурсника с волнистыми светлыми волосами. Сквозь окутывающий меня приятный дурман я решила, что нужно бы отвести ее обратно, пока она не натворила глупостей.

Спустя какое-то время я краем глаза заметила, что рядом с Грегом опустилась рыжая Мэдисон. Грег подал ей стакан с напитком, а сама она сразу же как бы невзначай пропустила руку ему под локоть. Судя по тому, что она не слишком принимала участие в общих разговорах и играх, а предпочитала шептать что-то ему на ухо, не составляло труда понять, ради кого она все-таки пришла сюда. Грег же явно успевал

как не отставать от общего разговора, так и уделять внимание настойчиво льнувшей к нему девушке, слегка приобняв ее одной рукой за плечи. Судя по бросаемым на Мэдисон взглядам, она явно пользовалась популярностью среди парней, поэтому я чисто машинально удивилась ее столь явному интересу к Грегу. Конечно, ему было не отказать в уверенности и обаятельности, но ничего более того я в нем не заметила.

Наконец градус всеобщего веселья на вечеринке достиг своего апогея, и многие захотели танцевать. Во многом эти танцы были похожи на медленное покачивание бедрами с закрытыми глазами и периодическое помахивание руками. В другое время я бы посмеялась над тем, как нелепо все они выглядели со стороны, однако сейчас я, охваченная всеобщим куражом, присоединилась к танцующим. Слава Богу, Лесли не пришло в голову встать с дивана.

И более привычные старшекурсники, и неискушенные первогодки достигли той приятной стадии опьянения, когда все границы между знакомыми и незнакомыми стираются. Многие парни и девушки буквально переплетись в танце, хотя, я готова биться об заклад, половина из них и близко не знала друг друга до этого вечера. Несколько раз я сама словила на себе заинтересованный взгляд первокурсника со светлой волнистой шевелюрой, на которого все время заваливалась Лесли. Кажется, он все же был в меньшей степени опьянения чем, другие. Я смело перехватила его взгляд и улыб-

нулась. От этого парень немного смутился, но тут же подошел и пригласил меня танцевать. Я непринужденно закинула руки ему на шею, а он обнял меня за талию. Сквозь громкую музыку, от которой я за все это время уже практически оглохла, я услышала, что парень представился Алексом. Кажется, он задавал мне какие-то вопросы, что-то вроде того, откуда я приехала и что собираюсь изучать... Не понимаю, откуда у него такая потребность разговаривать во время танца. Я через силу улыбалась и что-то отвечала ему, но вдруг мой взгляд в очередной раз зацепился за танцующих вместе Грега и Мэдисон. Девушка явно не стала терять время зря, и, вдруг порывисто подавшись вперед, запустила руки ему в волосы и впиалась в губы. Тот, судя по всему, не ожидал такого напора, но и особо сопротивляться и отталкивать ее не спешил. Не знаю почему, но мне стало неприятно от созерцания этой сцены, и я поспешила переключить внимание на своего партнера.

Однако язык у меня уже совершенно заплетался, а ноги отваливались. Бросив взгляд на Лесли, я увидела, что она уже практически засыпает с пустым стаканчиком в руке, а сидящие рядом девушки постарше вовсю посмеиваются, глядя на нее. Кажется, самое время уводить ее отсюда.

Приблизившись к уху Алекса, я крикнула ему, что собираюсь уходить. Парень явно огорчился, но все же предложил проводить меня до комнаты. Глянув на обмякшую подругу, я поняла, что помощь мне явно не помешает. Я с трудом рас-

толкала Лесли, Алекс помог ей подняться на заплетающиеся ноги, и мы все вместе направились к выходу. Обернувшись напоследок, я увидела, что Грег через плечо Мэдисон вполне осмысленным взглядом смотрит мне вслед.

***

Я с грохотом захлопнула альбом. Воспоминания о поре своей жизни, начавшейся с той первой вечеринки, не могли не вызвать у меня ироничного смешка. Не понимаю, как я могла быть столь наивной? Неужели так легко было соблазнить меня заманчивым погружением в мир веселья и удовольствия, где не нужно было задумываться ни о чем важном? Как я могла так легко поддаться?

Впрочем, ничего удивительного, что я совершенно потеряла голову. Я, всю жизнь жаждущая ярких впечатлений, могла черпать их только из страниц книг и киноэкранов. И вот, наконец-то я попала в живой, бушующий мир, где можно было отречься от тревожных мыслей о будущем, и смогла отвоевать себе там место.

Это действительно была совсем новая жизнь, и я не стала задумываться над тем, хороша она или нет. Я просто наслаждалась, веселилась, пробовала новые ощущения на вкус. Я была уверена в себе и раскована, как никогда прежде. Я открыла для себя новую Летицию, и, как в детстве я примеряла новые платья, так сейчас я с восторгом примерила столь несвойственный мне образ. И, что ж, он пришелся мне по

вкусу. Казалось, во мне заговорили все те чувства, которые блуждали во мне и не находили выхода, пока я была послушной дочерью любимых родителей и успешной ученицей школы в небольшом, благополучном городке. В тот период жизни невиданная энергия забила во мне ключом, и вскоре я уже с головой погрузилась в быстрый поток событий.

Глава 6

К своему удивлению и изумлению родителей, я очень быстро приспособилась к своему новому миру и полностью освоилась в нем. Более того, я не переставала поражаться, какой же скучной и унылой была моя жизнь до этого. Серьезно, я не могла припомнить ни одного интересного события до своего приезда в колледж. Мне казалось, что все время своей жизни вплоть до этого момента я пребывала в состоянии дремоты, и только теперь пробудилась от него и начала жить. Я впервые оставила книги и забросила фильмы, так как мой бурная реальность полностью захватила меня, вытеснив из головы все предыдущие фантазии.

Как и все новое, учеба в колледже первое время очень увлекла меня. Я испытывала природную склонность к познанию, так что сейчас с неослабевающим интересом посещала все лекции и выполняла домашние задания. Еще со школы мне легко давались гуманитарные науки, поэтому с учебой у меня не возникало проблем. А на практических занятиях по истории, дикции, визуальной презентации и, разумеется, литературе, я практически с первых дней завоевала расположение преподавателей. Если уж на то пошло, я старалась сразу же наладить контакт со всеми профессорами, благодаря чему обнаружила в себе новую способность довольно легко располагать к себе людей. Вскоре я уже перезнакомилась

и с однокурсниками, и со всеми у меня установились если и не хорошие, то вполне ровные отношения.

Но, несмотря на это, учеба в колледже довольно быстро отошла на второй план, так как моя новая жизнь вне его границ полностью захватила меня. Мне еще никогда не удавалось подружиться со столькими людьми сразу, и я была искренне поражена тем, как раньше мне с головой хватало лишь нескольких подруг. Моя жадная потребность в общении никак не могла насытиться. Спустя совсем недолгое время после приезда я, во многом благодаря знакомству с Грегом и его старшим братом, была вхожа в большинство компаний, сформировавшихся в особом социуме общежития.

И все-таки я чувствовала себя немного истощенной, когда разрывалась на всех сразу. По этой причине мне ужасно хотелось иметь свой личный близкий круг, которому я могла бы довериться. Совсем скоро мне удалось перезнакомить нескольких еще не успевших тесно влиться ни в одну компанию парней и девчонок, которые вызывали у меня симпатию. Так у меня появилась собственная компания, и я не могла не думать с гордостью о том, что это я, Летиция, собрала всех вместе, создала свой маленький мир и стала его средоточием.

Чем больше времени я проводила в компании друзей, поверхностных знакомых и абсолютных незнакомцев, тем больше внимания жаждала. Если мне приходилось оставаться одной всего на пару часов, я уже начинала скучать и ждать,

когда же все снова соберутся вместе. И насколько раньше мне частенько хотелось побыть одной, утопая в страницах книг и погружаясь в мечты, настолько сейчас меня страшило остаться наедине с собой и своими мыслями, тихо укоряющими меня. Поэтому, как только такое случалось, я буквально сбегала к людям, спеша с облегчением раствориться во всеобщем веселье.

***

Лесли практически повсюду ходила за мной по пятам. Но вскоре в ее поведении я стала замечать странное противоречие. Конечно, внешне у нас установились вполне дружеские отношения: мы почти всегда были вместе, сплетничали, шутили, делились секретами по ночам. Но ведь иначе и не могла быть, когда двое девчонок живут в одной комнате. И все-таки меня все время не оставляло неприятное ощущение, что она одновременно и рада, что благодаря мне у нее появилось много знакомых и она не скучает одна в четырех стенах, и испытывает ко мне скрытую неприязнь и зависть за то, что мне удастся так легко сходитья со всеми. Она же познакомилась с большинством лишь благодаря тому, что крепко держалась меня, и сама это прекрасно понимала. Думаю, ей хотелось бы это изменить, но ее скромность и замкнутость не позволяли ей непринужденно держаться в компании, насчитывающей больше двух человек, и она то и дело ляпала что-то невпопад и мучительно краснела. Довольно часто мои новые

знакомые приглашали меня куда-то и, лишь после замечая присутствие Лесли, из вежливости звали и ее тоже. Я видела, как после этого омрачалось ее лицо, и она еще несколько часов ходила молчаливая и опечаленная. Но, как я и сказала, у нее не было выбора – если она не хотела остаться одна, ей приходилось проглатывать свою неприязнь ко мне.

Я подмечала эти изменения в поведении Лесли, ведь мне, благодаря собственной чувствительности, часто удавалось неосознанно уловить истинное отношение людей, скрытое за потоком пустых слов и мнимых улыбок. Впрочем, я предпочитала отмахиваться от этих ощущений. Если же говорить откровенно, мне все это даже немного льстило. Неудовлетворенное в моей старой жизни тщеславие давало о себе знать, и сейчас я полностью наслаждалась пребыванием в центре внимания.

Пару раз, особенно в те моменты, когда она перебарщивала с алкоголем, Лесли «прорывало», и тогда она начинала неудержимым потоком вываливать на меня свои горести: неумение вести себя в компании, скрытые детские комплексы, невнимание отца и сожаление, что ей тяжело сходится с людьми... Я же снисходительно утешала ее, как могла, пытаясь убедить в том, что она обязательно сможет преодолеть свою скованность. «Ведь и мне в свое время не доставало уверенности в себе, – частенько говорила я. – Нужно только дать себе возможность раскрыться».

Признаюсь, временами я вела себя, как законченная стер-

ва. Наверное, я заслужила все то, что со мной случилось. В свое оправдание хочу сказать, что временами я действительно искренне проникалась переживаниями Лесли и старалась помочь ей и поддержать ее. Но, честно говоря, она почти не занимала моих мыслей. Мне и без того хватало забот.

Тот светловолосый парень с вечеринки, Алекс, начал оказывать мне настойчивые знаки внимания, и мы довольно много времени проводили вместе. Не могу сказать, чтоб он слишком уж мне нравился. Конечно, он был очень симпатичный, милый и все такое... Но его местами странноватые шутки и слишком сильная навязчивость уже начинали действовать мне на нервы. Алекс держался особняком от остальных, а в больших компаниях тушевался и еще больше невпопад шутил от волнения. Наверно, поэтому ему и нравилась проводить время только со мной. Правда, в этом случае терпеть его приходилось мне одной... И все же я продолжала держать его рядом с собой, одновременно соблюдая дистанцию, чтоб не давать ему повода думать о возможности более близких отношений. Не уверена, с какой целью я это делала. Наверное, мне льстило, что за мной с самых первых дней начал ухаживать красивый парень... Ну а, во-вторых, я неосознанно понимала, что, как только ты привлекла внимание одного, то за ним последуют и другие. Кажется, я где-то читала об этом, вот только никак не могу припомнить, где...

Кстати, что касается других. На вечерних посиделках и общажных тусовках я почти постоянно сталкивалась с Гре-

гом, что не было удивительно, ведь он был на короткой ноге, казалось, абсолютно со всеми. И, несмотря на то, что он по-прежнему не вызывал во мне никаких чувств, но из всей компании именно он неизбежно притягивал мой взгляд. Признаюсь, меня одновременно и смущала, и восторгала его абсолютная уверенность в себе и раскрепощенность: каждое его движение было живым и энергичным, каждое слово – как нельзя более кстати, а каждая шутка непременно вызывала смех. Он обладал природной склонностью располагать к себе людей. Я заметила, что к нему льнули многие девчонки, так что он неизменно находился в их окружении. Я часто замечала рядом с ним Мэдисон, однако было видно, что инициатива по-прежнему исходит от нее, Грег же лишь не имел ничего против ее внимания. Однако никаких признаков того, что они в отношениях, я не видела. Как бы там не было, не знаю, почему я вообще об этом думала. Меня личная жизнь Грега совершенно не касалась.

И все-таки его присутствие рядом всегда было мне приятно. Когда я была одна, Грег еще ни разу не упустил возможности подсесть ко мне и завести разговор в своей расслабленно-игривой манере. Я обычно подстраивалась под его стиль общения, и тогда наши короткие беседы напоминали игру в кошки-мышки. Но я не позволяла Грегу слишком уж увлекаться, обрывая его, когда мне казалось, что его шутки становятся чересчур откровенными. Но он редко загонялся и не позволял себе ничего лишнего, поэтому по большей части

наше общение доставляло мне удовольствие. В любом случае, я воспринимала это не более, чем забаву.

Но я не могла не отметить, как менялось поведение Грегга, когда он видел меня с Алексом. Он начинал смотреть на меня абсолютно равнодушно, а с ним держался вполне приветливо, и, как мне казалось, даже неестественно по-дружески. При этом, когда Алекса не было рядом, он словно вскользь пропускал о нем насмешливые комментарии так, чтоб они непременно достигли моих ушей, но не прозвучали слишком оскорбительно. Грегг оставался верен себе, никогда не показывая в открытую неприязненных чувств к кому-либо.

Признаться, все это путало меня и сбивало с толку. Чем больше я не понимала его поведения, тем больше это не давало мне покоя. И, хоть я по-прежнему с уверенностью могла сказать, что он ни капли мне не нравился, но он все чаще и чаще стал занимать все мои мысли.

***

Это был вечер пятницы, и студенты снова готовились на полную оторваться от рабочей недели. Впереди были выходные, так что впереди была уйма времени, чтоб отоспаться после отвязных вечеринок. Я слышала, как за закрытой дверью по коридорам то и дело доносились громкие возбужденные голоса и грохот от множества ног, переходивших из комнаты в комнату. Общежитие гудело, словно развороченный улей, готовясь к очередному ночному разгулу.

Лесли уехала, так что я была в комнате одна, лежа на животе и пытаюсь читать. Мои глаза уже в который раз бездумно пробежались по одной и той же строчке, и я раздраженно отбросила книгу. Впервые я столкнулась с тем, что не могла сосредоточиться и прочесть больше страницы: ровные напечатанные строки навевали уныние, все написанное казалось скучным и навевало зевоту. Мне показалось странным, что когда-то я могла с упоением проглатывать главу за главой на протяжении целой ночи. Сейчас же единственные мысли, которые меня занимали, были о том, как бы повеселее провести этот вечер.

Алекс успел надоесть мне до такой степени, что я начала старательно избегать его, что было довольно проблематично, учитывая, что он жил этажом ниже меня. Я уже начинала доходить до того, что просила Лесли передать ему, что меня нет в комнате, а сама в это время пряталась за дверь. Почему-то лицо ее всегда омрачалось от этой моей просьбы, как будто я втягивала ее в какое-то грандиозное преступление. Нравился он ей, что ли? Впрочем, не могла с уверенностью ничего утверждать на этот счет.

Конечно, я могла бы пойти к кому-то из своих друзей, но там я, скорее всего, неизбежно пересеклась бы с Алексом. В последнее время он стал слишком уж напористым, и, кажется, вскоре все-таки придется сказать ему, что между нами ничего не может быть. Да уж, ну и неловкий же разговорчик мне предстоит! Я корила себя за то, что вообще с ним свя-

залась, но деваться теперь было некуда.

Но сегодня я была не в настроении объясняться с ним, поэтому я предпочитала трусливо прятаться в своей комнате. Я знала, что у Бена, как и всегда в пятницу вечером, соберется вся их компания. Ох, как же мне хотелось к ним присоединиться: в умении весело проводить время им не было равных, а мне сейчас срочно нужно было развеяться. К тому же, я уж точно не встречу там Алекса, потому что его туда никто не приглашает. Но, как ни неприятно было это признавать, мне страшновато было заявиться к Бену и его друзьям, да еще и одной. Я заметила, что они только первое время устраивали шумные многолюдные вечеринки, а вообще предпочитали развлекаться только своей элитной компанией, состоящей из одних старшекурсников. Из младших к ним был вхож только Грег, да и то благодаря брату. Поэтому сейчас я мучилась сомнениями, стоит ли заявляться к ним, понадеявшись, что там будет Грег, или же я буду выглядеть навязчиво. Да и мои взаимоотношения с Грегом продолжали оставаться крайне странными... Эти остатки былой неуверенности разозлили меня, и я резко встала, намереваясь все-таки заглянуть к кому-то из друзей – бездействие попросту убивало меня. Ну и черт с ним, с Алексом! Не хватало еще, чтоб из-за него я изнывала от скуки, когда все веселятся. В любом случае мне придется поговорить с ним, так почему бы не сейчас?

Однако не успела я выйти в пустынный коридор и пройти

нескольких шагов, как вдруг меня окликнул чей-то громкий голос. Я обернулась, и на другой стороне коридора увидела Грега. Он стоял, глядя на меня так удивленно, словно совсем не ожидал здесь увидеть. А затем энергичным шагом направился ко мне с такой сияющей улыбкой на лице, от которой я потеряла дар речи. Приветствие буквально застряло у меня в горле при виде его решительного лица. Грег же, не сказав ни слова, заключил меня в объятия. Разумеется, это лишь обычное приветствие, и все же он прижал меня к себе гораздо крепче, чем раньше, и явно не спешил отпускать меня. Я невольно вспыхнула, попытавшись отстраниться, правда, не слишком активно. Его сильные руки переплелись за моей спиной, и странное чувство горячей волной разлилось по моему телу.

Наконец Грег разжал руки, и я отступила назад на несколько шагов, чувствуя, что мне не хватает воздуха. Повнимательнее взглянув на него, я поняла, что сегодня он выпил больше обычного. Наверно, поэтому он и не так хорошо контролировал себя, как раньше. Но голос его прозвучал вполне твердо и осмысленно, когда он поинтересовался:

– Ты сегодня одна, Летиция? На тебя это непохоже. А где же твой дружок Алекс, почему не развлекает тебя?

В тоне Грега не было ни враждебности, ни агрессивности. И все же в нем явно проскользнули нотки насмешливого самодовольства, словно он прекрасно понимал, что Алекс ему не соперник, и догадывался, до какой степени он надоел мне.

И все же его постоянное присутствие рядом со мной действовало ему на нервы. Не понимая, зачем я это делаю, я решила нарочно подзадорить его.

– Я, по-твоему, должна таскать его за собой днями и ночами? Но, если ты, – я сделала ударение на последнем слове, – так уж им интересуешься, то могу позвать его. Один мой звонок – и он здесь.

Его глаза остро блеснули, но он оставил мою провокацию без ответа. Вместо этого он сменил тему разговора.

– Так что, раз уж ты сегодня скучаешь, может, присоединяешься к нам, или ты решила насладиться одиночеством?

Внутри меня всколыхнулось уже знакомое чувство нетерпеливого предвкушения, но я нарочито равнодушно пожала плечами.

– Вообще-то, сегодня я действительно хотела немного отдохнуть. Но, если ты приглашаешь, то я немного позависаю с вами.

И когда только я начала разговаривать этим игриво-подзадоривающим тоном?

Грег только усмехнулся и, приобняв меня за талию, подтолкнул в сторону лестницы. Мы вместе направились в комнату его брата, по дороге бросая шпильки в адрес друг друга, как обычно. И все же что-то неуловимо изменилось. У меня было чувство, что мы вплотную подошли к пределу, дальше которого я уже теряла контроль. Я не осознавала до конца, что происходит, но тем более мне было интересно, что будет

дальше. Моя жажда новых впечатлений разгоралась с каждой секундой.

Вечеринка у Бена проходила по обычному сценарию. Полутемная комната, бутылочки с пивом, стаканы колы с водкой, запах тяжелых сигарет и травки. На колонках проигрывался очередной популярный трек, правда, на этот раз довольно приглушенно. Людей в комнате было гораздо меньше обычного. Я со смущением отметила, что там не было практически никого из моих знакомых, а, значит, мне нужно будет держаться рядом с Грэггом. Бен и его компания полулежали на диванах, пребывая в том расслабленном состоянии, когда им не хотелось ни шутить, ни танцевать, ни особо разговаривать. Они лишь с закрытыми глазами покачивали головой в такт музыке и время от времени чиркали зажигалкой, блаженно затягиваясь сигаретами и выпуская клубы ароматного дыма. Я поняла, что сегодня почти все явно были под кайфом, и мне впервые стало слегка не по себе.

Грег же непринужденно опустился прямо на пол, облокотившись о стену, и, потянув меня за руку, усадил близко рядом с собой. Бен слегка приоткрыл глаза, посмотрел на младшего брата и одобрительно усмехнулся краешком рта, но ничего не сказал. Меня смутила эта улыбка, поэтому я поскорее схватила первую попавшуюся бутылочку с пивом, хотя я его и терпеть не могла. Грег предложил мне сигарету, и я не стала отказываться: я приучилась курить за последние недели, проведенные в общежитии. Это вышло как-то незаметно:

ровно, как и все изменения, произошедшие со мной. Кажется, раньше запах сигарет внушал мне отвращение, – теперь же я с наслаждением выпустила густой ментоловый дым.

Однако, чего я точно не ожидала, так это того стремительного эффекта, который произвел на меня алкоголь вместе с сигаретами. Я опьянела значительно сильнее и быстрее обычного. Комната начала медленно плыть перед глазами, так что я обрадовалась, что сижу на полу. Но в этом были и свои плюсы: неловкость и настороженность улетучились без следа, растворившись в сигаретном дыме.

Словно сквозь густой туман, до меня долетали обрывки разговоров, но я никак не могла сосредоточиться на них. Мысли путались, а виски начало ужасно ломить.

«Наверное, не нужно было одновременно пить и курить», – машинально пронеслось в голове. Мне срочно нужно было на воздух. Я медленно поднялась и, пройдя мимо находящейся в полубессознательном состоянии компании, вышла на балкон. Ночная прохлада приятно охладила разгоряченную кожу. Головная боль отступила, хотя туман перед глазами так до конца и не развеялся.

За моей спиной послышались шаги, и кто-то набросил мне на плечи кофту.

– С тобой все в порядке, Летти? – участливо спросил Грег, озабоченно глядя на меня. – Тебе не плохо?

– Порядок, – улыбнулась я, польщенная его заботой. До меня донесся едва уловимый аромат одеколona от его коф-

ты. – Голова немного разболелась.

– Это из-за духоты и запаха травки. Эти идиоты надымили так, что даже я едва не отключился.

Я засмеялась, с облегчением почувствовав, что мне стало гораздо лучше.

– Ты забыла, – он протянул мне бутылочку с пивом.

– Ах, да. Спасибо.

Если честно, алкоголя на сегодня мне было более, чем достаточно. Но Грег так пристально смотрел на меня, что у меня неожиданно пересохло в горле, поэтому я торопливо сделала глоток. Грег же усмехнулся своей непринужденной улыбкой, вытянул сигарету и чиркнул зажигалкой. Я молча потягивала пиво. Вдруг Грег, ничего не говоря, протянул мне свою зажженную сигарету. Следуя какой-то непонятной игре, которую он вел, я взяла сигарету, едва не опалив себе пальцы, медленно втянула в себе ароматный дым и выдохнула его тонкой струйкой, неотрывно глядя ему прямо в глаза. Мне определенно нравились его сигареты.

Голова снова закружилась.

– Как красиво, ты не находишь? – неожиданно сказал Грег.

– Что? – не поняла я.

– Небо сегодня очень красиво, – объяснил он, подняв голову вверх. – Иногда за светом бесчисленных огней Нью-Йорка я забываю, как красиво звездное небо.

– Я не думала, что ты относишься к типу парней, которые

любят смотреть на звезды, – засмеялась я, совсем развеселившись. Ну что он опять задумал?

– Почему это? – тон Грэга вдруг показался мне непритворно обиженным. – Думаешь, меня интересуют только вечеринки и выпивка?

– Нет, я совсем не то хотела сказать, – мне вдруг стало стыдно за то, что я так поверхностно судила его. Я совсем перестала задумываться о том, что не только у меня есть внутренний мир, скрытые страхи, страсти, желания, сомнения, мечты. Все те, кто находились сейчас за моей спиной в прокуренной комнате, сидели в одинаковых позах, с почти одним и тем же бездумным выражением лица, однако у каждого из них была собственная история и собственная загадка. Каждый из них к чему-то стремился и от чего-то бежал. Почему-то раньше мне это не приходило в голову. Я вдруг подумала, что мы ничего друг о друге не знаем. Все мы.

И от этих мыслей я неожиданно почувствовала прилив симпатии к Грегу. Мне захотелось непременно объяснить перед ним свои слова.

– Знаешь, я часто думаю, что люди сейчас стали слишком сосредоточены на реальном, материальном мире, не замечая ничего за пределами этих рамок. И это не оттого, что они ограничены или глупы. Просто так складывается. Пока мы еще дети, мы удивляемся красоте этого мира, восторгаемся переливами радуги после дождя, и солнечными зайчиками на стенах, и разноцветными крыльями залетевшей в комнату

бабочки. Мы живем чувствами, ощущениями, фантазиями. А затем мы вырастаем, и нам становится этого недостаточно. Мы начинаем нуждаться в деньгах, и в дорогих машинах, и в престижной работе. Мы стремимся достичь устойчивого положения в обществе, и постепенно наша жизнь ограничивается только границами этого стремления. Мы каждый день просыпаемся с одними и теми же мыслями, занимаемся одними и теми же вещами, идем в одни и те же места. И вскоре, день за днем, наши чувства притупляются, а умение видеть красоту в незначительных и простых вещах постепенно исчезает, пока не умрет окончательно. Мы перестаем смотреть в небо, и на этом заканчивается необратимое превращение во «взрослых».

Я понимала, что алкоголь развязал мне язык, и меня начинало «заносить», все больше отклоняя от темы. Но сейчас, когда я стояла рядом с Грегом на балконе и смотрела на звездное небо, мне непременно захотелось выразить эти мысли, не раз бродившие у меня в голове. Я поняла, что уже целую вечность не задумывалась ни о чем более серьезном, чем весело проведенные выходные или удастся ли мне удержать рядом с собой Алекса, не допуская его слишком близко. Мои размышления понеслись все дальше и дальше...

Я замолчала, спохватившись, что Грег наверняка думает, что я болтаю какую-то ерунду. Но нет, он смотрел меня очень внимательно и ловил каждое мое слово. Под его неотрывным взглядом я почувствовала себя совсем неуютно и

решила поскорее разрядить обстановку.

– Кажется, мне уже пора завязывать с алкоголем, – весело сказала я. – Когда я в таком настроении, я вполне могу развести философию ни хуже Сократа, а всех находящихся вокруг заставлю меня выслушать.

Грег рассмеялся и, неожиданно оборвав смех, резко приблизился ко мне.

– И все-таки ты удивительная, Летиция, – тихо сказал он. – Я не могу за тобой угнаться. Сначала ты дразнишь меня, потом заставляешь задуматься, а как только я начинаю проникаться тем, что ты говоришь, тут же смешишь меня и напрочь сбиваешь весь высокий посыл.

– Я не дразню тебя, – хрипло ответила я, почему-то выхватив только эту часть его фразы.

– А, по-моему, как раз этим ты все время и занимаешься, – усмехнулся Грег. Он выхватил из моих ослабевших рук пиво и сделал большой глоток.

Я вдруг поняла, что наш диалог принимает неожиданно личный оборот, к которому я не была готова. Я совершенно растерялась, и уже не была уверена ни в одном из бушующих во мне чувств.

– Эй, ты пьешь из моей бутылки! Отдай немедленно! – вдруг спохватилась я.

– А ты отбери, – громко рассмеялся он и отошел на несколько шагов.

Решив поддержать игру, я рванулась за ним, промахну-

лась и, немного потеряв равновесие, едва не упала. Грег, смеясь, поддержал меня, и я оказалась зажатой между шершавой стеной и его телом.

– Тебе нужно быть осторожнее, Летиция, – тихо сказал он. Его лицо было прямо перед моим. Слишком близко.

– Наверное, – сказала я. Мои губы оказались на расстоянии всего нескольких сантиметров от его и, совершенно механически, сама не понимая, что делаю, я позволила этому расстоянию сократиться до нуля.

В следующее мгновение, абсолютно непостижимым образом, я уже целовалась с Грегом, стоя на балконе комнаты, полной незнакомыми мне людьми. Мысль о том, что кто-то в любой момент мог зайти сюда, промелькнула и погасла, вытесненная гораздо более насущными вещами. Например, тем, что рука Грега зарывается в мои волосы, а его язык переплетается с моим. Наш поцелуй был со вкусом его ментоловых сигарет. Одурманенная, я закинула руки ему на плечи, провела кончиками пальцев по щекам, обхватила шею. Его руки скользили по моему телу и волосам, я чувствовала жар его настойчивых губ на своих собственных. Его накал передался мне. Каждая клеточка моего тела пылала. Его губы переместились мне на шею, и я почувствовала себя словно в одной из романтических сцен своих любимых фильмов. И я со всей пробудившейся внутри меня чувственностью подавалась ему навстречу, готовая на все, лишь бы эта эйфории никогда не кончалось, а его губы продолжали целовать

меня...

***

Из блаженного состояния меня вывел скрип двери. Какому-то парню (я так и не поняла, кто это был) тоже захотелось подышать свежим воздухом. Он только весело хмыкнул, заметив нас с Грегом, и отошел на другую сторону, явно не смущаясь тем, что прерывает нас. Грега тоже явно мало волновало его появление, и он, лишь кинув на парня мимолетный взгляд, снова закрыл глаза и потянулся к моему лицу. Однако, хоть я и совершенно потеряла способность думать, чужое присутствие немного отрезвило меня, и я приложила пальцы к губам Грэга, останавливая его.

– Сюда скоро подтянутся и остальные, – сдавленным шепотом сказала я, едва сдерживая его.

– Какое нам с тобой дело до остальных, – улыбаясь, спросил он, крепко держа меня за талию и не позволяя отстраниться. – Или ты стесняешься того, что мы делаем, Летиция?

Ему так нравилось называть меня полным именем.

– Конечно, я не стесняюсь того, что мы делаем, – засмеялась я. – Но я не люблю сцен на публику. Хочу, чтоб здесь были только ты и я.

– Я ничего не хочу так, как этого, – он улыбнулся своей обольстительной улыбкой, взял меня за руку и толкнул дверь. – Идем отсюда. Надеюсь, мы не покажемся невежливыми, покинув шоу раньше времени.

Никто не окликнул нас, и мы незаметно выскользнули из комнаты. Рука Грега мягко выскользнула из моей и переместилась на талию. Я не соображала ни куда мы идем, ни где вообще находимся. Все случившееся было настолько неожиданным и сумасшедшим, что я уже совершенно ничего не понимала. В голове крутилось только несколько мыслей: я нравлюсь Грегу, несмотря на то, сколько девчонок буквально вешалось ему на шею. Несомненно, это было так, иначе он не мог целовать меня настолько упоительно... Я уже и забыла, что совсем недавно была абсолютно уверена в своей равнодушии к нему. Что ж, значит, я ошибалась. Да и какая разница, если его прикосновения доставляли мне неизъяснимое блаженство, и я чувствовала себя абсолютно счастливой. Словно во сне, мимо меня изредка мелькали смутно знакомые лица, оборачивались нам вслед, но я не узнавала ничего и никого...

... А затем мы как-то совершенно незаметно оказались в комнате Грега. Он отпустил меня и отвернулся, чтоб закрыть дверь. Мы остались совершенно одни.

Даже за эти секунды я уже ощутила острую потребность вновь дотронуться до него и, как только он вновь повернулся ко мне, притянула его к себе, обняв за шею. Я услышала его учащенное дыхание, и победно улыбнулась. Он тяжело опустился на кровать и потянул меня за собой, так что я буквально рухнула на него. Он ничуть не растерялся и снова крепко прижал меня к себе. Наши тела соприкасались. Губы

Грега скользили по моей шее, а затем его руки скользнули мне под футболку и поползли по обнаженной спине.

И тут туман в моей голове резко развеялся, словно под палящими лучами солнца. Я открыла глаза. У меня еще не было такого близкого опыта с парнями, поэтому уверенные движения Грега вызвали у меня страх. Тут только я сообразила, что все происходит слишком быстро, слишком интимно, слишком... неправильно. Все мое тело напряглось под его руками. Чувство расслабленной эйфории, навеянной алкоголем, сигаретным дымом и его страстными поцелуями, немного ослабло. Я отстранилась.

– В чем дело? – хрипло спросив Грег, проведя рукой по моим волосам. – Что-то не так?

– Не знаю, Грег, – слабым голосом ответила я, пытаюсь высвободиться. – Что мы вообще делаем? Так не должно быть. Это неправильно.

Он остановился и успокаивающе приподнял мой подбородок, заставив взглянуть ему в глаза.

– Что же здесь неправильного, Летиция? Ты сводишь меня с ума, и сама прекрасно это видишь... Но, если ты не хочешь, мы можем остановиться. Все зависит только от тебя.

– Что я слышу? Неподражаемый Грег зависит от моего желания? – игриво спросила я, вновь чувствуя себя в безопасности.

– Нуууу... Все иногда бывает в первый раз.

И он вновь поцеловал меня, и вновь его руки заскользи-

ли по моему телу, но я уже не могла, не хотела его останавливать. Все, что он делал, будило во мне невиданные раньше ощущения, о существовании которых я и не подозревала. Все мое тело трепетало и само подавалось ему навстречу. Все мое существо требовало еще больше внимания, еще больше поцелуев, еще больше его...

...В дверь раздался оглушительный грохот.

– Какого...? – недовольно выругался Грэг, отстраняясь от меня. – Кого это сюда принесло?!

Грохот не прекращался и не оставлял сомнений в том, что возмутитель спокойствия не собирается уходить просто так. Я взглянула на Грега и увидела, что его лицо немного напряглось. Он извинительно посмотрел на меня.

– Наверняка это Райан снова перебрал и перепутал комнату. Сейчас я быстренько спроважу его, ладно?

Я постаралась быстро привести в порядок свою одежду, торопливо натягивая футболку. Грег поднялся, открыл дверь и тут же отступил назад. За дверью был не Райан.

В комнату, как разъяренная фурия, ворвалась Мэдисон.

***

В одном Грег не ошибся – наша посетительница явно выпила лишнего. Мэдисон тяжело дышала, и ее затуманенный взгляд быстро переходил с Грега на меня, особенно пристально задержавшись на моей находившейся в полном беспорядке одежде. Ее лицо попеременно искажала то сарка-

стическая улыбка, то гримаса ярости.

– Простите, я, кажется, немного не вовремя, а? – издевательски протянула она.

– Как видишь. Чего тебя надо, Мэдисон? – грубо сказал Грэг.

– Вот, значит, как, Грегги. Стоило тебе найти новую юбку, как ты тут же растерял всю свою вежливость. А каким был совсем недавно... А я вот тоже решила поразвлечься и посмотреть на то, как ты стараешься усидеть сразу на нескольких стульях. И, судя по тому, что я вижу, у тебя это хорошо получается, – она хрипло рассмеялась, но ее глаза сверкали от гнева.

– Давай обойдемся без сцен, – поморщился Грег, но она уже не слушала его, переключившись на меня, стоявшую в абсолютной растерянности посередине комнаты.

– Хотелось бы мне знать, что же он наплел, чтоб заставить тебя раздвинуть ноги, а дорогуша? Я же знаю, на это он мастер. Кстати, каково это, быть его развлечением на один вечер?

– Заткнись, Мэдисон, – сказал Грег, но в голосе его не было решительности, а лишь неудовлетворение и досада, что все пошло не по его плану. Я же внимательно смотрела на них с Мэдисон, и пелена постепенно спадала с моих глаз.

Может, я и действительно нравилась Грегу. Но во многом им двигало желание вызвать во мне те же чувства, который он без труда завоевывал во многих других девчонках. Я дол-

гое время не поддавалась ему – и он терял голову. Вид Алекса рядом со мной только подзадоривал его. Он хотел добиться меня, жаждал восстановить свой авторитет в собственных глазах, доказать, что никто ему не чета. Мэдисон же, судя по всему, уже успела наскучить ему, однако она была лишь доступным вариантом, самым идущим ему в руки. Почему бы и не воспользоваться им?

А по яростному взгляду Мэдисон, в глубине которого затаилась скрытая боль, я поняла, что к Грегу у нее явно были сильные чувства. Наверное, поэтому она и мирилась с его нарастающим равнодушием, с его увлечением другой. А что касается меня... Что ж, Грег, проявив чуть больше упорства, без особых усилий добился меня. Я была раздавлена тем, насколько легко я уступала ему. Да, скорее всего, вскоре я быстро потеряла бы его интерес так же, как и она... В сравнении с тем, в каком романтическом свете мне виделось все происходящее между нами с Грегом, это грубое выяснение отношений показалось мне настолько грязным, что меня затошнило.

Мэдисон явно предвкушала, что я наброшусь на Грега, требуя объяснений, и она сможет вдоволь насладиться моим унижением. Но я только молча смотрела на него. Я ждала, чтоб он выгнал ее, надеялась, что я ошибаюсь, что ему и вправду дороги мои чувства, что он оградит меня от ее оскорблений. Но ничего этого не было. Он лишь стоял и наблюдал, как будут разворачиваться события. Что могло луч-

ше польстить его самолюбию, чем вид ссорившихся из-за него девушек?

Ну уж нет. Такого удовольствия я бы ему не доставила.

– Мне нечего сказать, – холодно сказала я, чувствуя себя совершенно раздавленной. – Можешь заканчивать с ним, Мэдисон. Мне наплевать.

Я направилась к выходу мимо Мэдисон, бросившей на Грега торжествующий взгляд. Только тут я заметила собравшиеся в проходе любопытные лица, которые возбужденно переговаривались, явно наслаждаясь разыгравшимися страстями. Что ж, я находилась в самом центре внимания, как всегда того и хотела, но почему же тогда мне так паршиво? Мои щеки запылали под направленными на меня взглядами, но я собрала последние остатки сил и с каменным лицом проследовала мимо них.

Я почувствовала, как кто-то схватил меня за руку и порывисто повернул к себе. Он.

– Летиция, прошу тебя, не уходи, – торопливо заговорил Грег. – Дай мне объяснить. Не позволяй ревнивым словам Мэдисон разрушить все между нами. Я много раз говорил ей, что она меня не интересуется, но она не хотела слушать меня. Я не хочу, чтоб ты уходила. Давай поговорим наедине. Прошу тебя, Летиция.

Мне стало противно от прикосновения его рук, которые всего несколько минут назад доставляли мне такое наслаждение. Я вырвалась, размахнулась и со всей силы ударила

его по щеке. На ней моментально расплзлось красное пятно.

– Пошел ты, Грег, – сказала я и, уже не останавливаясь, побежала к себе в комнату.

Слезы душили меня.

Глава 7

Скоро жизнь вернулась в обычную колею. Конечно, первое время за моей спиной слышались смешки и пересуды, а Мэдисон при встречах насмешливо-презрительно смотрела на меня. Всю следующую неделю после того злополучного вечера я не могла заставить себя выйти из комнаты. Мне казалось, что в подробности того скандала уже посвящены буквально все, и все обсуждают и осуждают меня.

После того, как я обдумала все на свежую голову, все произошедшее показалось мне еще более унижительным. Когда я представляла, насколько глупой и легкодоступной я выглядела со стороны, мне хотелось забрать вещи и навсегда покинуть город. Я была уверена, что все будут смотреть на меня с презрением до конца моего пребывания здесь. Клеймо, выжженное в самом начале, не исчезнет просто так. Стараниями обольстительного Грега и мстительной Мэдисон я выглядела лишь игрушкой в выяснении их отношений. Никто больше не станет воспринимать меня всерьез. И я бы вполне могла бы справиться с этим, если бы не вспоминала, как хорошо мне с ним было... Впервые за всю жизнь я столкнулась с тем, насколько губительной оказалась пропасть между моим романтизированным восприятием и грязью реальности.

Но уже через несколько недель произошла нашумевшая драка между несколькими старшекурсниками с привлече-

нием полиции, так что все благополучно обо мне забыли. Мне как-то не приходило в голову, что большую значимость это происшествие имело только для меня. Для всех остальных это стало лишь беглым эпизодом бурной студенческой жизни, изрядно повеселившим всех. Впрочем, один плюс во всей этой истории нашелся и для меня. Выяснение отношений с Алексом отпало само собой.

Конечно, не могу сказать, что мне удалось быстро восстановить равновесие. Первое время я не могла даже пройти спокойно мимо Грегга. Я совершенно не представляла, как мне себя с ним вести. Однако он избавил меня от необходимости размышлять над этим вопросом. Он просто... начал вести себя, как ни в чем не бывало. Весь его вид говорил о том, что все случившееся он воспринимает лишь как веселое забавное происшествие. Мол, чего только не происходит на вечеринках? Немного подумав, я пришла к выводу, что лучшим решением для меня будет последовать его примеру. Обижаться и игнорировать его значило делать вид, что на мне наша с ним близость оставила отпечаток, который я не могла стереть. Поэтому я переняла его беззаботную манеру, и мы время от времени перебрасывались поверхностными фразами, делая вид, что в тот вечер не произошло ничего значимого. Вернее, это я усиленно пыталась делать такой вид, а вот он, судя по всему, и в самом деле так считал. Возможно, после того, как я влепила ему пощечину на глазах у всех, он чувствовал себя уязвленным и униженным, пред-

почитая больше не проявлять ко мне никаких знаков внимания.

Что ж, я не могла похвастаться тем же. Для меня после того вечера все в корне переменялось. Грег заставил меня испытать головокружительные любовные переживания, в которых я так нуждалась. Благодаря ему я открыла чувственность своего тела, его раскованность, его податливость. Все это было так непохоже на все, что я испытывала раньше, и теперь мне мучительно хотелось пережить это снова.

К тому же, мне не давала покоя еще одна мысль. Меня неприятно уязвляло то, насколько легко Грег смог забыть меня. Я не признавалась в этом даже самой себе, но все же была втайне уверена в том, что он придет просить прощения за тот скандальный инцидент с Мэдисон. Скажет, что все мы не могли рассуждать здраво в тот вечер. Скажет, что он не хочет меня терять. Скажет, что все, что он мне шептал на ухо, было правдой, что его чувства были искренни, что слова Мэдисон были лишь плодом ревности ко мне... Во мне все еще тлела крошечная надежда, что не могли все наши поцелуи, все прикосновения с Грегом быть лишь следствием алкоголя и путем его самоутверждения. Не могло это все быть ложью. И хоть здравый смысл говорил, что так оно и было, однако признать это значило принять то, что меня попросту использовали, а я была лишь глупой наивной девчонкой.

Но Грег не предпринял ни единой попытки развеять эти мысли, и мне оставалось лишь спрятать свои разворошен-

ные чувства глубоко в сердце. С этого момента в разговорах я упоминала о происходящем лишь с мимолетной улыбкой, показывая, что для меня это ровным счетом ничего не означало. Я научилась сдерживать свои эмоции и вскоре уже владела собой настолько, что при встречах с Грегом не только ничем не выказывала смущения, но даже и сама начала верить в равнодушие к нему. В конце концов, до той чертовой вечеринки так оно и было.

...и только, вспоминая, как переворачивалось все внутри от ощущения его обжигающих губ на своих, его уверенных рук на обнаженной коже, переплетения наших тел меня всю охватывал огонь затаенного желания, который не давал мне спать по ночам и заставлял переворачиваться с боку на бок.

***

Проходил месяц за месяцем, и я все больше катилась под откос.

Постоянные вечеринки в ночных клубах постепенно стали неотъемлемой частью моей жизни. Круг моих так называемых друзей и поверхностных знакомых расширялся все больше и больше, выходя за пределы общежития. Мое времяпрепровождение становилось все более сумасшедшим. В то время, когда мы не отплясывала ночи напролет на танцплощадке, мы зависали у кого-то на съемной квартире, на полной скорости колесили по ночному городу в забитой до

отказа машине или отправлялись на выходные за город, но-
чуя в дешевых хостелах или прямо в машине. Я словно ста-
ралась за несколько месяцев изведать и испробовать все, че-
го не испытывала в своей скучной и однообразной жизни до
приезда в Нью Йорк.

Удивительным образом, мне все еще удавалось учиться на
вполне приемлемом уровне для того, чтоб в колледже не воз-
никло неприятностей. Наверное, сказались мои природные
способности к быстрому схватыванию информации и дис-
циплинированность в школьные времена, благодаря которой
я могла быстро зазубрить необходимый материал, особо не
вникая в него. Однако первоначальный интерес к учебе на-
чал значительно ослабевать, пока не исчез совершенно. Лек-
ции превратились для меня в скучную необходимость, зани-
мающую столь бесценное время, которое можно было про-
вести так весело. Я частенько стала пропускать первые пары,
отсыпаясь после бессонных ночей. Закрывать прогулы ста-
новилось все сложнее.

Но, какой бы беспечной я не казалась со стороны, я не
могла обрести спокойствия. Жажда вновь испытать ощуще-
ния, которые Грег разбудил во мне в тот вечер, гнала меня
вперед. Мне хотелось быть чувственной, раскованной, абсо-
лютно сумасшедшей... и любимой. Я так и не смогла сми-
риться с его равнодушным отношением ко мне после того
вечера. Это будило во мне ярость, и я хотела во что бы то ни
стало вызвать в нем ревность. Я стала помешанной. Везде,

где только Грег мог меня увидеть, я старалась окружить себя малознакомыми парнями, тем самым показывая ему, как мало он меня волнует. И, хоть я и понимала, что ничего уже не изменить, но совладать с собой не могла. Только увидев его, я полностью теряла контроль над собой, и мое тело отказывалось подчиняться моим командам. Какой-то неведомый инстинкт заставлял меня начинать отчаянно флиртовать с ближайшим парнем, склоняясь к нему и улыбаясь его шуткам. Однако, если мои действия и вызывали у него какую-то реакцию, то он очень хорошо ее скрывал, а на его заигрывания с другими девушками это и вовсе никак не влияло. Неужели я была для него лишь промежуточным пунктом между Мэдисон и бесчисленной чередой других? Все это выводило меня из себя, заставляя, очертя голову, все глубже погружаться в омут заглушающего все переживания безумного угара.

Впрочем, чем больше алкоголя я принимала и чем больше сигарет выкуривала, тем меньше он занимал мои мысли, вытесненный жадной развлечений. Я танцевала на сцене в забитом потными телами клубе, полностью отдавшись потоку музыки и растворившись в огромной толпе. Я летела на бешеной скорости в чьей-то машине, ветер шумел в моих ушах, а яркие огни ночного города сливались в сплошные смазанные всполохи. Я тусовались на крышах многоэтажек, глядя на казавшийся столь крошечным мир и чувствуя себя выше всех ничтожных дрызг, так волновавших эту копошившуюся под моими ногами массу.

Я чувствовала себя отчаянной, бесстрашной и готовой на все. Я ощущала остроту жизни каждой клеточкой своего тела. Я заглушала все мучившие меня мысли и неудовлетворенные желания алкоголем и отдавалась бурному потоку развлечений и приключений. Я до безумия боялась остаться одной, чтоб осознание неправильности происходящего не успело проникнуть в глубины моего сознания. Поэтому я стремилась примкнуть к любой компании, в которой могла забыть обо всем. Я вышибала клин клином, пытаюсь затмить чувство эйфории, испытанное с Грегом, острыми ощущениями от сомнительных мероприятий. Я создала новую Летицию Дэвис – которая была открыта к любым безумствам и не боялась ничего.

Конечно, на вечеринках многие парни пытались поцеловать меня, и иногда я позволяла им это. Однако я чувствовала лишь отвращение от губ и похотливых прикосновений этих незнакомцев. Ничего даже отдаленно напоминавшего ту трепетную чувственность, которую пробудили во мне касания Грега. И от этого во мне поднималось необузданная волна гнева. Иногда она была столь сильной, что, танцуя с очередным парнем в клубе, я резко подавалась вперед, притягивала к себе в душном полумраке чье-то незнакомое лицо и впивалась в него поцелуем, чувствуя, как чужие губы с желанием обхватывают мои. Однако... все было по-прежнему – только холодное равнодушие и гадливость. Все это были лишь механические движения тела без малейшей душевной

искры.

Моя личность, мое тщательно отточенное внутреннее «я», со своими идеалами, мечтами и фантазиями, начало все больше растворяться и рассеиваться среди множества одинаковых лиц, ежедневно окружающих меня со всех сторон. Я не могла сосредоточиться на себе, все время отвлекаемая шумом толпы. Я отчаянно пыталась удержать всплывающие обрывки мыслей, которые когда-то были для меня очень важны. Но тут в мое сознание врывался чей-то настойчивый голос, и мысль печально уносилась вдаль и исчезала.

Время от времени я пыталась читать привезенные из дома книги, однако их содержание не доходило до меня сквозь стену будничных мыслей, воспоминаний о событиях предыдущей ночи и планов на следующую. В редкие спокойные вечера мы с ближайшими друзьями, заваливаясь по несколько человек в одну кровать со стаканчиками рассыпающегося поп корна, один за другим смотрели фильмы. Однако просмотр обычно сопровождался нескончаемыми комментариями и шутками, из-за чего я не могла ни сосредоточиться на содержании, ни проникнуться настроением. Коротко говоря, мое ежедневное времяпрепровождение заключалось в посещении нескольких раздражающе скучных лекций, посиделками с друзьями, планами на вечер, выборе подходящего платья, танцами в клубах, обсуждении фильмов и будничных сплетнях. Иногда во время ночных разговоров с Лесли на меня находили былая задумчивость и мечтательность, ко-

торые, однако, улетучивались с расцветом нового дня.

А как же мои грезы о карьере актрисы? Что ж, время от времени в памяти действительно всплывали укоризненные напоминания о планах, которые я строила до переезда в Нью Йорк. Я страшно боялась этих мыслей, ведь они лишали меня покоя, назойливо шепча о том, что я предала свои мечты, которые лелеяла многие годы. Эти жужжащие в подсознании голоса мешали мне с чистой совестью наслаждаться своим веселым времяпрепровождением в Нью Йорке, что сильно выбивало меня из колеи. Я пыталась усыпить эти вкрадчивые голоса, убеждая себя то в том, что у меня еще много времени впереди, то в том, что мне нужно сначала решить проблемы с учебой в колледже. Тем более, теперь, когда я узнала настоящую жизнь и трезвым взглядом посмотрела на вещи, мне все больше казалось, что все это лишь детские фантазии и тщеславные мечты о славе, как и говорил Джордж. А вообще, думать о таких неприятных вещах мне совершенно не хотелось, особенно учитывая то, что мне жилось так легко, празднично и сумасбродно, словно я и так играла роль в веселом приключенческом фильме.

Однако ничего не могло длиться вечно. Первый учебный год прошел как-то быстро и незаметно в череде нескончаемых вечеринок и развлечений. Я без особых сложностей справлялась с экзаменами и, хотя мои оценки и были не самыми блестящими из-за частых пропусков, этого хватало, чтоб я могла благополучно закончить год. В общем, я не

столкнулась ни с какими особыми проблемами, и даже мои ночные приключения не повлекли каких-либо серьезных последствий. Но, несмотря на то, что удача благоволила мне, мне стало все тяжелее не обращать внимание на происходящие во мне изменения.

А заключались они в том, что мне становилось откровенно скучно. Первое время это злило меня. Я пила все более крепкие, кружащие голову коктейли, танцевала практически до рассвета в нескольких клубах за ночь, однако ничто уже не вызывало во мне былую остроту ощущений. Словно в насмешку, даже алкоголь почти перестал действовать на меня. Отмахиваться от терзающих меня мыслей становилось все сложнее.

Глядя вокруг более осмысленным взглядом, я стала погружаться в пучину уныния. Весь этот бесконечный фарс, многочисленная, но, равнодушная толпа вокруг, оглушающая музыка и резкий вкус текилы – все то, что помогало мне чувствовать себя живой на протяжении стольких месяцев – теперь приелось и больше не вызывало ровным счетом никаких эмоций. Все чаще я останавливалась прямо посреди танцевальной площадки в ночном клубе, не понимая, что я здесь делаю и какое отношение ко мне имеют эти люди. Каждое утро, просыпаясь с тяжелой головой после очередной безумной ночи, я все сильнее чувствовала поднимающуюся волну отвращения.

Словно просыпаясь от глубокого сна, я стала вниматель-

нее присматриваться к своему окружению, что тоже привело меня к не самым положительным заключениям. Скука пробудила мою наблюдательность, и я стала замечать то, что ранее игнорировала.

Лесли, сопровождавшая меня практически всюду, давно пустилась во все тяжкие, ища забытья от внутренней зажатости и так и оставшихся при ней комплексов. Даже немного выпив, она совершенно выходила из-под контроля, неумеренно шутила, болтала всякую чушь и вешалась на находящихся рядом парней. Ее поведение не могло не вызывать во мне жалости и затаенного презрения. Думаю, Лесли это чувствовала, так как ее отношение ко мне стало напоминать тщательно замаскированную под дружбу враждебность. С невинным видом она все чаще и чаще пускала в мою сторону ироничные и довольно болезненные комментарии, которые сильно задевали меня, хоть я и не подавала виду. Иногда, в сложные для меня моменты (например, когда у меня на глазах Грег ухаживал за другими девушками), я замечала лихорадочный огонек торжества в ее глазах, словно она радовалась, что и я тоже терплю неудачи. Как я ни отмахивалась от ее поведения, оно не могло меня не огорчать, ведь за этот год я как-то незаметно для самой себя привязалась к ней. Поэтому я предпочитала закрывать глаза на столь неприятные проявления со стороны Лесли. Я убеждала себе, что ее характер испортился от недостатка внимания, которого с лихвой хватало мне, поэтому я должна относиться к ней снис-

ходительнее.

Что же касалось остального моего окружения, то мне все больше бросалось в глаза, насколько примитивно наше времяпрепровождение: мы с ними все время говорим на одинаковые темы, убиваем свободное время одними и теми же делами и не проявляем никакого желания проникнуть глубже поверхностной оболочки друг друга, довольствуясь разговорами ни о чем. Меня с радостью встречали в любой компании, но только пока я была весела, беззаботна и готова к любым приключениям. Однако, стоило лишь мне поддаться наплыву задумчивости или грусти, как на меня тут же смотрели с недоумением и неодобрением, даже не делая попытки поинтересоваться причиной моего настроения. Все мои пробы завести разговор на волнующие меня темы быстро сводились на нет и тут же переводились в привычное русло обсуждений событий предыдущей вечеринки или планов на поездку в загородный дом на выходные.

Все события последних месяцев яркими вспышками промелькнули у меня перед глазами: я на коленях Грэга в его запертой комнате, я пью десятый стакан мартини за вечер, я танцую на сцене в тесной пьяной толпе, чьи-то руки шарают по моему телу, я целую чужие губы с привкусом текилы, я затягиваюсь тошнотворной сигаретой и кашляю от едкого дыма, я теряю равновесие, кто-то поддерживает меня, я сама веду шатающуюся Лесли... Я смотрела на себя в зеркало и видела сухие от частых обесцвечиваний волосы, пролегшие

от недосыпа голубоватые тени под глазами, вечно отекавшее лицо... Мне было противно от самой себя.

Я вспомнила, как впервые ехала в колледж, сопровождаемая сладостными мечтами об ожидающих меня возможностях, наполненная энергией и амбициями. Я хотела стать другой Летицией Дэвис. Что ж, у меня это прекрасно получилось. Однако никогда еще я не было настолько далеко от той вожаделенной реальности, которую мечтала создать. Я потеряла саму себя, растеряла среди сотен одинаковых лиц, развеяла в погоне за впечатлениями, за ощущением полноты жизни. Образ Летиции, который я одела на себя – легкомысленной, смелой и безбашенной девчонки – настолько въелся в каждую клеточку моего создания, что я и забыла, какой была на самом деле. Но этим образом я предала саму себя, став безразличной, посредственной, никуда не стремящейся и ничего не жаждущей. Конечно, так жилось значительно проще, но куда это в конечном счете меня приведет? Правда обрисовалась мне в неприглядном, но отрезвляющем облики.

Я поняла, что, мне пора прекратить все это, срезать на корню, пока я еще не совсем уничтожила себя, пока мои мечты еще не исчезли, хоть они и едва тлели где-то на задворках моей души. Я решила уехать домой как можно скорее, сразу же после сдачи последнего экзамена. Я остро нуждалась в том, чтоб немного побыть с семьей.

Я сообщила всем своим друзьям об этом в самый послед-

ний момент, чтоб у них не было возможности уговорить меня остаться с ними. Однако, как выяснилось, волновалась я совершенно зря: никто не только не думал меня отговаривать, но и сожаление по этому поводу было выражено весьма мимолетно и больше ради приличия. Дело в том, что в последнее время я проводила с ними гораздо меньше времени, почти не ездила на вечеринки, да и вообще вела себя гораздо отстраненнее, пребывая больше в собственных мыслях. Меня лишь упрекнули в том, что я стала какой-то скучной. Я ничего на это не отвечала, и вскоре меня все реже стали звать присоединиться к себе. Я не испытывала особого сожаления по этому поводу. Вот и вся цена тем, с кем я проводила дни и ночи в течение целого года.

После последнего экзамена я, как и собиралась, наскоро и немного холодновато распрощалась только с Лесли и уехала домой. Там я окончательно привела мысли в порядок, избавившись от безумного угара, в котором пребывала с момента приезда в колледж. В родных стенах, окруженная полузабытыми воспоминаниями прошлого, я по крупицам восстановила свою личность и снова смогла сконцентрироваться на себе и на своих настоящих желаниях. Все былые надежды вновь вспыхнули во мне, путеводной звездой указывая путь. Но на этот раз я пообещала себе, что больше не позволю сбить себя с курса.

В сентябре я вернулась в Нью Йорк, обновленная, воодушевленная и полная сил. И первое, что я сделала, это нашла

подработку в небольшой кофейне в не самом престижном районе, но которая позволила мне снять маленькую квартирку в многоэтажном доме в Бруклине и переехать из общежития. Сменив место жительства, мне было гораздо легче начать все с нуля. Я разорвала общение практически со всем своим прошлогодним окружением, что не вызвало сожалений ни у одной из сторон. Скорее всего, большинство из них уже давно и не вспоминали обо мне. Предыдущий год напрочь изгладился из моей памяти, оставив лишь мутноватый осадок, как остается осевшая на дне чаши горькая кофейная гуща.

В то же время я начала активно просматривать все проводившиеся в городе кастинги на съемки в кино и отправлять свои заявки.

Глава 8

Стремительно приближалось Рождество, неся с собой атмосферу праздника и волшебства. Наш небольшой городок буквально за несколько дней настолько преобразился, что я не смогла опознать привычные места. Скучные домишки с блеклыми серыми и бежевыми стенами превратились в подобие пряничных домиков из сказки, загораясь сотнями мерцающих огоньков гирлянд, спускавшихся с крыш, спиральями обвивавшихся вокруг колонн и переплетавшихся на периллах. Окошки изнутри были украшены узорчатыми бумажными снежинками и пушистой мишурой. Асфальтовые дорожки и невзрачные голые газоны были заставлены фигурками улыбающегося Санта Клауса, укутанными в вязаные шарфы ватных снеговиков и прекрасных северных оленей.

Однако настоящим чудом были любовно украшенные всеми членами семьи рождественские елки. Пушистые темно-зеленые ветви невозможно было разглядеть сквозь подвешенные разноцветные игрушки, атласные ленточки и золотистые лампочки гирлянд, свет которых весело отражался в переливающихся гранях витиеватых стеклянных украшений. Верхушки елей горделиво венчали остроконечные сверкающие звезды с едва заметными хрупкими прожилками. Начинались ежегодные негласные соревнования, чей участок выглядит красивее и наряднее.

Морозный зимний воздух звенел от едва сдерживаемого предвкушения праздника. Оживление местного населения ощущалось почти физически. Куда не глянь, отовсюду слышались бойкие переговоры, шутки, взрывы заразительного смеха и обсуждения блюд на праздничный стол и списков гостей. Выходившие из магазинчиков люди буквально сгибались под тяжестью огромных, переполненных пакетов с продуктами, с облегчением забрасывая их в багажники. Машины с непривычной частотой сновали в город и возвращались обратно уже с заботливо выбранными подарками, ожидавшими своего часа, чтоб быть торжественно врученными членам семьи. Даже самые озабоченные работой и равнодушные невольно проникались этой лихорадочной предрождественской суетой.

Я, как всегда, не принимала участия во всеобщем оживлении и не присоединялась к бурным обсуждениям. Вместо этого я одиноко сидела в казавшемся сейчас особенно пустым и унылым доме, с грустью поглядывая в окно. Сейчас я старалась еще реже, чем обычно, появляться на улицах, ведь вид делающих покупки и планирующих, как провести праздник, жителей, наводил на меня непроходимую тоску. Я спешила поскорее сделать все необходимые дела и вернуться домой, где меня поджидал только радостно виляющий хвостом Майло.

Однако мне не становилось легче оттого, что я скрывалась в четырех стенах. Мне постоянно мерещилось, что даже

сквозь запертые окна с улицы до меня доносится сводящий с ума смех. Я, как за спасительную соломинку, ухватилась за работу. Целыми днями я сидела, не отрываясь от экрана ноутбука, укутавшись в одеяло и периодически потягивая из пачки хрустящее печенье с шоколадной крошкой.

Я понимала, что сама стремилась к тому, чтоб не заводить ни с кем знакомств и жить как можно более обособленно, однако сейчас, в канун праздника, мое сердце, как никогда, тянулось к людям. Разумеется, я не ждала ни от кого приглашения на рождественский ужин, однако время от времени я случайно ловила себя на мысли, как здорово было бы иметь здесь друзей и провести праздник в шумном и веселом кругу, дарить и принимать завернутые в шуршащие обертки и перевязанные цветными лентами подарки, готовить индейку, ветчину с клюквенным соусом и пряный морковный пирог... Но, как я того и хотела, я была совершенно одна.

Это было мое первое Рождество, проведенное в одиночестве. После отъезда в колледж я каждый год возвращалась домой и отмечала вместе с семьей, так что для меня этот праздник был неразрывно связан с домашним уютом, переполненным гостями домом и вручением подарков. А вот воспоминания о последнем Рождестве причинило мне невыносимую боль, хоть это и был самый счастливый день в моей жизни. Я впервые осталась праздновать в Нью Йорке, вместе с... Но нет, лучше не терзать себя.

Конечно, я могла бы провести Рождество с семьей. Бро-

сидеть в этом пустом, одиноком доме и вернуться в родные стены. Эти соблазнительные мысли погружали меня в приятные фантазии: вот я стучусь в знакомую дверь, она со скрипом открывается, и показываются удивленные лица родителей, которые постепенно озаряются радостью. Я с криком «Сюрприз» бросаюсь им на шею и вручаю всем подарки. Мы все вместе готовим праздничный ужин, шутим, смеемся и обсуждаем, кого пригласить к себе и к кому самим отправится в гости. Уютный дом постепенно заполняется аппетитными запахами запеченного мяса и корицы, а я сижу в блаженном тепле и делюсь с родителями всеми своими переживаниями за последние годы. Бесконечное счастье заполняет каждую клеточку моего тела, и даже обычное бахвальство приехавшего Джорджа не может приглушить это чувство.

Эти мысли были настолько заманчивы, что я уже практически поддавалась искушению. Но я прекрасно знала, что, если уеду отсюда, если вернусь в расслабляющие объятия родителей, то уже никогда не смогу вновь заставить себя вернуться и обречь себя на щемящее одиночество. К тому же, я понимала, что родители не выдержат и снова набросятся на меня с расспросами, дать откровенные ответы на которые я была пока не готова. В итоге, я опять вспылю, мы перессоримся, и праздник будет совершенно испорчен... Нет уж, я дала себе слово, и я собираюсь сдерживать его. Это одиночество мне необходимо. Я должна разобраться в себе и понять, что привело меня к такому концу.

***

Стояло то раннее утро, когда спится слаще всего, а сны самые увлекательные и красочные. Сегодня, видимо, было холоднее обычного, потому что я проснулась от того, что порядком замерзла. Не открывая глаз, я поплотнее укуталась в пушистый плед. Моя щека покоилась на ласковом ворсе, и всю меня окутывало блаженное тепло. Устроившись поудобнее, я уже приготовилась вновь погрузиться в сон, однако что-то не давало мне это сделать. Что-то было не так, как всегда. Я слегка приоткрыла один глаз, но не заметила ничего примечательного. Вдруг я поняла, что то, что смутило меня, находилось не в комнате, а за ее пределами. Я перевела взгляд на окно, и еще не привыкшие к свету заспанные глаза ослепила яркая белизна, льющаяся оттуда.

Неожиданно меня охватила непритворная, восторженная детская радость. Стряхивая с себя остатки сна, я скинула с себя одеяло, и тут же моя кожа покрылась мурашками от холода. Я быстро ухватила свешивающийся со стула коралловый халат и подбежала к окну, на ходу торопливо просовывая руки в рукава.

Первый снег всегда приносит с собой ощущение чуда. А первый снег, выпавший прямо накануне Рождества, когда город уже стоит преображенный, нарядный и готовый к торжеству, вызывает ни с чем не сравнимое простое и неподкупное счастье от того, что праздник пройдет по всем прави-

лам. Судя по всему, снег шел всю ночь, потому что замело все вокруг. Искрящиеся снежные хлопья отражали бледные лучи далекого зимнего солнца, множили их и разбрасывали вокруг слепящим сиянием. Нетронутые, девственно чистые сугробы заботливо укрывали беззащитную голую землю и серые асфальтовые дорожки. Снег лежал на обнаженных ветвях деревьев, широких подоконниках и черепичных крышах, засыпал ведущие к дому ступени, набивался под порог двери, покрывал перила, невысокие скамеечки и головы Санта Клаусов. Те машины, что не стояли в гаражах, превратились в огромные белые холмы. Весь городок выглядел, как поздравительная рождественская открытка.

Я стояла рядом с окном, и в душе моей все больше разгоралось лихорадочное возбуждение. Охваченная необузданным порывом, я обернулась и бросилась к шкафу, стягивая с себя халат и тонкую пижаму. Подхватив с полки первые выпавшие оттуда джинсы, я, прыгая на одной ноге, наскоро одела их. Натягивая на себя широкий вязаный свитер и перепрыгивая через несколько ступенек сразу, я летела к выходу. На ходу я стянула с вешалки зимнее пальто на меху, сунула ноги в высокие сапоги и распахнула дверь.

Лицо сразу же обожгло холодом, а нос защипало, однако это было приятное чувство. Сияющая белизна после полумрака дома оказалась настолько яркой, что в глазах зарябило. С наслаждением я полной грудью вдохнула чистый и свежий морозный воздух. Запасы метущего всю ночь снега

наконец истопились, и теперь у меня перед глазами проносились лишь редкие искрящиеся снежинки. На улицах еще никого не было, поэтому ни один резкий звук не нарушал царящего вокруг оцепенения. Казалось, чья-то всемогущая рука остановила время, решив запечатлеть этот чарующий момент. Я сделала шаг навстречу этому сияющему миру. Хруст снега под ногами прозвучал резко и громко в хрустальной тишине. Я остановилась, чтоб не нарушать царившее вокруг призрачное наваждение, похожее на сон.

А вот Майло явно не оценил всей прелести момента и с громким лаем бросился ко мне, оставляя на идеально ровной снежной поверхности глубокие борозды. Он бурно выражал свою радость от происходящего, носясь вокруг меня, подпрыгивая и ловя разгоряченным ртом ледяные кристаллики.

Вдруг он становился и несколько раз оглушительно чихнул от залетевшей в нос снежинки. Его недоуменная мордашка показалась мне такой смешной, что я расхохоталась и долго не могла остановиться, опустившись прямо в сугроб и радуясь, как ребенок. Я зачерпнула в пригоршню снег, и он серебристо засверкал, прежде чем начал прозрачными слезинками стекать по моей еще сохранившей домашнее тепло ладони. Майло подбежал ко мне, и я шутливо повалила его в снег. Он опрокинулся в сугроб, но тут же вскочил и отряхнулся, в восторге от нашей новой игры. И мы еще долго носились по заснеженному саду, наслаждаясь недолговечной,

и оттого еще более ценной красотой этого зимнего утра.

***

В тот день державшие меня в тисках уныние и оцепенение впервые за долгое время сменились веселым оживлением и жаждой жизни. Я была переполнена kloкотавшей энергией и остро нуждалась в том, чтоб ее выплеснуть. Словно очнувшись от глубокого сна, я с недоумением заметила, как сер, неприветлив и уныл мой неукрашенный и словно голый дом по сравнению с остальными, искрившимися золотистыми огоньками и развешенными на елках игрушками. Крайне раздосадованная этим обстоятельством, я решила немедленно исправить ситуацию. В конце концов, сколько же можно сидеть здесь, погруженной в жалость к себе, обиду и чувство оторванности от остального мира. Ведь сейчас Рождество, время полного обновления! Пора бы и мне наконец вернуться к жизни.

Настроенная как никогда решительно, я тут же развела бурную деятельность. Перво-наперво я, вооружившись фонариком, провела ревизию полутемных и отдающих затхлостью кладовых дяди и тети. Мои поиски увенчались успехом, и среди старого разобранный пылесоса, садовых принадлежностей и нескольких пустых банок я обнаружила коробки с елочными игрушками, искусственным снегом, мишурой, гирляндами и даже несколькими стеклянными шарами с медленно плавающими внутри снежинками. Поднимая

в воздух клубы пыли и тяжело пыхтя, я перенесла все это в гостиную и принялась за дело.

Прежде чем приступить, я щелкнула кнопкой пульта и впервые за все это время включила телевизор, правда, без особой надежды, что он заработает. Некоторое время он задумчиво потрещал, однако сжалился и все же сообразоволил включиться. На экране ожидаемо проигрывали рождественскую рекламу Кока-Колы, и я сделала погромче. Не то чтобы мне сильно нравилась реклама Кока-Колы, но наконец-то в доме раздавались еще какие-то звуки, помимо моих тихих шагов, и это сразу развеяло гнетущее ощущение пустоты и запущенности. Я сразу же оживилась, а Майло уже возбужденно рылся в содержимом коробок. Когда он поднял голову, с его шеи спускалась серебристая мишура, и он раздраженно пытался выпутаться из нее. Я со смехом помогла ему освободиться.

Не отвлекаясь больше, я начала придавать дому праздничный вид: развесила веточки елей и притрусил их искусственным снегом, расставила маленькие фигурки Санты, тонконогих оленей и стеклянные шары, наклеила на окна затейливые бумажные снежинки, прикрепила на стенах и вокруг оконных рам гирлянды. Затем я оделась потеплее и, накинув на голову капюшон, вышла на улицу, чтоб украсить дом снаружи. Занимаясь этим, я напевала продолжавшую навязчиво играть у меня в голове песенку «Джингл бэлз». Все это заняло гораздо больше времени, чем я думала, ведь

мне то и дело приходилось отвлекаться и гоняться за Майло, чтоб отобрать у несносного пса сворованную гирлянду или елочную звезду. Но мои труды были вознаграждены по достоинству.

Дом было не узнать. Он совершенно преобразился, словно сбросив с себя старую и ссохшуюся скорлупу, и предстал в новом, обновленном обличе. Вокруг украшавших вход колонн обвивалась пушистая яркая мишура. Стены и окна засияли ласковым золотистым светом гирлянд. На растущие в саду деревья я развесила небольшие стеклянные лампы, сразу же придавшие их костлявым ветвям праздничный вид. На площадке перед домом, словно приветливый хозяин, стоял набитый ватой снеговик с кокетливым котелком на голове. Правда, голова его была немного оторвана от шеи и кренилась на бок, однако я постаралась исправить это упущение, обмотав его старым бордовым шарфом, найденным в кладовой.

Но лучше всего выглядела высокая елка, которую я украсила до самой верхушки, притащив дядюшкину стремянку и рискуя свернуть себе шею. Однако все обошлось благополучно, и теперь елка горделиво посверкивала многочисленными звездочками, полумесяцами, фигурками оленей, разноцветными фонариками, лакричными конфетами и мишурой. Теперь мой дом выглядел ничуть не хуже соседских, а, главное, в его стенах снова властвовал дух жизни.

***

Наконец наступило Рождество. Я проснулась гораздо раньше обычного с детским чувством радости от наконец наступившего праздника и одновременно легким огорчением, что скоро он закончится, а завтра будет уже совсем обычный день. Но сейчас было только раннее утро, так что все еще было впереди.

Решив, что сегодня у меня непременно должен быть праздничный ужин, я отправилась по магазинам. Удивительно, однако сегодня лица делающих последние покупки людей вовсе не казались мне неприветливыми и отталкивающими, как раньше. Напротив, все они были такими располагающими и дружелюбными, что я с трудом сдерживала неожиданный порыв пожелать им счастливого Рождества.

Немного увлекшись, я полностью заполнила корзинки индейкой, яблоками, сыром, ветчиной, банками с оливками и горошком, грибами, морковью, пастернаком, беконом, ягодными заправками, соусами и множеством других вкусностей. Кажется, склонность к неумеренным покупкам передалась мне генетически от мамы. Также я купила немного сливок, сахара и корицы, чтоб приготовить эгг-ног. Каждое Рождество мы готовили этот традиционный напиток, и его пряный аромат, заполнявший собой все комнаты, был для меня неразрывно связан с праздничной атмосферой. Упаковав все это богатство в несколько холщовых сумок, я, отдуваясь, едва дотащила их до дома.

На этом этапе мой энтузиазм заметно поутих. Дело в том, что самым сложным приготовленным мною блюдо была готовая лазанья-болоньезе, которую нужно было разогреть в микроволновке. А уж рождественский стол мне и подавно был не по зубам. Но я быстро взяла себя в руки. Немного подумав, я вдруг вспомнила, что еще в первый день приезда я обнаружила тетушкину поваренную книгу и тут же небрежно засунула ее куда-то за коробку с приправами как совершенно бесполезную вещь. Пошарив рукой где-то в закромах шкафчика, я действительно обнаружила там изрядно потрепанную и испачкавшуюся книжонку. Я заглянула в содержание и с самым решительным видом отправлявшегося на фронт воина открыла ее на разделе «Рождественские рецепты».

Спустя пару часов мою кухню было не узнать: настолько бурной деятельности эта небольшая комната еще не видывала. На каждой технически пригодной для этого поверхности были разложены продукты, расставлены многочисленные мисочки и тарелочки с блюдами на разных стадиях приготовления, валялись пакетики с душистыми приправами и смесями трав, разбросаны ножи, венчики и чесночницы, а на деревянных дощечках лежали нарезанные овощи и ветчина. На всех конфорках с бульканьем кипела вода, тушилось мясо, отваривался картофель и жарились до золотистой корочки грибы. В пышущей жаром духовке запекалась индейка, щедро обмазанная клюквенным соусом и сдобренная специ-

ями. В блендере с оглушительным грохотом взбивалось тесто на пирог, а в микроволновой печи растапливалось масло. И во всей этой кулинарной какофонии с раскрасневшимся от жары лицом металась я, одновременно шинкуя куриную грудку на салат с анчоусами, готовя легкую заправку с лимонным соком, помешивая содержимое сковородок, взбивая яйца со сливками для эгг-нога, убавляя огонь под кастрюлями и прибавляя его в духовке, уворачиваясь от летящих брызг раскаленного масла и спеша выключить блендер, пока с него не сорвало крышку.

Я то и дело не могла найти нужных мне столовых принадлежностей или путала, какие из нарезанных мною сортов сыра предназначаются для салата, а какие – для нарезки. На печке уже выкипала вода, а растапливаемое масло успело пройти стадию закипания и перешло к испарению. Майло мешался у меня под ногами, из-за чего я то и дело с криками спотыкалась об него, и пытался украсть разложенные на столе аппетитные кусочки ветчины. И, судя по тому, с каким таинственным видом он сидел сейчас в дальнем углу кухни и избегал смотреть мне в глаза, ему это все-таки удалось. Однако, несмотря на всю спешку, неразбериху и сложности, я каждой клеточкой с трепетом чувствовала эту волнительную праздничную атмосферу.

Вытащив из духовки нежную, истекающую соком и источающую волшебный аромат индейку, я засунула в раскаленное жерло свой любимый морковный торт. Выпечка была

для меня уровнем, достичь которого я никогда даже не пыталась, но не могла же я оставить себя на Рождество без любимого лакомства. Ах, если бы только родители видели все кулинарные изыски, которые я сегодня наготовила, они бы всерьез задумались, не подменили ли их дочку.

Кстати, о родителях. Я весь вечер то и дело бралась за телефон, собираясь позвонить им и поздравить с Рождеством, однако, поколебавшись, клала его обратно. Конечно, большего всего на свете мне хотелось услышать их радостные голоса, однако я боялась, что мама опять начнет выпытывать, почему я покинула Нью Йорк в одиночестве, почему не приехала к ним на праздники, почему отказываюсь отвечать на расспросы. На меня нахлынут воспоминания, снова одолеет с таким трудом отогнанная грусть, и настроение будет безнадежно испорчено.

Однако родители избавили меня от сомнений, позвонив мне сами. Проигнорировать звонок, конечно же, я не могла, так что я ответила. На фоне музыки и гомона гостей я услышала их бодрые, оживленные голоса, и моментально расслабилась. Оказалось, что я переживала совершенно напрасно: мы очень тепло поздравили друг друга, и даже от мамы не прозвучало ни намек на упрек или неудобные расспросы. Видимо, она помнила о нашей предыдущей ссоре и решила больше не поднимать болезненную тему. Я рассказала им о своих кулинарных достижениях, а она перечислила все последние новости о приехавших отпраздновать с ними Рождество

друзьях семьи, и похвасталась очаровательной сумочкой от Марка Джейкобса, которую привез ей Джордж из Нью Йорка. При упоминании этого города я напряглась, однако мамалишь еще раз поинтересовалась, все ли у меня хорошо, и завила, что их двери распахнуты для меня в любое время. Яубедила ее, что у меня правда все отлично, что я тоже оченьскачаю и вскоре обязательно приеду навестить их (хотя и небыла уверена, сколько в этом правды). Еще раз поздравив ихс праздником, я положила трубку.

Из кухни уже доносились аппетитные запахи морковноготорта, в котором чувствовались соблазнительные ноткимускатного ореха и корицы. В еще более приподнятом настроении после разговора с родителями, я, напевая, начала накрывать стол в гостиной. В тетушкином комодеме удалось отыскать довольно красивую, хоть и староватую, скатерть с золотистыми ажурными краями. Застелив стол, яначала сносить из кухни все приготовленные блюда. Вскоре вся поверхность стола была полностью заставлена тарелочками, вазочками и салфетками.

Я с гордостью смотрела на творение своих рук. На тарелках аппетитными горками возвышалось рассыпчатое картофельное пюре, салат с анчоусами, канапе с мягким сыром и изумрудными оливками, чернослив, зеленый горошек, ветчина с пряными травами, брюссельская капуста, шпинат в сливочном соусе и фаршированные яйца. В самом центре всего этого великолепия величественно красовалась индей-

ка с золотистой хрустящей корочкой и ломтиками красного лука. Рядом я поставила стеклянную вазочку с любимыми трюфельными конфетами. На кухне дождался своей очереди морковный торт с пропитанными нежными сливками коржами. Конечно, мне придется объедаться всем этим еще в течение недели, зато у меня было настоящее Рождество.

Мой рот давно уже был наполнен слюной от витавших по комнате запахов, поэтому я не стала дольше себя испытывать. В мгновение ока я наполнила большую тарелку с цветочным узором всем, до чего смогла дотянуться, и с наслаждением приступила к трапезе. Словно по волшебству, все блюда получились потрясающе вкусными. Мое умение готовить действительно стало рождественским сюрпризом. Интересно, чего еще я о себе не знала?

Праздник прошел прекрасно. Я уплетала казавшиеся еще более вкусными от осознания того, что я приготовила все сама, яства. Разноцветные огоньки гирлянд плясали по стенам, как блуждающие светлячки. По комнате струилась веселая праздничная музыка. На кухне меня дождался морковный торт. В хрустальном бокале мягко пенился сладкий эгг-ног с ромом. Майло неотрывно поглядывал на индейку. Он понимал, что его ждут косточки с аппетитными кусочками мяса, так что и у него сегодня будет пиршество.

Всю меня окутывало блаженное тепло, а на душе было радостно и спокойно. И тут, совершенно неожиданно для себя, в ту минуту, когда я должна была бы страдать от того, что

в рождественский вечер сижу в одиночестве, я впервые за долгое время насладилась пребыванием с самой собой.

– Ну что, Майло, счастливого нам Рождества, – сказала я своему единственному другу.

Майло бодро гавкнул в ответ. Я улыбнулась, отсалютовала бокалом и сделала глоток.

Глава 9

Я натянула на лицо дежурную искусственную улыбочку и протянула полной женщине с озабоченным лицом чашечку латте на кокосовом молоке с карамельным сиропом. Даже не взглянув на меня, она поудобнее перехватила свою сумку, выхватила у меня кофе и торопливо выскочила на улицу. Ее место тут же занял брюзгливый мужчина с пышными усами, заказавший крепкий несладкий американо. Я в очередной раз проделала уже отточенную до автоматизма процедуру: сварила классический эспрессо, разбавила его водой, перемешала содержимое чашки маленькой ложечкой, тускло поблескивающей в неярком освещении ламп.

И так каждый божий день пять дней в неделю сразу после окончания лекций в колледже: повернуть рычажок, пропустить струю кипятка через кофе свежего помола, добавить молока, несколько ложечек сахара, сливки, по вкусу немного кокосового, карамельного или шоколадного сиропа. Между тем одни покупатели сменяются другими, безразлично смотрящими на меня и бросающими несколько отрывистых слов. Все они давно уже слились для меня в неразличимую череду одинаковых лиц, черт, голосов, жестов...

Прошло уже несколько месяцев с того момента, как я вернулась в Нью Йорк и начала жизнь с чистого листа. Я вспомнила себя в тот момент: я была окрылена и полна новых на-

дежд. Воспоминания о предыдущем году были отброшены в сторону, как стопка старого белья. Я была словно феникс, восставший из пепла, засиявшей в ореоле возрожденных амбиций. Я вновь горела страстным желанием стать актрисой. Тогда, пережив новый подъем и избавившись от всех отвлекающих факторов, я совершенно уверилась, что теперь то на моем пути не осталось никаких препятствий.

Как я уже говорила, я снимала небольшую квартирку в многоэтажном доме в Бруклине. Конечно, роскошью она не блистала: небольшая кровать, шкаф с отваливающейся дверцей, старомодные ковры на полу, поблекшие обои, изначальный цвет которых едва угадывался, заржавевший душ и диван с несколькими торчащими пружинами в гостиной. Вся обстановка квартирki кричала о том, что лучшие ее времена остались в прошлом. Всю меня передергивало от отвращения к старому и потертому содержимому помещения. Засыпая каждое утро, я мечтала о роскошной просторной квартирке с современной светлой мебелью, огромной кроватью, шикарными коврами с длинным ворсом, вместительным шкафом на всю стену с кучей полочек для всех моих туфель и белоснежным джакузи.

Однако, как бы мне не хотелось лучшего, я все-таки убралась из общежития и впервые в жизни обзавелась каким-либо личным пространством, где могла делать, что вздумается. Начало уже было положено. Теперь никто не отвлекал меня и не сбивал с пути. У меня не было соблазна вновь

пуститься в погоню за мнимыми удовольствиями, так что я могла полностью сосредоточиться на себе и своих планах.

Я бы солгала, если бы сказала, что мне было легко привыкнуть к этой новой жизни. После громогласного предыдущего года тишина квартиры угнетала меня, а непривычное одиночество навевало тоску. Время от времени я ловила себя на том, что мне хочется набрать Лесли или еще кого-нибудь из своей старой компании и отправиться на самую сумасшедшую вечеринку в городе, в угаре танца позабыв обо всем на свете. Ах, как бы мне хотелось скрасить эти унылые вечера! Все-таки перемена была слишком разительный.

Однако я сдерживала себя, понимая, что в той жизни мне уже нет места. Никто из моих прошлогодних приятелей так и не вспомнил обо мне с момента, как я уехала из Нью Йорка на лето. Думаю, у них и без меня нашлось, чем заняться. Немного грустно, конечно, но чего я, собственно, ожидала? Что они не будут давать мне проходу, выпытывая, что же со мной случилось?

И все-таки я не могла не задаться вопросом: как же так вышло, что за весь предыдущий год я не познакомилась ни с одним человеком, с которым мы бы не только вместе ходили по клубам и разъезжали по городу с бутылочками пива под зажигательную музыку? Что за удивительный парадокс – вокруг меня постоянно было столько людей, но, стоило мне перестать жить одним днем, как меня быстро позабыли. Только Лесли еще некоторое время писала, но что мне было с

ней делать? Будем откровенны: единственной причиной, по которой мы дружили, было то, что мы делили одну комнату. Больше нас ничего не объединяло.

В моменты скуки я утешала себя тем, что ради любой цели нужно чем-то жертвовать. Я говорила себе, что, хоть в прошлом году я и веселилась, как никогда в жизни, но не продвинулась вперед ни на шаг. К тому же, успеха обычно добиваются в одиночестве, а я решительно настроила себя на блистательный взлет. Ободренная таким ходом мыслей, все свободное от колледжа и работы в кофейне время я посвящала тому, что регистрировалась на всевозможных бесплатных порталах и группах по поиску актеров, и отправляла свои заявления.

Я больше, чем когда-либо, стала озабочена своим внешним видом. Я перестала осветлять волосы и решила снова отпустить их. Хорошо, что отрастали они довольно быстро и уже почти достигали талии. Благодаря тому, что я больше не шлялась ночи напролет по всему городу, у меня пропали болезненные тени под глазами и стал гораздо свежее цвет лица. Однако мне не нравился обхват моих бедер, да и вообще, не мешало бы немного похудеть.

Я не стала откладывать дела в долгий ящик и сразу же по приезду записалась в ближайший фитнес-центр. Я перечитала множество информации по различным диетам, но уже вскоре была совершенно сбита с толку, что же мне следует исключать из своего рациона: жиры, белки или углеводы.

Однако категоричным и неоспоримым было одно: от эклеров с нежным заварным кремом и шоколадных маффинов с ореховой начинкой придется отказаться. Так что теперь каждое утро я варила цельнозерновые овсяные хлопья на воде, добавляя туда орехи и сухофрукты, а по вечерам унылоковыряла листья салата и цветную капусту. Проходя мимо пекарен и кондитерских, я стоически поворачивала голову в другую сторону, стараясь игнорировать соблазнительные запахи.

Мои старания не пропали даром, и совсем скоро я каждое утро горделиво рассматривала в зеркале свой плоский живот и тонкую талию. Бедра меня уже практически устраивали, но еще было куда стремиться. Охваченная жаждой еще более эффектных результатов, я, наверное, совсем перестала чувствовать меру, потому что каждое утро после тренировки я просыпалась с такой болью, словно меня методично избивали всю ночь напролет. Кажется, все же стоило обратиться за помощью к частному тренеру, а не заниматься самой... Но тогда мне пришлось бы выходить на работу еще и на выходные, ведь денег и так катастрофически не хватало. Конечно, я могла бы попросить у родителей, но тогда у них бы возникли вопросы, откуда у меня такие растраты – они отправляли мне вполне достаточно на карманные расходы. Поэтому я продолжала до середины ночи просматривать, как правильно выполнять упражнения для подтянутых ягодиц и стройных ног, и читать о самых эффективных продуктах для

похудения. После таких бессонных ночей я просыпалась с отеками лицом и жуткими синяками под глазами. Вскоре я совершенно извелась и начала изучать все это на лекциях, чтоб высыпаться по ночам.

Но, несмотря на все мои усилия, все заявки на участие в пробах оставались без ответа. Первые недели я не волновалась по этому поводу, прекрасно понимая, что порой на сотни заявок приходится только один ответ, и нужно запастись терпением. Однако, когда прошло уже два месяца, я начала понемногу впадать в панику. Конечно, я утешала себя тем, что даже успешные актрисы не могли месяцами получить самую посредственную роль, и продолжала с неослабевающей энергией.

Но ситуация так и не сдвигалась с мертвой точки: мой профиль довольно часто просматривали, меня благодарили за оставленные заявления и иногда (очень редко) обещали связаться в случае заинтересованности. Я так и не получила ни одного предложения, но все же вера в обязательный успех не ослабевала.

Постепенно уклад моей жизни свелся к четко упорядоченной схеме: после пробуждения я пила теплую воду с лимоном, спешила на лекции, во время которых по обыкновению просматривала новые кастинги и планировала программу тренировок в тренажерном зале, отправлялась на работу и оставалась там до 7 вечера, затем, преодолевая усталость, бежала на тренировку, чтоб успеть до закрытия, и только

потом возвращалась домой. Там у меня оставалось совсем немного времени, чтоб съесть свой скудный ужин, состоящий из натурального йогурта с высоким содержанием белка и ягод, сделать необходимые задания по учебе (в половине случаев я просто откладывала их на следующий день) и проверить почту на наличие ответов на оставленные заявки. Спать я ложилась обязательно до полуночи, чтоб не проснуться на следующее утро с красными, как у зомби, глазами, и огромными мешками под ними. Впрочем, во всем моем плотном графике был и неоспоримый плюс – у меня не оставалось времени, чтоб скучать и переживать об отсутствии друзей. У меня были дела и поважнее.

Но вот уже и закончился зимний учебный семестр, а никаких видимых перемен не наблюдалось. Мне все так же не приходило никаких приглашений, и я все так же продолжала работать в осточертевшей мне кофейне. Первые месяцы я сравнительно легко переносила эту монотонную работу, потому что была уверена, что вот-вот меня пригласят сниматься в кино, и я уйду из этого места.

Однако время шло, и я постепенно начала терять надежду. Я все больше впадала в уныние и растерянность, совершенно не зная, что мне делать. Что, если все это время я была в плену ужасного заблуждения? Что если все мои мечты – действительно всего лишь пустые фантазии, которым нет места в реальности? Что, если все мои усилия, диеты, изнуряющие тренировки, работа в этом отвратительном ме-

сте, множество потраченного на поиски кастингов времени в ущерб учебе, постоянная усталость и накопившееся долги практически по всем предметам – все это пустая жертва на алтаре моих фантазий?

Я чувствовала себя потерянной, преданной, опустошенной. Чувство безнадежности все более охватывало меня. Что же мне делать дальше? Так и продолжить жить в постоянном ожидании? Я испытывала примерно те же эмоции, как путешественник, который обошел половину земного шара в поисках сокровищ, а обнаружил лишь сундук с трухой.

Всю свою жизнь я мечтала о том, что так или иначе я стану актрисой. Я рисовала себе эту картину в мельчайших подробностях. Вся моя жизнь будет проходить в съемках, репетициях, читках сценария и поездках. А в свободное время я буду посещать театры, выставки и благотворительные вечера. Я буду носить красивые платья, рассказывать интервьюерам, от какого кутюрье мой наряд, и советовать юным и неуверенным в себе девушкам, какой когда-то была я, что мечты обязательно сбываются – нужно лишь смело шагнуть к своей цели. Я настолько красочно представляла это, что уже сама уверилась в реальности этой жизни. Я даже не раздумывала над тем, что буду делать при другом развитии событий.

Сейчас же, когда все мои планы терпели разительный крах, я обнаружила, что стою в тупике. Все мои физические и душевные силы были сосредоточены лишь на одной цели,

и, если она исчезнет, я даже не могла себе представить, как дальше я буду жить. Буду работать корреспонденткой в какой-то ужасно скучной конторе? Вести колонку об экономической ситуации в стране? Брать интервью о людей, которыми хочу быть?

Что ж, в таком случае мне незачем быть худой и красивой, так что я могу радоваться – мне не придется ходить в тренажерный зал и изнурять себя диетами. Я смогу покупать себя сколько угодно эклеров и кексов и носить джинсы 8-го размера. Я смогу быть толстой, с синяками под глазами, ужасной кожей и сухими волосами. Это уже не будет иметь никакого значения. Я все равно не буду сниматься в кино и не буду никому интересна. Никого не будет волновать, как там я выгляжу.

С каждым днем я все больше и больше накручивала себя, и вскоре мною овладел настоящий ужас. Я остро чувствовала бессмысленность всего происходящего вокруг, однако продолжала стоически сопротивляться этому. Свой возрастающий страх я буквально физически заталкивала обратно, чтоб не позволить себе опустить руки. Чем больше меня захватывали мрачные мысли о том, что никогда я не стану актрисой, тем больше я истощала себя диетами и тренировками. Стремление все к большей худобе изгоняло из головы этот постоянно гложащий меня страх, ведь я была так истощена, что у меня просто не оставалось сил переживать об этом. Тренировки постепенно стали для меня новой зависи-

мостью, ведь это позволяло мне убежать от жестокой реальности так же, как это делали в прошлом году вечеринки и алкоголь. Жесткий контроль над своим телом стал для меня своеобразной компенсацией того, что все остальные мои планы полностью выходили из-под моего контроля.

И вот сейчас, в этот сырой январский день, я уныло готовила очередную чашечку кофе и с нетерпением ожидала конца смены. Как назло, на работе стрелки часов ползли с черепашьей скоростью, как будто их приклеили к стене. В животе уже который раз укоризненно заурчало – кажется, в последний раз я перекусила между второй и третьей лекцией в колледже йогуртом с ореховой гранолой без сахара. После смены поесть вряд ли удастся – на сегодня у меня запланирована тренировка. Предыдущую пришлось пропустить, ведь я вынуждена была наконец перестать игнорировать гигантское количество долгов по учебе. Целый вечер и ночь я готовила проект на тему «Значение прессы в войне между Севером и Югом 1861-1865 гг» и заканчивала реферат о стадиях развития журналистики в 19-20 веке. Но в этот раз увильнуть не удастся. А это значит, что поесть я смогу не раньше, чем через час после тренировки. А, учитывая, что будет уже как минимум 10 часов вечера, я смогу позволить себе лишь несколько соцветий брокколи или яблоко. Разумеется, все эти соображения не могли сделать моего настроения лучше, так что следующей клиентке я сунула ее латте на обезжиренном молоке довольно таки агрессивно. Она

недовольно посмотрела на меня и быстро расплатилась, не оставив чаевых.

Слава Богу, смена подошла к концу до того, как от злости, подкрепленной сосущей пустотой в желудке, я не выплеснула кофе кому-то в лицо. Падал неприятный мокрый снег, который таял, едва соприкоснувшись с грязным асфальтом. Свет тусклых фонарей плохо освещал землю, поэтому я то и дело, ругаясь, с мерзким чавканьем вступала в лужу. Скоро мои ноги совсем промокли. Не знаю, было ли мое дурное расположение духа причиной, или сегодня все высшие силы обратились против меня, однако чаевых сегодня не было совсем, а зарплата ожидалась лишь через неделю. Все присланные родителями деньги я давно спустила на тренажерный зал и несколько салонных процедур для волос (после частых осветлений в прошлом году они нуждались в тщательном уходе), так что сейчас я не могла позволить себе разъезжать на такси. Я остановилась на ближайшей автобусной остановке, зябко запахивая шарф на обнаженной шее и чувствуя себя отвратительно из-за промокших ног. От мысли, что мне еще нужно ехать на тренировку, я внутренне застонала.

Общественный автобус должен был подъехать только через двенадцать минут, так что, чтоб скоротать время, я достала телефон и начала привычно пролистывать почтовый ящик. Как всегда, ничего утешительного. Я чувствовала себя так ужасно, что даже не испытала никакой досады по этому

поводу. Я собиралась уже засунуть телефон обратно, когда вдруг мне в глаза бросилось сообщение, не замеченное ранее между рассылкой с еженедельными скидками от Барнис и очередным заданием от преподавательницы по общественной коммуникации. Сердце мое забило быстрее. Я дрожащим пальцем нажала на экран и прочитала следующее:

«Уважаемая мисс Летиция Дэвис!

Мы получили Ваше заявление на участие в съемках романтической драмы «Когда над Манхэттенем взойдет солнце» и рады сообщить, что Ваша кандидатура нам подходит. Приглашаем Вас 15 января в 11.30 на Роквэй стрит, 41. Форма одежды: повседневная.

С уважением,

Вильям Миллер,

режиссер «Голд Филм Кампани».»

Мне стоило огромных усилий не выронить телефон из рук.

***

Просто удивительно, как может одно единственное сообщение, состоящее из десятка слов, в мгновение ока полностью изменить твоё душевное состояние и преобразить мир вокруг. Мрачный вечер, холодный ветер с колючими хлопьями снега, грязная остановка и вгрызающийся в меня железными зубьями голод – все это перестало существовать. Внутри меня словно зажглось яркое пламя, которое осветило мир вокруг золотистыми всполохами ни с чем не сравнимого сча-

стья. Словно во сне, я увидела приближающийся автобус, в оранжевом свете фар которого плясали снежинки, и забралась внутрь, даже не понимая, что делаю и в нужный ли автобус сажусь.

Ноги мелко дрожали, поэтому, не доверяя им, я поскорее опустила на жесткое сиденье. Достав телефон, я снова и снова перечитывала короткое уведомление. От переизбытка эмоций кровь с утроенной скоростью циркулировала по жилам, руки не слушались, а глаза затмевала пелена. Неужели, именно в тот момент, когда я уже совсем отчаялась, провидение наконец-то протянуло мне руку?! Мне казалось, что меня окатили ушатом ледяной воды, заставив прийти в чувство. Я пережила резкий скачок от абсолютнейшей апатии до возбужденной энергичности, как разомлевший от знойной, иссушающей жары человек, резко погрузившийся в освежающие воды океана. Я чувствовала, что снова живу.

Сейчас, когда я наконец получила столь заветное приглашение, мне показалось странным, что я могла сомневаться в этом. Ведь это было моим предназначением. Разумеется, никак иначе и не могло произойти. Сила моего желания была настолько велика, что просто не допускала другого варианта событий. Поддерживающий меня внутренний огонек, который едва тлел в последние месяцы, вспыхнул испепеляющим пламенем. Я чувствовала в себе такую энергию, что, дай мне волю, я могла бы перешагнуть города и океаны. То, о чем я мечтала долгие годы, наконец сбылось, и я могла сно-

ва вздохнуть полной грудью. Могла ли я предположить, что солнце удачи засияет мне в этот промозглый, серый январский день?

Я поняла, что мне срочно нужно успокоиться и вернуть себе способность здраво соображать. Лучшим средством в таких случаях для меня был тренажерный зал, так что я направлялась по адресу. К счастью, я все-таки села в нужный автобус, и двадцать минут спустя уже нырнула в спасательное тепло помещения, продемонстрировала администратору за стойкой карточку месячного абонемента, взяла ключ от своего шкафчика и проследовала в примерочную. Там я достала свои леггинсы, короткий топ и кроссовки и начала переодеваться.

Обычно я переодевалась перед зеркалом, отмечая, насколько поменялась моя фигура в результате интенсивных тренировок. Положительные результаты были единственным поощрением, заставлявшим меня проводить в зале по два часа и есть одну овсянку и овощи. Сегодня я особенно тщательно рассматривала себя в зеркало, и осмотр совсем не удовлетворил меня. Как, интересно, всего несколько дней назад бедра казались мне вполне худыми? Неужели я успела поправиться с того времени?! Кожа на животе выглядит дряблой. В электрическом свете примерочной лицо казалось серым, а синяки под глазами особенно сильно выраженными. Проклятая учеба, это из-за нее я не могла нормально выспаться ночью!

Вдруг меня окатила ледяная волна страха и отвращения к себе. Никто не впустит меня на съемочную площадку с такими лицом и громадными бедрами, это было совершенно ясно! Нужно было срочно что-то делать, и делать в ближайшие несколько дней!

С решительностью отчаяния я бросилась в зал, как на поле боя, и вышла оттуда лишь два с половиной часа спустя с трясущимися ногами и острой болью в каждой мышце. Я не обращала внимания ни на голод, ни на усталость. У меня была одна цель: за эти несколько дней похудеть еще хоть немного и привести себя в порядок. Я поразилась и разозлилась, как можно было так не следить за собой в последнее время. Возможно, мне больше не представится шанса показать себя и заинтересовать кого-то из режиссеров, и тогда я буду сожалеть об упущенной возможности всю оставшуюся жизнь. Нет, я должна была бросить на эту борьбу все имеющиеся в моем распоряжении силы, и даже больше того. Я тут же дала себе обещание не есть вообще ничего до самого момента съемок.

Однако дома голод снова начал вгрызаться в мое измученное тренировками тело, и у меня уже не получалось игнорировать его. Пораженная предательством собственного организма, я с отвращением съела немного брокколи. Не сказать, чтоб мне стало значительно легче, однако скручивания в животе прекратились. Теперь нужно было поскорее отправляться спать, чтоб избавиться от этих ужасающих синя-

ков под глазами.

Несмотря на физическое истощение, я была переполнена энергией и воодушевлением. Теперь у меня наконец-то была не воображаемая, а вполне реальная цель, и я готова была пойти на любые жертвы ради ее осуществления. Ведь что значит небольшой дискомфорт в животе и усталость, когда на кону стоит возможное начало моей блистательной карьеры?

Представляя себе одну сцену своего будущего успеха за другой, я еще долго ворочалась со стороны в сторону и не могла уснуть.

***

Погода стояла прекрасная. Солнечные лучи благосклонно скользили по припорошенной легким снежком брусчатой мостовой. Ветер наконец успокоился и лишь едва трепал пряди волос. Все вокруг способствовало отличному настроению. Даже толкотня на улицах, казалось, была меньше обычного. Было 11 часов дня, и я, одетая в свое лучшее элегантное серое пальто, со струящимися, тщательно уложенными светлыми волосами, спешила на Роквэй стрит, попивая по дороге кофе на миндальном молоке из «Старбакс», как и полагается спешащей на съемку актрисе.

Все последние дни я ела только зеленые овощи и натуральный йогурт, чтоб заглушать бурчание живота. Я заставляла себя спать больше обычного, и сейчас, несмотря на по-

стоянно сопровождавший меня голод, выглядела отлично. На моем лице не было видно признаков усталости, а осознание того, что мое тело под пальто, велюровыми бежевыми штанами и атласной блузкой выглядит худым и подтянутым, придавало мне дополнительной уверенности. Я пол часа ровняла и расчесывала волосы до тех пор, пока они не заструились ровной блестящей волной. Мои ресницы были еще более длинными и пушистыми благодаря туши, губы нежно поблескивали розовым блеском, а отчетливо выделявшиеся на похудевшем лице скулы я подчеркнула бронзером. Несмотря на мои опасения, на лице в последний момент не вскочил прыщ, я не прожгла одежду утюгом и не облилась кофе. В общем, не произошло никаких форс-мажоров, я выглядела очаровательно, так что с виду все было прекрасно.

Но, несмотря на все располагающие обстоятельства, я пребывала в крайне смятенном состоянии. За эти несколько дней будоражащие меня эмоции немного улеглись, и я посмотрела на вещи более трезвым взглядом. Во-первых, меня очень смущало, что мне заранее не выдали слов, которые я должна буду говорить, не описали сюжета фильма, в котором нужно будет играть, в общем, не предоставили никакой информации, чтоб я могла должным образом подготовиться. Или, может, отведенная мне роль там настолько незначительна, что мне и не нужна никакая подготовка?

Во-вторых, просмотрев сообщение снова на следующий день, я поняла, что форма заполнения была автоматической,

то есть оно даже не было написано для меня лично. Это невольно наводило меня на мысль, что таких ответов, скорее всего, было разослано много, и лишь в приветствии вставлялось имя получателя. Может, на месте меня уже поджидают тысячи похожих на меня светловолосых девушек со стаканчиками Старбакс в руке, а режиссер сейчас прямо с ходу отберет ту, которая ему понравится? А может, уже отобрал, и я сейчас услышу неизменно вежливый, но небрежный ответ: «Спасибо, что уделили нам время, но, к сожалению, мы уже выбрали подходящую кандидатуру. Если в будущем мы будем нуждаться в ваших услугах, мы обязательно с вами свяжемся». Я понимала, что это обычная вещь на кастингах в кино, так что такой расклад вполне возможен.

А, быть может, сейчас еще не будет съемок, и со мной пока просто хотят познакомиться поближе, оценить мою внешность и потенциал? Что, если я действительно заинтересовала режиссера для серьезной роли, и теперь мне непременно нужно будет убедить его в правильности выбора? Но не расстроюсь ли я на месте, не ударю ли в грязь лицом в самый ответственный момент?

В общем, за это время я совершенно извела себя мыслями такого рода, и теперь приближалась к месту назначения, изнывая от страха и беспокойства.

***

Долго искать, куда идти, не пришлось. Еще издалека я

увидела огромное столпотворение людей практически в центре улицы. Сама улица была перегорожена красными лентами, чтоб случайные прохожие не мешали съемкам. То, что там проходили именно съемки, не вызывало никакого сомнения, стоило мне только подойти поближе.

Происходящее на Роквей стрит являло собой полную творческую неразбериху. На огражденной площадке, включающей часть улицы, кофейню с выползшими на мостовую круглыми столиками и тротуар возле нее, ни на секунду не прекращалось беспорядочное движение. Каждый занимался своим делом. Операторы устанавливали штативы с камерами, озабоченные чем-то и едва не подскакивающие люди со стопками измятых листков бумаги сновали туда-сюда, уставившись в текст, а кто-то разбивал в стороне небольшие палатки, внутри которых находились столики с разбросанной на них косметикой. Впрочем, были и такие, кто демонстрировал образцовое спокойствие, потягивая кофе из пластиковых стаканчиков, отщипывая кусочки от больших гамбургеров в картонных коробках или флегматично покуривая сигареты, отойдя в сторонку.

При взгляде на эту словно восставшую из моих фантазий картинку, я моментально воспрянула духом. Все внутри задрожало от возбуждения. Волнение улетучилось без следа, и я не могла вспомнить даже, почему я, собственно, волновалась. Я настолько часто представляла себе эти взбудораженные подготовки к созданию чего-то невероятного, что все

происходящее показалось мне таким привычным, словно я проходила через это каждый день. Наконец-то все встало на свои места. Я была на своем месте. Спустя всего несколько минут, я окажусь в кадре, и настоящая Летиция Дэвис обретет свободу. Моя не находившая выхода, спрятанная глубоко внутри часть воссоединиться со мной. А дальше все пойдет так, как нужно. Конечно, режиссеры заметят мой талант, и пригласят сниматься в более масштабные проекты. И тогда... О, тогда я смогу ставить свои условия, а не радостно соглашаться на все, что бы мне не предложили. У меня даже дыхание перехватило от таких мыслей! Но это все потом. Главное сейчас – это собраться и не упустить шанс, проявить себя во всей красе, использовать эту возможность на максимум...

Такие воодушевляющие мысли бродили в моей голове, пока я приближалась к развевающейся на легком ветерке натянутой ленте. Не позволяя себе испытать и доли сомнения, я с непроницаемым лицом человека, уверенного в своем праве, переступила через ограждение и углубилась в толпу, проскользнув между огромным штативом и несущемся куда-то человеком в строгом черном плаще, рассерженно выкрикивающим что-то в трубку.

Здесь я немного растерялась, не зная, куда мне направиться. Все были заняты своим делом и не обращали на меня никакого внимания. Я поспешила выбраться из толчеи и отошла к дальней стороне площадки, противоположной от ка-

фе, где кипела самая активная деятельность. Оказавшись в более спокойной обстановке, я внимательно осмотрелась.

Стало понятно, что главные события будут разыгрываться в находящихся на открытом пространстве столиках под навесом. За одним из столиков сидели парень с девушкой немного старше меня. Насколько я поняла по объективам, которые направлялись прямо на них, это и были главные действующие лица фильма. Над девушкой сейчас колдовали стилисты, поправляя берет на ее коротких жгуче-черных волосах. Обращая на них не больше внимания, чем на роящихся вокруг мошек, девушка с равнодушным видом лениво переворачивала листы сценария. Парень производил гораздо более приятное впечатление. Он весело переговаривался о чем-то с облокотившемся на спинку его стула мужчиной со стопкой папок в руке, и пускал в воздух тонкие струйки дыма. Девушка морщила носик и отворачивала голову в другую сторону.

Только теперь я обратила внимание, что все остальные стоящие вокруг меня люди, которые тоже не приближались к кафе, выглядели вполне обычно. Это были мужчины и женщины разных возрастов – кто-то на вид одних со мной лет, кто-то значительно старше – одетые в повседневные пальто, полушубки и яркие куртки. У них в руках не было ни листов бумаги, ни камер. Некоторые явно пришли группками и сейчас весело смеялись над чем-то, а некоторые стояли в отдалении, как я. Они пили кофе и чай с пластиковых стаканчи-

ков, которые раздавали в небольшой палатке в дальней части площадки вместе с засахаренными пончиками. Просто-яв несколько минут и почувствовав себя неловко, я решила тоже взять себе стаканчик с чаем, чтоб согреться, а заодно и спросить у кого-то, что мне делать и куда идти.

К палатке выстроилась небольшая очередь из нескольких человек, в основном это была молодежь моего возраста. Они переговаривались между собой, и мне удалось выхватить из их разговора отдельные обрывки фраз вроде «думаю, через пол часика освободимся», «да, как мне сказали, должны дать 100 долларов», «да там, собственно, нечего делать, посидим за столиком, и дело с концом». Я хотела обратиться к кому-то из них, но почему-то постеснялась. Последние пару минут с момента моего появления здесь лихорадочное возбуждение стало сменяться растерянностью и смутным предчувствием чего-то нехорошего. Что-то шло не так, как я хотела, однако, что именно, я так и не могла понять.

Когда подошла моя очередь, я попросила чашечку мятного чая без сахара у улыбчивой пожилой женщины с приветливым и открытым лицом. Она показалась мне очень милой, поэтому я и рискнула обратиться к ней:

– Извините, вы не знаете, кто тут Вильям Миллер, главный режиссер?

– Да кто же его не знает? – улыбнулась она, наливая в стаканчик кипяток. – Вон он, пытается что-то втолковать Вирджинии.

И она махнула рукой в сторону столиков. Я проследила за ее взглядом и увидела того мужчину в деловом костюме, который едва не сбил меня с ног при моем появлении.

– Ага. Спасибо. Как вы думаете, мне самой подойти к нему или здесь кто-то другой информирует актеров? – спросила я как можно увереннее.

– Актеров? – оно недоуменно сдвинула брови и внимательнее посмотрела на меня.

– Ну да. Мне прислали приглашение по почте и написали, что моя кандидатура их заинтересовала. Вот только мне не дали ни слов, ни вообще каких-либо указаний, что делать. Поэтому мне, наверное, нужно спросить у мистера Миллера...

– Ах, ради Бога, не нужно беспокоить мистера Миллера такими пустяками. Он сегодня ужасно злой из-за очередных капризов Вирджинии. Но, что поделать, ее типаж идеально подходит на эту роль, так что приходится мириться с ее характером, – женщина бросила неодобрительный взгляд в сторону черноволосой девушки. – А тебе не о чем беспокоиться, милая. Никаких слов разучивать не понадобится. В этой сцене говорят только главные актеры, Вирджиния и Пол. А массовка просто сидит за столиками или прогуливается по тротуару, говоря по телефону или друг с другом, как в обычной жизни. Если Вирджиния будет открывать рот только тогда, когда ее попросят, то это займет не более получаса. Затем заберешь свое вознаграждение и можешь от-

правляться по делам. Что же ты не берешь свой чай? Я бы на твоём месте поторопилась, съёмки вот-вот начнутся. Смотри, Джессика уже распределяет, кому за какие столики садиться.

Стаканчик с чаем оказался обжигающе горячим, однако я этого даже не почувствовала, потому что все внутри сковало холодом. Не поблагодарив женщину, я молча отошла в сторону, освободив место следующему в очереди. Ничего не видящим взглядом я заметила, что люди вокруг устремились куда-то, начались активные действия и громкие команды. Ничего не соображая, я побрела вслед за всеми.

Да, теперь все встало на свои места: и автоматическая рассылка приглашений, и отсутствие инструкций, и то, что никто даже не обратил на меня внимания. Все объяснилось очень просто – мне нужно было отыграть массовку в небольшой сцене. Странно, что мне вообще написали. Обычно массовку отбирают прямо на улицах. В конце концов, кому какая разница, кто там находится где-то на десятом плане за спиной главных актёров?

А в чём заключалась главная жестокая ирония всего происходящего – я даже не была удивлена. Сейчас, когда мой приговор был озвучен вслух, я поняла, что подсознательно предчувствовала именно такой поворот событий. Ведь все обстоятельства указывали на то, что ни на какую значительную роль меня, девушку без личного агента, без связей и без опыта, позвать, разумеется, не могли. Однако я настойчиво

усыпляла трезвый голос рассудка, отмахивалась от настойчивых доводов реальности и позволяла себе погрузиться в сладкие мечты, где чудеса существует, если ты очень сильно в них веришь. И это привело... Вот к чему, собственно, и привело.

Сама не знаю, почему, однако я осталась там. Я мужественно перенесла все от первой и до последней секунды. Я послушно направилась на указанное место, находящееся за три столика от Пола и Вирджинии. Я молча пересела еще дальше, когда громоздкая женщина по имени Джессика, расставляющая актеров в кадре, посчитала, что массовка слишком перетягивает внимание от главных героев. Мне даже удалось посмеяться над какой-то глупой шуткой прыщавого паренька в кепке, которого усадили за мой столик. Я сидела там и пол часа делала вид, что спокойно пью кофе и болтаю со своим партнером, пока Вирджиния и Пол отыгрывали свою сцену. Съемки затянулись немного дольше, чем предполагалось, так как девушка постоянно возмущалась, что ветер портит ее прическу. Так что совсем короткую сцену пришлось переснимать по нескольку раз, пока Джессика не закричала, что ее чертовы волосы выглядят точно так же, как и двадцать минут назад. На этом мы отсняли последний дубль, и всех коротко поблагодарили за участие. Режиссеры, актеры и сценаристы тут же занялись своими делами, а массовка потянулась за небольшим вознаграждением в виде ста долларов.

Я, не взяв деньги, развернулась и быстрым шагом направилась прочь от места съемок. Только сейчас, когда все закончилось, я почувствовала, что сковавшее меня оцепенение позволило мне уйти отсюда. Мне хотелось до последней капли прочувствовать крушение своих надежд, во всей полноте ощутить гигантскую пропасть между своими мечтами и реальным миром. Я испытала какое-то садистское удовольствие от своего унижения, от того, как жестоко меня спустили с небес на землю. Да, это именно то, что было мне нужно. Кем ты, Летиция Дэвис, девочка, едва выбравшаяся в большой город, себя возомнила? Неужели ты думала, что здесь, в месте с тысячами таких же, как ты, тебя примут с распростертыми объятиями и будут падать к твоим ногам? Неужели ты, маленькая наивная дурочка, считала, что стоит тебе захотеть, и все перепишут существующие правила так, чтоб они тебя не касались?

Теперь, сбросив свои детские очки, представляющие все в иллюзорном свете, я смогла взглянуть на себя со стороны. Для режиссеров я была лишь девочкой с улицы, без агентства, без опыта, без достижений. Я была мелькнувшим на долю секунды бликом, незначительным, ничем не примечательным, не выделяющимся из тысяч других. Нет, моя мечта не была невозможной. Но к ней вел длинный и тернистый путь – посещение актерских курсов, получение опыта, игра сначала в массовке, затем незначительные роли, тысячи кастингов... И однажды, возможно, я привлеку внимание. Но

сколько времени на это уйдет: пять, десять, пятнадцать лет? И то, это при огромных стараниях, жгучем желании, труде и изрядной доле везения... Да уж, Летиция, тебе давным-давно нужно было взглянуть в лицо реальности. Тогда, возможно, тебе было бы не так больно.

И здесь, на Роквэй стрит, в этот ничем не примечательный безоблачный январский денек, я пережила один из наиболее переломных моментов в своей жизни, когда мой прекрасный вымышленный мир разбился вдребезги.

В первый, но, увы, не в последний раз.

Глава 10

Как ни странно, но после краткого периода потерянности от потери жизненного ориентира, неожиданно для самой себя я испытала облегчение. В холодном свете трезвого рассудка я обозрела весь свой жизненный путь до того переломного дня на Роквэй стрит, ничего не приукрашивая и ничего не надумывая.

Я никогда не жила полноценной жизнью, а лишь ожиданием того момента, когда я осуществлю свою мечту и заживу так, как рисовало воображение. Мое существование вплоть до того переломного дня, показавшего мне истинную картину действительности, было для меня словно подготовительным этапом. Все предпринимаемые мною усилия, все жертвы, все физические и душевные ресурсы – переезд, работа, диеты, недосып, бесконечные изматывающие тренировки в тренажерном зале – все это воспринималось мною, как препятствия на тернистом пути, в конце которого меня обязательно будет ждать заслуженная награда. Я жила и дышала ожиданием того часа, когда наконец добьюсь успеха и смогу жить по-настоящему. Главную цель своего существования я усматривала в том, чтоб стать знаменитой актрисой, узнаваемой, успешной и признанной, которая оставит яркий след в этом мире и увековечит себя в нем.

Теперь же, когда я осознала, какой нелегкий и почти без-

надежный путь мне предстоит пройти, чтоб хоть немного приблизиться к своей цели, и насколько мизерны шансы на успех, я пережила новое переосмысление. Мне больше не нужно было испытывать постоянное болезненное несоответствие между миром, которому я хотела принадлежать, и тем, в котором жила. Сейчас, когда моя жизнь перестала быть чередой ожиданий и переходов к основному этапу, я поняла, что мне не остается ничего другого, кроме как приспособиться к этой новой реальности, к своей настоящей жизни. Мне предстояло жить уже сейчас, ничего не ожидая и ни на что более не надеясь.

Поначалу я чувствовала себя опустошенной. Все столь долго вынашиваемые и лелеемые планы увенчались крахом, и теперь мне нужно было полностью переконструировать себя. Мне предстояла колоссальная работа: привыкнуть к своей новой действительности, найти новую цель, выстроить жизненные ориентиры и обрести смысл. Вся моя вселенная рассыпалась на кусочки, и теперь мне нужно было по крупинкам отстроить ее заново. Воздушный замок разлетелся облачками эфемерного пуха, а на его месте требовалось соорудить устойчивое каменное здание. Однако теперь уже – в реальном мире, а не мире своих прежних иллюзий.

Судьба преподала мне жесткий, однако отрезвляющий урок. Вторично за столь короткий срок я поняла, что двигаюсь не в том направлении, по ошибочному пути, не с теми и не так. И как мне теперь поступить правильно, в какую сто-

рону двинуться – я не имела ни малейшего понятия. Будущее представлялось размытым и неопределенным, как никогда ранее.

Отказалась ли я от своей мечты стать актрисой? Я убежденно говорила себе, что нет. Однако, как за несколько дней до съемок на Роквэй стрит мир представлялся мне полным возможностей, так после них я не видела в обозримом будущем ни единой. Поразмыслив, я твердо решила, что, лучшим решением для меня будет закончить колледж и, как только я буду зарабатывать сама, а не зависеть от родителей, поступить на факультет актерского мастерства, получить профессиональное образование и опыт. Я все сделаю правильно. Конечно, поначалу я буду играть лишь второстепенные роли, зато смогу проверить, а нравится ли мне вообще это занятие. Ведь только сейчас я поняла, что всю жизнь мечтала о карьере актрисы, но, со скудным опытом небольших театральных и школьных постановок, я даже не была уверена, что хочу связать с этим делом всю свою жизнь.

Но, чем больше я представляла себе все те незначительные роли в театрах, массовках и низкосортных фильмах, которые мне придется отыграть до предложения чего-то стоящего, чем больше сопоставляла это с блистательной карьерой, о которой мечтала, тем больше и больше я теряла энтузиазм и впадала в сомнения, а стоит ли игра свеч. Однако на этом месте я обычно вспоминала, как во время съемок я завистливо смотрела на Вирджинию, такую уверенную в себе

и упивающуюся направленными на нее объективами камер, как все крутились вокруг нее, терпели ее несносный характер и выполняли все ее прихоти... Ах, как бы мне хотелось быть главной героиней!.. В общем и целом, меня раздирали противоречия, и я уже сама не понимала, чего хочу.

Как бы там ни было, карьера актрисы была отложена до лучших времен, а я честно исполнила свое слово, перестала «витать в облаках» и начала жить настоящей, реальной жизнью. Меня не в чем было бы упрекнуть. Я не отрывалась целыми ночами на вечеринках и не напивалась в переполненных клубах Нью Йорка. Я не стремилась собрать вокруг себя огромную компанию и стать ее лидером, только чтоб почувствовать собственную значимость. Я не строила мечты о том отдаленном моменте, когда моя жизнь в корне изменится, а я буду счастливой, знаменитой и самодостаточной, купаясь в славе и роскоши. Теперь я решила, что буду все делать, как следует.

И я делала все, что было предписано каким-то негласным законом о том, как нужно себя вести, чтоб не вызывать нареканий. Я прилежно училась в колледже. Я снова получала лучшие оценки. Я каждый раз возвращалась домой на каникулы и радовала родителей разговорами о том, куда планирую устроиться на работу после окончания колледжа. Я читала литературу по саморазвитию, смотрела французское кино и даже начала заниматься йогой. У меня появилось несколько подруг, с которыми я раз в несколько недель вы-

биралась в ближайшую кофейню, на выставку или в кино. После окончания второго курса я даже приняла участие в волонтерской программе и несколько месяцев довольно плодотворно провела в Риме. Прошла курсы по медиа-менеджменту, предложенные колледжем всем, у кого не совсем уж провальный средний бал. Завела пару коротких, незначительных, быстро сошедших на нет романов, не затронувших мою душу – один со студентом на год старше меня, попытавшимся буквально через пару недель после знакомства представить меня всем своим родственникам, второй – с довольно глуповатым итальянцем во время моего волонтерства в Риме, который начал увиваться за мной тогда, когда мне было особенно скучно. Честно говоря, сейчас я даже с трудом могу вспомнить его лицо. У него было ужасно раздражающее меня имя Пеллегрини, и он еще долгие месяцы присылал мне открытки.

Оглядываясь назад, я понимаю, что все время от того январского дня на Роквэй стрит и до самого окончания колледжа было занято ничем, на мой взгляд, не примечательными и даже не стоящими упоминаниями событиями, которые не сыграли для меня никакой роли. Они не заслуживают не пристального интереса, ни развернутого описания. Если бы меня попросили назвать самый запоминающийся момент последней пары лет, я бы порядком стала в тупик. Тот период моей жизни был гладким, ровным и... абсолютно бессмысленным. Не то чтобы я считала свою жизнь бесцельной...

Нет, напротив, меня даже можно было поставить кому-то в пример: я снова завоевала себе пошатнувшийся было статус одной из лучших студенток, принимала активное участие в социальной жизни, занималась, совершенствовалась, ну и еще много чего, что принято писать в своем резюме в графе «Достижения».

Собственно, я делала все те вещи, что делают остальные молодые люди: училась, подрабатывала, стажировалась, строила планы на будущее. Не сказать, чтоб меня одолевали грустные мысли, я чувствовала опустошенность и проваливалась в омут депрессии, разочаровавшись во всем вокруг. Но при этом я и не испытывала ни душевного подъема, ни жгучих желаний, ни какого-либо импульса, заставлявшего меня с энтузиазмом устремляться вперед. Меня больше не одолевали амбиции и не мучили несбыточные мечты. Все переживания в тот период не отличались сильными скачками, не вызывали сильных душевных встрясок и душевного беспокойства. Я делала то, что от меня требовалось, и делала это очень даже хорошо, не теряя контроля и не бросаясь в омут с головой.

Время от времени я ловила себя на мимолетной мысли, что чего-то мне не хватает, какая-то внутренняя пустота внутри навязчиво требовала заполнения, однако я не знала, как и чем ее заполнить. Это чувство тревожило и выбивала из колеи, однако все эти переживания довольно было вытеснялись потоком рутинных дел: лекциями, проектами,

ми, стипендиальными программами, подработкой, короткими посиделками с кем-то из однокурсников за чашечкой капучино и поездками к родителям. Таким образом, мысли не успевали даже закрасться в мою голову, чтоб внести туда смуту. Временами мне казалось, что все идет правильно, и я наконец избавилась от болезненного стремления к недостижимому, а временами – что моя жизнь скучна, посредственна, однообразна, без какого-либо яркого проблеска. В такие моменты я с ужасом понимала, что все моя жизнь являет собой картину, которая с таким отвращением рисовалась мне, когда я была еще ребенком. Эта была именно та «обыкновенная» жизнь, которой, я была уверена, я никогда жить не буду.

Я боялась, что если позволю этим мыслям оформиться в полноценное чувство – обиду, боль, разочарование – то просто не смогу с ним справиться. Оно захлестнет меня с головой, и я захлебнусь в нем. Поэтому я предпочитала заглушать его своеобразным способом: я занималась изматывающими тренировками, считая это лучшим лекарством от всех душевных недугов. Я экспериментировала все с новыми диетами, не допуская у себя ни грамма лишнего веса. Кстати, я так ни разу и не задумалась, почему, даже после того, как я перестала заниматься поиском кастингов, я так и не расслабилась и не прекратила держать свою фигуру в столь строгих рамках. Это укоренилось как-то само собой и стало моим незыблемым правилом: я ни в коем случае не должна была

поправиться. Я даже начала испытывать своеобразное удовольствие от того, чтоб ограничивать себя в целом ряде продуктов. Наградой было то, что моя фигура выглядела прекрасно, и я могла с наслаждением лицезреть плоды своих усилий. И пусть не все в моей жизни шло так, как бы мне хотелось, однако тело свое я держала под полным контролем, и уж здесь то все точно зависело только от меня.

И вот, как-то незаметно, без резких взлетов и падений, пролетело оставшееся время до окончания колледжа, ничем мне особенно не запомнившееся. Во время последнего курса мой преподаватель, курировавший мою курсовую работу, порекомендовал меня во вполне приличную редакцию частной газеты. Не сказать, чтоб я хотела эту работу, но она сама шла ко мне в руки, а других идей, что делать после окончания колледжа, у меня не нашлось.

После того, как я провела там месяц стажировки, меня одобрили на постоянную и полностью оплачиваемую должность. Несколько месяцев спустя я переехала из столь осточертевшей мне квартирки в немного более респектабельное место ближе к работе. И пусть квартира не блистала роскошью, как мне представлялось, однако она была только после ремонта. Интерьер был выполнен в изящном, лаконичном стиле, в пастельных оттенках, что так мне нравились, а кровать в спальне оказалась просто огромной, что стало для меня решающим моментом.

В общем, я успешно защитила диплом, перебралась на но-

вое место, у меня появилась перспективная работа и я довольно прочно обосновалась в Нью Йорке. Родители ужасно мною гордились, а Джордж даже пару раз при встрече представил меня парочке своих коллег, которые оказались рядом. Все было прекрасно и замечательно. Так я говорила себе каждый день. И даже практически поверила.

***

Я встала, чтоб немного размять ноги и открыть окно. Было только начало осени, и духота все еще сводила меня с ума. Слабый поток воздуха ворвался в тесный кабинет, однако не принес облегчения. Я вздохнула, вернулась на свое место и опустила в потертое черное кресло на крутящихся ножках.

Этот крошечный кабинетик на третьем этаже нашей редакции с видом на задний двор и пыльную трассу мне выделили около месяца назад, так что я уже вполне освоилась в нем. Впрочем, осваиваться-то было особенно и негде, так как обилием пространства это место не радовало. Честно сказать, эти тесные чисто выбеленные стены иногда нагоняли на меня приступы клаустрофобии. Все, что умещалось здесь, это был занимающий почти половину всего пространства прямоугольный стол со стандартными ящичками, упомянутое мною крутящееся кресло, небольшой шкафчик с множеством одинаковых папок, вешалка, на которой висело мое новое пальто изумрудного цвета, и... Ах, ну это, собственно, и все.

Я уныло перевела взгляд на стол, полностью заваленный бумагами, ручками, файлами, вырезками из газет и журналов, листами с собственными пометками, скрепками, маркерами и корректорами. Поверх всего этого стоял ноутбук, из-под которого я то и дело выуживала нужные мне бумаги. Я систематически, с периодичностью раз в пол часа, приводила весь этот бумажный хаос в относительный порядок, однако уже через пару минут написания заметок, поисков предыдущих выпусков газет, проверкой соответствия написанных мною строчек с присланной мне информацией, редактуры, корректуры и подготовки вымученного сырого черновика все снова приходило в изначальный вид, то есть в состояние полнейшей неразберихи.

Нужно сказать, что меня вся эта рутина уже несколько не раздражала, не злила и не выводила из равновесия. Я вообще перестала испытывать какие-либо эмоции по поводу работы. Даже беспробудное уныние, которое поначалу вызывало во мне все это скопище бумаг, ровные, напечатанные мелкими буквами строчки, запах краски и монотонная работа, и то пропало. Осталась только тупая, всепоглощающая скука. Каждый день одинаковых, повторяющихся действий, душный офис, работники, говорящие только о том, как бы успеть уложиться в сроки, написание новостей, которые все равно никого не интересовали – все это словно закупорило во мне рецепторы, ответственные за вызов какой-либо реакции. Сейчас я была бы рада любому чувству – пусть да-

же разрушительному. Мне хотелось разозлиться, закричать, разрыдаться, даже разразиться бранью – что угодно, только бы хоть что-то ощутить. Только чтоб перестать чувствовать себя офисным планктоном, вся жизнь которого сосредоточилась на печатании текста и перебираании бумажек.

Изо дня в день повторялось одно и то же, как в фантастических фильмах, где главный герой вынужден всю жизнь возвращаться в определенный момент: я просыпалась под противный звон будильника, заливала мюсли обезжиренным молоком, быстро делала упражнения, так как в тренажерный зал теперь удавалось заглядывать гораздо реже, бежала в офис, ознакамливалась с планом работы на сегодня и приступала к его выполнению. Затем, ровно в 13.00, шла на обед в небольшую забегаловку возле редакции, и покупала там диетическую шаурму с овощами или немного необработанного риса с фасолью. Подкрепившись, я возвращалась в кабинет и оставалась там еще до 18.00.

Время от времени я пересекалась с коллегами, серьезными, погруженными в работу мужчинами и женщинами в среднем лет сорока, втиснутыми в строгие костюмы, снисходительно посматривающими на меня с высоты своего опыта. Мы перебрасывались несколькими стандартными фразами о работе, отчитывались, насколько успеваем уложиться в сроки, интересовались, не идет ли кто перекусить или выкурить сигарету, а затем с чувством выполненного долга расходились по кабинетам, захлопнув за спиной дверь. Примерно в

такой последовательности проходил каждый божий день.

Через несколько месяцев работы здесь я, заразившись общим настроением, погрузилась в ленивую апатию. Время от времени я встряхивалась, словно очнувшись от глубокого оцепенения, и недоуменно оглядывалась вокруг, не понимая, что я здесь делаю. В такие моменты, где-то глубоко-глубоко, на задворках сознания, во мне трепыхались мысли, что нужно бросить это место, уйти, найти какой-то другой путь. Ведь все это не для меня, все это неправильно, так не должно было быть. Однако их быстро заглушали другие, столь же вялые вопросы: «А зачем? Что от этого измениться? Куда я пойду? Что я буду делать, когда уйду?».

Я чувствовала, что утратила жизненный ориентир, и сейчас медленно, послушно плыву по течению, изредка барахтаясь, но все же неуклонно приближаясь к обрыву, где воды обрушиваются бушующим потоком с крутого утеса. Ледяные черные волны увлекают меня на дно, где нет ни света, ни радости, ни надежды. Сосущая пустота распространяется по всему моему телу, охватывает все мое существо, умертвляет каждый живой участок, до которого может дотянуться. Реальная жизнь оказалась для меня гораздо более тяжелым испытанием, чем я ожидала. Я так и не смогла приспособиться к этому миру и найти свое место в нем.

***

Я в очередной раз усилием воли заставила себя встрях-

нуться и вернуться к действительности. Ситуация не стала более воодушевляющей. Кипы бумаг лежали на том же месте. Курсор мигал на экране ноутбука, который язвительно и укоризненно смотрел на меня пустой страницей. Я все еще не написала ни строчки.

Как же мне это надоело! Я открыла файл с набросками исходного материала о повседневных, не вызывающих никакого интереса событиях из жизни Нью Йорка. Удивительно, неужели кто-то действительно читает о том, что на Пятой авеню открыли еще одну точку Булгари или что где-то в глухом райончике Бруклина ограбили булочную. Мои глаза бегло пробежали по строчкам, однако смысл их так не доходил до моего сознания. В голове словно разлили вязкий кисель, в котором погрязала любая мысль.

Неожиданно в дверь постучали. Я удивленно подняла голову. За целый день меня редко кто удостоивал своим посещением.

– Да-да, входите, – мой голос прозвучал хрипловато из-за долгого молчания.

Дверь открылась и, слегка пригнувшись, в комнату вошел рослый парень лет двадцати пяти. Как раз тот возраст, когда на мужчину уже робко ложится отпечаток некой серьезности, однако бесшабашность юности все еще находится в своих правах. Впрочем, в этом случае серьезность подвергалась очень большому сомнению. Я мысленно застонала.

Ко мне, улыбаясь во весь рот, приближался Кевин. Это

был наш новый стажер, которого наняли пару недель назад. Какие функции он исполнял, я так до сих пор и не поняла. В большинстве случаев он занимался тем, что неспешно сновал туда-сюда со стопочкой бумаг в руке. Он еще не проникся строгой деловитостью всех сотрудников редакции, и его задорно-приветливая улыбка смотрелась здесь неестественно, как в лечебнице для тяжело больных.

– Здорово, Летти, – напыщенно растягивая слова, жизне-радостно сказал он.

Меня передернуло. Почему-то в последнее время любое проявление довольства жизнью задевало и даже почти оскорбляло меня.

– Привет, Кевин, – ровным голосом поздоровалась я.

Он начал так внимательно оглядывать обстановку моего кабинета, словно его пригласили на ревизию.

– Да уж, не самая веселая у тебя здесь атмосфера, ничего не скажешь, – жалостливо озвучил он свой вердикт.

– А у тебя что, лучше? – хмуро буркнула я. Его самодовольный вид не вызывал во мне абсолютно никакого желания поддерживать диалог

– А, да у меня вообще нет кабинета, – ничуть не смутившись, ответил Кевин. – Меня так, посылают из отдела в отдел с поручениями, так что я вроде как на побегушках. И, если хочешь знать мое мнение, то я очень этому рад, а не то я с ума бы сошел в этой кладовой.

Я, вообще-то, не хотела, но его это, судя по всему, не

очень волновало. Он продолжал задорно улыбаться, словно ничего не могло его огорчить. Мое чувство неприязни поднялось еще на пару градусов. Не то чтобы к нему лично. К его веселой беззаботности. Мне тоже хотелось бы снова научиться веселиться.

Я терпеливо ждала, пока Кевин соблаговолит сказать, зачем он сюда пришел.

– Ах, ну да, – спохватился он. – Меня же, собственно, для чего отправили. . .

Ну Слава Богу.

– Вот, – он кинул передо мной несколько бумаг с напечатанным текстом. Я бегло пробежала его взглядом. – Это сырой доклад с места событий. На Мэдисон сквер произошла какая-то заварушка. Пьяные разборки в каком-то разваливающемся джаз клубе, в котором тусуется одно отрепье. Пришлось вызвать копов. Ничего интересного, но вполне можно слепить кричащий заголовок. Нужно написать сегодня к вечеру.

Кажется, я была в этом клубе несколько раз во время первого курса, но после фразы Кевина об отрепье не посчитала нужным об этом упомянуть.

– Прекрасно, – с каменным лицом я механическим движением добавила бумаги к груде остальных, с описанием происшествий той же степени интересности.

– Эх, зря ты здесь прозябаешь, Летти, – беззаботно сказал Кевин, тем временем оценивающе поглядывая на меня. –

Безрадостное местечко. Не для таких, как ты.

– А что, по-твоему, для таких, как я? – раздраженно спросила я, отчаявшись спровадить его.

– Хм. Даже не знаю. Но, если хочешь знать мое мнение, то с твоими данными тебе бы работать бы моделью. Это ведь настоящее преступление скрывать тебя в этих стенах, как в консервной банке. Например, моя двоюродная сестра еще в восемнадцать заключила контракт с Белла Эдженси. И с тех пор постоянно летает по всей Европе на всякие там показы. Сейчас вот опять махнула в Милан. А ты, между нами говоря, гораздо привлекательнее, – и он заговорщически подмигнул мне. – Кстати, чем ты занимаешься сегодня вечером?

– Эээ... – я лихорадочно думала, как бы получше отделаться. – Придется, наверное, взять работу на дом. Я и предыдущие то статьи еще не успела написать, а в довесок еще и это. Совсем ничего не успеваю.

– Ну, что ж, желаю удачи. Как освободишься, ты знаешь, где меня найти.

– Ага...

Он, ничуть не расстроившись, еще раз подмигнул мне и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. Его размашистые шаги быстро отдалялись по коридору.

Я вздохнула с облегчением, радуясь, что он наконец оставил меня в покое. Работы было невпроворот, и откладывать больше было некуда. Но мысли мои улетучились еще дальше обычного, и я все никак не могла сконцентрироваться. Ме-

ня охватило несвойственное мне оживление, которого я уже давно не испытывала, погрязнув в болоте вялости и скуки. И я знала, чем это было вызвано.

Я никак не могла выбросить из головы брошенные невзначай слова Кевина, заставившие все внутри меня перевернуться. Они неожиданно зацепили какие-то глубинные струны в моей душе, которые, как мне казалось, давно уже окаменели и покрылись ржавчиной. Но сейчас они робко дрогнули, и пока еще едва ощутимый, но все больше набирающий силу гул волной прокатился по моему телу, словно сигнал к пробуждению.

Словив себя на том, что я уже минут десять остекленевшим взглядом смотрю в монитор, я резко откинулась на спинку кресла и оттолкнула его от стола, отъехав поближе к окну и спасительному потоку воздуха. Нет, эта мысль решительно не даст мне покоя, пока я не обдумаю ее.

«С твоими данными тебе бы работать моделью», – сказал Кевин. Что ж, а ведь это было отличным решением. Странно, что мне самой это ни разу не пришло в голову. Я была высокого роста, подходящих параметров, с длинными белокурыми волосами и милыми чертами. У меня были все данные, чтоб стать моделью. Нет, серьезно, а почему бы и нет? Разве я хуже, чем множество девушек, чьи лица я мельком замечала на вывесках магазинов, страницах глянцевого журналов и билбордах на улицах Манхэттена? Я всегда довольно критично себя оценивала, но здесь я могла ответить вполне

определенно, что нет, я ничем не уступала большинству из них, кроме того обстоятельства, что им подвернулся счастливый случай.

Передо мной одна за другой вставали все открывшиеся передо мной перспективы. Ведь модельный бизнес – это огромная индустрия, которая постоянно находится в поиске новых лиц. В современном мире там найдется ниша абсолютно для любого типажа, пусть даже самого экзотического и неординарного. А уж я-то, с моими правильными чертами, точно не должна испытывать недостатка в заинтересованности.

Размышляя так, я приходила во все большее возбуждение. И как же я раньше об этом не подумала? Ведь эта дорога может привести меня напрямиком к моей мечте. Все обстоятельства говорили в ее пользу. Во-первых, в модельной индустрии далеко не так необходим профессиональный опыт, как в актерстве, а, следовательно, у меня больше шансов. Во-вторых, это интересная, творческая деятельность, которая позволит мне перевоплощаться в самые разные образы, как я того и хотела! Кроме того, я смогу путешествовать, постоянно менять обстановку, что было мне сейчас просто необходимо. Я ясно видела, насколько работа в редакции постепенно уничтожала во мне все живое. Нет, это точно не для меня. Такая, как я, должна постоянно познавать все новое, посещать новые места, видеть новые лица, дышать полной грудью. Вот, что такое жизнь!

И, наконец, самым весомым доводом было то, что многие модели, научившись работать в кадре, уходили в актрисы и прославляли свое имя. Что, если и я поступлю так же? Когда у меня за плечами будет опыт успешных фотосессий, я больше не буду никем. Возможно, я даже смогу познакомиться с кем-то, кто введет меня в нужный круг. И тогда у меня появится шанс. Ооо, тогда от меня будет уже не так-то просто отмахнуться! Пусть не прямым, но окольным путем я приду к своей цели.

Столь долго сковывающие все мои чувства лед стремительно таял под лучами разгоравшегося во мне солнца надежды. Я стремительно переживала новый расцвет. Все мои засохшие и развеявшиеся сухой пылью мечты воскресли и засияли с новой силой. Я снова увидела путеводную звезду новой цели, которая теперь, как мне казалось, была значительно ближе, чем раньше.

Я представила всю эту картину настолько красочно и реалистично, что все окружавшее меня – выбеленные стены, заваленный бумагами стол, прямоугольник дверь на против – показалось мне ненастоящим и иллюзорным. Мое нахождение здесь было попросту неестественно. Даже не великого ума Кевин заметил, что я не должна быть здесь. Этот не забивающий себе ничем серьезным голову парень, к которому я относилась с легким презрением, вдруг показался мне пророком, указавшим мне правильный путь в момент, когда я уже совершенно увязла в пучине безотрадной хандры. И

этот знак я не намерена игнорировать. Никто не может позволить себе не обращать внимания на знамения свыше. И я не совершу снова старой ошибки.

Я знала, что нужно было делать. Больше никаких волнений, сомнений, метаний. Только уверенность в себе, только непрерывный путь к цели. От мечтательности я перешла к настойчивой жажде действий. А действовала я так решительно, словно кто-то шептал мне на ухо, как нужно поступать. И, перво-наперво, я должна составить портфолио и разослать его по модельным агентствам.

Буквально на следующий день я уже просмотрела профили множества фотографов города, выбирая, к кому бы обратиться. Я подошла к этому делу крайне щепетильно. Ведь я должна была получить не просто стопку фотографий. Нет уж, от этого портфолио зависела вся моя возможная карьера. На этот раз я не собираюсь затеряться среди общей массы. Я должна была приковывать к себе взгляды. Я должна завоевать свое место под солнцем.

Мне нужен был не просто хороший фотограф, не просто профессионал своего дела. Мне нужен был человек, с которым я смогла бы установить тесный контакт, человек, которому я смогла бы открыться. Человек, умеющий проникнуть за внешнюю оболочку. Тот, который отобразит не только мое лицо, но и мою душу. Я потратила уйму времени, перечитала множество отзывов, но, кажется, мне все же удалось наткнуться на подходящего фотографа.

Вот так вот я и нашла Брайана.

Глава 11

Мне казалось, что все года, последующие за съемками на Роквэй стрит, изгладились из моей жизни, как будто их и не было. Мною овладело то же лихорадочное возбуждение, что и в то время. Я была необычайно оживлена и улыбочлива, что с удивлением отметили даже несколько моих коллег по работе, спрашивая, что приводит меня в такое отличное расположение духа. Я лишь отмахивалась и отвечала какими-то короткими фразами. На меня начали посматривать с ноткой неодобрения. Не знаю уж, почему, но пребывание в хорошем настроении и отсутствие панических переживаний по поводу горящих дедлайнов считалось здесь едва ли не дурным тоном.

Кевин явно принимал мое переменившееся отношение к нему за явный и неприкрытый флирт, и с удвоенной энергией приглашал меня «залететь» вместе с ним на баночку пива или в кино. Бедняга, он и не догадывался, что моя благосклонность объяснялась тем, что его невзначай брошенные слова буквально вернули меня к жизни. Ну как теперь я могла на него злиться!

Впрочем, меня не волновали ни Кевин, ни коллеги. Новым, прояснившимся взглядом я с отвращением смотрела на постоянную озабоченность, угнетенность, апатию и пассивную озлобленность работающих вместе со мной людей, которые ничего не видели дальше своих бумаг и мониторов.

Теперь мне было еще труднее находиться на рабочем месте, и каждый день я в спешке убегала оттуда, как из стен концлагеря. Тесный офис буквально душил меня, стены давили. Работу я начала выполнять спустя рукава, даже не вдумываясь в то, что делаю. Мысленно я была уже далеко отсюда, а на сотрудников редакции смотрела с жалостливым презрением, словно мне было доступно то, что не доступно им. Я была человеком, который очнулся ото сна и сбросил оковы, а они так и были спаяны ими по рукам и ногам, заточенные в клетку крохотного мирка редакции. И, что было самое для меня самое непонятное, кажется, всех это вполне устраивало.

Я же теперь жила словно в двух параллельных измерениях. В одном я продолжала пять дней в неделю приходить в редакцию, проводя там восемь часов, с 10.00 до 18.00. Однако она уже не угнетала меня так, как раньше, ведь мысленно меня там и близко не было. Я знала, что вскоре покину это место навсегда ради своей новой вожаделенной жизни, которая когда-то ускользнула от меня.

В другом же измерении я просматривала все модельные агентства Нью Йорка и ознакамливалась с их требованиями. И тут неожиданно возникло небольшое препятствие. В общем и целом, у меня были подходящие рост (хотя желательно бы на пару сантиметров выше, но тут уж ничего не поделаешь) и параметры фигуры, вот только объем бедер... Конечно, благодаря постоянному контролю за питанием и тренировкам я была в отличной форме, но... Боже, я даже пред-

ставить себе не могла, что девушки такого высокого роста должны быть настолько худыми! Мне срочно нужно было похудеть в бедрах как минимум на три сантиметра. Но необходимость быстро сбросить вес меня не пугала, благо опыт у меня был.

Так что теперь я снова взялась за регулярные ежедневные тренировки. Ела я только мюсли без сахара, каши без соли, зеленые овощи и натуральные йогурты с нулевым процентом жирности. Быстрые углеводы пугали меня даже больше, чем эпидемия чумы в 16 веке. Я перестала даже изредка покупать себе сладости, чтоб тело не отекало и выглядело как можно более сухим и подтянутым. Несмотря на это, я была бодра и полна сил. Осознание того, что у меня снова есть смысл, есть, к чему стремиться, подстегивало меня и во много раз умножало жизненную энергию. Чем меньше я съедала, тем более приподнято себя чувствовала, ведь это приближало меня к цели. Чем больше я контролировала вес своего тела, тем больше я уверялась, что полностью контролирую свой путь к успеху. Теперь мне казалось, что я близка к нему, как никогда, и я решительно, отчаянно, изо всех сил устремлялась вперед.

Похудела я довольно быстро, и, хоть мне и казалось, что результат еще далеко не идеальный, но тянуть дальше у меня не хватило терпения. Я жаждала действий.

Как я уже говорила, после тщательных поисков я нашла подходящего, как мне хотелось верить, фотографа. Не ска-

зять, чтоб он пользовался широкой популярностью, да у меня бы и не хватило средств на услуги такого человека. Тысяч восторженных отзывов, как у многих других, у него тоже не было. Если честно, я вообще наткнулась на страничку его студии совершенно случайно. Я обратила внимание на то, что многие клиенты (в основном, это были девушки) писали обширные комментарии о том, как тонко он передает саму суть, насколько легко с ним работается и как сильно он располагает к себе. Ну что ж, кажется, это именно то, что мне нужно. Цены тоже меня вполне устроили. Кажется, этот человек, если он действительно так хорош, не слишком задирает по этому поводу нос, и мне это понравилось. Надеюсь только, восторг девушек был вызван только его профессиональными качествами. Я не намеревалась отвлекаться ни на что другое. Слишком многое зависело от этого портфолио, и я собиралась сделать все возможное и невозможное, чтоб оно было более чем достойным.

Я набрала указанный на сайте номер фотографа, которого звали Брайан Тернер. Мне ответила его ассистентка, которая искусственно-дружелюбным голосом поинтересовалась, какого рода услуги мне необходимы. Я объяснила, что мне нужно создать модельное портфолио. Уж не знаю почему, однако я вдруг смутилась, произнеся это. Создалось впечатление, что, заявив вслух о своем намерении, я обнажила душу и представила на всеобщее обозрение все свои тщательно оберегаемые от чужих взглядов и ушей надежды. Так скла-

дывается, что, когда мы начинаем в голос заявлять о своих мечтах, они разом теряют долю своего очарования, превращаясь в скупую формулировку цели, а формулировка цели всегда пугает, так как требует немедленного приступления к действиям. Так вот, стоило мне произнести это, как меня вдруг охватили трепет и неуверенность. По телу пробежал скользкий холодок, однако я постаралась взять себя в руки, прогнав это неприятное мимолетное чувство, и вести дальнейший разговор как можно более непринужденно.

Однако душевные бури, которые разыгрываются у нас глубоко внутри, проходят незамеченными для остального мира. А он, как правило, не дожидается, пока мы разберемся в себе и придём в чувство. Ассистентка, ничуть не изменившись в интонации, тем же искусственным голосом спросила, сколько фотографий я хочу сделать, и объяснила, что для создания полноценного портфолио лучше будет провести несколько фотосессий в разные дни, чтоб я могла восстановить силы. Я вполне согласилась с ней, и девушка, быстро просмотрев график Брайана Тернера, сообщила, что у него есть свободное время на следующей неделе, в среду, на 13.00. Решив взять больничный на работе, я ответила, что меня все абсолютно устраивает. Теперь оставалось лишь дожидаться этого дня.

***

И вот, в назначенный день, ровно в 14.50 я стояла перед

студией фотографа Брайана Тернера (по тому, что я в кое-то веки пришла заранее, можно было оценить степень ответственности, с которой я подошла к этой встрече). Студия размещалась в стоявшем в отдалении от крупных торговых магазинов небольшом здании в не самом оживленном районе. Она не бросалась в глаза и не блистала огромными заманчивыми вывесками, обещающими создать потрясающие качественные снимки, которые запечатлят лучшие моменты вашей жизни. Надпись над студией просто, лаконично и недвусмысленно гласила: «Фотостудия Брайана Тернера». Немного ниже была размещена табличка с перечислением всех видов съемок, которые осуществляет фотограф.

Несмотря на неприметный внешний вид, недостатка в клиентах у мистера Тернера, судя по всему, не было. Стоило мне только подойти, как стеклянная дверь открылась, и из студии вышла девушка с блуждающей на лице одухотворенной улыбкой и немного отсутствующим видом, словно мыслями она все еще находилась внутри. Я проводила ее взглядом, пожала плечами и вошла внутрь, сопровождаемая звоном хрустальных колокольчиков над дверью.

Маленькая уютная приемная была ярко освещена. Вдоль всей стены тянулись глубокое кресла и уютный диван с широкими круглыми подлокотниками. На стеклянном столике перед диваном стояла вазочка с конфетами. Вместо глянцевых журналов, которые обычно украшают журнальные столики, там лежала большая книга по истории искусства с яр-

кими картинками, отображающими самые знаменитые произведения разных эпох. Хм. Довольно своеобразный выбор.

Меня уже поджидала фальшиво улыбающаяся ассистентка. Это была неопределенного возраста женщина с четко прорисованными бровями, очень белой кожей, бледноватыми губами и забранными в пучок, чересчур прилизанными волосами. Как по мне, это прическа делала ее похожей на скелет с голым белым черепом.

– Добро пожаловать в фотостудию Брайана Тернера, – хорошо поставленным, заученным голосом поприветствовала она меня. – Меня зовут Марта Бейкер. А вы...?

– Летиция Дэвис. Я была записана на 13.00.

– Ах, да, конечно. Дело в том, что многие пытаются попасть без записи, поэтому нередко происходит путаница с графиком. Простите, мистер Тернер еще занят. Вас не затруднит подождать пару минут?

– Да, без проблем.

Марта любезно предложила мне присесть на диванчик, выпить чаю и угоститься конфетой. Я посмотрела на нее так, словно она предложила мне дохлого тарантула. Неужели она всерьез решила, что я буду есть углеводы перед фотосессией?!

Но ее слова напомнили мне, насколько я голодна, ведь я ничего не ела с раннего вечера предыдущего дня, чтоб живот был как можно более плоский, а талия точеной. Дело в том, что на стандартных снэпах, которые требует каждое агент-

ство, я должна быть только в белье, так что все мои лишние граммы будут видны, как на ладони.

Поэтому я сидела и молилась, чтоб этот мистер Тернер освободился побыстрее. Сосущая пустота скручивала внутренности в тугий узел, и я боялась, как бы мой живот не начал громко бурчать. Конфеты с разноцветными сверкающими обертками заманчиво манили, и я старалась не смотреть на них. Чтоб отвлечься, я наобум открыла книгу и увидела обнаженную рыжеволосую женщину, расслабленно раскинувшуюся на белых простынях. Я сразу же узнала «Венеру Урбинскую», самое известное произведение итальянского художника Тициана. Не подумайте, что я сильно увлекалась искусством, но в свое время я зачитывалась романтической историей Тициана и его манекенщицы. То, что художник писал свой шедевр со своей нагой возлюбленной, показалось мне донельзя пикантным и волнующим, поэтому мне и запомнилась данная картина

...но сейчас я была ужасно голодна и могла думать только о конфетах. Они стояли у меня перед глазами: шоколадные, ореховые, пралине, соленая карамель...

– Мисс Дэвис, – раздался мужской голос из другой комнаты. – Прошу прощения за ожидание. Если Вы готовы, мы можем приступить.

***

Брайан Тернер не был мужчиной, покоряющим женщин с

первого взгляда, очаровывающим своей харизмой и заставляющим сердце колотиться и выпрыгивать из груди. Он не старался продемонстрировать себя с выгодной стороны и не обволакивал льстивыми словами, которые обычно тщательно выбирают, чтоб расположить к себе клиентов. Он спокойно проводил меня вглубь плохо освещенной студии, в которой находилось несколько штативов с камерами, высокий стул, несколько пуфов и большие прожекторы, направленные на стандартный белый фон на всю стену. В дальней части помещения располагался стол с компьютером. Несколько папок и стопок с фотографиями, перетянутыми резинкой, были разложены в образцовом порядке.

Взгляд мой сразу же привлекла доска с прикрепленными к ней фотографиями. Их было не много, и висели они ровно и симметрично, через равные промежутки, не закрывая друг друга. Судя по аккуратности расположения, можно было сделать вывод, что мистер Тернер крайне щепетильно относился к подбору этих фотографий. Наверное, это были его любимые снимки. Скользя по ним беглым взглядом, я не заметила в них ничего особенного. Однако за те несколько минут, пока мистер Тернер возвращал на место инвентарь к предыдущей фотосессии, я разглядела их повнимательнее.

На фотографиях были изображены и мужчины, и женщины, и дети, и даже старики. Фотографий пейзажа, зданий или животных там не было. Только люди. Они были запечатлены на фоне совершенно разной местности: на ступе-

нях перед старинными зданиями, на серебристом песке пляжа, на самой запруженной улице Верхнего Ист Сайда, в беспредельном цветочном поле и в мрачном полумраке сквера. И хоть там не было ни одной фотографии, которая походила бы на другую, однако кое-что их объединяло. На лицах каждого, изображенного на снимках, было передано особенное, легко читаемое выражение: дерзость, веселость, грусть, вызов, ярость, кокетство, одухотворенность, игривость, соблазн... Были лица, которые не выражали совсем ничего, однако и это с большой сноровкой было представлено фотографом как состояние погружения в себя и раздумий о чем-то важном. Я уверена, что некоторые из этих снимков клиенты точно отбросили бы как неудачные, а некоторые и вовсе были случайными изображениями занимающихся своим делом людей, не подозревающих о том, что их фотографируют. Однако то, что Брайан Тернер видел в них нечто, чего не видели остальные, и старался передать в своих фотографиях что-то неповторимое, невидимое в реальной жизни, не оставляло сомнений.

Я повнимательнее присмотрелась к самому создателю этих снимков, который вызвал во мне интерес, не говоря ни слова и не прикладывая к этому ни малейших усилий. Брайан был высоким молодым человеком со светло-каштановыми, немного длиннее, чем диктовала современная мода, волосами. Он оказался моложе, чем я думала, не больше двадцати семи лет, хотя я никогда не могла точно опреде-

лить возраст. Он был одет в простые, широковатые для него джинсы и свободную белую футболку. Его лицо с мягкими линиями, внимательными серыми глазами, слегка пухлыми и яркими, как для мужчины, губами имело задумчивый вид.

– Простите, если я кажусь Вам немного рассеянным, мисс Дэвис, – вдруг негромко сказал он и приветливо улыбнулся уголками губ. – Я всегда так сильно погружаюсь в работу, что некоторое время мне тяжело прийти в себя. Образы стоят у меня перед глазами, и я невольно думаю, все ли я смог воплотить, ту ли эмоцию передал, правильно ли я ее понял и выразил.

Я растерянно взглянула на него. Он вел себя совсем не так, как обычно ведут себя фотографы. Те сразу четко отретипированными и энергичными движениями указывают тебе, где переодеться, куда встать, какой стороной повернуться. Они просят тебя расслабиться, не нервничать и вести себя естественно, как в жизни. Манера поведения мистера Тернера была для меня совершенно непонятной и сильно смущала меня. Я никак не могла определиться, как мне себя с ним вести.

– Что ж, давайте сначала присядем и немного поговорим, – обратился ко мне мистер Тернер, и, как мне показалось, в глазах его вспыхнул огонек нетерпеливого интереса. – Расскажите мне, какие именно снимки вам нужны и как вы их видите.

Он придвинул ко мне стул и вытащил откуда-то из темно-

го угла стул для себя, усевшись напротив. Он переплел пальцы рук и со спокойным вниманием смотрел на меня, ожидая. Я прокашлялась.

– Для начала, мистер Тернер...

– Просто Брайан, прошу вас, -вдруг перебил он меня. – Подобные официальности только режут мне уши и создают ненужные барьеры.

– Конечно, как вам будет удобно... Брайан, – он полностью сбил меня с мысли, и теперь я торопливо пыталась сформулировать, зачем сюда пришла. – Как вы уже знаете, мне нужно создать портфолио для модельного агентства. Думаю, лучше всего начать со стандартных фото. Несколько снэпов в купальнике, с обычным выражением лица, безо всяких эмоций. Только показать свое лицо и фигуру, без прикрас. Так, как я выгляжу в настоящей жизни.

–А разве в настоящей жизни ваше лицо не выражает никаких эмоций, мисс Дэвис? – улыбнулся он.

Ничего не значащий вопрос, однако я почувствовала в этом какой-то двусмысленный упрек, который ничем не проявился в голосе и который я скорее предугадала. А может, мне всего лишь показалось.

– Нет, конечно. Однако модельным агентам нужно увидеть мое лицо безо всякого выражения, чтоб определить мой типаж. И еще несколько фото в простой одежде. Но, опять же, чтоб хорошо была видна фигура. Лучше также сделать несколько кадров с легкой улыбкой.

Я показала ему готовые примеры фото, которые хочу получить. Он едва удостоил их беглым взгляд и снова внимательно посмотрел на меня. И опять у меня возникло странное ощущение, будто он не одобряет происходящего, хотя я, ну хоть убейте, не понимала, что ему, собственно говоря, так не нравится.

Однако он больше не задавал вопросов и только показал мне небольшую комнатку, где я могла переодеться. А заодно и привести мысли в порядок. Мне все казалось, что, когда я показала ему примеры фотографий, он испытал скрытое разочарование, а интерес его угас, сменившись обычной готовностью к работе. Но сейчас было не время забивать этим голову.

Оставшись одна и прикрыв за собой дверь, я сняла с себя широкий спортивный костюм, едва прилегающий к телу, который я выбрала специально, чтоб швы или резинки не оставили следов на коже. Немного оттягивая время, я аккуратно сложила одежду, оставшись в простом черном раздельном купальнике. Медленно достала черные туфли на высоком каблуке и обула их. Провела расческой по волосам, пока они не заструились блестящей волной. Внимательно посмотрела на себя в зеркало.

Из зеркальных глубин на меня смотрела высокая и бледная худощавая девушка с длинными русыми волосами. И хоть я и каждый день рассматривала себя в зеркале, однако в этом незнакомом помещении я себя не узнала. Я вдруг пора-

зилась, какой тоненькой и хрупкой я выглядела. Лицо у меня очень заострилось, скулы резко выступали. Однако мягкий изгиб бровей, большие глаза и пушистые, лишь слегка подведенные ресницы сглаживали впечатление. В тусклом свете комнатки я выглядела какой-то эфемерной и неземной, и мне это очень понравилось.

Пора было выходить. Вдруг я с неожиданным стеснением почувствовала, что на мне практически нет одежды. До этого я как-то не задумывалась о том, что мне предстоит позировать в одном купальнике перед незнакомым мужчиной. Но я отмахнулась от этих мыслей. Он в первую очередь фотограф, а не мужчина. Если я хочу быть моделью, мне нужно привыкать к такому.

Брайан уже успел настроить свет и направить его на белый фон. Я выступила из защитной темноты на ярко освещенное пространство, чувствуя, как моя кожа предательски покрывается мурашками. Я подошла к самому центру полотна, обернулась и только тогда медленно перевела взгляд на Брайана. Он настраивал свой объектив, полностью поглощенный этим занятием, и лишь один раз скользнул по мне взглядом. Никакого видимого изменения в его состоянии на то, что я была практически обнажена, не последовало. Мне даже показалось, что интерес, который я заметила в его глазах, когда он всматривался в меня в самом начале нашей встречи, еще более поутих, как только я сбросила одежду.

Мне стало холодно, и я зябко обхватила себя за плечи...

Яркий свет резал глаза, и я вдруг почувствовала себя донельзя скованно и беззащитно. Непроизвольно я начала накручивать локон волос на палец, дожидаясь, пока Брайан закончит с камерой. Мне вдруг стало интересно, каким видят мир фотографы, каким воспринимают его? Может, они настолько привыкли смотреть на него через крохотное окошко объектива, что его истинная красота, цвет, звук и глубинная сущность проявляется для них только тогда, когда они делают кадр?

Я вдруг спохватилась, что прямо сейчас порчу свою прическу, торопливо раскрутила локон и привела его в порядок. И только тогда заметила, что Брайан уже закончил и теперь смотрит на меня, внимательно и вдумчиво, словно разглядывая античную статую в музее.

– Мы можем начинать? – я хотела, чтоб это прозвучало увереннее, однако в голосе поневоле послышались детские нотки, которые прорывались каждый раз, когда я чувствовала себя неуверенно и уязвимо.

– Если вы готовы, то конечно. Может, вам нужно еще несколько минут? – голос Брайана прозвучал мягко и понимающе. В уголках его глаз собрались улыбочивые морщинки.

– Да нет, все в порядке. Я готова.

Брайан ничего больше не сказал, а попросил лишь сдвинуться к центру белого фона. Мы приступили к созданию снэпов. Сначала нужно было сделать снимки в полный рост. Я стояла неподвижно, глядя прямо в объектив, затем повер-

нулась правым и левым профилем. Затем я подняла руки и немного неловкими движениями начала завязывать волосы в высокий хвост, чтоб как можно лучше открыть лицо. Почему-то я чувствовала себя очень неудобно. У меня не получилось бы выразить словами странное ощущение, которое у меня возникло, но изображать каменную статую с ничего не выражающим лицом перед этим человеком казалось неестественно и даже неуместно.

Брайан лишь иногда просил меня стать немного ближе или дальше, а иногда сам делал несколько шагов по направлению ко мне, чуть опуская или поднимая камеру. Глядя на него, я никак не могла сосредоточиться. То, как работал Брайан, завораживало меня. Его движения были легкими и мягкими, словно он вальсировал, перетекая из одного положения в другое плавно и неуловимо, как вода. Все его действия были слаженными и уверенными, выверенными до миллиметра. Однако в течение этой короткой съемки меня не покидало ощущение, что, несмотря на профессиональность, он работал как-то скучающе, почти автоматически. Но ведь я готова была поклясться, что видела интерес в его глазах!

– Думаю, этих фото более чем достаточно, – наконец сказала я. – Теперь мне нужно одеться, и мы можем продолжать, если вы не возражаете.

Я уже направилась к спасительному полумраку раздевалки, когда меня вдруг остановил его тихий голос.

– У вас нет одежды серебристо-голубого цвета?

Этот вопрос застал меня врасплох.

– Эээ... Конечно. Да, у меня есть платье как раз такого оттенка, но я давно его не надевала. К тому же, сейчас мне нужно сделать только фото в одежде как можно более нейтральных цветов. Я собиралась одеть черные джинсы и белый топ.

– Я хотел бы сфотографировать вас в платье такого цвета. Он бы необычайно оттенил ваши глаза, и они казались бы удивительного грифельного оттенка, словно море во время грозы.

Это не было высказано, как обычные рекомендации фотографа, как сделать более выгодную фотографию. Это не были и заигрывания мужчины, который старается усыпить мою бдительность с помощью романтических комплиментов. По крайней мере, я не почувствовала ничего такого. Так мог бы сказать художник, который рассматривает чужую картину, и с тайным сожалением говорит, что, если бы к ней добавить определенные оттенки краски, сделать акценты, смешать полутона, то он мог бы создать из нее шедевр.

– Я могла бы взять это платье в следующий раз с собой, – с сомнением сказала я, не вполне понимая, чего он хочет. – Когда мы будем работать над более творческими фотографиями. Такими, где я полностью раскрыла бы себя, показала бы эмоции и переживания, которые могу изобразить, образы, которые могу воплотить... Но, знаете, я ведь даже не задумывалась на счет одежды. Мне кажется, главное, это то,

что будет выражать мое лицо.

– О нет, тут я бы с вами не согласился, мисс Дэвис, – Брайан наконец улыбнулся, и я вздохнула с облегчением. – Людям свойственно либо недооценивать, либо переоценивать одежду, и в обоих случаях они ошибаются. Если платье идет женщине, если оно отображает ее суть и душевное настроение, а не надето по прихоти моды или потому, что красный цвет выделяет ее из толпы – вы не найдете лучшего союзника. Тогда это уже не просто кусок ткани, это – ваша кожа, ваша неотъемлемая часть, которая проникает вглубь и выносит наружу все спрятанные внутри чувства и эмоции, которые не могут пробиться и, словно пленные, мечутся внутри, если на вас надета неподходящая одежда. Вот почему я всегда спрашиваю у клиентов не то, насколько комфортно они чувствуют себя в студии, а насколько комфортно они чувствуют себя в своей одежде.

– Знаете, сейчас, когда на мне почти нет одежды, я чувствую себя очень скованно и совсем не могу расслабиться.

– В этом нет ничего странного. Есть те, кто, обнажая тело, обнажают душу. А некоторые души тем глубже прячутся внутрь, чем более открыто тело. Попробуем еще раз.

Я вернулась в раздевалку, совершенно выбитая из колеи. Кажется, я начала понимать, почему Брайан Тернер не оставлял никого равнодушным. Он хотел не просто методично выполнять работу и получать за это деньги. Нет, его дело было для него искусством, а каждое новое лицо – его уникальным

произведением. Он жаждал не просто делать фотографии, а запечатлеть на них то, чего не было видно в реальной жизни. Он хотел во что бы то ни стало во всем отыскать красоту и заключить ее в свою фотокамеру, как в янтарь.

Я одела узкие черные джинсы, натянула через голову топ, снова распустила волосы. Мне хотелось поскорее вернуться в студию, но одновременно я оттягивала время, чтоб обдумать, что могу сказать ему. Брайан затронул какие-то струны в глубине моей души, и мне захотелось снова вывести его на откровенный разговор. Все его слова о платьях, глазах, душе... Я еще ни от кого не слышала таких мыслей, таких рассуждений. Нет, даже короткой встречи с ним определенно хватило, чтоб я поняла – он не был похож ни на кого из мужчин, с кем я имела дело раньше. Все они спешили поскорее выложить все козыри, которые имели – в кармане и за душой – на показ. А вот Брайан держал свои истинные мысли под замком. Он казался мне манящей загадкой, и мне непременно захотелось разгадать ее.

Я повернулась к зеркалу, провела по губам прозрачным блеском, чтоб они маняще блестели, и, откинув волосы за спину, вернулась обратно, под яркий свет ламп, где меня уже ждал Брайан.

***

Мы продолжали съемку, однако теперь, когда между мной и Брайаном был физический барьер в виде одежды, я почув-

ствовала себя значительно увереннее. В конце концов, я выглядела прекрасно, облегающие джинсы сидели на мне как нельзя лучше, но, что самое главное, внутреннее наитие подсказывало мне, что и мне удалось затронуть что-то в Брайане. Во время нашего последнего разговора он смотрел на меня особенным, внимательным, проникновенным взглядом. Я ощутила между нами – не искру, нет – но протянувшиеся незримые узы понимания, как будто мы слегка коснулись душ друг друга.

Однако тут мне пришла в голову неприятная мысль. А что, если всем так и нравилось работать с Брайаном, что он мастерски умел ненавязчиво внушить, что он относится к тебе по-особенному? И, испытав это чувство, начинаешь и вести себе гораздо увереннее и раскованнее. А Брайану удастся запечатлеть это состояние, которое стыдливо прячется в реальной жизни. Может ли быть, что я только что разгадала его секрет?

От этих мыслей меня окатила волна раздражения. Порой мне приходит на ум, что мне несравненно легче переносить ревность, чем ощущение, что меня воспринимают так же, как и всех остальных, ничем не выделяя из толпы. Я с большей вероятностью простила бы измену, чем безразличие и пренебрежение. И, представив, как Брайан со всеми девушками на фотосессиях ведет разговоры в таком же духе, я едва не скрипнула зубами.

Это чувство злости на мистера Тернера застало меня врас-

плох. Да что со мной не так? Почему мне в голову постоянно лезут разные глупости, которые не дают мне сосредотачиваться на главном, путают мысли, сбивают с толку? Во мне постоянно горела страстная потребность ввязаться в игру, потягаться с судьбой, взбудоражить скучную реальность, бросить вызов обыденности...

И, сама не зная почему, я решила бросить вызов этому мужчине. И пусть это лишь игра, мимолетное соревнование, которое не имело ни важности в настоящем, ни значения в будущем, однако разве наша жизнь – не череда маленьких соревнований и незначительных побед, помогающих придать смысл этой бессмысленной жизни?

Тем временем мы приступили ко второй части съемки. Как и было запланировано, я не делала никаких сложных поз. Рука закинута за голову, я уверенно вздергиваю подбородок. Отступаю немного назад, сгибаю ногу в колене, ставлю ее на носок. Поворачиваюсь в сторону, наклоняюсь немного вперед, рукой провожу по волосам, прикрывая ресницы. Переносу вес на одну ногу, небрежно засовываю руки в карманы, высвобождая большой и указательный пальцы. Поднимаю руки вверх и едва-едва прикасаюсь ладонями к лицу, немного приоткрывая губы. Скольжу руками вверх, собираю струящиеся по спине волосы, закручиваю их в пучок и застываю в таком положении. Смотрю прямо на Брайана. С каждым движением чувствую себя все увереннее и увереннее. Я полностью контролировала свое тело, ощущала

каждую клеточку, чувствовала, как лежит каждая волосинка. И как плавно двигался с камерой сам Брайан, так же спокойно, уверенно и медленно перетекала из позы в позу я. Какое-то интуитивное чувство говорило мне, что нельзя оставаться, раздумывая над следующей позицией. Нельзя разрывать эту связь между фотографом и его манекенщицей. Мы словно вели танец, неспешный и чувственный, где каждый двигался по отдельности, однако был неразрывно привязан к другому.

Все мои движения были просты и в своем роде шаблонны. Однако в каждом своем взгляде я бросала Брайану вызов. Каждое мое движение словно говорило ему: «Хочешь получить эмоцию? Отлично, вот она. Давай же, приди и возьми ее.» Я не пыталась ни флиртовать, ни изгибаться и кокетливо отбрасывать волосы, чтоб завлечь его. Я переняла его манеру поведения – четкость, слаженность, профессионализм. Ничего личного. Но, когда наши взгляды пересекались, я не сомневалась, что он видит, что бушует внутри меня – дерзость, чувственность, сумасбродство.

И все же, я была слишком занята собой, чтоб следить за тем, какое впечатление я на него производила. Я твердо решила, что не буду отвлекаться на это, а сосредоточусь на себе. Я пришла только ради себя, и позирую только ради себя – я хотела, чтоб он это понял. Я была уверена, что Брайан не оставляет равнодушными многих приходивших к нему женщин. Весьма предсказуемо, что многих подкупает эта молча-

ливая проницательность, загадочность, не требующая слов уверенность, скользившая в каждом движении. Я буквально видела, как они флиртуют с ним во время съемки, завлекательно поглядывают на него, маняще улыбаются. Что ж, я не буду вести себя так, как они. Я должна запомниться ему.

Если бы меня спросили, я бы сама не смогла ответить на вопрос, почему это было для меня так важно. Впоследствии я часто задумывалась над этим. Быть может, потому, что Брайан был для меня олицетворением творца, который видел глубже внешнего облика людей? Который стремился вытащить наружу то тайное, что скрывалось за ним? И заинтересовать Брайана значило для меня получить столь необходимое подтверждение тому, что я действительно особенная.

– Думаю, на этом можно закончить, – вдруг сказал Брайан и опустил камеру.

Я остановилась, непонимающе посмотрев на него. Он извиняюще улыбнулся мне.

– Простите, но я предпочел бы остановить вас до того, как Вы начнете повторять собственные движения. А копирование самого себя преуменьшает и опошляет все сделанное ранее. Уверен, мы создали достаточно отличных снимков.

Я не стала спорить, ведь и сама уже понимала, что выжала из себя все, что могла, однако не хотела признаваться в этом. Я так вошла в раж, что мне безумно хотелось прямо сейчас начать позировать в более разнообразных образах, чтоб мне была предоставлена большая свобода движений, больше

пространства для воображения... Но на сегодняшний день, к сожалению, это было все.

– Отлично, – я непринужденно пожала плечами, словно целыми днями только и делала, что позировала фотографам. – Тогда я переоденусь, и мы сможем посмотреть снимки.

Не дожидаясь его ответа, я резко развернулась и вернулась в раздевалку. Все-таки меня немного задело то, что он сам предложил закончить фотосессию. Ему стало скучно? Или же я недостаточно хороша, чтоб вызвать в нем такой же интерес, как те, чьи фотографии пополняют его драгоценную коллекцию? Может, он не усмотрел во мне ничего такого, от чего не хотелось бы отрывать объектив?

А вообще-то, почему меня это так интересует?! Я пришла сюда за хорошими снимками, и, я могла сказать с уверенностью, я все для этого сделала. А то, что меня так волновало, понравилась или не понравилась я Брайану... Что ж, так уж мы устроены: на каждом шагу ищем маленькие подтверждения собственной значимости. Но не стоит позволять уязвленному чувству сбивать себя с толку.

Вернувшись в студию, я увидела, что Брайан уже сидит за компьютером и просматривает мои фото. Тонкие длинные пальцы лежали на клавиатуре. Я подошла к нему, глядя в монитор через его плечо.

– Уже переоделись? – улыбнулся он. – Я даже не успел до конца просмотреть ваши снимки. Но вы справились пре-

красно, мисс Дэвис.

– Правда? А как по мне, обычные фото. Не чета тем, которые я вижу в вашей коллекции, – я не смогла удержаться, чтоб не съязвить. Совсем немного.

– Почему же? – невозмутимо ответил он. – Понятие обычной и необычности ведь не в одежде и не в вычурности поз. Я видел потрясающие кадры, в которых модель просто стояла в самой простой одежде, неподвижно глядя в камеру. Но выражение глаз передавало такую силу, такое внутреннее чувство, что мурашки пробегали по коже.

Я с опаской перевела взгляд на свои собственные фотографии, однако, даже бегло просмотрев все кадры, вздохнула с облегчением. Я боялась, что камера прибавит мне лишних сантиметров, однако я выглядела даже более худой, чем думала. При студийном освещении моя кожа казалось молочно-белой, а глаза – яркими и выразительными. Брайан явно знал свое дело.

Все мои позы действительно были такими же, как на фотографиях моделей, движения которых я так часто повторяла перед зеркалом. Я находила, что уж точно выгляжу ничем не хуже, а, может быть, и намного лучше некоторых. Я моментально почувствовала себя гораздо увереннее.

– Как для модельного агентства, ваши снимки более чем соответствуют, – сказал Брайан, взглянув на меня уголком глаза.

Он что, прочитал мои мысли?

– Так, значит, вам эти снимки нравятся? – довольно спросила я более утвердительным, нежели вопросительным тоном.

– Я этого не говорил, – не моргнув глазам, ответил Брайан.

– Что, простите? – я слегка опешила и даже немного отодвинулась от него. Неужели этот странный человек хочет сказать, что ему не понравились собственные фотографии?

– Позвольте, я объясню, пока вы не успели оскорбиться, – его голос звучал совершенно спокойно. Казалось, ничего не могло вывести его из равновесия. – Для модельного агентства вы действительно сделали прекрасные снимки. Вы отлично позируете, чувствуете свое тело, хорошо смотрите в кадре. Однако это не вы. Не поймите меня превратно... Я восхищен тем, насколько сильно вы погружаетесь в то, что делаете. Однако создается впечатление, что вы делаете то, что не свойственно вашей натуре, что вы словно идете против себя. Ведь вы позировали мне совсем не так, как вам хотелось бы, а так, чтоб понравится каким-то людям, которых вы и в глаза не видели. Вы лишь повторяли самые распространенные позы моделей, и, нужно сказать, делали это очень хорошо. Однако вы надели на себя чужой образ. Здесь не было Летиции Дэвис. А мне хотелось бы запечатлеть именно ее. Когда вы просто стояли, задумавшись о чем-то, у вас на лице было написано такое выражение, что я с трудом сдержался, чтоб тут же не схватиться за камеру. Однако, когда я наводил на вас объектив... этого не было. По-

этому я с чистой совестью и не мог ответить, что мне понравились эти снимки. Потому что... я мог бы сделать лучше.

Этот человек обладал невероятной способностью лишиться дара речи. И так, так как я не знала, что сказать, то решила, что лучшая защита – нападение.

– Значит, вы, Брайан, вроде как охотник за эмоциями? Вам недостаточно просто делать фотографии, вам непременно нужно показать на них истинную человеческую сущность?

– Не совсем так, – поправил Брайан. – Не обязательно истинную сущность. Напротив, зачастую мне интересно посмотреть на образ, который человек хочет воплотить. Однако мне нужно, чтоб сам он и этот фантастический образ слились воедино, чтоб это было неподдельно и по-настоящему. Для меня это даже не искусство, а настоящее волшебство. Однако вы верно подметили – я действительно охочусь за эмоциями, как некоторые охотятся за чемоданами с деньгами.

– Что ж, надеюсь, в следующую нашу встречу я доставлю вам больше поводов для удовольствия. Во время второй фотосессии я собираюсь примерить на себя самые разные образы, полностью воплотиться в них, прочувствовать их. Знаете, это ведь не только для портфолио, но и для меня лично. Мне всегда хотелось быть разными людьми и жить многими жизнями одновременно.

– Вы не находите, как это парадоксально, насколько силь-

но всем хочется жить жизнями других вместо того, чтоб на полную жить своей?

– А что такое жить на полную? Однажды мне уже казалось, что я беру от жизни все, в то время как я лишь находилась на ее обочине.

– С обочины открывается отличный обзор на обе стороны дороги, вы не находите?

У меня в очередной раз не нашлось слов, но он и не ждал ответа.

Мы с Брайаном договорились о следующей встрече, и он вышел в приемную проводить меня. Марта оторвалась от бумаг.

– Как прошла фотосессия, мисс Дэвис? – натянуто улыбнулась она.

– Довольно ... необычно, – ответила я, краем глаза лукаво взглянув на Брайана. Тот подмигнул мне.

Улыбка Марты слегка увяла.

Он стоял рядом, пока я поправляла волосы и оборачивала вокруг шеи легкий шелковый шарф. Марта подозрительно смотрела на нас из-за стойки.

– У вас сегодня еще пару часов свободных, мистер Тернер. Мисс Бэлл перезвонила и сказала, что ей нездоровиться, так что она сейчас не в самом лучшем виде для фотосессии. Возможно, мне перезвонить мисс Питерс и сказать, что на сегодня освободилось место?

– Нет, Марта, благодарю, – сказал Брайан. – Сегодня я

больше никого не принимаю. Вы можете быть свободны. До встречи, мисс Дэвис.

– Просто Летиция, – ответила я, глядя ему в глаза.

– Что ж, до встречи... Летиция.

– До свидания, Брайан

Стоило мне открыть дверь, как в лицо мне тут же ударил порыв холодного ветра, и я отправилась домой, борясь с растрепанными волосами и не менее растрепанными чувствами.

Глава 12

К следующей фотосессии я готовилась тщательнее, чем к выпускному балу. И, с каким бы упорством я не старалась отрицать, но связано это было не только с моим желанием создать лучшее портфолио. В конце концов, дальше обманывать саму себя становилось все более проблематично, и я вынуждена была сдаться и признать, что Брайан Тернер произвел на меня неизгладимое впечатление. Мне ни с кем еще не доводилось прочувствовать столь сильной душевной связи за такой короткий срок. И связь эта была более глубокой, более интимной, более интригующей, чем простая симпатия, чем поцелуй, чем секс. Я прочувствовала ее каждой клеточкой своего тела, даже не прикасаясь к нему. Я знала, что могла бы сказать этому мужчине абсолютно все, что происходило внутри меня, и он бы меня понял. Поэтому не было ничего удивительного в том, что и мне хотелось впечатлить его не меньше.

Поэтому, когда на следующей неделе я вновь переступала порог студии, я тащила за собой несколько огромных пакетов с платьями, костюмами, туфлями, украшениями для волос и бижутерией. Создавалось впечатление, что я только что ограбила торговый центр. Марта, с все такими же туго стянутыми в пучок волосами растянула в натянутой улыбке губы, на этот раз подкрашенные помадой оттенка яркой

функции. Как по мне, стало только хуже.

– Доброе утро, мисс Дэвис. Вы сегодня в полном всеоружии? – из-за бледности лица мне казалось, что разговор я веду исключительно с ее ртом.

– Что-то вроде того, – я мимолетно улыбнулась в ответ. Ну не нравилась мне эта Марта.

– Вы можете проходить в студию. Мистер Тернер уже ждет вас.

Я кивнула и проследовала внутрь. Брайан склонился над столом и рассматривал какие-то фотографии.

– Доброе утро, Летиция, – он сразу же встал и улыбнулся мне. – Судя по вашей экипировке, вы собираетесь на ближайшее время сюда переселиться?

– Это зависит от того, насколько хорошо и быстро вы справитесь со своей работой, – засмеялась я.

Мне нравилось, насколько легко и непринужденно я стала себя с ним чувствовать. Создавалось впечатление, что мы с ним уже давно знакомы.

Я тяжело опустила на пол пакеты с одеждой.

– У меня множество идей для сегодняшней фотосессии. И, предупреждаю вас, Брайан, я очень щепетильна, когда мне нужно воплотить в реальность образ в моей голове.

– Если бы все образы в наших головах находили отражение в реальном мире, то многие люди были бы гораздо счастливее, – заметил Брайан.

– И все-таки я возлагаю большие надежды на ваше ма-

стерство, – в тон ему ответила я.

– Вы покажете мне примеры фотографий, которые хотите? – спросил он.

Я прекрасно разобрала нотку лукавства в его голосе.

– Нет, – я вызывающе посмотрела ему в глаза. – Сегодня – полная импровизация.

На самом деле, это была полуправда. Я в мельчайших подробностях продумывала, как я буду выглядеть в каждом образе, как буду двигаться и какие эмоции будут отображены на моем лице. Но ему про это было говорить необязательно. К тому же, я была уверена, что в процессе съемки я могу увлечься, и все пойдет совсем не так, как планировалось.

Собственно, так все и произошло. Примерно за час я успела сменить несколько нарядов: стильный шелковый костюм благородного бордового цвета с глубоким узким вырезом, короткое платье с юбкой колокол в духе кокетливого стиля пин-ап, дерзкие рваные джинсы и короткий кроп-топ. Все образы мне безумно нравились, так что каждый раз я пребывала в нетерпеливом возбуждении, ожидая, когда Брайан поднимет объектив.

Сначала я начинала позировать, следуя четко выстроенной в воображении картинке. Однако скоро я сообразила, что Брайан, со своим все понимающим пронизательным взглядом, это непременно заметит. И тогда я решила дать себе волю и полностью забыться, не думать ни о себе, ни о Брайане, телом и разумом превратившись в того человека,

которого воплощала. Поначалу я чувствовала себя немного зажато, однако спокойный голос Брайана, лишь время от времени ненавязчиво направлявший меня, помогал мне гораздо сильнее, чем резкие команды фотографов, которые когда-либо делали мои снимки. Брайан же не командовал мной, не загонял меня в рамки, не говорил, какая сторона моего лица более рабочая, ограничивая тем самым мои движения. Он предоставлял мне полную свободу действий, а сам плавно кружил вокруг меня, ловя лучший кадр.

Я чувствовала себя так, словно на меня со всех сторон падал яркий свет сотен прожекторов, и тысячи людей бросают на меня восхищенные взгляды. Стены студии расширились, перестав существовать. Все вокруг исчезло. Осталась только я и периодические щелчки камеры. Я полностью расслабилась, позволяя своему телу самому расслабленно переходить из положения в положение. Я словно превратилась в поток света, неуловимого, струящегося и сверкающего. Я чувствовала себя полностью в своей стихии. И я знала, чья это была заслуга. Я видела взгляд Брайана, физически ощущала его на своей коже и понимала, что он наслаждается этой фотосессией так же, как и я, и упивалась этим пониманием. Благодаря ему я чувствовала себя ослепительной.

Наконец очередь дошла до заключительного штриха сегодняшней фотосессии. Я с нетерпением ждала этого момента. Плотно закрыв дверь раздевалной, я нарядилась в длинное платье серебристо-серого цвета. Конечно же, это было

не то платье, о котором я говорила Брайану в нашу прошлую встречу. Эту вещь я случайно увидела лишь несколько дней назад в «Барнис». Оно стоило значительно дороже, чем я могла себе позволить, но, вспомнив слова Брайана, я все же решила примерять его. И не пожалела – платье необыкновенно мне шло. Оно подчеркивало мою тонкую фигуру и легкой струящейся волной ниспадало до самых щиколоток, делая меня похожей на хрупкую фею. Ткань подчеркивала белизну моей кожи и придавала глазам необычный оттенок. Как там он сказал тогда, «моря во время грозы»? В любом случае, не забрать это платье после того как я увидела, насколько потрясающе в нем выгляжу, было равносильно тому, чтоб оставить там какую-то часть своего тела. Коротко говоря, я купила его, потратив на эту приличную часть аванса.

Однако сейчас, стоя в этом платье перед зеркалом, я удовлетворенно рассматривала свое отражение и ни капельки не жалела о покупке. Я тщательно расчесала волосы, чтоб они мягко струились по спине, и подкрасила губы нежным перламутровым блеском. Поразмыслив, достала из косметички большую пушистую кисть и лишь слегка добавила на скулы немного персиковых румян. Слишком яркий цвет мог испортить все впечатление от моего эфемерного образа.

Когда я вышла из примерочной, Брайан, настраивающий свет ламп, обернулся и посмотрел на меня, застывшую, трепещущую и нетерпеливо ожидающую его реакции. Что ж, он не изменил себе. Он не пробежал по мне особенным муж-

ским взглядом и не стал тут же засыпать комплиментами. Однако непередаваемое выражение в его глазах говорило о гораздо большем. И пусть это было не то выражение, которого я добивалась, но от такого человека, как Брайан, это было выше какой-либо похвалы. Он смотрел на меня с таким явным вниманием и удовольствием, словно страстный деятель искусства, которому доставили оригинальный экземпляр Афродиты, рожденной из пены морской.

– Да, – тихо сказал он. – Это то, что я хотел увидеть. Вы прекрасны в этом платье, Летиция. Именно это я и имел ввиду, когда говорил о вещи, которая предназначена для человека, которая сливается с ним и становится его второй кожей.

– Спасибо, Брайан, – его слова и смутили меня, и разожгли во мне жаркий огонь. – Мне не терпится приступить к фотосессии.

И, действительно, я никогда еще не чувствовала себя так уверено, как сейчас. Я понимала, как восхищает Брайана мой образ в этом платье, и это сознание недолгой власти над ним пьянило меня, кружило мне голову. Прохладная ткань платья ласково прилегала к моему телу, подчеркивая все его изгибы, но ничуть не сковывая движений. Брайан подал мне знак, и я начала позировать. Руки мои порхали по блестящей ткани, скользили по лицу, играли с волосами. Я чувствовала себя уверенной и неотразимой, легкой и невесомой, как нимфа, и повелевающей, как богиня, я упивалась собой, когда вдруг...

– Нет, так дело не пойдет, – вдруг услышала я категоричный голос Брайана.

Мне показалось, что из комнаты выкачали весь воздух. Я посмотрела на него в совершенном ошеломлении, но мои эмоции не шли ни в какое сравнение с его. Я и представить себе не могла, что столь спокойный, державший себя в руках Брайан может прийти в такое волнение. Глаза его пылали безумным огнем человека, находящегося в угаре творчества, забывшего обо всем и думающего только о том, как бы воплотить в реальность образ, который возник в его голове и теперь отчаянно проситься наружу.

– Прошу прощения.

Брайан опустил камеру, глубоко вздохнул и помолчал пару секунд.

– Простите меня, Летиция, – снова повторил он. – Но это просто преступление – фотографировать вас в этом платье здесь, в этой тесной студии. Нет, здесь вы не сможете раскрыться, не можете как следует прочувствовать... Когда я представляю, какие бы кадры я мог бы сделать... Нет, решительно я никогда себе этого не прощу.

Его лицо вдруг приняло такое выражение, словно он уже все для решил.

– Скажите, Летиция, были ли бы вы против, если бы я попросил вас позировать мне в другом месте, которое более соответствовало бы вашему образу?

– И что же это за место? – насторожилась я.

– Не беспокойтесь, я не собираюсь увозить вас в какую-то темную подворотню и накачивать наркотиками, – он широко улыбнулся. – Но, позвольте, я лучше покажу вам его. Уверю, вам понравится.

***

Мы мчались в фордике Брайана по главной магистрали Нью-Йорка, все дальше отдаляясь от центра. Я сидела рядом с ним на пассажирском кресле. Мне было душно, и я слегка приоткрыла окно. Ветер трепал мне волосы и играл полами платья. Брайан уже снова полностью контролировал себя, и сейчас неподвижным взглядом следил за дорогой. Я же пребывала в крайне возбужденном состоянии: быстрая поездка в неизвестность пьянила меня лучше крепкого алкоголя, волосы развевались у меня за спиной, и всю меня охватило дурманящее чувство свободы.

Брайан ни одним намеком не дал понять, куда мы направляемся. Я видела лишь, как многоэтажные освещенные громадины Нью Йорка постепенно сменяются небольшими скромными райончиками, широкие магистрали сужаются, а поток машин стремительно редет.

Однако мы ехали уже достаточно долго, даже несмотря на то, что на пустой дороге мы неслись на приличной скорости, и я понемногу начала терять терпение.

– Мы что, выезжаем из города? – подозрительно спросила я.

– Совсем недалеко, – ответил Брайан. – Такие места тя-

жело сыскать в центре Нью Йорка.

– Так вы так и собираетесь держать интригу и не говорить мне, куда мы направляемся? – несмотря на то, что Брайан внушал мне полное доверие, я невольно вспомнила все страшные истории о пропавших без вести девушках, которые слышала по новостям, и начала нервничать.

Брайан посмотрел на меня и засмеялся.

– Можете уже выдохнуть, Летиция. Мы на месте. А теперь посмотрите вперед и скажите, не зря ли вы мне доверились.

Я отвела от него испуганный взгляд и посмотрела вперед. Нью Йорк с его шумом, суетой и спертым воздухом остался далеко позади. Мы ехали по практически пустой дороге среди переплетения громадных деревьев, загораживающих обзор. Однако машина резко свернула в сторону – и моим глазам предстало удивительное зрелище.

Впереди простиралась безграничное зеленое пространство. Верхушки высоких холмов были окутаны голубоватой дымкой. На меня повеяло прохладным и свежим, остро пахнущим листвой, воздухом, который бывает только за городом. Дорога начала забирать вверх, и мы подъехали к огромным каменным воротам, рядом с которыми было припарковано несколько машин. Брайан привез меня в прекрасный государственный парк, одно из живописнейших мест рядом с городом.

– Просто поразительно. Так вы решили свозить меня на природу? – от облегчения и восхищения у меня даже закру-

жилая голова.

– А вы думали, я собираюсь одурманить вас и запереть в подвале своего дома, как в книге «Коллекционер»? – засмеялся он.

Честно сказать, именно такие мысли меня и посещали.

– Нет, конечно, – не моргнув глазом, ответила я. – Но ничего подобного я даже представить не могла. Вы умеете удивлять, Брайан.

– Осторожно, Летиция, не думайте обо мне слишком хорошо, а не то мне придется постоянно держать марку. Вы никогда здесь не были?

– Никогда, – призналась я. – А вы?

– Не так чтобы часто. Я приезжаю сюда только тогда, когда хочу остаться наедине с собой, поразмышлять, заглянуть в себя, восстановить внутренние резервы.

Значит, это что-то вроде его тайного пристанища. Что ж, мне не могло не доставить удовольствия то, что Брайан решил привезти меня в свое любимое место, хотя мы и были знакомы весьма недолго. И пусть это и было только для фотосессии, но мне не терпелось побывать там, где Брайан чувствовал себя спокойно и умиротворенно. Может, тогда я смогу лучше понять его?

Через несколько минут, оплатив парковку, мы с Брайаном уже вступали в волшебные владения парка, жадно вдыхая пряный чистый воздух, насыщенный влагой. Нам едва удалось отделаться от назойливых гидов, предлагающих «про-

вести нас по всем тайным тропам», и мы вдвоем углубились в тенистую прохладу под сенью сплетенных над нашими головами ветвей.

Если честно, я почти никогда не бывала за пределами города. Вся моя жизнь протекала среди организованного порядка: одинаковых домов, ровных, пересекающихся под прямыми углами дорог, аккуратно подстриженных газонов и искусственной травы неестественно-яркого цвета. Здесь же все дышало дикостью, свободой, необузданностью и полным отсутствием хоть какой-нибудь упорядоченности. Грунтовая дорожка петляла вверх и вниз по холмистой местности, корни деревьев когтистыми лапами вылезали из земли и жадно протягивали свои лапы во все стороны, травы и дикие цветы, над которыми с жужжанием кружили жучки и мотыльки, разрастались, как им было угодно, источая пьянящие ароматы. Здесь, в этом диком уголке, исчезало всякое влияние города с его незыблемыми законами, правилами и условностями. Здесь ты возвращался в лоно природы, как это было тысячи лет назад. Находясь в этом мире, столь чуждом моему, было трудно поверить, что совсем рядом раскинулся громадный, задымленный Нью Йорк.

Мы прошли не так много, когда до меня донесся грохот обрушивающейся воды, и я увидела в просвете между деревьями пенящиеся потоки водопада. Я не могла сдержать восторга.

– Брайан, смотрите, там водопады! Скорее, подойдем по-

ближе!

И я побежала вперед, прямо в своем столь неподходящем для этой цели наряде. Шлейф платья развивалось у меня за спиной, тонкая подошва туфель не сглаживали всех камешков и неровностей поверхности, однако меня это не останавливало. Я неслась вперед, словно на крыльях, и ветер свистел у меня в ушах. Я чувствовала себя лесным призраком, порхающим в туманной чаще в платье, сотканном из лучей лунного сияния.

Сзади донесся хруст ветвей и шелест листьев, и Брайан поравнялся со мной. Висящая на груди камера подскакивала у него на груди. Он ухватил меня за локоть и потянул назад, заставляя остановиться.

– Поберегите силы, Летиция, – он тяжело дышал и взволнованно смотрел на меня, но задорные искорки плясали в его глазах. – Иначе вы скоро устанете, а вам ведь еще нужно побереечь силы для фотосессии.

Ах, а он все печется о своих драгоценных снимках. Я же успела уже напрочь забыть, зачем мы сюда приехали.

– Да ладно вам! – с досадой сказала я. – Почему бы нам просто не насладиться этим чудесным местом? Как часто вам вообще удается выбраться из стен вашей студии? Когда вы в последний раз смотрели на мир просто так, своими глазами, не заботясь о том, как он выглядит сквозь объектив вашей камеры?

Теперь мы шли спокойным шагом, хотя ноги то и дело

начинали нести меня быстрее против моего желания.

– Понимаете, Летиция, – сказал он, и я впервые увидела, как он немного замялся. – Вы, наверное, думаете, что мне нужен отдых от моей работы. Однако мне совсем не нужно отдыхать от работы, потому что для меня вообще не существует такого понятия. То, чем я занимаюсь, является неотъемлемой частью моей жизни, которая доставляет мне невероятное удовольствие. Это не работа, это смысл моего существования. Я не представляю без этого своей жизни.

– Значит, создание фотографий – это одновременно и ваша работа, и досуг, и увлечение?

– Для меня это больше, чем все, что вы перечислили. Как можно обозначить каким-либо словом все, без чего ты не представляешь себя?

Мне показалось, что он хотел добавить еще что-то, однако в последний момент передумал, и решил промолчать. Мое же настроение от его слов немного омрачилось. Даже проникающий сквозь кроны зеленый свет словно стал бледнее. Я смотрела на Брайана, человека, который обрел себя в этой жизни, который каждый день делает то, что приносит ему удовольствие, который творит и наслаждается творением рук своих. Я же испытала невольное чувство зависти. Это было то, о чем я мечтала, к чему стремилась, что тщетно старалась получить. Может, поэтому меня так к нему и потянуло? Он воплощал в себе то, к чему так страстно стремилась я?

Неужели это так легко: просто взять и заниматься тем, что нравится? Почему же тогда у меня ничего не получалось? Что со мной не так? Почему мне постоянно приходилось идти на компромиссы со своими желаниями или же вообще подавлять их, уступая суровой действительности? Почему некоторые легко занимают отведенное им место в жизни, пребывая в гармонии со своей натурой, а остальные все время вслепую бродят, пытаясь отыскать выход, однако каждый раз неумолимо упираются в тупик? Может, только единицам предназначено найти свое место, не разбившись по дороге к нему?

Тем временем перед нами медленно, словно живой занавес, расступились ветви деревьев, и я почувствовала на своем лице крохотные брызги влаги. Перед моими глазами предстала удивительная картина. Мы оказались в самом сердце небольшого ущелья, с которого серебристыми потоками с ревом низвергался водопад. Вода струилась по массивным, поросшим мхом каменным уступам, пенясь и обрушиваясь в прозрачные воды озера. В этом лесном ущелье благодаря густым кронам деревьев стоял таинственным полумрак, благодаря чему создавалась впечатление, будто мы шагнули в таинственный первобытный мир. Великолепная в своей необузданности дикая красота моментально вытеснила из моей головы все мысли, которые вдруг показались мне мелочными и ничтожными по сравнению с окружающим меня торжестве природы.

Мы с Брайаном поднялись на каменный мост, с которого открывался лучший вид на водопад и струящиеся под нами беспокойные воды. Мы постарались отойти подальше от галдящей недалеко от нас группки туристов, бешено шелкающих фотоаппаратами. Мы неподвижно замерли, глядя вниз и задумавшись каждый о своем. Вдруг я заметила, что и Брайан достал камеру и жадно навел ее на водопады.

– Что вы делаете? – искренне удивилась я. – Готова биться об заклад, у вас и так по меньшей мере сто снимков этих водопадов!

– Так и есть, – он даже не повернул ко мне головы, не отвлекаясь от объектива. – Но, если говорить откровенно, я не могу сдержаться себя, когда вижу что-то настолько прекрасное. Это выше моих сил. Я каждый раз чувствую что-то вроде чувства долга увековечить этот момент.

– Однако это ведь ужасно! Получается, что вы никогда не можете просто насладиться моментом, прочувствовать его, забыв обо всем остальном. Вы смотрите на окружающий мир через камеру объектива, видите его лишь в одной плоскости и в ограниченной палитре красок, предложенных современными технологиями. Конечно, все ваши фотографии прекрасны, – поспешно добавила я. – Однако ведь это все – не по-настоящему. Выходит, что ваша реальность – это камера и глянцевые прямоугольники фотографий.

Говоря это, я немного стушеввалась и покраснела. Мне ли было говорить об этом? Разве я сама порой не теряла связь

с реальностью настолько, что мне казалось, будто я в ней и не существую, принадлежа совсем другому, воображаемому миру?

Брайан вдруг опустил камеру и развернулся ко мне. Взгляд его лучистых, глубоких глаз, где все эмоции словно скрывались за дымкой тумана, встретились с моими.

– Знаете, Летиция, а ведь я никогда об этом не думал в таком ключе, – немного помолчав, наконец сказал он. – С самого детства фотографии стали моей страстью. Сначала я фотографировал на дешевую мыльницу, купленную за скопленные карманные деньги, затем на телефон с ужасно мутной камерой. И лишь в более взрослом возрасте, когда я сам начал понемногу подрабатывать, я смог купить себе приличный фотоаппарат. Фотографировать все вокруг себя стало настолько привычной и естественной частью моей жизни, что я даже не задумывался над этим, как мы не задумываемся над тем, каким образом мы двигаем ногами при ходьбе или как дышим. Когда пришло время поступать в колледж, я понял, что не знаю, куда идти. Все, что я знал, это то, что единственное, чем я хочу заниматься в жизни – это увековечивать моменты. Это стало и моим смыслом, и моим заработком. Потому что, честно говоря, я не знаю, что бы я мог делать, если бы у меня отобрали камеру. Вернее, я не знаю больше ничего, что стоило бы делать, чтоб вообще тратить на это время.

– Погодите. Так, значит, вы не пошли в колледж?

Он посмотрел на меня так удивленно, словно это подразумевалось само собой.

– Нет, Летиция, я не пошел в колледж. На что он мне?

Я была поражена.

– А ваши родители? Разве они не были против?

Брайан замялся, словно раздумывал, стоит ли посвящать меня в столь интимные подробности своей жизни. И все-таки он ответил.

– Когда я сообщил об этом родителям, они не стали ни остерегать меня, ни угрожать лишиться наследства, ни пророчить будущего в канаве на задворках жизни. Отец сказал, что, если я смогу сам зарабатывать себе на жизнь, то я волен поступать так, как считаю нужным. Это решило дело. Все пути были отрезаны. Я остался один на один со своим выбором. Конечно, сначала я фотографировал бесплатно, преимущественно своих друзей. Выставлял свои работы на разные сайты. Затем начал фотографировать за небольшую плату. Затем немного больше. Смог снять небольшую квартирку и фотографировал уже там. Несколько лет назад я открыл собственную студию.

– И вы никогда не пожалели о том, что не пошли в колледж, не получили образования?

– А почему я должен об этом жалеть? Зачем мне было заканчивать колледж и только после заниматься тем, что хочу, если я мог уже тогда заниматься тем, что хочу, что, собственно, и сделал?

Улетучившаяся при виде водопада непонятная злость на Брайана вновь всколыхнулась во мне, однако на этот раз мне захотелось понять.

– Знаете, когда вы это представляете таким образом, все кажется настолько просто, что просто непонятно, почему в мире так много неудовлетворенных жизнью людей, которые находятся не на своем месте, занимаются нелюбимым делом, в общем, живут с вечным чувством, что им предназначено совсем другое? Скольким в мире все время кажется, что они растратили в пустую все возможности, данные им судьбой, не использовали посланные им шансы? Сколько людей смотрят на единицы, которые, как вы, Брайан, обретают свой смысл каждый день, и недоумевают, почему же они сами так не смогли. Ведь в этом, по словам этих единиц, нет ничего сложного. И тогда они преисполняются разочарованием и жалостью к себе, как отравляющим ядом, теряют спокойствие и стараются заглушить эти навязчивые чувства в бытовых делах, мелких заботах, токсичных отношениях или алкоголе и наркотиках.

Брайан смотрел на меня очень внимательно. Мне показалось, что, по горечи в моем голосе он догадался, что я говорю отчасти и о себе. Он немного помолчал, затем снова перевел взгляд к равнодушным к человеческим переживаниям водопадам, которые низвергаются вне зависимости от наших желаний.

– Знаете, здесь вот такая штука, – медленно ответил он,

подбирая слова. — Я часто задавался вопросом, почему у кого-то получается жить так, как хочется, а другие только делают то, что надо. Это вовсе не значит, что кто-то менее талантлив, умен или общителен. Это даже не зависит от обеспеченности или удачливости. Просто большинство людей даже не знают. Даже не допускают возможности того, что их мечты реальны. Мы с детства воспитываемся с набором стандартов в голове, что нужно делать и как правильно жить. Школа, колледж, работа, женитьба или замужество, дети, финансовая независимость, несколько машин, дом за городом, поездки в Париж летом. Поэтому многие даже и не рассматривают какого-то другого сценария, не допускают даже смены очередности. Нет, разумеется, можно заняться тем, что хочешь. Но только в свободное время от основного распорядка, утвержденного обществом. Вот так и выходит, что большинство людей с недоумением и неодобрением, в глубине которых скрывается зависть, смотрят на тех, кто решил не следовать общим устоям. В одной из моих любимых книг говорится: зачем ждать, чтоб начать делать то, что нравится, если ты можешь начать это делать уже сейчас.

Я молча стояла и обдумывала его слова. Мне не хотелось портить магию этого момента какими-то банальными фразами вроде «Ну да», «Наверное, ты прав» и так далее, а ничего сверх этого я сейчас не могла сформулировать, по крайней мере. вслух. Между нашими душами словно протянулась незримая нить, и, я уверена, он и так все понимал. Все, че-

го мне сейчас хотелось, это стоять здесь, рядом с Брайаном, слушать его и смотреть на искрящиеся серебристые струи воды, в шуме которых терялись отдаленные переговоры туристов, такие банальные, низменные и не имеющие никакого смысла по сравнению с тем, о чем говорили мы с ним.

– Можем спуститься вниз, ближе к воде, если не боишься, – неожиданно будничным тоном предложил Брайан. – Здесь есть безопасный спуск, по которому мы можем сойти напрямиком к озеру.

Чего я могла бояться, когда он рядом. Господи, да предложи он мне сейчас сигануть с моста вниз головой прямо в водные глубины, я и то согласилась бы, не раздумывая. Когда я пребывала в таком настроении, я была готова на любые безумства.

Мы сошли с моста, прошли немного вперед и обнаружили узкую лестницу, спиралью круто уходящую вниз. Я пропустила Брайана вперед, на случай, если от избытка чувств я споткнусь и покачусь по лестнице. С меня вполне станется. Особенно в моем длинном струящемся платье. И в туфлях. И в полном эмоциональном дисбалансе. Для лазанья по ущельям одета я была, мягко говоря, не самым подходящим образом, но впечатление, бесспорно, производила. Я цеплялась за перила такой мертвой хваткой, что дала бы сто очков вперед висящему над пропастью альпинисту. Брайан то и дело повторял мне, чтоб я не волновалась, потому что, если я оступлюсь, дальше мы в любом случае покатаемся вместе. Я

находила это утешение довольно-таки сомнительным.

Когда мы благополучно спустились к самому тенистому подножию ущелья, Брайан протянул мне руку, чтоб помочь спуститься. Я почувствовала сухое тепло его ладони и шероховатую мозоль на пальце, которым он нажимал на кнопку фотоаппарата. Как только я спрыгнула с последней ступени, его рука немного задержалась в моей, легко проведя по внутренней стороне ладони.

Вода здесь бушевала и пенилась с таким шумом, что мы с Брайаном едва слышали друг друга. Над поверхностью озера клубилась зыбкая водяная пелена, сотканная из миллиардов разлетающихся брызг. Воздух был напитан влагой, свежестью и пьянящим ароматом свободы. Мы начали осторожно подбираться ближе к воде, стараясь не поскользнуться на влажных камнях. Брайан снова осторожно взял меня за руку, но теперь уже не выпускал ее.

– Еще не хватало, чтоб ты упала и утонула здесь по моей вине, и меня до конца жизни по ночам беспокоил твой жаждущий отмщения призрак. И, даже если он будет в этом прекрасном платье, все равно это вряд ли доставит мне удовольствие, – сказал он, обхватывая меня за талию, и спуская на землю с небольшого возвышения у самой кромки воды. При этом он касался меня так мягко, словно я была хрупкой хрустальной куклой, которая разобьется, если сжать ее слишком сильно.

– Не льстите себе, мистер Тернер, – вздернув нос, сказала

я. – Я уж точно не стала бы тратить свое время на посещения вашей квартиры. Я бы осталась здесь, в этом прекрасном месте, и развлекалась бы тем, что распугивала назойливых туристов. Как по мне, это гораздо веселее. А затем этот парк оброс мы мрачными легендами, страх изгнал бы из него всех посетителей, и лишь подростки по ночам пробирались бы сюда, чтоб пощекотать себе нервишки. А это место стало бы называться Озером Призрачной Дамы.

– Боже мой, Летиция, – засмеявшись, сказал Брайан. – Вы читали слишком много романов в детстве.

«Вы даже не представляете, насколько много», – подумала я.

Мы стояли у самой кромки воды. Совсем рядом с нами буйствовал и ревел водопад. Однако чуть дальше вода уже успокаивалась, и текла дальше спокойным и размеренным потоком. Здесь никого не было, и лишь где-то наверху, на мосту, смеялись и переговаривались люди.

Мы с Брайаном прошли немного дальше вдоль берега. Вода была настолько хрустально-чистой, что мне не составило труда рассмотреть все камешки на волнообразном дне. Течение здесь было уже совсем слабым. Я присела, осторожно придерживая подол платья, и зачерпнула воду в ладонь. Она оказалась обжигающе ледяной. Я разжала пальцы, и серебристые струйки с едва слышим журчанием присоединились к собратьям.

Рядом со мной раздался едва слышный щелчок фотоап-

парата. Я недоуменно обернулась на звук. Брайан, тоже присев, держал наведенную на меня камеру. Я укоризненно посмотрела на него.

– Простите меня, Летиция, однако я не смог бы себе простить, если бы не запечатлел вас здесь. Вы бы знали, какие невероятные кадры порой получаются, когда люди не догадываются, что их снимают. Ни наигранности, ни зажатости, ни доли кокетства. Сейчас, Летиция, вы выглядите самой собой, без приукрашиваний, без обмана, без масок. Оглянитесь вокруг. Ведь это же ваша стихия. Низвергающиеся водопады, которые шумными потоками сносят все на пути к конечной цели, и тихая гавань, где воды успокаиваются, где царит гармония и почти мистический покой. Это сочетание противоречий – это вы. Вот почему я и привез вас сюда. Когда я фотографировал вас в своей студии, я не мог отогнать от себя желание увидеть вас здесь, в этом месте, которое вытолкнуло бы на поверхность все наполнявшие вас страсти, унесло бы с текучей водой все сковывающие вас образы, которые находятся у вас в голове и не позволяют настоящей Летиции прорваться на свободу. Прошу вас. Не откажите мне в этом.

Он смотрел на меня таким умоляющим взглядом, что я не могла более возражать. Да мне и не хотелось. Брайан был прав. Здесь, в этом месте, лишенном порядка и условностей, я отбросила все внутренние страхи, тревоги и смятения. Я забыла все первоначальные причины, приведшие меня сюда.

В этой колыбели природы я почувствовала себя так, словно мы были первыми людьми земли, когда еще не придумали глупых правил, приличий, требований и обязательств. Все было предельно просто – у меня был воздух, чтоб дышать, солнце, которое согревало меня, вода, что давала мне жизнь, и леса, в которых можно укрыться от опасностей. А я была созданием всего этого, я была порождением природы, я была ребенком солнца и воды...

И в тот момент, когда Брайан снова поднял свою камеру, я уже напрочь забыла о его существовании. Для меня больше не было ничего, кроме ласкающего меня напоенного влагой ветра, искрящегося в потоках воды солнца и невероятного чувства свободы, которая пьянила, пьянила, пьянила меня... И я кружилась, и простирала руки на встречу небу, и играла развевающимися на ветру волосами, и зачерпывала в ладони воду, и подбрасывала ее вверх, подставляя лицо освежающим каплям. Я сидела на берегу, опустив босые ноги в воду и перебирая волосы, словно русалка. Я танцевала в своем развеваемомся серебристом платье, как лесная фея. Я стояла на самом краю нависающего над водой утеса, раскинув руки так, словно собиралась взлететь...

Брайан ни разу не сказал ни слова, чтоб не вывести меня из этого удивительного транса, в котором я пребывала. Я видела, как он кружит вокруг меня, жадно, как коршун, но не обращала на него никакого внимания. Все мои фантазии причудливо перемешались у меня в голове, и я не хотела по-

кидать этого воображаемого мира, не хотела возвращаться в реальность, не хотела покидать это место. Здесь мои тело и душа слились в единое целое, и я позволила вере в сказку полностью захватить меня. Я порхала в этом диком царстве, я танцевала со своими мечтами, я кружила в заботливых объятиях своих фантазий...

– Это потрясающе, Летиция, – срывающимся голосом сказал Брайан, порывисто приблизившись ко мне, когда я наконец остановилась. – Просто великолепно. Ты великолепна. Ты бы знала, какие получились кадры! Ты выглядишь такой неземной, что у меня возникло впечатление, будто я снимаю призрачного духа, который решил показаться при свете дня.

Он с сожалением посмотрел вверх.

– Посмотри, Летиция, мы совсем потеряли счет времени. Солнце уже заходит. Мне недостаточно света, чтоб продолжать. Как жаль... Мы бы еще столько всего смогли сделать...

– Думаю, сделано более чем достаточно, – сейчас я была искренне удивлена, что он так переживает о таких мелких вещах, как фотографии. Я лично не могла даже вспомнить, почему совсем недавно для меня это тоже было таким важным. – Посмотри вокруг. Посмотри, как здесь красиво. Неужели ты не видишь того же, что вижу я? Неужели ты можешь восхищаться только тем, что хорошо выглядит в объективе твоей камеры?

Я перевела восхищенный взгляд на великолепные пейзажи вокруг, которым лучи опускающегося солнца придали

новое мистическое очарование.

– Посмотри, послушай, почувствуй. Ведь вокруг целый мир. Огромный мир, полный загадок и несравненной красоты, мир, который мы когда-то покинули по своей воле.

Мы стояли друг напротив друга на берегу лесного озера. Туристы понемногу расходились, поэтому стало гораздо тише. Теперь единственными звуками, которые доносились до нас, было мелодичное журчание воды и грустное пение птиц в ветвях. Закат окрасил воду в багряно-золотистые тона. Мы с Брайаном молча смотрели друг на друга. Наконец, глубоко вздохнув, он нарушил молчание.

– Ты права, Летиция. Права. Но в одном ты все же ошибаешься. Меня восхищает далеко не все подряд, что хорошо выглядит в объективе моей камеры. Строго говоря, хорошо постаравшись, я мог бы сделать хорошие фотографии чего-угодно. Но я ищу красоту, скрытую порой в мелочах, незаметных обычному глазу. Меня восхищают произведения искусства. Иногда они воплощаются в плодах трудов человеческих рук. Иногда – в творениях природы. Но гораздо чаще я, не зная покоя, ищу их в окружающих меня людях, – он шагнул вперед и слегка дотронулся до моего подбородка, приподнимая голову. – Таких, как ты, Летиция.

Он с таким чувством пожирал глазами мое лицо, что какое-то мгновение я была уверена, что сейчас он прильнет к нему губами. Но не успела волна жара опалить мое сердце, как он уже опустил руку и отступил от меня на шаг. Всего

мгновение.

– Но я узнал лишь малую толику тебя, всего одну из многочисленных граней, – продолжил он, уже гораздо спокойнее. – И я не прощу себе, если не узнаю гораздо больше. Я хочу запечатлеть каждую из них. Но что ты скажешь, Летиция? Ты станешь моей музой?

Глава 13

После Рождества минул месяц. Мир вернулся в обычную колею. Гирлянды и блестящую мишуру размотали и поснимали со стен домов, окон, веток елей и фигурок праздничных оленей; самих оленей вместе с рождественскими звездами и остальными елочными игрушками убрали в пыльные коробки и отправили на привычное место в кладовой, все лакричные конфеты были съедены, а узорчатые бумажные снежинки грустно выглядывали из урн. Атмосфера чудес и праздника постепенно развеялась в воздухе вместе с запахами глинтвейна и морковного пирога, а сказочный городок вновь превратился в ряды обычных домишек и магазинчиков. Люди погрузились в привычные трудовые будни.

После Рождества меня вновь одолела скука. Краткая эйфория, навеянная праздничным воодушевлением, скоро исчезла, оставив после себя лишь ненавязчивое послевкусие. Эти ощущения напоминали мне привкус последней съеденной шоколадной конфеты во рту, когда ужасно хочется еще, да больше нет. После испытанного впервые за долгое время проблеска радости мне было еще сложнее вернуться к обычной жизни. Каждый день был унылым продолжением предыдущего. Одни и те же бежевые стены моей комнаты, черные ветви зимнего сада за окном, кажущиеся жалкими и голыми после снятых с них ярких украшений, статьи на повторяю-

щиеся темы, заказы на которые приходили мне регулярно. Одно и то же. Ничего не менялось.

И все-таки кое-что изменилось, хоть я и не сразу поняла, что именно. Неприятные чувства вообще сложно отделить одно от другого, грань между ними порой довольно размыта. И все-же чувства, овладевающие мной, были другого рода. Мной больше не владело ощущение бессмысленности происходящего и отреченности от окружающих. Мне больше не казалось, что я существую обособленно от всего мира, что он не принимает меня, и мне нигде нет места. Совсем медленно, но верно, зажигался во мне трепещущий огонек жизни, который разгонял кровь по застывшим, окоченевшим жилам. Если раньше мне хотелось только спрятаться внутри дома и отгородиться ото всех в его стенах, то теперь эти же стены давили на меня, не давая дышать. Мне вдруг стало тесно внутри, пустота казалась звенящей и пугающей. Мне стало невыносимо оставаться одной, в этой тишине и пустоте. Одиночество, которое поначалу было спасительным, стало непереносимой пыткой. Меня непреодолимо потянуло наружу. К людям.

И вот, одним солнечным деньком в конце января, когда одиночество показалось мне особенно давящим, я не выдержала и решила отправиться на прогулку. До этого я выходила за пределы огражденного участка исключительно по делам, когда нужно было пополнить запасы продуктов, купить лекарств или зайти в зоомагазин за любимыми лакомствами

Майло. Я не любила прогуливаться по узким улочкам пригорода, остро ощущая свое одиночество при виде дружных семей и веселых компаний. Однако сейчас я испытывала такую душевную потребность в общении, в том, чтоб хотя бы просто оказаться среди людей, что я больше не могла оставаться внутри.

Это было довольно странно, ведь все время с момента моего приезда все встречающиеся мне соседи казались мне неприязненными и вызывали легкое презрение. Я, вообще-то, никогда не задумывалась, почему питаю к ним такие чувства. Наверное, дело было в том, что подсознательно я понимала: никогда ни с кем из них я не поговорю о том, о чем говорила с Брайаном, никогда они не смогут понять меня без слов, никогда не посмотрят этим спокойным проницательным взглядом, проникающим в самую душу, никогда не заставят меня почувствовать себя так, словно я отрываюсь от земли и возношусь к другому миру, более возвышенному и прекрасному... А все эти люди казались мне примитивными и пустыми.

Но все это осталось в прошлом. Пора мне уже отпустить мысли о нем и научиться жить заново. Без него.

Последние дни радовали теплой и солнечной погодой, так что я накинула короткую, подбитую искусственным мехом парку. Майло радостно подпрыгивал вокруг меня, виляя хвостом и предвкушая прогулку. Я потрепала его по загривку.

– Веди себе прилично, мальчик, – по обыкновению строго сказала я, открывая калитку и выпуская его наружу. Не сказать, чтоб это оказывало на него хоть какое-то впечатление.

Едва притрусивший землю снежок тихо поскрипывал под ногами. Солнце неярким размытым кругом бледно серебрилось в ясном небе. Ветра совсем не было, так что погода выдавалась как нельзя более приятная.

Было воскресенье, и вокруг меня то и дело неторопливо прохаживался кто-то из жителей. Видимо, многие, как и я, решили насладиться прогулкой на свежем воздухе, прельстившись ясным солнцем. С большими бумажными пакетами из магазинов выходили мамы с детишками, норовившими незаметно вытащить только что купленные сладости; подростки весело перекрикивались друг с другом, громко слушали музыку и вынуждали меня то и дело прижиматься к самому краю дороги, чтоб разминуться с ними; мужчины в дурых куртках, с небрежно заправленными в ботинки спортивными штанами выгуливали собак, которые либо сдержанно порывивали на Майло, либо с интересом принюхивались и виляли хвостами. Последние, вероятно, были особями женского пола.

Майло же пребывал в невыразимом возбуждении. Почти все последнее время он, как и я, не выходил за пределы нашего сада, ограничиваясь лаем из-забора на чужих собак и проезжающие мимо автомобили, выпускающие облака чада. Теперь же он даже немного растерялся от обилия звуков и за-

пахов. Он то с вожделением рассматривал содержимое витрин бакалейных магазинов, высунув язык, то бросался за летящей по ветру оброненной кем-то бумажкой, то с любопытством принюхивался к другим собакам и их хозяевам. Некоторые с умилением улыбались, поглядывая на моего симпатичного пса, не зная о его скверном характере. Я спешила позвать Майло к себе, чтоб он не путался ни у кого под ногами. Дети, дергая родителей за рукав, показывали на него пальцами и смеялись, и мне тоже становилось тепло и радостно.

По дороге я заглянула в небольшую кофейню и взяла себе стаканчик эспresso, попросив добавить побольше кокосового сиропа – только так я и могла его пить. Поколебавшись немного, заказала еще и горячий хот-дог. Вообще-то, еда такого рода была для меня когда-то под строжайшим запретом, но на свежем воздухе у меня ужасно разыгрался аппетит. К тому же, все устои, которые были для меня непреложными в прошлой жизни, давно пали, так что и сумасшедшая одержимость худобой понемногу канула в лету.

Жилые дома в дальнем конце улицы все больше редели, понемногу переходя в чахлый лесок довольно жалкого вида, в котором любили прогуливаться местные и где наверняка назначали свидания влюбленные подростки. Туда я и решила отправиться. Мне ужасно не хотелось возвращаться домой, Майло был полностью со мной солидарен, так что мы направились вверх по улице, по направлению к просвету

между домами.

Благодаря отсутствию листвы, которая закрывала бы солнце, в леске было светло и уютно. По сверкающей снежной поверхности пролегли пересекающиеся цепочки следов – в этих местах снег был серым и грязным. Пугающей меня тишины здесь не было – казалось, здесь было даже болеелюдно, чем на улицах: многие вышли насладиться последним выходным. Майло то и дело кидался в какие-то кусты, и мне приходилось постоянно ускоряться, чтоб не потерять его из виду.

– Майло... Да чтоб тебя... А ну иди сюда, – задыхаясь, зло крикнула я, когда мне пришлось съехать вслед за ним по скользкому склону в небольшой овражек, при этом едва не переломав себе руки и ноги.

Я уже начала упревать от постоянного бега за несносным псом, а лицо у меня наверняка покраснелось. В сапожки набился снег, что совсем не поспособствовало улучшению моего настроения. Мой голос не предвещал ничего хорошо, так что Майло с умильительно-виноватым видом тут же подбежал ко мне. В зубах у него шелестела брошенная кем-то бумажка от батончика Твикс.

– Да ты что, издеваешься надо мной! – фыркнула я. – Брось эту гадость немедленно. Ты же даже понятия не имеешь, кто это ел.

От того, чтоб как следует отчитать своего пса, меня отвлек шум в кустах. Я испуганно обернулась, вдруг поняв,

что зашла гораздо дальше тех мест, где гуляли люди. Из-за сплетенных черных ветвей показалось какое-то маленькое яркое пятно. Я с недоумением прищурилась. Пятно подошло немного ближе, и только тогда я смогла разглядеть внутри него маленькое остренькое детское личико с огромными голубыми глазами и губками бантиком.

– Привет, – удивленно сказала я.

Девочка улыбнулась и побежала по направлению ко мне, не проявляя ни малейшего испуга. Капюшон теплого красного пуховика, из которого выбивались тонкие золотистые кудряшки, был нахлобучен ей на самые глаза. На вид ей было не больше пяти лет.

– А ну-ка погоди, милая, – сказала я, осторожно подходя поближе к ней. – Что ты здесь делаешь совсем одна? Где же твои родители?

Девочка засмеялась и залопотала что-то, показывая пальчиком назад. Майло подбежал поближе и с любопытством обнюхал ее, приветливо помахивая хвостом. Малышка бесстрашно подняла ручку и погладила его по мягкой шерстке. Он ткнулся в нее влажным носом, и она с визгом отпрыгнула.

– Кэти! А ну-ка отзовись, маленькая негодяйка! – услышала я громкий запыхавшийся женский голос примерно с той стороны, откуда прибежала девочка. В голосе явственно слышались панические нотки. – Кэти! Где же ты?

– Она здесь! – как можно громче крикнула я.

Из-за деревьев, тяжело держась за грудь, выбежала за-

дышающаяся молодая женщина в довольно-таки элегантном пальто. Рыжеватые волосы выбились у нее из-под шапочки, а щеки разругались.

– Кэти, вот ты где! Я едва не умерла со страху, пока гонялась за тобой через половину леса, – женщина подбежала к малышке и крепко обняла ее, а, когда облегчение схлынуло, строго добавила. – Ну и получишь же ты у меня, когда вернемся домой!

Тут она обратила внимание на меня.

– Ох, спасибо вам большое, что задержали ее, – тепло улыбнулась она мне. – Вы бы знали, что за сущее наказание этот ребенок. Только на секунду отвернулась, смотрю – ее уже и след простыл. Вы, наверное, думаете, что я ужасная мать?

– Ну что вы, – торопливо сказала я. – Знаете, когда мне было четыре, моя мама со всей этой суматохой перед Рождеством замоталась настолько, что совершенно не заметила, как я отстала от нее в магазине игрушек в торговом центре, а спохватилась, что она, вообще-то, пришла не одна, только в машине. В итоге она подняла на уши всю охрану, бросила на мои поиски весь персонал в полном составе, а я тем временем преспокойно выбирала себе Барби, удивляясь, в честь чего это весь сыр-бор. А ведь моя мама – самая внимательная женщина на свете. Она, кстати, еще несколько недель после этого нервно смеялась, пила валерьянку и наотрез отказывалась смотреть «Один дома».

– Ну, вы хотя бы не бродили одна по лесу, – засмеялась женщина и протянула мне руку. – Меня зовут Джастина.

– Очень приятно. Летиция. А это Майло.

Мы пожали друг другу руки с чувством одинаковой приязни друг к другу. Мой питомец гордо поднял хвост, как будто то, что его звали Майло, было высочайшим достижением.

– А с моей дочерью Кэти вы уже познакомились, – улыбнулась она.

– Она у вас очень милая. И такая смелая: совсем не испугалась моего Майло.

– Да разве можно испугаться такого симпатичного пса, – Джастина наклонилась и хотела тоже погладить моего питомца, однако он мягко, но непреклонно увернулся. Он не принимал ласку чужих людей, делая исключения только для детей.

– Что ж, Кэти ему понравилась больше, как я вижу, – сказала Джастина, убрав руки.

– Ничего удивительного – он очень любит детей. А, вообще-то, не обманывайтесь его милым видом. Этот пес временами просто несносный.

– Ну надо же, прямо как Кэти, – засмеялась она.

Я не знала, что б еще у нее спросить, поэтому занялась тем, что оттащила Майло, который начал слишком любовно облизывать лицо смеющейся Кэти.

– Вы, наверное, только переехали? – избавила нас от неловкого молчания Джастина.

– Да, вообще-то, нет, – я немного смутилась. – Я живу здесь с лета.

– Правда? – удивилась она. – Странно, что я вас ни разу не видела.

– Дело в том, что я часто уезжаю в город и не так уж много времени провожу здесь, – я понимала, как странно прозвучит то, что я попросту все время прячусь в стенах дома. Сама не знаю, почему, но Джастина производила на меня такое приятное впечатление, что мне захотелось поддержать знакомство, а мои странности могли отпугнуть ее.

– Что ж, тогда все понятно, – она явно была либо не из любопытных, либо очень тактичной, что в любом случае не могло не радовать. – Ну, мы с Кэти должны возвращаться, а не то она может простудиться. Вы с Майло еще не уходите?

Мне ужасно не хотелось снова оставаться одной, поэтому я торопливо ответила:

– Да нет, я тоже как раз собиралась обратно, пока по милости этого пса у меня еще сохранились целые кости.

– Отлично, тогда идемте вместе, – обрадовалась Джастина.

Она взяла Кэти за руку, и мы все вместе неторопливо пошли в сторону домишек. Майло трусил рядом с нами, играя с Кэти. Девочка то и дело принималась убежать, а мой пес в шутку догонял ее. Мы же с Джестиной с улыбкой наблюдали за ними, болтая о всяких пустяках. Я была удивлена, насколько приятно оказалось просто идти по заснеженному

снегу, вот так вот обсуждая самые обыкновенные вещи. Я скучала по этому. Удовольствие от прогулки не омрачало даже то, что мне приходилось умалчивать о причинах моего приезда сюда и о том, почему я живу, как затворница.

Мы вышли на улицу и уже несколько минут спустя поравнялись с ухоженным двухэтажным домиком Джастины, возле которого все еще стояла украшенная мишурой фигурка Санты. Из ворот нам навстречу вышел внушительных размеров мужчина со светлыми усами и кустистыми бровями в расстегнутом пуховике. Когда мы подошли, он как раз разгребал снег на ведущей к главному входу дорожке, и сейчас на его раскрасневшемся лице проступили капельки пота.

– Вот вы где! – звучным голосом сказал он, бросая лопату и открывая ворота. – Что-то вы задержались сегодня, дамы. Я уже начинал было волноваться.

– Спроси об этом у своей дочери, – нарочито строгим голосом сказала Джастина, подталкивая Кэти вперед.

Девочка радостно побежала к отцу, и тот легко подхватил ее на руки, словно она была невесомой.

– Ну что, снова напроказничала, не так ли, детка? – спросил он, целуя ее в лобик. Его басовитый голос претерпел поразительные метаморфозы, став очень ласковым и нежным.

– Ты говоришь это таким тоном, словно здесь есть чем гордиться, – рассерженно сказала моя новая знакомая. – Конечно, легко тебе умиляться ее баловству, когда это не ты сбивался с ног, гоняясь за ней по всему лесу. Хорошо хоть,

эта молодая леди перехватила ее.

Мужчина, с ласковой укоризной взглянув на дочь, протянул мне руку, второй без усилий удерживая Кэти.

–Брайс Холден. Рад знакомству.

– Очень приятно. Летиция Дэвис. А это Майло.

Моя рука буквально утонула в огромной ладони Брайса. Майло с достоинством гавкнул в знак приветствия. Кэти протянула к нему руки, явно не желая разлучатся с моим псом.

– Нет, Кэти. У тебя еще будет время поиграть с собачкой, если будешь себя хорошо вести. А сейчас тебе пора домой, в тепло, – решительно сказала Джастина. – Не хватало еще, чтоб ты простудилась. Брайс, переодень ее в махровую пижаму и приготовь горячего какао. Какао на верхней полке крайнего шкафчика, рядом с шоколадными шариками

– А ты куда? – опешил он, получив столь неожиданную информацию.

– А я, милый, собираюсь заглянуть к Роджеру. По воскресеньям он готовит свои волшебные профитроли, и я решительно намерена попробовать их. А ты пока что сам справляйся со своей ненаглядной дочкой. Хотелось бы надеяться, ты продержишься хотя бы час.

И, отвернувшись от враз погрузневшего мужа, она обернулась ко мне.

– Летиция, вы сильно спешите домой? Если нет, я была бы рада, если бы вы составили мне компанию. Мой приятель

Роджер питает нездоровое обожание к Парижу и готовит невероятно вкусные французские десерты. Если вы еще не пробовали его фирменные профитроли, считайте, что прожили жизнь зря. Он держит здесь небольшую кондитерскую и, клянусь, это единственное место, ради которого здесь стоит жить.

Было время, когда я с очень малой вероятностью пошла бы коротать время с едва знакомой мне женщиной, ведущей мирную и, с моей точки зрения, ужасно скучную семейную жизнь. И уж точно я скорее откусила бы себе язык, чем пошла бы объедаться профитролями, являющими собой вредные углеводы в самом ужасающем своем воплощении. Однако, как ни удивительно, сейчас мне ничего не хотелось так, как посидеть с Джастиной в теплой кондитерской, поболтать о разных пустяках и полакомиться сладостями с чашечкой горячего чая.

– Я с удовольствием присоединяюсь, – улыбнулась я. – Только сначала заведу Майло. Его нельзя выводить в общество.

Спустя пятнадцать минут, когда бурно протестующий против такой несправедливости Майло был оставлен дома, мы с Джастиной подошли к небольшому заведению, являющемуся чем-то средним между кондитерской и кофейней, которое располагалась на соседней со мной улице. Честно говоря, я ни разу его не замечала, настолько оно было незаметным в тени большого магазина продовольственных това-

ров. Над кондитерской висела слегка накренившаяся вывеска, на которой поблекшими золотистыми буквами было выведено «В мечтах о Париже». Каким образом этот крохотный магазинчик должен был навевать мечты о Париже, являлось для меня полнейшей загадкой. Однако Джастина горячо утверждала, что это именно тот случай, когда внешний вид пугающе обманчив, и лишь избранным известно, какие божественные кондитерские шедевры здесь создаются.

Что ж, внутри кондитерская, несмотря на потрепанный вид, который я снисходительно списала на интерьер под винтаж, выглядела мило и уютно. Мы облюбовали столик возле окна, хотя не то чтоб у нас был слишком большой выбор – здесь их было всего три, да и те уместились с огромным трудом, буквально напозая друг на друга. Но над нашими головами весело переливались теплым золотистым светом фонарики, а на стене висел приятный прованский пейзаж. Негромко играл какой-то задорный французский мотивчик. Я откинулась на спинку стула, наслаждаясь приятной атмосферой.

– Эй, Роджер, – окликнула Джастина мужчину, который энергично метался между прилавком и печью. – Мы пришли специально за твоими изумительными профитролями. И не приведи боже ты скажешь мне, что ты их все уже продал.

– Дорогая Джастина, у меня бы не хватило духу оставить тебя без твоего любимого десерта, зная, что ты услаждаешь мои глаза своим приходом каждое воскресенье, – жеманным

тоном с явно фальшивым иностранным акцентом ответил мужчина, ни на секунду не останавливаясь. – Разумеется, я оставил немного для тебя.

– Вот и отлично. Тогда будь добр, побалуй ими нас с подругой. И американо с двумя ложечками сахара, пожалуйста.

– Кофе за счет заведения. В благодарность за то, что привела ко мне новую клиентку. Мадмуазель, – Роджер на секунду остановился и театральным жестом приподнял свой поварской колпак с таким видом, словно это был элегантный котелок. Я едва сдержала смех.

Хозяин заведения оказался рослым подтянутым мужчиной не больше сорока с небольшим, с темными глазами, вьющимися черными волосами и неумной энергией. В его тонких чертах действительно проглядывало что-то аристократическое.

Посетителей в кондитерской больше не было, так что буквально через несколько минут Роджер уже ставил перед нами блюдо с кругленькими пирожными с заварным кремом, которые источали такой соблазнительный аромат, что мой рот тут же наполнился слюной. Мы с Джастиной не стали церемонничать и тут же ухватили по маленькому пирожному, быстро отправив его в рот. Крем оказался таким воздушным и нежным, что я даже прикрыла глаза, наслаждаясь потрясающим сливочным вкусом. Мне даже не хотелось разговаривать, чтоб подольше удержать во рту это райское наслаждение.

– Ах, Роджер, клянусь, встретиться мы с тобой семь лет назад, я бы пересмотрела свое решение выйти замуж за Брайса, – восхищенно сказала она, потянувшись за другим.

Роджер перекинул полотенце через плечо, придвинул стул к нашему столику и грузно плюхнулся на него с таким видом, словно готов был сию же минуту вскочить с него.

– Надеюсь, вы не прочь, если я ненадолго присоединюсь к вам, – сказал он. – А на счет замужества, Джастина, то, ради Бога, не упоминай об этом при своем муже. Знаешь, я не слишком люблю шутки, которые могут не совсем понять люди, значительно превосходящие меня комплекцией и физической силой.

– Не волнуйся, Роджер. Я бы никогда в жизни не поставила под угрозу руки, которые доставляют мне такое удовольствие.

– Прикладываю все усилия, – удовлетворенно рассмеялся Роджер.

– Я и не думала, что здесь работают такие мастера, – решила вступить в разговор я, с трудом отрываясь от поедания профитролей. – Знаете, ведь наверняка вас с радостью приняли бы во многих кондитерских больших городов.

– Вот то-то и оно, что приняли бы, – угрюмо сказал Роджер. – А я не хочу ни на кого работать, кроме как на самого себя. Не смогут эти руки работать по чужой указке. А делать что-то хорошо, моя дорогая мадмуазель, можно только тогда, когда на душе у тебя легко и спокойно, когда ты не

скован более ничем, кроме как занятием любимым делом. А на то, чтоб открыть свое заведение в большом городе, я пока еще, увы, не заработал.

– И я не могу этому не радоваться, уж прости меня, Роджер, – сказала Джастина. – В тот день, когда ты уедешь отсюда, для нас закончится целая эпоха.

– Не волнуйся, мне пока что и здесь хорошо, – успокоил он ее. – Тихо, спокойно, никакой конкуренции. А вот вы что забыли в нашей глубинке, мадмуазель? – повернулся он ко мне (причем поворачивался он всем корпусом, прямо вместе со стулом). – Не скучно вам здесь?

– Бывает временами, – нехотя признала я. Мне вдруг ужасно захотелось выговориться, выплеснуть со словами хотя бы часть боли, хоть немного разделить свой груз еще с кем-то. – Дело в том, что я провела последние несколько лет в Нью Йорке, поэтому уже привыкла к жизни в мегаполисе, где энергия бьет ключом. Однако... Не все сложилось так, как планировалась. Мне нужно было немного покоя и тишины, нужно было побыть наедине с собой... какое-то время. А мои дядя и тетя как раз перебирались отсюда в другой город. Так что лучшего места трудно было и найти.

Роджер участливо посмотрел на меня.

– Не всегда все складывается так, как хочется, детка, – сказал он, и отдаленные грустные нотки вдруг пробились в его голосе. Даже фальшивый акцент, и тот пропал. – Но в этом то и прелесть жизни. Какой был бы интерес, если бы все

шло по четко спланированному сценарию, и мы заранее знали, где мы будем через пять, десять, пятнадцать лет? Скучно, пресно, однообразно.

– Да, но что, если идут годы, а желанная цель все так же далека, как была в самом начале? Что, если ты все кружишь и кружишь вокруг своей мечты, она то приближается, то отдалается от тебя, но в конечном счете все время оказывается, что ты идешь не туда? – спросила я.

– А откуда ты знаешь, что идешь не туда? – улыбаясь, спросил меня Роджер. – Может, ты как раз идешь туда, куда надо, вот только сама не догадываешься об этом. Знаешь, я, вообще-то, не верю в предназначения и судьбу, но не всегда мы знаем, что для нас необходимо. Иногда жизнь подталкивает нас к лучшему исходу событий. Мы мечемся, рвем на себе волосы, нам кажется, что вся жизнь полетела к чертям... А потом, вдруг оглянувшись, оказывается, что все сложилось как нельзя лучше и именно так, как требовалось в тот момент. Да, пусть не так, как нам себе представлялось в мечтах, но какое до этого дело, если в итоге мы находим свое место.

– А как узнать, что нашел свое место? – этот улыбочивый хозяин кофейни со своеобразными пристрастиями вдруг показался мне умудренным жизнью мудрецом.

– А никак, – просто сказал он. – Когда ты на своем месте, ты просто не задаешься этим вопросом.

– Видишь, Летиция, как склоняет к философии постоян-

ное нахождение среди вкусной еды, – засмеялась Джастина, вновь переводя разговор в шутливое русло. – А кто-то еще говорит о вреде сахара.

– Открою тебе секрет: я почти никогда не ем то, что готовлю, – сказал Роджер. – Выпечка для меня – это искусство, и она для меня в каком-то смысле неприкосновенна. Я создаю свои творения, но не прикасаюсь к ним.

Я замерла. «Создаю свои творения, но не прикасаюсь к ним». Это напомнило мне...

Брайана.

– Скажите, Роджер, а почему вы так любите Францию? Вы, наверное, часто там бывали? – спросила я, чтоб отвлечься от тягостных мыслей.

– О, ни разу, – живо откликнулся он, вставая. – Дорогая моя, вовсе не обязательно видеть что-то, чтоб это любить. В большинстве случаев как раз-таки наоборот. Более того, попади я в Париж, я бы наверняка претерпел ужасное разочарование. Нет уж, увольте, гораздо приятнее жить мечтами о нем.

И, подпевая веселой французской песенке, он поспешил к печам, где уже покрылась золотистой корочкой следующая партия сахарного печенья. Я проводила его недоуменным взглядом.

– Этот Роджер – ужасный оригинал, – доверительным шепотом сказала Джастина, наклонившись ко мне. – От его шуток иногда едва не падаешь от хохота, а иногда он как вы-

даст что-то такое, от чего у меня буквально мурашки по коже пробегают... У меня порой неделями не выходят из головы его слова.

– Могу себе представить, – сказала я, хватая с блюда последнее пирожное. – Но одно несомненно: он свое дело знает.

Джастина горячо согласилась со мной. Мы сидели и болтали, заказывая чашка за чашкой кофе и чай. Я рассказывала ей о своих университетских буднях, немного смягчая подробности своего первого года пребывания в колледже. Джастина хохотала, делясь со мной, что вытворяла в моем возрасте она. Я слушала ее задорный располагающий голос, и собственные воспоминания, казавшиеся мне столь стыдными и грязными, вдруг представились мне в более веселом свете, словно неудачная шутка, о которой несколько лет спустя рассказываешь с хохотом. Джастина оказалась чудесной собеседницей: внимательно слушала, красочно демонстрировала все уместные в нужный момент эмоции и не задавала никаких личных вопросов, предоставив мне самой выбирать, о чем говорить.

Роджер вскоре принес нам блюдо воздушного десерта бланманже в виде сердца с цукатами и орехами, не менее потрясающего, чем профитроли. Расправились мы с ним так же быстро и с таким же удовольствием. Через некоторое время Джастина взглянула на часы и тяжело вздохнула.

– Мне очень хотелось бы еще поболтать с тобой, Лети-

ция, – с явным сожалением сказала Джастина. – Но, боюсь, что еще час, и я застаю на месте нашего дома руины.

– Да, конечно, я понимаю, – я и подумать не могла, что мне так жалко будет расставаться с ней. Еще недолгое время назад разговоры о таких ничего не значащих мелочах показались бы мне ужасно тривиальными и скучными до зевоты. Сейчас же я чувствовала, что эти пару часов словно заново наполнили меня жизнью. И почему раньше я была такой предвзятой? Скольких хороших людей отвергла с презрением, даже не дав им шанса?

– Знаешь, Летиция, – вдруг сказала она. – Приходи-ка к нам на следующие неделе. Ко мне приезжает сестра с племянниками, так что мы устроим небольшое застолье. Мы все будем очень рады тебя видеть. Ты словно глоток свежего воздуха в нашей глуши. Всем будет интересно послушать о жизни за ее пределами. Да, и Майло прихвати с собой. Кэти и племянники будут в восторге. Если, конечно, ты не будешь против небольшого беспорядка. А, если говорить без обиняков, – она смущенно замялась, – полнейшего хаоса. Когда у нас гостит Роуз с детьми, все переворачивается вверх дном.

– Немного хаоса, – улыбнувшись, сказала я. – Нет, совсем не против. Как раз то, что нужно.

На душе у меня стало спокойно и радостно.

Глава 14

Совсем скоро мы с Брайаном стали неотъемлемой частью жизни друг друга. Наши встречи стали происходить все с более завидной регулярностью. Если мне не удавалось увидеться с ним дольше нескольких дней, я уже не находила себе места, изнывая от желания вновь оказаться рядом. Однако наши встречи сопровождались для меня такой бурей эмоций, что после мне нужно было некоторое время, чтоб успокоить разбушевавшиеся чувства и прийти в себя до той степени, пока душевное равновесие не приходило в норму, и я не начинала вновь испытывать сосущую пустоту внутри. Я должна была увидеть его снова. И снова. И снова. И каждый раз все начиналось сначала.

Влюбилась ли я в Брайана? Я не могла найти ответ на этот вопрос. Но одно было неоспоримо: я уже не представляла без него своей жизни. В этом сложном и запутанном мире, в котором я затерялась где-то на грани фантазии и реальности, он стал для меня светом надежды. Он открыл для меня новую вселенную прямо посреди заводненного людьми, машинами и деньгами шумного мегаполиса, он по своему желанию сделал реальным все, чего до этого не существовало. Он повелевал моими чувствами и самоощущением так ненавязчиво, что я даже об этом не догадывалась. С каждым днем он все более заставлял меня верить в то, что я особен-

на, уникальна, неотразима, непохожа на всех. В те моменты, когда он смотрел на меня своим особенным взглядом, как на ожившее произведение искусства, я чувствовала себя чем-то большим, чем привыкла считать до этого. Я была выше всего посредственного и обыденного. Когда он поднимал свою камеру, я уже не принадлежала обычному миру, в котором жили все остальные и я сама до встречи с ним, а возносилась к самым небесам, в мир, где властвовала только я, где я была хозяйкой положения. Когда я оказывалась в его объективе, я знала – никто не может сравниться с Летицией Дэвис.

А что же Брайан? О, Брайан был в абсолютном восторге. Через несколько дней после нашей фотосессии возле водопада он показал мне снимки и с горящими глазами сказал, что это одна из лучших его работ. Я не могла спорить – кадры действительно были прекрасными. На фоне мрачноватой красоты гранитных утесов и величественных потоков обрушивающейся воды я в своем развевающемся легком платье, с длинными распущенными волосами, выглядела особенно хрупкой и невесомой. Я замороженно разглядывала незнакомую эфемерную девушку и не могла поверить, что это я. Брайан действительно был невероятным фотографом. Он обладал природным талантом, который невозможно приобрести ни посредством долгого обучения, ни вследствие усердной практики. Ему удалось запечатлеть меня так, словно я парила где-то между небом и землей, свободная, как птица. Я восхищалась им и гордилось собой. Совсем

немного, потому что большую часть заслуги я справедливо присудила ему, как бы он этого ни отрицал.

Однако Брайан теперь потерял покой. Вместо того, чтоб удовлетворенно гордиться плодами своего искусства, он только еще сильнее воспылил энтузиазмом, как напавшая на след гончая. Он все повторял, что уже долгое время искал источник вдохновения, который не иссякал бы для него спустя непродолжительное время. И вот, он нашел его в моем лице, и он намеревался взять от него все, что только возможно. У него были тысячи идей, миллионы образов в голове, которые он хотел перенести на свои фотографии. Он делал огромное множество моих снимков, а затем проводил часы, перебирая и редактируя их. Частенько после съемок я стала оставаться у него в студии, наблюдая за его работой, отчаянно скучая и тщетно ожидая внимания, которое было приковано к моему изображению, но, увы, не ко мне. Могла ли я радоваться тому, что он был так поглощен моими фотографиями? Наверное, должна была, но по какой-то причине не могла.

Следующие дни после каждой нашей съемки его творческая жажда и неослабевающий запал были на время насыщены и удовлетворены. Однако проходило лишь короткое время, и он вновь становился рассеянным, задумчивым и все больше витал в своих мыслях, пока у него не созрела новая идея. Он мог позвонить мне едва ли не посреди ночи и срывающимся голосом сказать, что он придумал для меня но-

вый потрясающий образ и не сможет спокойно спать до тех пор, пока не воплотит его в реальность и не будет держать в руках свое творение, отпечатанное на глянцевой бумаге. Его железное спокойствие частенько изменяло ему, когда дело касалось фотографий. Кажется, сквозь этот угар до него едва доходила мысль, что у меня могут быть другие планы, и тогда лишь усилием воли он мог заставить себя вежливо интересоваться, когда я могла бы встретиться с ним.

Что до меня, то я раздражалась, злилась и выходила из себя от мысли, что нужна ему только для его драгоценных фотографий, однако ничего не могла поделать. Я знала, что уступлю ему в любом случае. Не видеть Брайана было выше моих сил, и я вынуждена была играть на его условиях. Я сама не заметила, как стала зависима от того потрясающего состояния, в которое гипнотическим образом вводила меня камера в его искусных руках, и от уверенности, что на этих фотографиях я увижу себя именно такой, какой мне и хотелось в тот момент. Брайану было это под силу, и он еще ни разу не заставил меня пожалеть или разочароваться. Сам же он в это время то подолгу молчал, то время от времени взволнованного повторял:

– Ты настоящая находка, Летиция. Я не знаю, что я сделал, чтоб повстречать тебя, но наверняка это что-то хорошее.

И я срывалась и ехала с ним в самые разнообразные места: в какие-то Богом забытые заброшенные подворотни, разрисованные ярким граффити, которые почему-то настраивали

Брайана на бунтарский лад; в старые заброшенные здания с облупившейся штукатуркой и разбитыми окнами, зияющие пугающей чернотой; в ухоженные парки с живописными фонтанами и аккуратно подстриженными газонами; на широкий мост с изящными перилами, перекинутый через широкое русло Гудзона, по которому неторопливо проплывали белоснежные яхты; в величественные старинные дома с богатым историческим прошлым, винтажные магазинчики и маленькие забегаловки с явно не самой блестящей репутацией где-то на выезде из города. Мы с Брайаном объездили весь Нью-Йорк в поисках закоулков, которые пробудили бы в нем определенное настроение и которое понравилось бы мне. Впрочем, даже если мне и не хотелось сниматься в месте, в котором Брайан по непонятным для меня причинам усматривал что-то особенное, он едва ли не на коленях умолял меня, чтоб я доставила ему удовольствие и согласилась там позировать. И я, конечно же, уступала.

Иногда после особо удачных съемок он в качестве благодарности за потраченные мною усилия отвозил меня в ресторан. После работы он всегда пребывал в особо воодушевленном и расслабленно-удовлетворенном настроении, щедрой рукой заказывая у официанта все, что я пожелаю, а сам сидел и, не удержавшись, просматривал фото, пока я медленно попивала легкое розовое вино и накалывала на вилку устрицы. В такие моменты, глядя на его тонкие пальцы, нажимающие на клавиши, на легкую улыбку, невольно трога-

ющею его губы, одновременно напряженное и одухотворенное лицо, которое смотрело на мои фотографии, но не на меня, мне хотелось и поцеловать его, и разорвать на части. Как можно было назвать те странные и своеобразные отношения, что установились между нами? Я не знала ответа, но мне не оставалось ничего другого, кроме как ждать, к чему это приведет.

Я часто задавалась вопросом: почему я? Почему среди всех именно я смогла так сильно зацепить его? Ведь многие девушки были бы весьма рады стать моделями для Брайана по малейшей его просьбе. Однако он не только не хотел ничего другого, но еще и стал принимать гораздо меньше клиентов, чтоб посвящать больше внимания мне. Что ж, я вполне могла бы торжествовать победу. А кому не льстило бы то, что их выделяют среди всех остальных, к тому же мне, вся жизнь которой была скрытым тщеславным стремлением к этому? Но одновременно это и не могло не тревожить. В конце концов, я отдавала себе отчет в том, что вокруг Брайана постоянно крутилось множество девушек, среди которых были и красивее меня, и гораздо профессиональнее. Так почему же все-таки я? Я боялась, что, не поняв своих козырей, я могу легко утратить их, и ответ на этот вопрос мучал меня еще достаточно продолжительное время.

А как же цель, с которой я, собственно, и пришла к Брайану впервые? На тот момент, благодаря его стараниям и неисчерпаемой фантазии, я уже имела довольно таки обширное

и разнообразное портфолио, которое можно было с гордостью продемонстрировать модельным агентствам. Однако, при мысли о том, что чужие равнодушные люди будут рассматривать творения наших общих с Брайаном усилий, меня охватывало душевное смятение. Ведь это были не просто фотографии – это были свидетельства той особенной связи, которая установилась у меня с ним. Они были повествованием нашей с ним истории. Они были доказательствами наших непонятных, сложных, своеобразных и противоречивых, но все же сильных чувств. Расценивать же их как критерий отбора среди тысяч других девушек показалось мне кощунственным.

К тому же, сейчас я была так счастлива, позируя Брайану каждую неделю, что у меня совсем не возникало желания, чтоб меня фотографировал кто-либо еще. Я так привыкла к нему, что не могла представить на его месте никого другого. Ведь я знала – никто не посмотрит на меня так, как он – для них я буду лишь неживой куклой, манекеном, беспрекословно выполняющим свою работу и их команды. Брайан же заставлял меня раскрываться, заставлял чувствовать себя неповторимой, даже не прикладывая к этому никаких усилий. Именно в этом заключался секрет нашего с ним успеха. Но смогу ли я чувствовать себя так же перед камерой другого человека? Эти мысли приводили меня в ужас. Мне начинало казаться, что все мышцы лица словно сведет судорогой, а двигаться я буду с гибкостью деревянного полена и покажу

себя в той же мере бесполезной и бездарной. А это был худший из моих страхов.

Что ж, все имеет свою цену, и я исправно платила свою. Да, действительно, Брайан услаждал мое тщеславие, удовлетворял мою потребность чувствовать себя особенной, позволял мне сиять и чувствовать себя выше всех остальных, приглашал меня ускользнуть с ним в воображаемый мир, где я могла быть кем угодно. Однако взамен он напрочь лишал меня свободы воли. Ему даже не требовалось предпринимать никаких активных действий, чтоб я полностью уверилась, что все это возможно только рядом с ним. Я не могла уйти. Брайан стал необходим мне, как воздух и вода. И, прекрасно понимая мою натуру, он все крепче привязывал меня к себе.

Несмотря на все эти обстоятельства, я усилием воли напоминала себе о своем обещании довести дело до конца. Пока моя решительность не ослабела окончательно, я взялась за дело. Я заполнила анкеты на сайте парочки модельных агентств, имена воспитанниц которых были особенно громогласны, и отправила туда фотографии, которые мы с Брайаном сделали в первую нашу встречу. В конце концов, на начальном этапе ничего сверх этого и не требовалось. Так я достигла своеобразного компромисса с собой, ведь выставить на обозрение все последующие сделанные Брайаном фотографии я так и не решилась.

Но дальше этого дело так и не пошло. Сомнения и страхи начали одолевать меня одно за другим. В голову лезли

неприятные мысли, что начинать модельную карьеру нужно было еще в детстве, ведь расцвет ее недолог, а закат наступает очень рано. Как только я отгоняла от себя эту мысль, ее место занимала следующая, которая раньше казалась мне незначительной, а теперь – едва ли не решающей мою судьбу. Я знала, что по-настоящему востребованные и знаменитые модели должны быть очень высокими, зачастую даже выше 178 см. Мой рост же едва достигал 170. Вполне высокая для обычной девушки, недостаточно – как для модели. Разумеется, на весь мир гремели имена таких невысоких моделей, как Виктория Бэкхем, однако я не льстила себе надеждой, что встану в одни ряды с ней. Чтоб на мой рост закрыли глаза, мне нужно было обладать не просто хорошими, а поистине потрясающими данными. На мой взгляд, обладательницей таковых я не являлась. Что ж, мне придется удостоиться места где-то на задворках? Затем я уверялась, что таких лиц, как у меня, миллионы, во мне нет никакой интересной изюминки, которую старательно ищут модельные агенты, и так далее до бесконечности... Коротко говоря, я совершенно извела себя.

Однако меня терзали и другие страхи, которые я упрямо и очень старательно старалась не замечать. Дело было в том, что я боялась. Боялась вновь столкнуться с жестокой реальностью, презрительным отношением, пренебрежительным взглядом, брошенным на меня вскользь в просвет между рядами остальных претенденток. За это время я настолько

успела привыкнуть к особенному, почтительному отношению к себе Брайана, что мысль о том, чтоб снова стать одной из миллионов девушек, ежедневно борющихся за призвание, внушала мне отвращение. Слишком высоко вознеслась я благодаря Брайану, и падение обратно, вызванное несколькими беспощадными, брошенными свысока словами, могло стать для меня уничтожающим. Подсознательно я понимала, что Летиция Дэвис, которой я была сейчас и которой упивалась, существует только в воображаемом мире, созданном нашими общими с Брайаном усилиями. И, постарайся я перенести этот образ в мир реальный, он жестоко отомстит. Реальность существует по своим суровым законам и не терпит постороннего вмешательства.

Да, к тому же, я была уже не так уверена, что модельная индустрия – это то, что мне необходимо. Честно говоря, сейчас я даже не совсем могла понять, почему когда-то меня так сильно это привлекло. Неужели это та жизнь, к которой я стремилась: целыми днями мотаться с кастинга на кастинг, молча делать то, что мне говорят, играть роль живого манекена, которого одевают и раздевают, не спрашивая их мнения, и есть только яблоки и тосты с авокадо, чтоб влезать в крошечные джинсы от Келвина Кляйна? Однако потом я вновь уносилась мыслями в красочные мечты: красная ковровая дорожка, ослепительный свет прожекторов и я, гордо вышагивающая на высоченной шпильке, одетая в роскошное длинное платье из новой весенней коллекции Оскара де ла

Рента... Вот я лечу в Париж на открытие Фэшн вик... Вот я снимаюсь для обложки Харперс Базаар... Вот толпа журналистов приставляет к моему лицу микрофоны и спрашивает, от какого дизайнера я сейчас одета и оставляют ли мне после показа брендовые вещи... В такие моменты я мрачнела, ходила хмурая и задумчивая и не демонстрировала должного энтузиазма очередной задумке Брайана...

Однажды, когда я пребывала в особенно удрученном настроении и не проявляла абсолютно никакого интереса к фотосессии, Брайан в недоумении опустил камеру и, едва сдерживая неудовлетворение, сказал, что сегодня ему не удастся ничего уловить в моем лице, и насколько явно бросается в глаза то, что мыслями я совсем далеко, что, собственно, ничуть не грешило против истины. Вообще-то, ему никогда не изменяют сдержанность и воспитанность, однако в ситуации, когда он уже почти физически осязает образ, который удерживает в голове, но ему так и не удастся его словить, его охватывает дрожь, он становится дерганным, раздражительным, и с ним просто невозможно нормально разговаривать. Что ж, я тоже пришла в раздражение, и было от чего: неужели его настолько захватывают его драгоценные фотографии, что он напрочь отказывается видеть мое состояние?! В конце концов, я не его игрушка, и я не намерена выполнять его пожелания. Я давно получила то, что было мне нужно. Так что на этот раз и я не стала сдерживать своих эмоций:

– Если, Брайан, тебе не нравится выражение моего лица,

то тебе не составляет никакого труда подыскать кого-то другого, кто всегда будет в хорошем настроении.

И я решительно отвернулась от него, собирая свои вещи и намереваясь уйти. Некоторое время Брайан оторопело смотрел на меня, словно такого исхода он не мог и предположить. Наконец он сделал глубокий вдох, выключил камеру, подошел ко мне и осторожно взял за руку:

– Прости меня, Летиция, – сказал он своим уже обычным миролюбивым голосом. – Я так увлекся процессом съемки, что совсем перестал заботиться о том, что думаешь и чувствуешь ты сама. Но, пойми, когда ты появляешься в моем объективе, я совсем теряю голову. Не могу думать о чем бы то ни было. Это неправильно, я знаю. Я не ценю того, как много ты мне даешь. Прошу, прости меня. Расскажи, что с тобой творится?

Я все еще была обижена и не хотела уступать. Ведь не только он имеет власть надо мной, но и сам он зависит от меня. И я должна дать ему понять это, пока он не начал относиться ко мне, как к своей кукле. Поэтому я лишь буркнула что-то невразумительное, отдаленно напоминающее «ничего», даже не глядя на него.

– Все дело в модельных агентствах, не так ли? – догадался он. – Ты еще не получила ответа? Не думай переживать об этом, Летиция. Ты представить себе не можешь, сколько заявлений приходит к ним каждый день. К тому же, в определенный момент агентство ищет определенный типаж. Ино-

гда они отвечают лишь спустя несколько месяцев, когда в твоём типаже возникает необходимость. Модельный мир – мир строгий, жесткий и беспощадный. Даже известным сейчас на весь мир моделям не сразу удалось пробиться в него.

– Дело совсем не в этом, – меня зацепило и еще больше разозлило то, что он решил, будто мне никто не ответил, хотя, строго говоря, пока что ситуация обстояла именно так. – Просто... я так сильно этого хотела, однако сейчас мне вдруг стало казаться, что я поддалась какому-то огромному заблуждению. Словно это было просто ребячество, ниточка, за которую я уцепилась в поисках интересной жизни. И теперь я совсем запуталась и не понимаю, нужно ли мне это или нет...

Он внимательно слушал меня, ничего не говоря, и мне вдруг захотелось выплеснуть ему все, что меня терзало. Удивительно, что порой молчание склоняет к разговорчивости гораздо сильнее, чем самые внимательные и настойчивые расспросы.

– Ты открыл мне себя саму с другой стороны. Показал мне, какой разной я могу быть. Дал мне то, что я всегда хотела и... И мне правда нравится позировать для тебя, Брайан. Но ты изменил не только меня. Ты изменил и мое восприятие. Ты превратил для меня процесс создания фотографии в настоящее волшебство, и теперь я не могу представить его в качестве работы. Это... не знаю, как бы поточнее выразить, опошляет его, что ли...

Брайан порывисто развернулся ко мне всем корпусом и снова взял меня за руку, но на этот раз – гораздо с большим чувством. Его глаза не могли скрыть удовольствия, словно я только что сказала то, что его чрезвычайно порадовало.

– Знаешь, может, и нехорошо так говорить, однако меня не могут не радовать твои слова. Я всегда молчал, но, раз уж ты сама заговорила об этом... Я с самого начала неодобрительно относился к этой твоей затее. Знаю-знаю, это меня совсем не касается, и ты наверняка думаешь, что я говорю это лишь по тому, что не хочу делить тебя ни с кем другим...

На эти слова мое сердце отозвалось учащенным стуком.

– Когда ты впервые пришла ко мне в студию, – продолжил он, – мне хватило одного взгляда, чтоб понять, что ты – необычная девушка. Что-то подсказало мне, что ты еще очень удивишь меня. Я сгорал от нетерпения, когда уже смогу сфотографировать тебя... А потом ты сказала, что тебе нужны снимки для модельного агентства, и даже показала мне, как именно ты собираешься позировать... И тогда я понял, что дело дрянь, и все, что я увижу, будет далеко от моих ожиданий, как земля от солнца...

– Что ж, теперь я понимаю, почему у тебя был такой разочарованный вид, – хмыкнула я. – А я-то все ломала себе голову, чем успела вызвать твое неудовольствие.

– Что, неужели было так заметно? – удивился Брайан. – А я-то был уверен, что прекрасно умею себя контролировать...

– Ну, с этим действительно тяжело поспорить. Ты почти

всегда скрываешь свои настоящие чувства и эмоции. Иногда мне кажется, что достучаться до тебя так же тяжело, как проломить каменную стену.

Брайан от души засмеялся.

– Ну, среди нас двоих проявление эмоций – твоя прерогатива, – уклончиво ответил он. – Ну, а если серьезно, не то, чтоб я испытывал какую-то неприязнь к модельной индустрии. Невозможно плохо относиться к тому, что объединяет огромное количество людей. Ведь мода – это тоже своеобразная религия, которая не знает ни территориальных, ни возрастных, ни языковых барьеров – ей слепо верят все. Но, когда я смотрю на идеальные фотографии модели, вызывающие восторг у всего мира, я вижу лишь выражение лица, которое ей должно принять, позу, в которую ей сказали встать, одежду, которую на нее надели... С моделью ведут себя, как с безвольной куклой, и она так и ведет себя, исполняя чужие команды. Я понимаю, так и должно быть, ведь это и есть ее работа. Но для меня все это так наигранно, искусственно, фальшиво. Нет никакой живости, никакой энергетике, никакого чувства. Иногда я с жалостью и болью представляю, какие прекрасные снимки можно сделать с этой красивой девушкой, если позволить ее телу следовать своим внутренним ощущениям, а не переживать о том, насколько выгодно смотрится в камере ее левый профиль и не слишком ли толстые у нее бедра. И, когда ты позировала мне, еще не испорченная многолетней привычкой к заученным действи-

ям, которые должны соответствовать требованиям заказчика, однако уже готовилась к этому... Нет, я не мог спокойно об этом думать. Сама мысль о том, что ты, такая прекрасная в своей естественности и неподкупном чувстве, должна будешь выгодно демонстрировать какой-то дурацкий костюм от известного бренда, для меня неприятна и почти оскорбительна.

Эта речь произвела на меня огромное впечатление. Но, несмотря на то, как сильно польстили мне его слова, я сделала вид, что меня это совсем не тронуло. Я не собиралась уступить ему так легко. Пусть еще немного поборется за победу.

– Мне кажется, ты несправедлив и уж слишком пристрастен. Все совсем не так плохо, как ты описываешь. Многие фотографы, напротив, ждут от своих моделей творческих идей, оригинальности, эпатажа, чего-то, что никто до этого не демонстрировал. Далеко не все модели должны выполнять набор стандартных заученных поз, как ты говоришь.

Признаться, здесь Брайан немного сконфузился. Что ж, вот так уже значительно лучше!

– Да, ты права. Возможно, я действительно немного преувеличиваю. Но, я уверен, никто не сможет отобразить тебя на фотографии так, как делаю это я. Для этого нужно установить с тобой связь, а у них нет на это ни времени, ни желания – в модельной индустрии дорога каждая минута, а на твое место стоит очередь еще из сотни претенденток. А, чтоб по-

казать твою истинную красоту и увидеть все твои достоинства, они должны понять, что ты чувствуешь, как мыслишь, к чему стремишься – а разве они над этим задумаются?

Меня вдруг обдало волной негодования. Я резко вырвала свою руку, которая все еще находилась в его. Господи, до какой же степени он самоуверен!

– А ты думаешь, что ты это понимаешь, а?! Думаешь, что читаешь меня, как открытую книгу, не так ли, Брайан?

Но он не дрогнул. Не отвел взгляд.

– Нет, Летиция. Пока еще нет. Но, думаю, небольшую часть тебя я все же разгадал. И знаешь, почему? Потому что она похожа на меня самого. Ты полностью отдаешься тем эмоциям и чувствам, которые обуревают тебя, не пытаешься им сопротивляться. Ты бросаешься в омут с головой, если тебя туда тянет. Ты отдаешь всю себя без остатка тому, чего хочешь. Решительно, не раздумывая, каждой клеточкой тела. Вот что восхищает меня в тебе, Летиция. Ты слово ящик с потайным дном. Каждый раз я открываю в тебе что-то новое. Сначала ты кажешься мне задумчивой, мечтательной и погруженной в себя. Через несколько минут ты уже поражаешь меня дерзостью, смелостью, раскованностью, заразной искрометностью. Когда ты недовольна, твои глаза метают бури и молнии. А спустя несколько минут ты уже беззаботно смеешься и ведешь себя, как маленький ребенок. В этом твоя особенная живая притягательность. Мне не угнаться за тобой, Летиция. Поэтому я и не тешу себя надеждой, что по-

нял тебя. Однако я стремлюсь к этому.

Мы молча сидели на ступенях перед каким-то заброшенным зданием, и лишь отдаленные гудки машин где-то сзади нас нарушали тишину. Наша небольшая ссора неожиданно только больше сблизила нас – по крайней мере, я заставила его хоть немного впустить меня в свою душу. Значит, он хочет понять меня? Что ж, может быть, ему в этом повезет больше, чем мне самой.

– О чем ты задумался? – негромко спросила я, чтоб прервать затянувшееся молчание.

– О том, что, если б я родился несколько столетий назад, то непременно стал бы художником, – неожиданно ответил он, поставив меня в тупик. Что ж, если Брайан не успевал за сменой моих настроений и мыслей, то и он сам не уступал мне в этом. – Я и сейчас думаю над этим, однако холсты и краски уже изжили себя. Нужно идти в ногу с веком, отдавая ему должное.

– Разве фотографии – не пристрастие всей твоей жизни? – удивилась я.

– Безусловно. Но не всегда мне удается так тонко передать на фотографии все оттенки и полутона, как мне бы того хотелось. Мне хочется добавить в них больше жизни, которую можно вдохнуть только с помощью смешения красок. Привести в пример тебя, Летиция. Иногда мне не хватает чего-то на твоих фотографиях, какой-то неуловимой детали, какого-то акцента, который не получается уловить с помо-

щью фотокамеры. В такие моменты мне хотелось бы нарисовать тебя – здесь все было бы в моей власти, зависело бы только от моего желания и моей кисти. Я мог бы представить тебя на полотне такой, какой мне бы хотелось. Я мог бы взять краску золотисто-льняного цвета для твоих волос... – Брайан поднял руку и накрутил на палец мой локон, – ...смешал бы серую и сапфирово-голубую для твоих глаз... – он легко прикоснулся пальцами к моему лицу -... и бледный коралл для твоих губ, – он наклонился и коснулся губами моих губ, легко и почти не ощутимо, и сразу же отстранился. Я даже не успела почувствовать его дыхания на своем лице.

– Ну что, – он поднялся, непринужденно улыбнулся и протянул мне руку, – думаю, лучше нам будет продолжить в другой раз, когда ты отдохнешь и наберешься сил. Если... если, конечно, ты сама захочешь.

Я, словно в тумане, подала ему руку, и он легко поднял меня. Ах, Брайан, Брайан! Можно подумать, ты не знал, что не предоставил мне другого выбора.

Невесомое прикосновение его губ горело на моих устах жарче раскаленного клейма.

***

Брайан ни разу не постарался меня соблазнить. Он больше не предпринимал попыток ни поцеловать меня, ни прикоснуться ко мне, ни уж тем более затащить в постель. Наши отношения продолжали держаться на доверительно-профес-

сиональном уровне. Тот поцелуй ничего не изменил, словно его и не было. Я все так же оставалась его моделью и музой, а он – фотографом для создания моего портфолио (которое давно уже перестало меня интересовать). Отношение Брайана не стало ни теплее, не холоднее. Создавалось впечатление, что этот поцелуй значил для него не больше, чем если бы он поправил на мне манжету рукава. Я уже начинала сомневаться в том, не померещился ли он мне. Что ж, может, для него это действительно не имело никакого значения. Но зачем же тогда он это сделал?! Хотя, кто знает, какие чудачества взбредают в голову чувственным деятелям искусства? Что ж, тогда я твердо сказала себе, что последую его примеру и выкину этот эпизод из головы. Я не собиралась позволить ввести себя в обман одним лишь поцелуем.

Но, вопреки всем призывам рассудка, я не могла найти себе места. Брайан прочно обосновался в моих мыслях. Что бы я ни делала, мне все казалось, что он незримо присутствует рядом со мной. То чувство, которое он возбуждал во мне с нашей первой встречи, бродило во мне и требовало выхода. Новая Летиция, вылепленная его умелыми руками, обретшая поразительную силу и поверившая в себя, рвалась к своему творцу, словно бабочка к огню.

Но, хотя показное равнодушие Брайана будило во мне море сомнений, оно все же не могло полностью обмануть меня. От природы обладавшая развитым интуитивным чутьем, благодаря которому я остро ощущала переживания и чув-

ства других людей, я не могла ошибиться. Ни один мужчина не может скрыть от женщины своего желания, которое, хоть и маскируется весьма тщательно, но все же время от времени прорывается наружу – в интонации, жесте, невольном движении тела. Стоило мне украдкой посмотреть на него, и я ловила на себе его неотрывный взгляд, который отзывался жаром внизу моего живота. Я остро ощущала, как его руки, помогая мне спуститься со ступенек или слегка поправляя мое положение в кадре, задерживались на моем теле немного дольше, чем следовало бы. Я чувствовала, как напрягается его тело, когда я иногда обнимала и целовала его в щеку на прощание, чтоб раззадорить его. Что ж, пусть Брайан и понимал меня порой лучше, чем я сама, но и я уже давно не была глупой наивной девочкой. Я знала, что он не может настолько вдохновляться образами, в которые я преображалась ради него, и при этом быть совершенно равнодушным ко мне, Летиции.

Между тем, чем более ровными были с виду наши взаимоотношения, тем больше каждый нерв внутри меня звенел от напряжения. Чем более спокойно и взвешенно он обращался со мной, тем жарче разгоралось пламя внутри меня. Чем более недостижимо он держался, тем больше мне хотелось разбить вдребезги эту неприступную стену. И все более мне казалось, что он вступает с самим собой в жестокое противоборство, упрямо подавляя на корню все свои чувства. Но я больше не могла терзаться сомнениями, что же он на

самом деле чувствует ко мне. И тогда я решила во что бы то не стало добиться от него определенности.

Я намеренно стала время от времени отказываться позировать для него, когда он особенно загорался новой идеей, тем самым распаяя его и буквально выводя его из себя. Когда же я соглашалась, я делала все, чтоб как можно лучше воплотить все его задумки, приводя его в восторг. А потом я неожиданно охладевала и совершенно теряла интерес к съемкам, говоря, что мне это уже порядком надоело и я хочу прекратить. Брайан злился, раздражался, затем горячо уговаривал меня и, когда я оставалась непреклонна, обижался и некоторое время не связывался со мной. Если он дулся слишком долго, я, испуганная, сама звонила ему с примирительной речью.

Когда мы вновь встречались после таких небольших стычек, еще более распаяющих нас, я старалась невзначай дотронуться до него, подтрунивала над ним, прожигала его мнящим взглядом. Даже если мои маленькие хитрости и были им разгаданы, то, в любом случае, некоторые рычаги моего влияния оставались неизменны. И я научилась этим пользоваться. Я бросала все свои желания, эмоции и чувства в объектив его фотоаппарата, стараясь подобраться к нему через его самое уязвимое место. Временами, теряя терпение, я приспособливалась к его манере поведения, чинно здороваясь с ним и спокойно и четко выполняя все, что от меня требовалось. Я играла с ним, дерзила ему, обжигала его то хо-

лодом равнодушия, то негласным призывом, обтачивала его, как океанская волна обтачивает неприступную скалу. Однако все было напрасно. Брайан то вздыхал, то отворачивался; то тянулся ко мне, то резко уходил в себя. Он хотел меня, но не прикасался ко мне ни пальцем.

В конце концов, когда моя чаша терпения полностью переполнилась, а напряжение достигло такой степени, что я уже не могла даже спокойно заговорить с ним, нервы мои сдали. Я не была готова к тому, чтоб призвать его к решительному ответу, однако я доберусь до его сердца окольным путем.

Мы только что закончили съемку в Риверсайд парке, который выглядел удивительно красиво в эту пору года. Была середина ноября. Мы с Брайаном медленно прогуливались по парку, наслаждаясь последними теплыми деньками.

Всю фотосессию я витала в своих мыслях, была задумчива, напряжена и никак не могла сосредоточиться, однако на этот раз Брайан нашел, что мое флегматичное состояние как нельзя лучше подходит к общему меланхоличному настроению. Он настолько увлекся, что спохватился, лишь когда солнце начало прятаться за горизонт, а парк начал медленно погружаться в сумерки. Листья огненными мотыльками расслабленно порхали в терпком осеннем воздухе, оседая на сером гравии дорожек Людей в этом уголке парка было мало, так что тишину нарушало лишь тихое шуршание.

Мы поднялись на небольшой мостик с узорчатыми пери-

лами и остановились, глядя в темную воду, усеянную одиночными опавшими листьями. Более подходящего момента для разговора трудно было и представить. Я собралась с духом.

– Мне всегда было интересно, что ты чувствуешь? – словно невзначай спросила я, глядя в воду с таким интересом, словно там сейчас предсказывали мое будущее. – Что ты чувствуешь, когда фотографируешь меня? Ведь ты делаешь со мной удивительные вещи, Брайан. Ты заставляешь меня погружаться в состояние, то полностью отражающее настоящую меня, то совершенно мне чуждое. Но мне интересно, что происходит по другую сторону объектива? Что испытывает сам фотограф, творя это волшебство с помощью крохотной коробочки в своих пальцах?

– Что испытываю я? Ты действительно хочешь знать?

Я утвердительно кивнула, все так же не глядя на него. У него был такой тон, словно он собирался сказать что-то очень неприятное, и я внутренне напряглась.

– Что ж... Ты будешь удивлена, но в тот момент, когда я фотографирую тебя, я не испытываю... ничего. Потому что меня словно нет. Я перестаю существовать. В эти моменты, Летиция, существуешь ты и только ты. Ты сияешь так, что не оставляешь места больше ни для кого. А я – лишь инструмент, орудие, старающееся тебя увековечить. А когда же я смотрю на изображения, которые создал, тогда мне кажется, что не существует уже тебя. Есть лишь тот удивительный образ, та картинка, что находится в моих руках. Мое творе-

ние. Иногда я настолько проникаюсь им, что, когда вижу тебя во плоти, то поневоле вздрагиваю, словно увидел привидение. Меня охватывает ощущение, что ты восстала из моих фантазий, перенеслась в реальный мир из моего воображения. И тогда я сам себя кажу сумашедшим.

– Значит, тебе кажется, что настоящей меня словно и не существует? – резко и обиженно спросила я. Такого я, черт побери, совсем не ожидала!

Брайан немного помолчал, обдумывая ответ.

– Как бы тебе объяснить... – мягко сказал он. – Ты стала для меня воплощением всех смутных образов, зреющих в моем воображении, когда я представляю себе ту или другую картину. И тогда мне кажется, что в мире существуют две Летиции. С одной из них я стою сейчас на мосту в осеннем парке. Она словно послана мне свыше, вдохновляя меня на то, чего я бы никогда не смог добиться до встречи с ней. Другая же создана той, первой, и... и мной. Она живет, чувствует, привлекает, удивляется, смеется, любит и ненавидит... на моих фотографиях. И я боюсь, что, если я слишком сблизюсь с настоящей Летицией, то другая просто развеется и перестанет существовать. Ей просто не останется места. Как это странно, правда?

Я ничего не ответила. Я поняла, что он, как и всегда, догадался, что именно я хотела узнать. И я получила свой ответ. Он считает, что, если слишком сблизиться со мной, то я потеряю для него всякую возвышенность, всякую сакраль-

ность. Я перестану быть для него интригой, загадкой, камнем с множеством граней, которые ему хочется узнавать. Он овладеет мной, а Летиция, которая вдохновляет его, должна быть свободной. Я могла продолжать быть его моделью, но лишь до тех пор, пока была недостижима для него. А он был в большей степени творцом, а лишь затем мужчиной. Он мог побороть свои желания, но не расстаться с источником своего вдохновения.

Черт возьми, лучше бы я ревновала его к другим женщинам! В конце концов, это то, с чем можно справиться. В этой битве можно было победить. Но ревновать Брайана к собственному призрачному двойнику, который восстал из его фотографий и стал существовать независимо от меня, и, более того, стал моим противником... Это было уж слишком. Я готова была рвать и метать, однако воевать против самой себя не могла.

Глава 15

Эта фотосессия произошла полностью по моей инициативе.

Мы с Брайаном находились в его студии. В студии, которая размещалась в его небольшой квартирке на шестом этаже, расположенной в не самом респектабельном районе Нижнего Ист-Сайда. Он работал там до того времени, пока еще не скопил достаточно средств на аренду отдельного помещения. Для этой цели была выделена самая большая комната в квартире, хотя большой она была разве что в сравнении. Сейчас Брайан практически не работал там, поэтому помещение превратилось в что-то среднее между его рабочим кабинетом и складом экипировки. И вот, я оказалась в его святая святых.

Оказавшись в его квартире, мы сразу же проследовали в студию. Рассказала ли мне эта комната что-то новое о своем владельце? Не слишком много. Однако мне бросилось в глаза, что здесь, в отличии от содержащейся в образцовом порядке «Студии Брайана Тернера» (судя по всему, не без помощи Марты), господствовал так называемый творческий хаос. Все его старые камеры, штативы и остальные оборудования были свалены в углу комнаты. Большая часть его рабочего стола была занята знававшим лучшие времена цветным принтером. Вся остальная его площадь была занята разбро-

санными в беспорядке фотографиями и листками бумаги. К стене было приставлено множество скрученных в трубочку и перевязанных резинкой плакатов различных расцветок, которые служили фоном.

Брайан стоял и регулировал положение ламп, чтоб свет их падал не прямо на меня, а оставляя немного в полумраке, создавая причудливую игру света и тени. Сама же я в этот момент лежала на широкой кровати, которую Брайан перенес из своей комнаты и установил у дальней стены. Уверена, ему пришлось достаточно потрудиться, освобождая это пространство от сваленных там принадлежностей. Зато теперь студия являла собой пусть и не образцовое, но вполне подходящее место для осуществления моей задумки. А талант Брайана довершит остальное. Если мы доведем дело до конца.

Сама же я была одета лишь в полупрозрачный длинный пеньюар телесного цвета на тонких бретелях. Я расслабленно раскинулась на атласных простынях, мои волосы блестящей волной разметались по подушке, а мои затуманенные глаза смотрели на Брайана.

Что ж, здесь следует сделать небольшое отступление и объяснить, что предшествовало этому. Я с самого начала отдавала себе отчет в том, что эта фотосессия – вызов для нас обоих. Она была той решающей чертой, преступив которую, все не могло остаться таким, как прежде. На этот раз все должно было решиться – слишком большого накала достиг-

ло напряжение между нами, и ему нужно было дать выход. На этом месте наша связь или станет настолько крепкой, глубокой и интимной, что мы уже не сможем сопротивляться ее притяжению, или она сама по себе разорвется и исчезнет, не получив должного развития. Мы оба знали это. И сознательно на это пошли.

Как я уже сказала, это была исключительно моя идея. В последнее время я чувствовала, что, когда я позировала Брайана, он начинает терять прежнее воодушевление, терять былой запал. Все реже и реже ему приходили на ум новые блестящие идеи – казалось, мы уже перепробовали все, что возможно. Все больше и больше он исчерпывал казавшийся бездонным запас своей фантазии, и это делало его все более угрюмым и замкнутым. Он отчаянно нуждался в чем-то новом.

Но, как я подозревала, на самом деле причиной этого было совсем не отсутствие свежих помыслов, а нарастающая неопределенность наших взаимоотношений. Как мы могли поддерживать прежнюю глубокую связь, как могли довериться друг другу, если все наше общение стало цепью недопониманий и недомолвок? Так дальше не могло продолжаться. Мы должны были к чему-то прийти. Он понимал это, но, сжав зубы, упорно отказывался признавать. Не описать словами, как же это упрямство выводило меня из себя.

И тогда я сделала свой ход. Он нуждался в новом поле для творчества, в неизведанной стезе, в которой он еще не про-

бовал своих сил и способностей. И тогда я предложила ему показать меня с другой стороны – с той, которая была ему еще незнакома – со стороны чувственности, соблазнительности, откровенности, смеси наивной невинности и пробудившейся страсти. Я хотела, чтоб он показал меня в амплу женщины, впервые вкусившей сладость любви и все еще пребывавшей во власти этого чувства. Это должно было быть новое открытие для себя собственного тела, познания плотской любви и наслаждения ей. Не знаю, хватило бы у меня когда-либо смелости сделать такой шаг, если бы я не знала – если не предпринять что-нибудь решительное, все кончено.

Признаюсь, что к этой мысли я пришла не сама – меня натолкнула на нее та самая картина «Венеры Урбинской» итальянского художника Тициана, которую я увидела в его книге в нашу самую первую встречу с Брайаном, когда все и началось. Не зря же она попала тогда мне на глаза. Разумеется, я не собиралась позировать в столь откровенном амплу, как изображенная на картине женщина, однако она навела меня на идею подобной фотосессии. Объединение нравственной чистоты и целомудрия с волнующей эротикой – бьюсь об заклад, это не могло не взволновать Брайана, да и меня саму. К тому же, как я уже упоминала, по одной из версий для этой картины Тициану позировала его таинственная возлюбленная и его муза, вдохновившая его не на одну картину. Я находила это в достаточной мере символическим и романтическим, чтоб набраться смелости предложить это Брай-

ану.

Конечно, Брайан прекрасно знал, к чему я шла. Он совершенно ясно понимал, что это была прямая провокация с моей стороны. Но, помимо этого, я также знала, что подобные мысли закрадывались и к нему в голову, однако он их никогда не озвучивал, боясь смутить и отпугнуть меня. Я же сама предложила ему то, в чем он нуждался. Я предоставила ему показать себе в совершенном новом образе, который был ему до этого незнаком. Разве он не говорил с жаром, что стремиться к тому, чтоб отобразить все мои грани? Что ж, я давала ему возможность раскрыть самую сокровенную, самую интимную, самую глубинную мою сторону. Разве мог он не принять этот вызов, разве мог отказаться опробовать свои таланты на столь новой и притягательной территории? О, я достаточно хорошо его понимала, и верно сделала ставку. Он стремился к тому, чтоб его фотографии были не просто красивы – они должны были быть произведениями искусства, а я предложила ему подойти к этому близко, как никогда. Я бросила ему перчатку, и теперь он должен был решить, подобрать ли ее.

Устоять против такого соблазна было невозможно. Если он и понимал, что я загнала его в ловушку, однако отказаться было выше его сил. Мужчина и творец в нем наконец соединились друг с другом, ведь оба они впервые хотели одного и того же.

И вот, мы здесь, где никто не мог бы нас побеспокоить

и отвлечь, и где я могла полностью расслабиться и чувствовать себе комфортно. Но могла ли я расслабиться перед этим мужчиной, который сводил меня с ума, лежа в его постели в одном шелковом пеньюаре, тонкая ткань которого более подчеркивала, чем скрывала, все изгибы моей фигуры?

Брайан поднял камеру.

– Ты готова? – тихо спросил он. – Может, тебе нужно еще несколько минут?

– В этом нет необходимости, – ответила я недрогнувшим голосом. – Я готова начинать.

В этот раз мне не требовалось притворяться уверенной. Я чувствовала себя смелой, раскованной и неотразимой, как никогда. Я позировала Брайану уже далеко не в первый раз, так что не испытывала ни тени смущения и прекрасно знала, как себя вести. Я понимала, как соблазнительно выгляжу в своей полупрозрачной облегающей сорочке. Я намеренно выбрала ее такой длинной – в намеке на обнаженность сквозит больше сексуальности, чем в самой обнаженности. Мои волосы были слегка завиты и широкими волнами рассыпались по обнаженным плечам и рукам. Я видела глаза Брайана, видела, как он смотрит на меня, и знала – сейчас ситуация полностью в моих руках, я команду этой съемкой, я задаю всему тон. Никогда еще он не был настолько в моей власти, как сейчас. И я наслаждалась каждой секундой этой власти.

Мы начали. Я вжилась в образ еще до первого шелчка фо-

тоаппарата. Я сама удивилась тому, насколько легко получилось у меня это сделать. В голове вихрем пронеслись сцены из романтических фильмов, в которых главные героини просыпаются утром среди разметавшихся простыней, в красивом белье, со спутанными волосами и легкой победной полуулыбкой при воспоминании о буйстве предыдущей ночи... Но нет. Это все не то, что мне требовалось.

Я тщательно продумала образ, который собиралась воплотить. Это должна была быть женщина, до того жившая в неведении относительно ощущений, которое способно испытать ее собственное тело. Ей неизвестны были радости любви, она не знала ничего о настоящем чувстве. Она не ощущала себя цельной, испытывала томящую пустоту, жаждала заполнить каждую клеточку своего тела любовью. Я хотела передать эту неуловимую метаморфозу познания собственного тела, его возможностей и желаний... Я пыталась показать тот едва заметный, зажегшийся во взгляде огонь, когда она впервые открывает неведомое доселе удовольствие, узнает себя с другой стороны, воссоединяет свое тело и душу. Я постаралась вспомнить, как отзывалось мое собственное тело на незнакомые ранее прикосновения Грега в тот злосчастный вечер несколько лет тому назад, и воссоздать эти ощущения. Но, нет, ему уже давно не было место в моих мыслях. К тому же, этого недостаточно. Мне нужно было передать больше, гораздо больше...

Я продумала все заранее. Не увлечься. Никакого чрезмер-

ного откровения. Ни оттенка пошлости. Ни намек на явное соблазнение. Это была съемка не о сексе, а о чувстве. О познании. Об открытии. Мне оставалось лишь надеяться, что это поможет и нам с Брайаном открыть для себя что-то новое друг в друге, что послужило бы нам толчком.

Я четко следовала своей стратегии. Ни одного прямого взгляда на Брайана. Лишь изредка, поправляя волосы, я бросала на него мимолетный взгляд из-под полуопущенных ресниц. Однако вскоре я настолько сосредоточилась на собственном теле, трепетных ощущениях и переживаниях, что и забыла, с какой целью все это было затеяно. Как и всегда, перед камерой Брайана я, словно по мановению волшебной палочки, без труда погружалась в нужное мне состояние. Я никогда еще так хорошо не чувствовала собственного тела, как сейчас. Мягкий изгиб бедра, очертания перекинутой через разметанные простыни ноги, вздымающаяся в глубоком вырезе пеньюара белизна груди. Умиротворенный блеск в глазах, тонкая блуждающая улыбка на блестящих прозрачным блеском губах, непринужденно-расслабленное положение тела, которое действительно ощущалось сейчас совсем по-другому. И, словно пытаясь увериться, что оно все еще принадлежит мне, я проводила пальцами по плечам, легко скользила по бедру, сминая тонкую ткань, едва уловимо прикасалась к груди... Мое тело вдруг стало мне бесконечно дорого, словно драгоценный сосуд, и я до краев наполнилась любовью к нему. И эта любовь проглядывалась в каждом мо-

ем движении – плавном, уверенном, чувственном. Я торжествовала. У меня все получалось.

– Ну что, все в порядке? – обратилась я к Брайану небрежным голосом, слегка повернувшись к нему. За все это время он не сказал мне почти ни слова, и я даже начала тревожиться. – Я все делаю правильно?

– Да. Да, все...потрясающе, – я видела, как буквально только что его глаза прожигали меня насквозь, но, стоило мне взглянуть на него, и он тут же отвел их в сторону. Голос его оставался все таким же ровным, несмотря на то, что я прекрасно видела, как он взволнован. Черт бы его побрал!

– Ты справляешься прекрасно, Летиция, – тихо продолжил он, все так же глядя куда-то в левый угол кровати. – Мне не хотелось даже прерывать тебя, чтоб ненароком не вывести из этого состояния. Ты не нуждаешься в моих поправлениях. Вот только, тебе лучше немного подвинуть голову в сторону, иначе из-за тени я не могу с точностью передать выражения твоих глаз. А я должен это сделать. Я хочу запечатлеть каждую деталь.

Он легким шагом подошел ко мне, присел на край кровати, прикоснулся пальцами к моему лицу и немного повернул в сторону подбородок, чтоб на меня лучше падал свет. Что ж, он вполне мог просто сказать мне это. Если он так и намерен оставаться холодной глыбой льда, которая даже не достаивает меня взгляда, пусть бы и не прикасался ко мне, черт возьми.

Брайан убрал пальцы с моего лица. Но не сразу. Гораздо медленнее, чем следовало бы. Я посмотрела прямо ему в глаза. Он не успел так быстро спрятать от меня вождедения, не смог скрыть лихорадочный блеск под обычной маской непробиваемого спокойствия. Наши взгляды скрестились, как лезвия мечей. Одна секунда. Одной секунды хватило мне, чтоб распознать этот жаждущий взгляд, подавленный вздох сожаления, напряжение пальцев, которые он нехотя убрал с моего лица...

К черту! Я резко подалась вперед, приподнимаясь, обхватывая его за шею и приныкая к нему разгоряченными губами. Вся моя пылкость, вся острота чувства, вся страсть, которая медленно поднимались во мне с момента нашего знакомства, достигли своего апогея и вырвались наружу. Еще несколько секунд Брайан пытался совладать с самим собой и сопротивляться мне. Тело его болезненно напряглись, губы оставались безответными.

– Летиция... – сдавленно прошептал он.

Я коснулась пальцами его лица, провела по шее, зарылась рукой в волосы. Я целовала его со всей силой неподкупного чувства, которое переполнило все мое существо. Я прижалась к нему еще крепче, касаясь вздымающейся грудью его широкой груди. Брайан застонал, расслабился и с жаром ответил на поцелуй. Его язык легко переплелся с моим, руки крепко обхватили мою талию, и мы наконец-то слились воедино. Я обвила руками его шею, опрокидывая его на се-

бля, нетерпеливо нащупывая ремень на его потертых джинсах и задыхаясь от едва сдерживаемого желания. А дальше... Дальше все было так, как и должно было быть.

***

На следующее утро после нашей ночи пришло смятение. Я проснулась раньше его, наслаждаясь его объятиями, рассматривая его расслабленное лицо, подрагивающие во сне ресницы и свободно падавшие на лоб пряди. Все мое тело охватывала приятная истома удовлетворения. И я могла бы чувствовать себя бесконечно счастливой, если бы не тревожное ожидание пробуждения Брайана. Пусть вчера мы оба сполна насладились так давно желанным слиянием, но что последует после, когда схлынет охвативший нас угар страсти? Не пожалеет ли он о том, что уступил своим желаниям?

Брайан проснулся и, не разомкнул своих объятий, ласково поцеловал меня. Однако сделал он это скорее машинально, а не с тем глубоким чувством, с которым льнула к нему я. В его глазах я прочитала охватившее его душевное замешательство, которого так боялась. Все мое умиротворение мгновенно улетучилось. Но я ведь видела, я была более чем уверена, что между нами произошло нечто гораздо более глубокое, чем просто удовлетворенное сексуальное влечение. Я не могла так ошибиться! Неужели он жалеет?

Что ж, я убедилась в том, что волновала его чувства, волновала его тело, однако мне так и не удалось разбить стену, отгораживающую его от меня. Но кое-что я все-таки по-

няла, и это понимание вселило в меня ужас. Он испугался, что совершил ошибку, сблизившись со мной, поддавшись соблазну, уступив своему телу, не сумев совладать с порывом. И теперь он уже не сможет смотреть на меня по-прежнему, не сможет видеть во мне того, что видел раньше, не сможет вдохновляться мной. Наверное, теперь, когда он овладел мной, я утратила для него ореол возвышенности и неприкосновенности. Слишком глубокая наша близость не оставит ему пространства для фантазий, которые были ему необходимы. Он получил меня, и теперь я перестала представлять для него интерес.

И тогда я поняла, что все разрушила. Сладкое послевкусие ночи повлекло за собой противную горечь. Неужели Брайан будет теперь для меня потерян? Неужели я была слишком уверена в том, что понимаю, что движет этим человеком, а теперь поплачусь за это? Я подчинила его себе вчера, и мне придется искупить это сегодня, завтра и во все последующие дни. Я завладела его телом, я завоевала его чувства, я насладилась своей властью, но какой теперь в этом был прок? Что, если гораздо большую важность для него имел мой образ, который он создал в своем воображении, который запечатлевал на своих фотографиях, и который должен был оставаться неприкосновенным? А теперь, после того, что происходило этой ночью, он утратил для него свою хрупкую ценность и разбился вдребезги. И, даже если он и будет испытывать ко мне сексуальное желание, однако

не сможет простить мне того, что по моей вине была уни-чтожена его муза, сменившись обыкновенной любовницей. Ведь он мог взять себе любую, если бы захотел, я же представляла для него особенное значение. А я уже успела убедиться в том, что мужчину в Брайане почти всегда подавляет творец, который одерживает контроль над его телом, сердцем и душой.

Мы даже не обсуждали того, что произошло. Мы не знали, как теперь вести себя, как смотреть друг на друга, о чем говорить. Между нами повисла вязкая стена неловкости. И я поспешила уйти, поняв, что это сейчас единственно верное решение. Поцеловав меня на прощание, Брайан будничным тоном пообещал позвонить мне вечером. Я так же непринужденно согласилась, прекрасно зная, что он не позвонит. По его смятенному состоянию я поняла, что проиграла. Я больше не увижу его снова.

Я не плакала, не захлебывалась в истерике, не винила себя. Мы сделали то, что сделали. В любом случае, дальше так продолжаться не могло. Наши отношения должны были, просто обязаны были проясниться. Черета недомолвок, скрытых вздохов и затаенных взглядов себя исчерпала. Что ж, если наша история должна была закончиться таким образом, пусть так оно и будет. Я восприняла это неестественно спокойно. Все мои органы чувств сковало льдом. Слишком велика была пустота, образовавшаяся во мне, чтоб я могла испытывать какие-либо эмоции. Все было кончено.

Он позвонил через две недели. Я не поверила своим глазам, увидев его имя на экране телефона, как будто я получила звонок от давно умершего человека..

– Летиция? – раздался из динамика его сбившийся голос. А кто же еще это мог быть? Я промолчала.

– Летиция... Прости меня. Я был глупцом. Полным дураком и презренным трусом. Как бы я ни порицал себя, это не искупит моей вины.

Я продолжала молчать, выражая полную свою солидарность со всем вышесказанным. И, если ранее я корила только себя, то теперь, услышав его извинения, с чисто женской маневренностью изменила свое мнение, преисполнившись злости на него. В конце концов, разве я принуждала его к чему-то? Брайан глубоко вздохнул.

– Летиция, я испугался. Ты представить себе не можешь, какую важность ты для меня составляла... И составляешь. Я не могу относиться к тебе так, как ко всем остальным... Пойми, я думал, что мы с тобой все разрушили той ночью. Я винил себя. Я винил тебя. Не мог понять, что со мной происходит. Прости меня, пожалуйста, прости. Я не знаю, что ты сделала со мной, но я не могу выбросить тебя из головы. Прошу тебя, приезжай ко мне. Летиция. Пожалуйста.

Никакого шанса. Никакого шанса, что я могла устоять. Звука его голоса хватило, чтоб разбить вдребезги все сомнения, растереть в порошок все доводы, которые я приводила себе в последние дни. Я люблю его, боже, люблю... Это то,

что я искала, чего я вождедела, о чем мечтала с того момента, когда впервые посмотрела фильм с Одри Хепберн... И он тоже любит меня. Должен любить. Иначе как объяснить то, что он снова хочет меня увидеть? Я знала его. Он не был обычным мужчиной. Он бы не позвонил мне, если бы это был только секс. Нет, все было так, как нужно. Я не хотела, да и не могла этому сопротивляться. Будь что будет. Я поехала к нему.

И снова – бурные объятия, жар его губ на моей шее, груди, на всем моем теле, переплетение наших рук, тяжесть его тела на моем. После мы лежали, обнявшись и пытаюсь отдышаться. Моя голова покоилась на его плече, а он медленно наматывал на палец мой гладкий локон, а затем распутывал его. Локон падал на мое обнаженное плечо легкой спиралью.

– Смотри, даже мои волосы принимают форму по твоему желанию, – засмеялась я.

– Нет, это ты формируешь меня по своему желанию, – ласково ответил он. – Смотри, что ты делаешь со мной... Обещал себе, что не притронусь к тебе, своей клиентке, своей модели, своей волшебной музе – и не смог устоять. Убеждал себя, что все зашло слишком далеко, что нужно закончить все это, пока я еще держу ситуацию под контролем – а оказалось, что ни черта я не держу. Думал, что настолько владею собой, что мой разум всегда одерживает верх над сердцем, однако не продержался и нескольких недель без тебя.

– Если тебя это утешит, то и я тоже старалась не позво-

лять чувствам одержать надо мной верх. Пыталась относиться к тебе сугубо профессионально, как и планировала с самого начала, – я не хотела говорить ему этого, не хотела давать власти над собой, однако я никогда не умела сдерживать охватившие меня порыв. – Особенно, когда я видела твое равнодушие... То пыталась погасить в себе свое чувство, пока еще не стало слишком поздно. Пока не стало слишком больно. Пока еще я не ввела саму себя в обман. Однако... Это больше, чем я. Сильнее меня. Не все возможно держать под контролем, Брайан. Не всегда можно держать камеру в определенном ракурсе, и картинка будет выглядеть так, как тебе того хочется.

– Знаю, Летти, – все во мне затрепетало, когда он назвал меня этим ласковым именем. – Это одна из тех вещей, которым ты меня научила. Позволяя себе смотреть на мир не только через объектив, можно открыть для себя много нового. Ты открываешь для меня жизнь с другой стороны лишь одним своим присутствием.

Я повернулась так, чтоб видеть его лицо, положив подбородок ему на плечо и чертя узоры на груди.

– Это ты открыл мне себя с другой стороны. Позволил мне почувствовать себя особенной. Позволил мне быть разной. Такой, какой я сама пожелаю. Ты не представляешь, что ты подарил мне, Брайан. Ты подарил мне больше, чем мир. Ты подарил мне саму себя. Благодаря тебе я вернулась к жизни. Я стала новой Летицией. Иногда... иногда мне даже кажется,

что до тебя я и не существовала по-настоящему.

Он накрыл мою руку, переплетя наши пальцы.

– Ты ошибаешься. У тебя внутри целый мир – огромный, богатый, многогранный. А я лишь помог тебе увидеть его – вот и все. Невелика моя заслуга.

Мы некоторое время лежали молча.

– Знаешь, что? – сказал вдруг он, резко приподнимаясь на локте. – Я хочу сфотографировать тебя. Прямо сейчас.

Я посмотрела на его пылающий взгляд и безмерно удивилась. Неужели я все еще вдохновляю его? Неужели он все еще хочет меня? Хочет не только мое тело, которое и так теперь было в его власти?

– Что, прямо в таком виде? – лукаво спросила я, справившись с собой.

– Мне безразлично, в каком виде ты будешь. Я хочу запечатлеть тебя в этот момент. Такой, какой я вижу тебя сейчас, когда я познал тебя, Летти, тебя всю – внутри и снаружи, когда между нами не осталось никаких границ. Ты позволишь мне это?

– Я к твоему распоряжению, – сказала я и отбросила одеяло в сторону.

Кажется, я могла торжествовать победу. И, непременно, так бы и сделала, если бы внутри меня не разгоралось пламя любви.

***

Наш роман развивался крайне бурно. Долго сдерживаемые эмоции, которые наконец-то обрели выход, теперь кипели и переплескивали через край. Теперь, когда мы открылись друг другу, мы не стеснялись давать волю скопившемуся напряжению. Все невысказанные слова, затаенные обиды, желанные ощущения, подавленные чувства в стремительном темпе наверстывали упущенное, сменяя друг друга так быстро, что мы не успевали приспособляться к их резким скачкам. Теперь, когда все барьеры были сметены, мы могли свободно высказывать все, о чем молчали с момента нашего знакомства. Наши непростые характеры никак не могли приноровиться друг к другу, и кривая развития наших взаимоотношений скакала с огромными интервалами – от острой необходимости друг в друге, ласке и пожаре страсти до обиды, раздражения и неприятия.

По началу мы никак не могли насытиться друг другом, словно уже отчаявшиеся когда-либо увидеть воду путники в самом сердце пустыне, вдруг набредшие на живительный оазис. Затем разбегались по своим квартирам, каждый снедаемый своими собственными сомнениями и переживаниями, возвращаясь к привычному одиночеству и обдумывая, стоит ли продолжать эти запутанные отношения или, раньше или позже, но они обречены на смерть? Стоит ли игра свеч? К чему приведет этот сумасшедший танец страстей? Но мы ничего не могли с собой поделать, и лишь отдавались потоку чувств, взявших верх над всякими доводами разума.

Мы скучали друг за другом, нас неудержимо влекло друг к другу, мы стали зависимы, как от героина, и одновременно нас пугала эта странная и неопределенная связь. Тем не менее, мы снова и снова сходились, занимались любовью, пытались приспособиться к нашим непонятным отношениям, не понимали друг друга, ссорились, обижались, обещали, что больше никогда друг с другом не встретимся, однако срывались через несколько дней, и все начиналось с начала.

Дело в том, что я по-прежнему не могла быть полностью уверена в подлинности чувств, которые Брайан испытывал ко мне, как бы мне этого не хотелось. Часто во время наших разговоров меня не оставляло ощущение, что телом он был со мной, мыслями же – где-то далеко, за теми пределами, где мне не было места. Что бы я не делала, как бы не боролась, но никак не могла завладеть им безраздельно. Бесспорно, я смогла занять огромное место в жизни Брайана, но часть его по-прежнему была для меня закрыта на толстый железный засов. У меня не доставало сил, чтоб охватить весь его необъятный мир, так что все, что мне оставалось, это довольствоваться отведенной мне территорией. Но я не могла примириться с таким положением вещей, яростно заявляя о своих правах на большее.

И пусть Брайан не прекращал шептать мне о том, что я красивая, особенная, неповторимая, и пусть я упивалась этими словами, однако вскоре они стали больше пугать меня, чем радовать. Мне все казалось, что они были обращены не

ко мне, а к тому совершенному, волшебному образу Летиции, который был создан его особым, глубинным видением меня. Я не могла обрести покоя, ревнуя этого мужчину к собственной тени.

Мои сомнения только подкреплялись тем, что после нашей с Брайаном первой ночи все его страхи касательно того, что его восприятие меня безвозвратно изменится, развеялись без следа. Что ж, теперь он действительно смотрел на меня по-новому – и это только еще больше разожгло его. Теперь, когда я была обнажена перед ним духовно и физически, Брайан словно обрел второе дыхание. Теперь он знал каждый изгиб моего тела, понимал каждое стремление сердца, предугадывал каждый оттенок чувства, каждую мысль, каждый порыв. Между нами рухнули последние преграды. Я была в безраздельной его власти, он чувствовал каждое изменение во мне так остро и тонко, как не мог до этого. Теперь я позировала ему гораздо чаще, чем раньше, ведь мы оставались вместе не только днем, но и ночью, не только в его студии и на улицах Нью Йорка, где вокруг нас постоянно сновали чужие лица, но и в его личных стенах, отгороженные от всех, принадлежавшие только друг другу. Он не мог насытиться мной. Теперь я могла быть спокойна. Никто не смог бы заменить ему меня.

И все же я не могла быть спокойна, как и не могла безраздельно отдаваться разгорающемуся во мне чувству. Потому что Брайан не был полностью моим. Он был во власти моего

двойника, отпечатанного цветными красками на глянцевой бумаге. На них я была для него гораздо более живой, осязаемой и реальной, нежели в настоящей жизни. Они были его стремлением, целью и смыслом. Когда я ловила на себе его взгляд, мне все казалось, что я буквально вижу, как в его голове зреют новые образы, которые он жаждал запечатлеть.

Меня это сводило с ума. Я боялась, ужасно боялась, что лишь эти фотографии удерживают Брайана рядом со мной. Такой человек, как он, нуждался в творчестве, в душевном удовлетворении своего призвания, а я служила источником его вдохновения. Но нужна ли была ему я сама? И, сколько бы я не уговаривала себя, что вдохновлять его может только любовь ко мне, однако все было тщетно. Я все более настойчиво требовала от него доказательств любви, однако, услышав их, уже через несколько минут находила поводы для ее опровержения. Я выходила из себя, злилась и отказывалась позировать ему, хоть бы как мне этого ни хотелось. Брайан в таких случаях тоже терял терпение, ведь его невыразимо раздражало, когда что-то мешало ему воплотить в жизнь задуманную идею. Он рассерженно заявлял, что я слишком все драматизирую, выискивая проблему там, где ее нет и в помине. Как по мне, то он прекрасно понимал, в чем моя проблема, но намеренно игнорировал ее, что еще больше меня злило. Не сдерживая чувств, я кричала на него, метала вещи, хлопала дверями и давала себе слово забыть даже его имя.

Когда я оставалась наедине с собой, то настойчиво уве-

ряла себя, что все мои отношения с Брайаном – не более, чем досадная цепь ошибок, прискорбное стечение обстоятельств, начатая мною невинная игра, которая вдруг вышла из-под контроля, фантазия о большой любви, которой я слишком увлеклась. Лучше было заканчивать с этим, пока наши гонки друг за другом не зашли слишком далеко. Иногда мне действительно удавалось убедить себя в этом, и тогда я некоторое время чувствовала себя освободившейся и умиротворенной. Все эти безумные любовные качели были чрезвычайно выматывающими, оставляя меня глубоко опустошенной. Раз и навсегда разорвав эти узы, я могла бы спокойно жить дальше. Проведя некоторое время без Брайана, мне уже казалось, что все это мне приснилось, настолько стремительной, странной и невероятной казалась мне наша история. Да, без него все было намного проще...

А потом меня настигал дикий страх. Я вдруг понимала, что без Брайана я просто не представляю, что делать дальше, как будто весь смысл заключался теперь только в нем. Да, конечно, моя жизнь без него была гораздо спокойнее, но... Разве это была жизнь? Он вытащил меня из скучной рутины, раскрасил мою серую реальность, вдохнул в меня жизнь, вырвал из пучины апатии, в которой я почти утонула, и подарил мне новый мир. Он создал новую Летицию – уверенную в себе, в своей красоте и неподражаемости, соблазнительную, притягивающую взгляд, очаровывающую... ту, которой я всегда хотела быть, ту, которой я была в своих фан-

тазиях.

Наши взаимоотношения не были такими, о которых я читала в книгах или смотрела в фильмах, как бы мне того ни хотелось. Я не была уверена как в его чувствах, так и в своих собственных. Да и что я знала о настоящих чувствах, я, приукрашивающая и преображающая все в своих фантазиях, видевшая все в том свете, в котором мне хотелось? Тем не менее, он перевернул мой мир с ног на голову. Я знала, что никогда и ни с кем я не испытаю ничего подобного. Никто не сможет пробудить во мне те чувства, которые бурлили во мне перед объективом его фотокамеры, перед его взглядом, в его руках, в его постели. Ни от чьих самых жарких ласк я не получу того наслаждения, которое доставляет мне легкое прикосновение его пальцев к моему лицу. И ни от чьего голоса мое сердце так не забьется, как от его тихих слов: «Ты совершенно потрясающая, Летиция. Я не знаю, что я сделал, чтоб встретить тебя, но наверняка это что-то очень хорошее...».

После очередной размолвки я, внутренне проклиная себя за это, каждый раз с нетерпением ждала его звонка, а, если он не перезванивал достаточно долго, то на меня накатывал такой безумный страх потерять его, что к горлу подступала тошнота, а все тело покрывалось липким потом. Я не могла работать, не могла читать, не могла спать, мечась на подушках, – все мои мысли крутились только вокруг него. Я не выдерживала и звонила ему сама, и сбивчиво говорила, что я

вспылила, что я совершенно потеряла голову и сейчас сама не могу понять, почему так разозлилась. Мне было наплевать, кто из нас был неправ и теряла ли я достоинство, потому что мои чувства в то время полностью заглушали здравый смысл. И, если я и невольно позволяла ему почувствовать мою слабость, то и награждена была в достаточной степени. Брайан никогда не мог долго обижаться не меня, даже если я и перегибала палку. Он лишь вздыхал с облегчением, говорил, что все это его вина, что он слишком сильно давит на меня, и что он хочет только, чтоб я была рядом с ним. Лед между нами мгновенно таял, и мы по многу раз просили прощения, бросаясь друг к другу в объятия с удвоенной страстью и любя друг друга так отчаянно и неистово, словно объявили скорую гибель всего живого на земле.

***

Но я понимала, что так не может длиться вечно. Конечно, в нашем кипении страстей была своя манящая притягательность и добавляющий остроты накал. Но долго ли мы сможем удержаться на этом? Таким двум характерам со сложным противоречием чувств было сложно уживаться вместе, и сейчас мы не могли делать это по-другому. Мы открывали друг другу свои сложные и запутанные чувства так, как умели, и вместе старались их распутать. Но что будет, если мы не справимся? Я понимала, что после жаркого огня остается лишь горстка остывшего пепла. Однажды мы снова разой-

демся, он не перезвонит, а я не наступлю на горло своей гордости. И на этом все закончиться.

Мы встречались, как правило, в его квартире или студии, в которой я стала появляться довольно часто уже не в качестве просто одной из клиенток Брайана, к вящему неодобрению Марты, которая предпочитала быть здесь полноправной хозяйкой. А, возможно, у нее были и более личные причины недолюбливать меня, тщательно скрывая свои неприязненные чувства за натянутой улыбкой на бледных губах. Или она считала, что я не замечаю взгляды, которые она украдкой бросает на него? Что ж, если она за столько времени не добилаь от него внимания, то сейчас ей тем более не на что было рассчитывать. Но, честно говоря, мне было наплевать. Она была мне не соперница, и я не собиралась даже тратить силы на то, чтоб зацепить ее каким-то невинным комментарием.

У меня находились более серьезные причины для забот. Разумеется, Брайан фотографировал не только меня, ведь ему нужно было зарабатывать на жизнь. Клиентов у него хватало, и теперь он стал работать гораздо больше, ведь и так с начала нашей встречи упустил достаточно заказов. А он не мог себе этого позволить, ведь рассчитывал только на себя самого. Так что вокруг него сейчас вилось куда большее количество девушек, чем мне бы хотелось, и мне приходилось, скрепя зубы, мириться с этим.

Иногда я приходила в студию, чтоб понаблюдать за его ра-

ботой. Мне было крайне любопытно увидеть, с каким чувством он работает, когда ему позируют другие, сверкает ли в его глазах такой же неподкупный интерес и запал? Однако в этом вопросе Брайан был непреклонен, чем немало удивил меня: он не допускал меня к своей работе ни на шаг. Это имело для него какое-то сакральное значение, и он всегда четко разделял свои отношения со мной и рабочую деятельность с другими. Он заходил в студию со своими клиентами, и дверь решительного захлопывалась перед моим носом, оставляя меня в неведении. Наверняка Марте это доставляло немало удовольствия.

– Ты должна понять, Летти, – пытался он успокоить меня, мягко, но непреклонно. – Так же, как я никогда бы не допустил посторонних глаз и лишних комментариев, когда я фотографирую тебя, так же я не могу позволить и тебе присутствовать во время съемок с другими людьми. Наш с тобой мир особенный, поэтому любое чужое присутствие было бы словно осквернением той связи, которая возникает между нами. Но, когда я фотографирую других, я должен полностью сосредоточиться на них, сконцентрировать все свое внимание, постараться понять их. Это мое обязательство. И я не могу допустить никаких отвлекающих факторов, даже если это ты, Летти. Особенно, – он сделал ударение на этом слове, – если это ты. Моя работа и ты – это два отдельных мира, и я ни в коем случае не хочу их смешивать. Я надеюсь, ты будешь это уважать.

И, хоть как бы я не злилась от того, что время от времени Брайан безраздельно отдает свое внимание другим людям, другим женщинам, однако мне совсем не хотелось казаться истеричной ревнивицей, которая преследует своего мужчину, так что я перестала донимать его. К тому же, разве Брайан не давал ясно понять, что я занимаю особое место в его жизни, разве не выделил меня среди всех? Но, несмотря на это, мы по-прежнему не внесли никакой ясности в противоречивое хитросплетение наших взаимоотношений, и я по-прежнему не знала, в каком статусе мы пребываем. Наше будущее казалось все таким же неопределенным.

Сама же я так и продолжала работать в редакции, потому как со всеми крутыми поворотами моей жизни, которые произошли с появлением в ней Брайана, мои надежды о модельной карьере так и остались висящими в воздухе. И, ко всему прочему, на то имелась еще одна причина, из-за которой я и медлила, не решаясь решительно приступить к осуществлению своих планов.

Я понимала, что возможный успех на этом поприще привел бы меня к неизбежному разрыву с Брайаном. Мы никогда этого не обсуждали, и он никогда даже намеком не наводил меня на эту мысль, но все и так было предельно ясно. Если я действительно всерьез займусь модельным бизнесом, у меня не останется ни времени, ни желаний, ни внутренних ресурсов для того, что было для него столь важно. А, как не крути, разве не фотографии составляли сердцевину

наших с ним взаимоотношений? Для Брайана делить меня с множеством других фотографов было бы равнозначно тому, что ко мне каждый день прикасались бы тысячи чужих мужских рук, после чего я возвращалась бы к нему. Конечно, мне хотелось бы верить, что наша душевная связь выдержала бы это испытание и перестала бы строиться на наших общих фантазиях, порождающих фотографии. Но, даже если бы мои надежды оправдались, отношения наши стали бы гораздо более сложными, а, видит бог, они и без того были в достаточной мере запутанными. Наверное, некоторое время мы бы еще сопротивлялись, стараясь делать вид, что все в порядке, и в нашем мире по-прежнему существуем только мы вдвоем. Но призраки всех, кому я позировала, незрими-ми тенями встали бы между нами, и вскоре для Брайана это стало бы невыносимым. Разве он не говорил, что ему претит всякая неестественность, наигранность, фальшивость, которые стали бы моими постоянными спутниками, если бы я ступила на тот путь? И тогда вся наша история, зажегшаяся так ярко, болезненно и необратимо сошла бы на нет. Пусть я действительно часто приукрашивала действительность, но я достаточно хорошо знала Брайана, чтоб не питать в этом отношении радужных фантазий. Так готова ли я была потерять его еще до того, как даже не успела сполна насладиться столь сильно, столь неожиданно, столь страстно ворвавшимися в мою жизнь чувствами?

Что ж, по этой причине я все еще продолжала работать в

редакции, и это обстоятельство все больше и больше угнетало меня. Каждое утро, приходя на работу, я все сильнее падала духом. Никогда еще она не представлялась мне в столь мрачном свете. Обрывки недавних надежд тяжелыми тучами витали надо мной, неустанно напоминая о себе. Я задыхалась, чувствуя, как мои легкие отравляет скука, склоки и монотонная рутина этого места. Я заражалась его пропитанной пылью и бумагами угнетающей атмосферой, как чумой. После ощущения небывалой свободы и эйфории, которую я испытывала с Брайаном, это место словно накидывало на меня железные цепи, тяжело сковывая по рукам и ногам. Меня сверх меры раздражала каждая буква, написанная мной, каждое слово, обращенное ко мне, каждое предложение, которое мне приходилось произносить самым любезным тоном. Мне была противна каждая минута, проведенная здесь, и каждую минуту я стремилась вырваться отсюда и никогда больше не возвращаться. Когда Брайан встречал меня после работы, я была мрачная, как туча, и выжатая, как губка. Даже радость от встречи с ним не могла развеять моего настроения.

– Не понимаю, почему ты продолжаешь там работать, если это настолько изматывает тебя? – не выдержал он, глядя однажды на мое безучастное лицо и поглаживая меня по волосам. Мы находились в его квартире, где я дольше обычного ждала его со студии, что тоже не способствовало улучшению моего настроения. – Ты закончила колледж с отличием,

так что вполне могла бы попробовать устроиться в другие компании, которые пришлись бы тебе больше по душе.

Меня разозлило то, каким легко исполнимым ему это казалось. Ну разумеется, он ведь давно нашел себя, так что ему казалось, что и для других это не представляет никакой сложности.

– Не так-то это просто, Брайан, – угрюмо сказала я. – Во-первых, я не окончила магистратуру, поэтому вряд ли буду «нарасхват», как ты себе это представляешь. Во-вторых, чтоб поступить на магистратуру, мне нужно накопить денег, чтоб не быть кругом обязанной родителям. А, в-третьих, какая разница, это место или какое-то другое, которое будет отличаться только другой локализацией. Ничего от этого не изменится. Я все так же буду писать про ничего не значащие события, которые увлекают мысли людей лишь на несколько минут в перерыве между ленчем и походом за покупками. Все это навеивает на меня тоску. Это не для меня, Брайан.

– Почему же ты вообще изучала журналистику? – недоуменно спросил он.

– Почему? Родители утверждали, что из меня получится неплохая журналистка. Да, впрочем, и я сама так считала. Собственно, для меня в то время не имело большого значения, куда поступать. Я хотела лишь одного – изменить свою жизнь, уехать в Нью Йорк, стать актрисой. Но мама убедила меня в том, что я должна получить достаточно надежный оплот. А журналистика показалась вполне перспективным

направлением для родителей, и достаточно интересным для меня, чтоб определить наш выбор... А сейчас... Что ж, возможно, я просто не нашла своего места. Знаешь, я думаю, что мне тяжело быть одним и тем же человеком – столько противоречий тянет меня в разные стороны... Поэтому я и не могу надолго нигде прижиться. Стоит задержаться на одном месте – и меня одолевает скука. Иногда мне кажется, что сам этот мир отвергает меня, Брайан.

От этих слов мою душу снова заполнила жгучая боль, старая рана от разбитых надежд вновь открылась. На глазах невольно выступили слезы, хоть как я и не старалась их сдерживать. Брайан осторожно вытер слезинку, скатывающуюся у меня по щеке, крепче прижал меня к себе, положил макушку мне на голову, прикоснулся губами к волосам.

– Не говори глупости, Летти, – тихо прошептал он у меня над ухом. – Знаешь, ведь и меня часто одолевает это чувство. Тебе только кажется, что во всем, что я делаю, я вижу свой смысл жизни, что меня никогда не одолевают сомнения. Порой я занимаюсь обычными вещами, пересматриваю фотографии, редактирую их... И тут, как снег на голову, на меня накатывает осознание глупости и бессмысленности своих действий. Кажется, будто, пока я сосредотачиваюсь на том, как бы получше запечатлеть жизнь, эта самая жизнь проходит мимо меня. А я лишь остаюсь растерянно разглядывать цветные квадратики в руках.

Он говорил это, рассеянно перебирая пальцами пряди мо-

их длинных волос, как всегда, когда его мысли уносились далеко.

– Однако это проходит. Я смотрю на мир новым взглядом и вижу, что блеск глаз, запечатленный мной в краткий момент безмерного счастья, поблекнет. А фотография – нет. И тогда я понимаю, что я все делаю правильно. Состоит ли в этом мое предназначение или же нет, однако я живу не зря. То, что я делаю, оставляет след. И ты тоже испытываешь это чувство, Летти. Ты обязательно найдешь свое место. Но пока что...

Он вдруг неожиданно твердой рукой приподнял меня за подбородок, заставив посмотреть себе в глаза и не отводить взгляд.

– Пока что твое место здесь. Рядом со мной. И я хочу, чтоб ты всегда была рядом со мной.

Мне казалось, что я ослышалась. Но и в его словах, и во взгляде ощущалась небывалая решительность и непоколебимость. И – кое-что еще, чего я не могла распознать.

– Что ты хочешь этим сказать? – я сама едва расслышала собственный голос.

– Ты ведь сама понимаешь, что мы должны что-то решить. Не можем же мы вечно метаться, разбегаясь и сходясь обратно. Я боялся, что ты начнешь этот разговор, а я не найдусь, что тебе ответить. Теперь же я больше не колеблюсь. К черту все! Я не хочу больше расставаться с тобой. Давай попробуем, Летти. Моя квартира не так велика, но места нам

вполне хватит.

– Ты хочешь, чтоб мы жили вместе? – я опешила настолько, что даже отступила на шаг, отстранившись от него.

Сколько времени я мечтала и ждала того, чтоб он произнес эти слова, и, как это обычно бывает, когда он наконец сказал это, то совершенно застал меня врасплох

– И не только это, – продолжил он, решительно настроенный сегодня довести меня до обморока. – Я настаиваю, чтоб ты ушла из редакции. Я больше не хочу видеть твое состояние, когда ты возвращаешься оттуда. Я не хочу видеть, как в тебе умирает вся радость, вся беззаботность, вся жизнь.

– Но, Брайан... что ты такое говоришь?! – я чувствовала, что меня бросило в жар. – Мне нужна эта работа! Мне нужны деньги! Неужели ты не понимаешь?!

– Денег у меня пока что хватит на нас обоих. Нет, послушай, – прервал он, видя, что я хочу возмущенно возразить. – Если захочешь, подыщешь себе новое место, где тебе было бы комфортно. У тебя будет достаточно времени на это. Серьезно, Летиция, если хочешь, считай это моей благодарностью за то, что благодаря тебе я оттачиваю свое мастерство, открываю в себе такие способности, о которых и не догадывался. Ты – неисчерпаемый источник вдохновения для меня. Средоточие моих сил. А работа в редакции так тебя изматывает, что ты выражаешь лишь желание очертя голову сигануть с высокого моста напрямиком в Гудзон, – постарался пошутить он.

Но я даже не улыбнулась, иступленно глядя ему в глаза и находя там все больше доказательств того непонятного чувства, которое, однако же, приобретало все более определенное выражение. Неужели...

– Ты уверен в этом, Брайан? – спросила я, на этот раз недрогнувшим голосом. – Ты думаешь, у нас может получиться?

– Только, если ты сама этого захочешь, – не менее твердо ответил он. – Я же готов на все, только чтоб со мной была моя радостная и смеющаяся Летти. Теперь решение только за тобой.

Планы на будущее, голос рассудка, неприятное объяснение с родителями – все это промелькнуло у меня перед глазами и тут же исчезло. Весь мой мир и вся моя жизнь сейчас заключены были в этих лучистых глазах, которые серьезно смотрели на меня, ожидая ответа так, словно от этого зависела его жизнь.

И я порывисто подалась вперед, целуя его глаза, щеки, шею, каждый пальчик его волшебных рук, открывшиеся мне навстречу губы и чувствуя, как он поднимает меня и прижимает к себе. Я обхватила ногами его талию, прижалась к нему всем телом и закрыла глаза, чувствуя, как мы вместе падаем на кровать, чувствуя жар его разгоряченного тела и руки, умело срывающие с меня одежду. К черту! Зачем быть правой, если можно быть счастливой.

Глава 16

И я была. Я была счастлива, как никогда. Наверное, впервые за всю мою жизнь я просто наслаждалась этим все-ленским безграничным счастьем, не омраченным никакими тревогами и заботами. Мне казалось, что я нахожусь в сверкающем коконе света и тепла, который ласково согревает меня и надежно отгораживает меня от остального мира. И я была надежно укрыта в этом коконе, оплетена его сияющими нитями, не видя и не желая видеть ничего вокруг.

Для меня в ту пору существовал только один мир – мир, который мы создали вместе с Брайаном. Да, он был сложный, запутанный, противоречивый и туманный, а где-то даже неправильный и неестественный... Но это могло смутить меня только в том случае, если бы я давала себе труд над этим задуматься. А мне... впервые в жизни мне не хотелось ни размышлять, ни анализировать, ни терзать себя вопросами и сомнениями. Ничего этого не существовало. Только он. Только я. Две жизни, по странному стечению обстоятельств сплетенные воедино.

Все, что раньше так волновало меня, исчезло без следа. Неосуществленные мечты, неудовлетворенность жизнью, необходимость искать новую работу, мое шаткое и неустойчивое положение... Все это словно меня не касалось. В моем новом мире нет и не могло быть, попросту не находилось

места таким совершенно посторонним вещам, которые когда-то по неясной причине так сильно занимали старую Летицию. Все это осталось где-то за гранью моего сознания, не приближаясь ко мне достаточно близко для того, чтоб как-либо меня взволновать. Все коварные мысли, которые воспринимались мною как злобные тени, желающие омрачить мою жизнь, быстро блекли и развеивались от источника света, который ярко пылал в моей душе. И лишь иногда мимолетная темная тучка сомнения могла набежать на меня, однако она была слишком слаба, одинока и призрачна, чтоб причинить вред.

Я поссорилась с родителями. Я не могла, да и не хотела скрывать от них всего, что происходит со мной. Ведь владеющее мною безоблачное чувство было столь сильным и всеобъемлющим, что я не могла сдерживать его в себе. Да и у меня не было ни малейшего сомнения, что они порадуются за меня. Иначе просто не могло быть. Разве они могли в чем-то меня упрекнуть? Разве, когда я была так счастлива, кто-то еще мог испытывать гнев, обиду, разочарование? Мое чувство было настолько безграничным, что оно переливалось через меня, распространялось по миру, заполняло его собой, охватывало каждую, даже самую маленькую его частичку, заставляло сиять радужными переливами самые невзрачные серые камни. Мне казалось, что вся вселенная должна разделить со мной это удивительное чувство. Вот, как счастлива я тогда была!..

Но все произошло совсем не так, как планировалась. Когда мама услышала, что я бросила работу, благодаря которой, по ее мнению, должна была основательно закрепиться в Нью Йорке, то, конечно, пришла в недоумение. Но она пока еще оставалась спокойна, предположив, что я собралась переходить на новое место, более для меня подходящие. Когда же она услышала, что у меня пока что вообще нет других вариантов, то ее охватил настоящий ужас. Никогда еще я не слышала, чтоб она настолько теряла контроль над собой.

– Боже мой, Летиция, за что же ты будешь жить? – срывающимся голосом кричала она. – Да ты что, с ума сошла?! Уйти с работы, не найдя никакой другой... Даже не имея подстраховки, не имея вообще никаких вариантов... Детка, Нью Йорк ведь не то место, где можно не работать и жить припеваючи... А за что же ты будешь оплачивать квартиру?! Ты что же, хочешь вернуться обратно домой?! Господи, да о чем ты только думаешь...

– Нет, мам, – очень спокойно и терпеливо сказала я. – Я не собираюсь возвращаться домой. И я не могу понять, что тебе так удивляет в моем решении. Мне кажется, что я уже несколько раз недвусмысленно говорила о том, что ненавижу это место и мне глубоко отвратителен каждый день, проведенный там. Или тебе легче было пропускать это мимо ушей? Или же тебе важнее всего то, чтоб я жила в Нью Йорке и работала на так называемой престижной работе, чтоб ты могла похвастаться мной перед знакомыми, как хвастаешься

Джорджем?

Я сама поняла, что меня занесло, но слова эти вылетели помимо моей воли – я совсем не ожидала такой ее реакции.

– Ты несправедлива, Летти, – неожиданно тихо сказала мама. – Я никогда не оказывала на тебя давления. И уж тем более не принуждала тебя ни к чему, только чтоб «похвастаться перед знакомыми», как ты изволила назвать гордость за дочь. Я лишь забочусь о твоём будущем.

Она судорожно вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

– Послушай, милая... Ты постоянно мечтала о чем-то, чего у тебя не было, стремилась к недостижимому, была недовольна и не удовлетворена всем, что получала. Когда-то это было простительно – ты была совсем ребенком. Но что движет тобой сейчас? На что ты рассчитываешь, на что надеешься? Я просто не могу тебя понять. Летти, этот путь в никуда становится опасным. Мы с папой ведь не всегда будем рядом, чтоб поддержать тебя, когда ты соскользнешь с него.

– Меня не нужно поддерживать, мама. Я больше не соскользну. Наконец-то я стою на ногах ровно, как никогда, – твердо ответила я. Сейчас я все ей расскажу, и она, конечно же, сразу поймет меня, поймет, как мелочны все эти вещи, о которых она так печется, по сравнению с тем, что я обрела.

И я рассказала ей все – о том, что переехала к Брайану, что мы теперь живем вместе и у нас все прекрасно. Я молилась, чтоб мой голос мог передать хотя бы частичку того счастья, которое я испытывала, чтоб мама знала – обо мне совсем не

нужно беспокоится.

– Погоди, Брайан – это тот фотограф, о котором ты упоминала? – в ее голосе скользило неприкрытое удивление. – Но ты так редко говорила мне о нем... Только то, что ты несколько раз была его моделью и ему нравилось, как ты позируешь... Не могу понять, откуда это вдруг взялось? Откуда такая великая любовь за столь короткий срок?

– А откуда вообще берется любовь? – я просто не знала, как облечь в слова то, что испытывала, чтоб она поняла меня. – Боже мой, мам, это ведь не официальный документ, в котором вы договариваетесь о сотрудничестве на взаимовыгодных условиях. Это не четко оговоренный промежуток времени, на протяжении которого вы хорошо узнаете о плюсах и минус друг друга, о сходствах и различиях, а только потом приходите к выводу, влюбляться вам или нет. Да, быть может, все это произошло слишком резко, слишком неожиданно, но...

– Я знаю, что такое любовь, Летиция, – резко перебила она меня. – Не забывай, что и я читала те же книги, что и ты. И, боюсь, что твои представления о любви во многом формировались на книжных страницах. Но это не всегда правда, Летти... Иногда можно принять желаемое за действительное, попытавшись перенести на подходящий объект уже вынашиваемые в себе чувства, ждущие своего часа. Ты уверена, что любишь Брайана, а не просто хочешь любить? – она повысила голос, потому что я собиралась бурно протесто-

вать. – Летиция, ты моя дочь и, уж поверь мне, я была бы больше всех рада, если бы ты обрела то, к чему стремится твоя душа. Неужели ты думаешь, что я против твоего счастья? Но именно потому, что ты моя дочь, и я знаю тебя лучше кого-либо другого, я и не могу не переживать за тебя. Все эти резкие скачки, неожиданно возникшая любовь, переезд и ни малейшего волнения о реальных проблемах... Прости, детка, но все это напоминает лишь сильное увлечение, которое заставляет забыть о всем и вся. А когда оно пройдет, ты оглянешься и поймешь, что отдала всю себя и принесла в жертву свое будущее ради мимолетного наваждения.

Я была поражена и оскорблена до глубины души. Мамины слова оскверняли то чувство, которое было мне столь дорого, порочили его важность и ценность. Я с надеждой обратилась за поддержкой к отцу, но и он был явно недоволен моим решением и с больно задевшей меня прохладцей отнесся ко всем моим словам о Брайане. В конце концов, они с мамой сошлись на том, что не будут вмешиваться. Как не крути, но я уже взрослая и могу сама отвечать за свои поступки. Это звучало так, словно они сделали все, что было в их силах, и теперь оставляли меня один на один с моим ошибочным выбором. И с его последствиями.

Конечно, если бы я постаралась получше подобрать слова, если бы смогла поделиться хоть малой толикой того, что испытываю сейчас, они бы меня поняли. Но я не стала больше предпринимать попыток их убедить. Слова слишком опош-

ляли и оскорбляли ту святыню, которой была для меня моя любовь, и теперь я ревностно оберегала ее от грубого чужого вторжения.

***

Впрочем, вся эта ссора, хоть и оставила горьковатый осадок, однако прошла для меня мимолетно и почти безболезненно. Конечно, жаль, что родители не разделили со мной моего счастья, но, я уверена, со временем они поймут. Ничего не могло ни поколебать мое душевное равновесие, ни тем более омрачить его.

Я не преувеличивала только ради того, чтоб мама была спокойна. И я не обманывалась. Все ее слова лишь подкрепили и усилили мою уверенность.

Я любила Брайана. Боже, как же я любила его. Я никогда еще не испытывала таких чувств. Все, что происходило со мной до встречи с ним, показалось бессмысленным, фальшивым, бумажным, словно до него я никогда и не жила по-настоящему. Все волновавшие меня до него чувства были лишь бледным, жалким подобием происходящего со мной сейчас. Все занимавшие меня когда-то вещи показались мне настолько несущественными, что я только удивлялась и смеялась над тем, какими важными для меня были такие глупости. Теперь я знала: все, что со мной было прежде – все мои ошибки, падения, сомнения, переживания, разочарования, боль, увлечения, тщеславные желания, – через все это я прошла, чтоб в конце концов прийти к нему.

Я любила его – сильно, страстно, противоречиво, болезненно и жадно. Я ревностно хотела его всего, каждую его частичку, каждую клеточку. Не должно было остаться ничего, что бы отделяло его от меня. Он был мне необходим весь, целиком и полностью, и я не собиралась удовлетворяться меньшим.

Я любила его маленькие привычки, все то, что составляло неотъемлемую его часть. Любила, как пролегал крошечная морщинка у него на лбу, когда он разглядывал фотографии, любила, как он напряженно закусывал губу, когда старался сосредоточиться, как чуть дрожали уголки его губ, когда я зарывалась пальцами в его волосы, и как непослушно ложились спутанные пряди на его лоб, когда он спал. Я любила, как он произносил мое имя – Летиция – так, словно перекачивал драгоценную жемчужинку во рту, и заставляла его повторять это снова и снова. Я смотрела на Брайана, и за его лучистыми глазами видела весь тот всеобъемлющий мир, который лежал внутри его, который манил меня своими тайнами и который я мало-помалу завоевывала, проникая все глубже, глубже... Он заставлял меня видеть себя его глазами, и постепенно я стала смотреть на себя только через них. Я полюбила себя благодаря тому, что он любил меня, и во многом благодаря этому я любила его еще больше.

Каждый день, проведенный вместе, только возвращал и укреплял в нас эти чувства. Поначалу мы оба боялись, что, начав совместную жизнь, быстро пойдем, что приняли

слишком поспешное решение, увлеклись, поступили слишком необдуманно. И теперь волшебный мираж, который окутывал нас, развеется, и мы увидим друг друга в ярком и беспощадном свете дня. Расстояние между нами, которое оставляло место для иллюзий, домыслов и надуманных представлений друг о друге, сократиться уж слишком стремительно. И, оказавшись вдруг прямо друг перед другом, мы растеряемся и не будем знать, что делать с этой неожиданной близостью. Конечно, мы этого не обсуждали, однако я предполагала, что и он думает о том же самом.

Но время шло, а все по-прежнему было хорошо. Честно говоря, гораздо лучше, чем я могла даже предположить. Я уверена, что внутри себя оба мы были удивлены, как гладко все складывалось. Грозные бури, колебания, недопонимания, обиды, неуверенность, страх и сомнения – все это осталось в прошлом. Волны, не в силах обрушить скалу, беспомощно улеглись, и воцарился штиль. Мы наконец перестали метаться, обрели покой и сейчас безраздельно наслаждались обществом друг друга в своей уютной гавани.

Мы находили все больше удовольствия в обычных маленьких радостях. Например, мы частенько готовили вместе завтрак. Мы оба были далеки от кулинарного искусства, так что наши начинания почти всегда неизбежно заканчивались провалом: оладьи подгорали, запеканка плохо пропекалась, а сырники упрямо разваливались и оставались лежать на сковороде унылыми комьями. Мы же только беззаботно хохота-

ли, глядя на жалкие плоды своих рук, и спускались в небольшую забегаловку, располагавшуюся напротив нашего дома, возвращаясь оттуда со свежими булочками и пончиками с шоколадом.

Мы просыпались в объятиях друг друга, и я долго не отпускала его от себя, уговаривая не уходить, остаться, не оставлять меня одну. Он только смеялся, целовал меня в лоб, ерошил мне волосы и объяснял, словно маленькому ребенку, что ему нужно идти, но, была б его воля, он бы не расстался со мной ни на минуту. Я вздыхала, разжимала обнимавшие его руки, и он тихо ускользал от меня, как остатки сна с яркими лучами солнца.

Пока его не было дома, я ужасно скучала, чувствуя себя одинокой и брошенной. Я пыталась чем-то занять себя, но ничего не выходило: содержание прочитанных книг ускользало от меня, фильмы ничуть не развлекали – все эмоции главных героев казались фальшивыми и наигранными. Наверное, когда человек испытывает по-настоящему сильные чувства, наслаждается каждым моментом собственной жизни, все, что создано чужим воображением, кажется ему блеклым и нелепым. Я в раздражении бросала все и считала минуты до его возвращения домой.

Я частенько занимала себя тем, что представляла, что он делает, пока мы не вместе. Я настолько утвердилась в мысли, что мы существуем как две нераздельные части друг друга, что мне казалось почти невероятным, как может проходить

его жизнь без меня. О чем он думает? Что говорит в этот момент? На кого направлен его взгляд? Может, сейчас он расстроен, разочарован, обижен? А может, наоборот: ему весело, и он смеется своим искренним грудным смехом? Что заставляет его испытывать эмоции, когда меня нет рядом? А главное, кто? Эти раздумья преследовали меня неотступно, пока его не было рядом.

А потом он возвращался, и все снова было хорошо и правильно. Он опять был моим, моим безраздельно. Едва заслышав скрип открываемой двери, я мгновенно вскакивала и бежала ему навстречу, бросаясь на шею, жадно вдыхая его запах, убеждаясь, что он здесь. Он крепко прижимал меня к себе, зарывался в мои волосы, целовал мои жаждущие губы.

– Брайан, любимый, как же я скучала, – шептала я.

– И я тоже, Летти, – его голос сбивался, а дыхание учащалось от моей импульсивной порывистости. – Что бы я не делал, мои мысли весь день возвращались к тебе.

Чуть позже мы сидели рядом, уютно завернувшись в плед, прижавшись друг к другу и потягивая какао с кусочками маршмэллоу. Моя голова покоилась у него на плече, а его рука лежала у меня на колене. Я медленно перебирала пальцы его руки, в который раз удивляясь, какие они изящные и тонкие.

– Ты сегодня многих фотографировал, Брайан? – иногда спрашивала я.

– Не сказал бы.

– Женщин?

Он, помедлив, кивал.

– Да. Но представлял только тебя.

Только Брайан умеет так отвечать: серьезно, безыскусно, не увильвая, глядя прямо в глаза и не оставляя ни тени сомнения, что все сказанное им – правда, без излишних приукрашиваний и желания польстить. Этой короткой фразы мне хватает, чтоб я почувствовала себе спокойной и умиротворенной. Это все, что мне нужно было знать. Смысл всего моего существования сейчас сводился к этим словам. Я должна была быть единственной.

Частенько под вечер нам не хотелось оставаться дома, словно тесные стены не могли уместить наших чувств. Тогда мы садились в фордик Брайана и пол ночи колесили по ночному Нью Йорку. Мы любили ехать наобум по освещенной искусственным оранжевым светом фонарей дороге, выходить в незнакомых местах, открывая для себя новые, неведанные ранее закоулки такого привычного и обыденного в свете дня города. Нам нравилось чувствовать себя первооткрывателями, поэтому мы специально выбирали не самые известные районы подальше от центра, где велась бурная и разгульная ночная жизнь.

Ночью Нью Йорк был совсем другим. Приглушенный свет фонарей, разноцветные огоньки иллюминаций и блеклые отблески лунного света придавали привычным витринам магазинов, шикарным ресторанчикам, шумным клубам, торже-

ственным театрам и огромным торговым центрам заброшенный и оттого нереалистичный вид. Вскоре у нас с Брайаном начали появляться свои секретные места, которым мы в шутку давали закодированные названия. Так понемногу для нас восставал новый Нью Йорк – наш собственный, особенный мир, принадлежащий только нам, где никому другому не было места.

Не стоило осуждать нас за наши ребячества. После сложных, запутанных и изматывающих первых месяцев нашего знакомства, когда мы никак не могли определиться, были ли мы просто фотографом и моделью, друзьями или любовниками, и наполненных резкими скачками от любви до ярости периоде после нашей первой ночи, определенность наших отношений все больше и больше воодушевляла нас. Мы с Брайаном испытывали восторг исследователей, впервые ступивших на неизведанные земли и понимавших, что их ждет еще море открытий. То, что для многих было привычной территорией, для нас все еще оставалось довольно странным и неясным. Мы оба были людьми, привыкшими идти собственным путем, непривычными к столь серьезным отношениям, и сейчас вместе учились этому. Оступались, ошибались, срывались – но все-таки учились.

Мы испытывали смущение, примеряя на себя роль влюбленных на людях. Сначала это были довольно робкие и неуклюжие попытки, когда мы стыдливо брались за руки на улицах или обнимались при встрече. Затем мы все больше вхо-

дили во вкус, учась открытым проявлениям любви и с каждым разом становясь все увереннее. Мы начали привыкать прогуливаться, обняв друг друга за талию, сидеть в обнимку на лавочке в живописном парке, целоваться на мосту и угощать друг друга своей порцией мороженого, не стесняясь перепачканных лиц. Нам все казалось, что взгляды всех людей устремляются на нас, и от этого, как ни странно, нас все больше тянуло друг к другу, как будто своей любовью мы бросали вызов всему миру.

Не правда ли, довольно странно, как люди приписывают себе значимость в чужих глазах. Испытывают ли они безграничность счастья или горечь поражения – им все кажется, что все вокруг замечают это и обсуждают только их, торжествуя их победу или злорадствуя над провалом. Так уж самовлюбленно мы устроены.

***

Одним промозглым декабрьским вечером мы вместе лежали на кровати, закутавшись в мягкое лоскутное одеяло и занимаясь каждый своим делом. Брайан придирчиво разглядывал сделанные им сегодня фотографии, хмурясь и откладывая одну за другой на небольшой комод рядом с кроватью. Я же перелистывала страницы «Грозового перевала», но, как ни странно, на этот раз книга не вызывала во мне такой шквал эмоций, как прежде, и я лишь машинально пробежала почти заученные наизусть строки глазами. Вдруг Брай-

ан резко отбросил фотографии. Они соскользнули с гладкой поверхности комода и с грустным тихим шелестом опустились на пол.

Я удивленно посмотрела на него, без особого сожаления отрываясь от книги.

– Что-то случилось?

Он не смотрел на меня, остекленевшим взглядом уставившись на обиженно разлетевшиеся фотографии. Затем вдруг резко повернулся ко мне всем корпусом и спросил столь непохожим на него застывшим голосом:

– Ты не обидишься, если я кое-что тебе скажу?

Я вздохнула, вложила закладку в книгу и положила ее на колени.

– Когда ты говоришь это таким тоном, то мне кажется, что вполне могу.

– Ладно. В таком случае лучше не буду.

Мы помолчали. Он наклонился и начал поднимать фотографии. Я вернулась к книге, но отбросила ее буквально несколько секунд спустя.

– Да нет уж. Теперь говори.

– Хорошо. Скажу.

Он начал рассеянно комкать пальцами мягкий ворс. Я напряженно следила за его бессознательными движениями.

– Знаешь, иногда я ужасно злюсь на тебя, Летиция.

– Злишься?! – вот уж этого я совсем не ожидала. – За что это?

– За то, что до того, как я встретил тебя, я находил какую-то особенную черту в каждом своем клиенте, сосредотачивал на ней внимание и пытался запечатлеть. Я не просто старался сделать отличную фотографию, но мне действительно был интересен каждый из них. Понимаешь, каждый. Мне не в чем себя упрекнуть. В каждом я искал отличительную деталь, загадку, своеобразность, то, что делает его неповторимым. Это было настоящим вызовом для меня, наслаждением, соревнованием с самим собой. После каждой съемки я испытывал счастливое удовлетворение, что выполнил свою задачу. А сейчас же... Все это для меня потеряло прежний смысл. Все они кажутся мне одинаковыми, скучными, пресными... Я смотрю на них, пытаюсь заглянуть в их глубины, разгадать, понять, буквально силой вызвать в себе то прежнее чувство... Черт возьми, Летти, я действительно стараюсь! Но... ничего. Они кажутся мне пустыми. После тебя все они кажутся мне пустыми. Я вглядываюсь в их лица, а вижу только одно. Тебя.

Он вдруг порывисто схватил меня, приблизил к себе, учащенно дыша. Его глаза метали такие яростные молнии, что в какой-то момент я даже испугалась.

– Ты сделала меня слишком зависимым, Летиция. А я терпеть не могу это чувство.

Его рука неожиданно причинила боль, но я даже не пошевелилась. Я неотрывно смотрела в глаза Брайана, выдержав его тяжелый взгляд, на дне которого затаилось отчаяние. И

тогда я заговорила – спокойно, с расстановкой, чеканя каждое слово:

– Ты все для, меня, Брайан. Больше я ничего не могу предложить тебе взамен того, что невольно отняла.

Он резко выдохнул, бросил меня на подушки, навис надо мной.

– Летиция... Черт возьми, иногда я жалею, что повстречал тебя!.. А потом не знаю, что бы делал, если бы этого не случилось...

Я чувствую, как напряжены его руки на моих запястьях. И как только пальцы, столь бережно обращающиеся с хрупкими фотографиями, могут вдруг стать столь жесткими? Но, не обращая внимания на боль, я нахожу в полумраке его губы, всем телом прикипаю к нему, чтоб он почувствовал, что вся я принадлежу ему, что я никуда не денусь, что ему нечего переживать об остальных: ведь у него есть я. И всегда буду. Наши пальцы переплетаются. Он все с большим жаром покрывает мое тело поцелуями, и я понимаю: мы безраздельно принадлежим друг другу.

***

Это было первое Рождество, которое я собиралась провести не вместе с семьей. Учитывая то, что наши отношения с родителями все еще были довольно прохладными и напряженными, я решила, что лучшим выходом будет отметить его с Брайаном. На самом деле, я бы в любом случае осталась рядом с ним. Я все еще не могла насытиться его при-

сутствием, и мне невыносимо было расстаться с ним даже на неделю. Мысль о том, чтоб встретить вместе с ним свой любимый праздник сказки и волшебства, была волнительной, будоражащей и наполняющей каждую клеточку моего тела неиспытанным ранее чувством, которое я не могла выразить словами. Большого всего это походило на ласковую теплую волну, прокатывающуюся по жилам и заливающую все мое существо лучезарным светом, расцвечивающим мир разноцветными красками.

Так что, чем ближе было Рождество, тем более беспокойной я становилась. Но, несмотря на нетерпеливое ожидание праздника, я немного волновалась – меня ставило в ступор то положение хозяйки, в котором я оказалась. Меня охватил совсем несвойственный мне, до этого волнующейся только о себе, порыв, – я хотела позаботиться о Брайане, окружить его теплом, которое он так заботливо дарил мне, сделать этот праздник особым и запоминающимся для нас обоих. В конце концов, это был наш первый совместный праздник. Наверное, нужно было начинать писать списки, украшать квартиру, закупить массу продуктов, продумать блюда, подготовить стол. Но на этом месте возникало множество затруднений. Как Брайан обычно проводит Рождество? Имеет ли этот праздник для него такое же значение, как для меня? Какие блюда он предпочитает? Наряжает ли елку? И самый главный вопрос, над которым я много дней ломала голову: что же ему подарить? То, что я столь мало знаю его вкусы и пред-

почтения, помимо страсти к фотографированию, стало для меня неприятной неожиданностью.

Когда Рождество находилось уже в угрожающей близости, я робко завела с Брайаном разговор о том, какие блюда он предпочитает на Рождество (понятия не имею, что бы поменял его ответ – верхом моего мастерства были бутерброды, намазанные креветочным сыром). Посмотрев на мое смущенное лицо, он прыснул от смеха:

– Да брось, Летти, не хочешь же ты, чтоб мы и вправду, как пожилая семейная пара, сидели дома и уплетали морковный пирог. Я же прекрасно вижу, что это не твое. Уверен, мы найдем гораздо более веселое времяпрепровождение.

Не удержавшись, я облегченно выдохнула. Как всегда, он без труда развеял охватившее меня напряжение.

– Как же я рада, что ты это сказал! Когда я стараюсь примерять на себя роль хранительницы очага, то чувствую себя ужасно глупо.

– А мне кажется, ты выглядишь мило.

– А мне кажется, ты нагло и откровенно лжешь!

– Разве что совсем немного, – он притянул меня к себе и поцеловал в губы. – Но тебе и не придется изображать из себя хозяйку, любимая. У меня на тебя другие планы.

***

Площадь у Рокфеллер-центра буквально бурлила от пе-

реполнявших ее людей. От золотистого света огней, вспышек фейерверков и подсвеченных нежным сиянием фигур крылатых ангелов вокруг было светло, как днем. В центре площади высоко в небо устремлялся знаменитый Рокфеллер-плаза, озаренным лиловым светом, – роскошный небоскреб в стиле ар-деко, одно из высочайших зданий в Нью Йорке. У его подножия величественно возвышалась рождественская елка, сверкающая тысячами огоньков так густо, что было не видно ее лохматых веток. Ель была увенчана огромной золотой звездой, словно особа королевской крови. К ней, как светлячки к ярко горевшему во тьме ночи фонарю, стекалась веселая толпа. Отовсюду слышались громкие крики, шутки, поздравления и сдобренный щедрой долей алкоголя смех. Всех, кому не по душе были уютные посиделки в домашнем кругу, стягивались сюда, в самое сердце Нью Йорка.

Мы с Брайаном, крепко держась за руки в мягких перчатках с пушистой оторочкой, тоже старались протолкнуться поближе к рождественской ели. Это было довольно простое испытание, учитывая, что нас то и дело толкали со всех сторон, едва не сплющивая в лепешку своей массой. Кто-то даже не обращал на это внимания, кто-то в качестве своеобразного извинения предлагал выпить с ними, а кто-то звал присоединиться к ним «на самую невероятную вечеринку этого года, о которой вы будете рассказывать своим детям и внукам». Мы же только смеялись и вежливо отказывались.

Что ж, такова волшебная атмосфера праздника – объединяет испытывающих общее чувство блаженной эйфории людей, которые завтра друг на друга и не посмотрят.

Невероятными усилиями воли, настойчивости и локтей нам все-таки удалось пробиться к самому центру площади. Мне казалось, что я буквально вибрирую от возбуждения. Мной владело дурашливое, безрассудное, абсолютно сумасшедшее чувство веселья, подпитанное и многократно усиленное сомкнувшейся вокруг нас возбужденной толпой. Даже если бы громадный небоскреб сейчас пошатнулся и обрушился на наши головы – наверное, и это не омрачило бы моего настроения. Ах, как же мне было хорошо! Как же прекрасно просто наслаждаться жизнью и ни о чем не думать! Устремленный на меня восхищенный взгляд Брайана, ощущение его руки в моей, красочные переливы огней, заставившие отступить саму тьму, задорный смех и буйство – все это пьянило меня крепче любого алкоголя. Мной владело удивительно чувство нереальности всего происходящего, и мне хотелось подольше растянуть эти быстротечные мгновения сказки.

Брайан достал фотокамеру (я уже упоминала, что он бы скорее отрезал себе руку, чем расстался с ней?) и предложил сделать несколько моих кадров, но на этот раз – только для того, чтоб нам запомнился этот день. Я же только смеялась и дурачилась, не имея ни малейшего желания позировать ему. Но он, кажется, совсем не имел ничего против.

– Ты ненормальная, Летти, я уже говорил тебе это?

– Что? Что? Я не слыыышу, – кричала я ему на ухо, обнимая его за шею, и хохотала.

Я была в своей стихии – окруженная гомоном, смехом, кружащим голову всеобщим восторгом и ликованием. Я почувствовала себя так, как несколько лет тому назад, когда я с наслаждаем позволяла себе растворяться в бушующей толпе. Да, вот это я называю жизнью! Ах, если бы только эти счастливые моменты никогда не заканчивалась... Но это, конечно, было невозможно. Вскоре мы уже порядком замерзли, и тогда Брайан решительно сказал, что нам срочно нужно в тепло. Мы с огромным трудом словили такси, буквально украв его у развеселой компании, быстро устремляющейся к нему с противоположной стороны дороги с самыми недвусмысленными намерениями

– Я так не хочу ехать домой, – грустно сказала я, положив голову ему на плечо.

– А кто сказал, что мы едем домой? – хитро ответил он, поцеловав меня в макушку. И, как бы я не выпытывала его, куда мы направляемся, обещая ему на ухо самую многообещающую награду, он лишь загадочно улыбался и был нем, как рыба.

Минут пятнадцать спустя мы с ним уже скидывали верхнюю одежду в гардеробной небольшого клуба, вход в который я бы в жизни не нашла, если бы только меня буквально не ткнули в него носом. Мы наслаждались упоительным

теплом и растирали друг другу замерзшие руки.

– Не имею ни малейшего понятия, как тебе удалось найти на Рождество место, которое не было бы до отказа заполнено людьми, – удивленно сказала я, когда мы с ним переступили порог главной залы.

– У людей с большим количеством довольных благодарных клиентов есть свои преимущества, – усмехнулся он, подмигнув мне. – Пусть это останется интригой. Тебе здесь нравится?

– Здесь потрясающе, – с восторгом подтвердила я, ничуть не покривив душой.

Да, поэтическая натура Брайана и не могла выбрать другого места.

Атмосфера здесь действительно была довольно необычная, волнующая и вместе с тем какая-то родная и уютная. Здесь не было аккуратных, идеально сервированных столиков, яркого ровного освещения и чинных официантов, одетых в строгие изысканные фраки. А, если честно, то этот клуб больше всего напоминал бедлам, но очень уж притягательный в своей своеобразности. Таинственный полумрак, разгоняемый кое-где приглушенно-оранжевыми и алыми всполохами от неоновых вывесок, хаотично расставленные столики для игры в покер и мягкие пуфы разных форм, кривовато висящие картины совершенно разномастных стилей и направлений и, в довершение всего, громад-

ное пианино на ярко освещенном помосте. За пианино сидел бодрый пожилой мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и пышными бакенбардами и играл какой-то зажигательный мотивчик. Судя по время от времени истерично срывающимся нотам, старичок уже успел довольно насыщенно отметить праздник. Однако это не только не вносило дисгармонию в окружающую обстановку, но и, напротив, слаженно вписывалось в сумбурную атмосферу клуба и добавляло ей заражающего очарования. Мне казалось, что мы перенеслись на несколько столетий назад, в совершенно другой мир. Что ж, Брайану в очередной раз удалось удивить и покорить меня – впрочем, ничего удивительного, ведь он понимал меня, как никто другой.

– Мне кажется, сейчас я увижу где-то за соседним столиком меланхолично покуривающих трубку Фитцджеральда и Хемингуэя, – сказала я, оглядываясь вокруг с таким интересом, словно и в самом деле была намерена их увидеть.

– Ну, в Америке мы бы их вряд ли встретили, моя мечтательница, – улыбнулся Брайан. – Они предпочитали проводить время в барах Парижа. Но многие деятели искусства обожают проводить здесь время. Здесь что-то вроде их тайной секты.

– Ничуть не удивлена. Ни для кого не секрет, что все талантливые люди, мягко говоря, со странностями.

– А тебе не нравятся люди со странностями?

– О, я обожаю людей со странностями. Они единственные

и стоят того, чтоб тратить на них время. Если бы их не было, нам бы совсем нечего было делать в этом бессмысленном мире.

Недолгое времени спустя, я, всегда гордившаяся образцовой выдержкой, к стыду своему, совершенно опьянела от эгг-нога, крепкой медовухи, терпкого запаха тяжелых сигар и задорной музыки, под которую отплясывала, наверное, еще моя покойная бабушка. Но я была в этом не одинока – всеобщий градус повышался с каждой минутой, и атмосфера в клубе накалилась не на шутку.

На сцене выстроился целый музыкальный оркестр. Сначала они обращались со своими флейтами и кларнетами настолько неуверенно и с таким недоумением, как будто их только что выловили на улице и поставили перед фактом, что отныне они – музыканты. Однако с каждым аккордом они определенно набирались уверенности и все более входили в раж. Вскоре многие мужчины и женщины, вне зависимости от возраста, повскакивали с мест и пустились танцевать. И я, разумеется, не могла остаться в стороне – душа неистово звала меня присоединиться ко всем остальным. Правда, мне пришлось почти силой выдернуть Брайана из мягкого кресла, в котором он вальяжно развалился, и потащить его на танцевальную площадку. Правда, мои воодушевленные попытки не увенчались особым успехом, потому что ноги у меня подкашивались, наотрез отказываясь со мной сотрудничать, и я то и дело спотыкалась и заваливалась на Брайана.

Но меня это ничуть не смущало, напротив, мне становилось все веселее и веселее. Брайан умело кружил меня в танце и галантно подхватывал за талию и прижимал к себе каждый раз, когда я теряла равновесие. Эти далекие от идеала танцы, наши жаркие прикосновения и чувственные поцелуи под аккомпанемент этого своеобразного симфонического оркестра еще долго приходили ко мне во снах, когда моя жизнь рухнула...

В конце концов, когда мы вдоволь натанцевались, и я уже буквально валилась от усталости, но упрямо не хотела в этом признаваться, Брайан крепко обнял меня за талию и потащил к выходу. Я все пыталась вывернуться из его рук и повернуть обратно: мне ужасно не хотелось, чтоб эта волшебная ночь заканчивалась. И только таинственный шепот Брайана, что он приготовил мне еще один сюрприз, заставили меня перестать сопротивляться.

Как мы оделись, словили такси и добрались до квартиры Брайана, осталось для меня скрыто туманной пеленой. Слава Богу, на морозном воздухе я немного пришла в себя и, к тому моменту, как мы заходили внутрь, соображала я уже вполне здраво. К тому же, будоражащая кровь эйфория праздника уже отпускала меня, так что мне стало даже немного грустно. И почему все хорошее проходит так быстро? Не успеваешь оглянуться – и вот, оно уже позади, а мы начинаем новый отсчет до следующего краткого проблеска счастья...

В тот момент, когда Брайан заботливо помогал мне снять

мою теплую шубку, из нашей спальни вдруг донесся странный звук, который моментально вывел меня из задумчивости. Я быстро посмотрела на Брайана. Тот с непроницаемым лицом расстегивал пуговицы своего длинного коричневого пальто.

«Наверно, пары алкоголя все еще не выветрились», – решила я.

Однако буквально через секунду звук повторился, а затем снова и снова. Я никак не могла понять, что это было – звук был похож то ли на тихий скрип, то ли на жалостливый всхлип. У меня уже не оставалось сомнений – не так уж и пьяна я была, чтоб мне с навязчивой настойчивостью слышалось одно и то же.

– Брайан, ты слышал? – испуганно спросила я. – Там, в спальне.

– Нет, не слышал, – невозмутимо сказал он. – Но почему бы тебя не пойти и не проверить?

Его глаза лукаво блеснули.

Заинтригованная, я пошла в спальню, опасливо заглянув внутрь. Все было как обычно: большая расстеленная кровать с моими любимыми простынями лавандового цвета, небольшой комод с кружевной салфеткой, староватая лампа под абажуром, картина с изображением овитой цветами девушки на фоне весеннего сада, стопочка моих книг и записная книга Брайана в кожаном переплете на столе... А рядом со столом стояла большая картонная коробка, из которой и до-

носились звуки.

– Брайан, неужели это... – ахнула я, с замиранием сердца заглядывая внутрь. Там, в теплом гнездышке из смятой мягкой ткани, лежал на животе маленький щеночек бигля. Об был белого цвета, с интересными рыжими и коричневыми пятнами, мягкими ушками и подвижным носиком, которым он с любопытством тыкался в край коробки. Щенок заметил меня и замер, подозрительно разглядывая меня своими блестящими глазками. Мое сердце просто растаяло от умиления этим крохотным созданием.

Я опустила на колени перед коробкой и осторожно протянула к щенку руки. Он подполз к моей руке, настороженно принюхался к ней и неуверенно лизнул своим маленьким розовым язычком. Я аккуратно подняла этот маленький пушистый комочек и с трепетом прижала его к груди. Щенок уютно устроился у меня на руках, доверчиво прижавшись ко мне. Сквозь пальцы я чувствовала, как бьется его крохотное сердечко.

– Брайан, милый, я даже не знаю, что сказать... Это настоящее рождественское чудо! Он просто прелесть! – я потянулась к Брайану и поцеловала его в смеющиеся губы.

– При чем же здесь я? – спросил он, одним пальцем осторожно поглаживая щенка за ушком. – Лучше поблагодари Санту, когда увидишь его. Вот только целовать Санту, пожалуйста, не нужно.

– Нет, серьезно, как ты это провернул? – недоумеваю,

спросила я. – Ты ведь все это время был мной!

– Эх, совсем ты, Летти, не хочешь оставить места толике тайны. А я-то думал, что ты предпочитаешь придавать романтичности самым обыденным вещам. Ну да ладно. Я всего-то дал другу ключи от квартиры и попросил принести щенка, пока нас не было.

– Друг, надеюсь, был мужского пола? – подозрительно спросила я.

– Более чем. Хотя, учитывая, что за эту небольшую услугу он потребовал у меня бутылку моего лучшего вина, я бы задумался...

Я не могла не засмеяться, видя, какое удовольствие ему доставляет моя искренняя радость.

– Я надеюсь, он правда нравится тебе, – сказал он. – С ним тебе будет веселее, когда меня не будет дома. Только, ради Бога, не называй его моим именем.

– Я и не думала, – фыркнула я и улыбнулась. – Я назову его Майло. Я с самого детства мечтала о щенке, и еще давно придумала ему имя. Но у мамы аллергия на собак, так что пришлось обойтись сфинксом...

– Майло, – улыбнулся он. – Хорошее имя.

Я осторожно положила Майло на ковер. Он тут же принялся с интересом кусать короткий ворс своими крохотными острыми зубками.

– У меня тоже кое-что есть для тебя, – смущенно сказала я и вытащила из-под кровати небольшую коробку, перевя-

занную золотистой лентой. Я робко протянула ему подарок. Он вдруг очень стусевался, и так осторожно и неуверенно принял у меня коробку, словно ему никто никогда не дарил подарки.

– Спасибо, – тихо сказал он.

– Ты сначала загляни.

Он осторожно размотал ленту и откинул крышку коробки. Внутри лежал мягкий кашемировый шарф кофейного цвета, на мой вкус, отлично подходивший к его пальто. Старый шарф Брайана был уже довольно потрепан, но он совершенно не заморачивался своей одеждой, так что я решила исправить это досадное упущение. В уголке моего подарка были вышиты переплетенные буквы наших имен.

– Очень красивый, – довольно сказал он, разглаживая мягкую ткань и целуя меня. – С тобой у меня появляется шанс когда-то стать щеголем.

– Я всегда намекала, что твой стиль нужно немного откорректировать, – улыбнулась я.

Его пальцы пробежались по переплетенным золотыми нитями буквам.

– Я не буду снимать его даже летом, – пообещал он.

– Нет уж. Летом я куплю тебе нагрудный платок, – засмеялась я. – Я всерьез намерена поработать над более соответствующим тебе имиджем. И, кстати, там еще кое-что.

Брайан запустил руку внутрь и достал оттуда небольшой гладкий прямоугольник.

– «Портрет Дориана Грея»? – улыбнулся он, скользнув пальцем по корешку.

Я была не совсем уверена в правильности этого подарка, и постаралась сбивчиво объяснить свой выбор.

– Да. Я долго думала, что тебе подарить, Брайан. Мне хотелось бы, чтоб это была не просто вещь, а что-то... значимое для нас обоих. И тогда я вспомнила эту книгу и подумала, что она – своеобразный символ наших отношениях. Как художник Бэзил увековечил душу молодого и прекрасного Дориана Грея на своем портрете, так и ты увековечиваешь мой образ на своих фотографиях. И, точно так же, как на портрете Дориана изображен не он сам, а я его идеальный образ, созданный восхищающимся им воображением Бэзила, так и ты, любовь моя, на своих фотографиях показываешь не меня, а плод своей фантазии, – на последних словах я проглотила невольную горечь.

– Но никакая фантазия не может оказаться сильнее той, что ее породила, моя милая Летиция, – возразил Брайан, не заметив ничего. – Ты права, ты заставляешь мое воображение пускаться в немыслимые дали, но источник и сердце каждого моего путешествия – одна только ты. Без тебя все это пустое... Но не волнуйся, я оберегу тебя от судьбы Дориана Грея, который заплатил за вечную молодость и красоту, увековеченные портретом, свою бессмертную душу.

– Что ж, мне в любом случае нечего было бы отдавать, потому что моя уже душа не принадлежит мне, – сказала я

вдруг горячо и страстно – слова эти неожиданно вырвались из самых глубин моей души. – Все лучшее, что во мне было, я оторвала и отдала тебе. Тебе и твоим фотографиям. Всю себя я радостно бросила на алтарь твоего искусства. Но если взамен за это я получила тебя, то что ж, я ни о чем не жалею.

Мои последние слова утонули в жаре его жаждущих губ и медленно растворились в воздухе, напоследок скрепив наши сердца неразрывными узами, словно нерушимым обетом.

Глава 17

Давно уже я не находилась в таком приподнятом настроении. Каждый день я отправлялась в постель довольная и умиротворенная, прокручивая в голове события прошедшего дня и нетерпеливо планируя следующий. По утрам я просыпалась в воодушевленном предвкушении, а не со ставшим уже привычным за многие месяцы чувством скучающей апатии.

Конечно, немало этому способствовали мои новые знакомые, за встречу с которыми я неустанно благодарила высшие силы. Неделю назад я провела прекрасный вечер в доме у Холденов, воспоминания о котором все еще приятно согревали мою душу. Джастина познакомила меня со своей старшей сестрой, Роуз, которая гостила у нее несколько раз в году. Роуз оказалась добродушной толстушкой, по комплекции больше походившей на сестру Брайса, не будь она такого маленького роста. Вместе с ней приехали и ее дети, Полли и Эрик, светловолосые неугомонные двойняшки, которые не могли и нескольких минут усидеть на одном месте, переворачивая самый размеренный уклад жизни вверх дном.

Мне было неловко отвечать на приглашение Джестины, ведь, в конце концов, у нее гостили совсем незнакомые мне люди, да и с ней самой я провела не больше нескольких часов. Быть может, Джастина пригласила меня лишь из вежли-

вости и сострадания к моему одиночеству, а я буду в ее доме совсем не к месту? Руководствуясь такими размышлениями, я уже почти решила вежливо сослаться на неотложные дела, когда Джастина позвонила мне и еще раз твердо настояла на моем приходе. Конечно, я не нашла в себе сил отказаться, да и, честно говоря, у меня и не было такого желания – все мое существо стремилось к человеческому теплу и дружескому участию. Поэтому, натянув на Майло ошейник, ясным субботним вечером я впервые за время своего пребывания здесь направилась не к себе домой.

Мои опасения были напрасны. В доме Холденов царил такая теплая, праздничная и немного безалаберная атмосфера, которой не избежать, если вместе собирается большая семья, что я сразу же почувствовала себя уютно и расслабленно, как дома. Благодаря радушию всех членов семьи, у меня не возникало даже оттенка мысли о неуместности или стеснении. Все они приняли меня так гостеприимно, что от первоначальной скованности не осталось и следа. К тому же, там было настолько шумно и оживленно из-за бегающей друг за другом и сносящей все на своем пути детворы, что Джастина, забрав мое пальто, лишь махнула мне рукой внутрь дома, предоставляя полную свободу действий, а сама с очумелым лицом побежала спасать опасно накренившийся вазон.

Вечер прошел выше всяческих ожиданий. Джастина и Брайс все время шутили и подтрунивали друг над другом, соревнуясь в изощренности сарказма. Судя по всему, такая ма-

нера общения составляла неотъемлемую часть их семейной жизни и доставляла немало удовольствия, спасая от повседневной рутины. Роуз же отличалась убийственной прямой и неумным любопытством, буквально засыпав меня вопросами, так что я никак не могла выловить момент, чтоб отправить в рот аппетитные угощения, изобиловавшие на столе. Все с огромным интересом слушали мои рассказы о жизни в Нью Йорке, вспоминая собственные студенческие годы. Слушая, как Брайс с друзьями бурно отмечали День студента, а очнулись на следующее утро в государственном зоопарке, мы хохотали до слез. Кэти, Эрик и Полли тем временем с восторгом облепили бедного Майло, как пчелы медовые соты. Но, тут я должна заметить, что держался он вполне достойно, благосклонно оказывая знаки внимания каждому из детей.

Стол тоже был на высоте. На огромном блюде покоилась аппетитная золотистая форель, маняще пахли грибы в сливочном соусе, поблескивали золотистой корочкой приготовленные на гриле куриные крылышки, рядом с которым лежали кусочки кукурузного хлеба, а сливочный пирог выглядел невероятно соблазнительно. К моему удивлению и небольшому смущению Брайса, оказалось, что большинство блюд – это его рук дело. Вот уж не думала, что у этого грозного с виду здоровяка окажутся такие таланты к готовке. Судя по всему, Джастина испытывала слабость к мужчинам с выдающимися кулинарными способностями.

Роуз же с сожалением и свойственной ей откровенностью сказала, что ее муж даже вермишель быстрого приготовления готовит так, что от нее с отвращением воротит нос даже их собака, а она, между прочим, периодически ест с помойки. Джастина же с гордостью признала, что Брайс действительно любит готовить и делает это довольно часто. При чем она лично не видит в этом ничего зазорного.

– Мы давно уже вышли из того каменного века, когда считалось, что хозяйничать на кухне должны только женщины, – решительно сказала она, и я горячо поддержала ее – успех с рождественским столом порадовал меня, но от любви к готовке я все еще оставалась бесконечно далека.

Словом, это был лучший вечер за долгие месяцы. Разговоры не стихали еще очень долго, а раскаты смеха становились все громче и громче. Простота и неподкупная приветливость Холденов словно открыли мне мир с новой стороны. Я уже и забыла, какое удовольствие приносят уютные вечера в домашней атмосфере, с бокалом вина и кусочком аппетитной выпечки. Конечно, немного омрачало мое настроение то, что все они останутся здесь, дружные и беззаботные, а я вынуждена буду вернуться в свои гулкие пустые стены. И все же разница была, и я не могла ее не почувствовать: теперь я возвращалась обратно не с гнетущим грузом собственного одиночества, а в радостном оживлении, все еще посмеиваясь над шутливыми спорами Брайса и Джастины и грубоватой откровенностью Роуз.

Разошлись мы очень душевно, при чем Джастина пригласила меня присоединиться к ним на следующей неделе. Все Холдены, вместе с Роуз, Полли и Эриком, собирались ехать на недавно открывшийся каток, и заручились моим обещанием составить им компанию. Конечно, я и не думала возражать, так что теперь я пребывала в нетерпеливом предвкушении весело проведенного времени. Потому что я была уверена – с ними и не могло быть по-другому.

Благодаря Джастине у меня появился еще один замечательный друг, к которому я все больше привязывалась. Почти каждый день я стала заглядывать к старине Роджеру за вкусной выпечкой и интересным разговором, и он еще ни разу не ударил в грязь лицом в обоих отношениях. С каждым разом он не переставал удивлять меня целым набором необъяснимых странностей, причем искусственный акцент был меньшей из них. Но именно за эти странности мне так и нравилось проводить с ним время – в этом заключалась львиная доля его шарма. Я сидела за столиком, уплетала пончики в глазури и болтала с ним, пока он метался между печкой, витриной и мной, успевая делать десять дел сразу и при этом не теряя своей обычной чопорности.

Однако дело было не только в Холденах, Роджере или ком-либо другом, хоть они и сыграли огромную роль в том не самом светлом периоде моей жизни. На самом деле, неуловимые изменения начали происходить глубоко внутри меня. Ощувив неожиданную радость и приятное удовлетво-

рение от столь простых вещей, как болтовня с хозяином кондитерской или возня с маленькой Кэти, я открыла для себя удовольствие и в остальных бытовых мелочах. Утренние записи в дневнике, чтение хорошей книги с чашечкой жасминового чая по вечерам, хрустящие круассаны с горячим шоколадом в кофейне Роджера, где я теперь полюбила завтракать, – все это вдруг обрело гораздо большее значение. Теперь, когда я все меньше времени проводила одна, я старалась заполнить минуты одиночества приятными мелочами и посвятить их любимым делам.

Мне вдруг вспомнилось, что в детстве я обожала рисовать, увлеченно перенося на бумагу витающие в голове разноцветные фантазии. Я тут же пошла в магазинчик канцелярских товаров и приобрела там холст и краски. К моему удивлению, получалось у меня очень даже неплохо. Глядя на написанные мною картины своего возрождающегося к жизни сада, Майло и малышки Кэти, которой я решила порадовать девочку при следующей встрече, я испытала гордость и удовлетворение. Кажется, я начинала немного понимать трепетные чувства Брайана при взгляде на свои фотографии...

Вот так вот, совершенно неожиданно, без малейшего предупреждения о грядущих изменениях, мой мир начал понемногу отстраиваться: не такой, каким был раньше, и не такой, каким мне бы хотелось. Но, как сказал Роджер: «иногда жизнь лучше знает, что нам нужно в определенный момент, и незаметно подталкивает нас к лучшему исходу».

***

Снаружи раздался гудок машины. Я не обратила на это никакого внимания, не отрываясь от экрана ноутбука. Сегодня мне поступило сразу несколько заказов статей, и это было единственным, что омрачало мое настроение. Зато через несколько дней я снова встречу со своими новыми друзьями, и мы замечательно проведем время. Представив это, я невольно улыбнулась.

Гудок раздался во второй раз. Я снова пропустила его мимо ушей, полностью погрузившись в работу. Напомните мне, почему мне вообще приходится этим заниматься? Ах да, потому что, когда я бежала из Нью Йорка, мне срочно нужно было найти удаленную работу, чтоб иметь хоть какие-то средства к существованию. А выгодные предложения, разумеется, не сыпались на меня из рога изобилия. После того, как я по настоянию Брайана уволилась со своей ненавистой предыдущей должности, опыта у меня не прибавилось, так что пришлось соглашаться на то, что было. Я остро нуждалась в деньгах, проклиная себя за глупость и недалковидность – ну как можно было совершенно не задумываться о своем будущем!..

Снова раздалось несколько настойчивых гудков, наглым образом выдергивая меня из неприятных раздумий. Майло на улице вдруг залаял. Я раздраженно отбросила мышку ноутбука и подошла к окну. Да что же там такое?! У нас ведь

здесь не нью-йоркская магистраль, где застрявшие в пробке водители часами яростно долбили по кнопке гудка. Я резко отодвинула в сторону легкую полупрозрачную тюль и выглянула наружу.

И оторопела. Я прекрасно знала этот помпезный черный ауди. Только один человек мог приехать на таком шикарном автомобиле в эту глушь...

Кажется, мой старший брат тоже испытал острую потребность в умиротворенности загородной тишины.

***

Джордж потряс меня своей худобой и осунувшимся видом. Конечно, я не могла разглядеть его фигуру под длинным черным пальто, однако заострившиеся черты его лица сказали мне о многом. Даже очки, казалось, спадают с его носа. Под глазами пролегли глубокие синеватые тени, а сами глаза покраснели от недосыпа. Но раньше, несмотря на постоянный вид довольно несвежего трупа, он всегда чувствовал себя бодрым, энергичным и полным энтузиазма карабкаться вверх по иерархической лестнице, работая зубами и когтями. Сейчас же он показался мне угрюмым, скованным и каким-то словно сдувшимся. Честно говоря, он напомнил мне измотанного, подерганного жизнью отощавшего ворона.

Но, несмотря на потрясение от его неожиданного приезда и плачевного внешнего вида, я вместе с тем испытала огромный прилив радости при виде старшего брата. Ах, как же

давно я не видела близких! Я не знала, почему он здесь, не понимала, какие невыносимые обстоятельства могли выдержать Джорджа из Нью Йорка в разгар рабочей недели – но наконец-то рядом со мной был родной человек, мой несносный, высокомерный, надутый, но все же любимый брат! Даже не спросив ничего, я бросилась ему на шею и буквально повисла на нем.

– Джордж! Как же я скучала!

Джордж всегда был скуп на эмоции, считая дурным тоном малейшее их проявление, но все же я не могла не заметить, что он обнял меня гораздо искреннее и крепче, чем всегда, и даже не стал неловко выворачиваться из стеснявших его объятий. Это глубоко тронуло меня и даже заставило быстро сморгнуть крохотные слезинки в уголках глаз.

– Прости за неожиданный визит, Летти... – нарочито непринужденно сказал он, почему-то отводя глаза и словно стараясь скрыть неловкость. – Но, если можно, отложим немного все разговоры? Я трясся по этим чертовым дорогам несколько часов, и, готов поспорить, у меня синяки даже там, где они в принципе невозможны. К тому же, я не спал целую ночь. И, ради Бога, угомони свою собаку.

Майло, увидев, что я не имею ничего против неожиданного гостя, перестал лаять, но все же продолжал настороженно рычать, исподлобья глядя на Джорджа ревнивыми блестящими глазками.

– Конечно, идем скорее внутрь, – спохватилась я, беря его

под локоть. – Все вопросы последуют, когда я приведу тебя в порядок, потому что выглядишь ты, откровенно говоря, не очень. Майло, сидеть!

– И закажи, будь-добра, что-нибудь, – попросил он, пока мы спешили к дому по брусчатой дорожке (он предусмотрительно перешел на другую от меня сторону, загородившись таким образом от Майло). – Зная тебя, сестренка, я готов биться об заклад, что у тебя в холодильнике только пакет скисшего молока со времен предыдущих хозяев и рядом мертвая мышь, которая пыталась отыскать хоть что-то съестное.

– Нууу, вообще-то, там еще осталось немного пасты болоньезе, – обиженно сказала я и, мстительно прищурив глаза, добавила. – Да, и кстати. Здесь нет доставки пиццы на дом, братец.

Джордж споткнулся на пороге, не сумев справиться с такой информацией.

***

Двадцать минут спустя я уже отпаивала Джорджа крепким кофе с бренди в надежде привести его в более благодушное настроение. Чтоб мой брат не погиб голодной смертью, мне пришлось лететь (почти в буквальном смысле, на предельной скорости перескакивая через лужи и ухабины на дорогах) за срочной помощью к Роджеру. Я забежала к нему, едва не вышибив по дороге стекло витрины, и лихорадочно тыча

пальцами во все, что видела съестного. Роджер обладал поразительной способностью не только философствовать, но и понимать язык жестов и быстро работать руками. К счастью, у него еще не успели разобрать всю утреннюю выпечку, так что сейчас наш стол был завален хрустящими круассанами, эклерами с воздушным кремом, маффинами с ореховой начинкой и разноцветными миндальными пирожными с кремовой прослойкой.

Джордж, позабыв свой непритворный ужас от того, как здесь могут жить цивилизованные люди, уплетал за обе щеки. Я с удовольствием наблюдала, как он хватает шоколадное печенье, еще не успев прожевать пирожные, и напрочь отбросив обычную чинность. В конце концов, он вынужден был признать, что здесь не настолько ужасно, как ему показалось на первый взгляд.

– погоди, Джордж, – засмеялась я. – Пройдет несколько лет, и ты еще станешь мирным семьянином, купишь здесь домик, начнешь выращивать белые розы и разводить пчел. Знаешь, это место пользуется большой популярностью среди бывших юристов. Мой сосед, к примеру, раньше работал в «Паул Хостинг».

– Надеюсь, ты шутишь, – пробормотал Джордж, делая огромный глоток кофе и тут же поперхнувшись.

Последовала короткая пауза, во время которой брат все пытался откашляться, а я намазывала на булочку тоненький слой масла.

– Ты злишься, Летти? – вдруг тихо спросил Джордж.

– Нет.

Мы немного помолчали. Я почувствовала, как воздух сгущается, и мы неумолимо подходим к причине, по которой он здесь. Я вздохнула, решив опередить его.

– Мама убедила тебя приехать, не так ли?

– Нет.

От этого краткого ответа я совсем растерялась, не зная, как реагировать. По серьезному лицу Джорджа я сразу же поняла, что он говорит правду. Но ведь я была уверена, что это мама отправила моего ответственного и деловитого старшего брата оказать влияние на меня, свою непутевую младшую сестру, пустившую свою жизнь под откос.

Джордж отложил пустую кружку, откинулся на сидение и наконец-то посмотрел прямо на меня.

– Я хотел увидеться с тобой, Летти. Лично я.

– Что-то стряслось? – встревожилась я. – Боже мой, Джордж, ты порядком меня пугаешь!

Мое богатое воображение уже нарисовало мне, как потерпевший поражение мстительный оппонент моего брата настраивает на него наемных убийц, чтоб убрать с дороги конкурента, и теперь Джордж вынужден бежать из города и скрываться.

– Нет-нет, не волнуйся, – торопливо сказал он. – Ничего не случилось. Я лишь хотел поговорить с тобой. Мне это необходимо.

– То есть, ты хочешь сказать, – медленно сказала я, – что ты бросил все свои супер важные дела и ехал всю ночь напролет в такую даль, чтоб... просто поговорить?

– Нуу... Собственно, да. Как не стыдно мне это признавать, но так и есть.

– Мы редко общались, когда оба жили в Нью Йорке, – заметила я.

Это была правда. У Джорджа всегда было слишком много забот, чтоб выкроить для меня даже несколько минут. Да и, честно говоря, в наши нечастые встречи мы совсем не знали, про что говорить – в большинстве случаев он просто заваливал меня советами и старался научить уму-разуму. Излишне говорить, что мне такие разговоры доставляли мало удовольствия.

– Да, – он тяжело вздохнул. – Я знаю, Летти. У меня все время были дела, которые стояли у меня на первом месте. Важнее тебя. Важнее всей своей семьи. Даже важнее себя самого.

– Как это? – не поняла я.

– Я никогда не обращал внимания, устал ли я, болен или в плохом настроении. Только одно было важно, только одно имело первостепенное значение – выиграть дело. Я плевал на себя и становился одержим победой. Я в ужасе думал о том, что будет, если я проиграю. Вся моя жизнь была чередой этих выигрышей и предшествующей им тяжелой работы. А знаешь, я вообще не помню, чтоб я хоть раз задумывался о

том, нравится ли мне это или нет. И уж тем более никогда не задавал себе вопрос, был ли мой восторг от удачного исхода настоящим, или я только тешил свое самолюбие.

– Не понимаю, Джордж. Мне казалось, что уж ты-то обожаешь свою работу, если не сказать больше – не можешь жить без нее...

– Мне и самому так казалось. В этом то и вся проблема... Знаешь, в последнее время мне все больше приходит на ум, что я люблю лишь ощущения, которые от нее испытываю. Краткие минуты триумфа, ради которых я довожу себя до полного изнеможения

– И как, стоит ли оно того? – поинтересовалась я, не в силах справиться с изумлением.

Уж кто-то, а Джордж всегда был для меня олицетворением человека с четким, прагматичным, лишенным даже тени сомнения мышлением. Он всегда твердо знал, к чему и зачем он шел, не плутая, не забивая себе голову пространными фантазиями и не сворачивая на манящие незнакомые дорожки. У него было несколько надежных опор: работа, деньги, положение, – и все свои действия он направлял на их укрепление. Для него это было всем, в чем нуждался современный человек. Он не довольствовался малым, но и не ставил перед собой нереалистичных целей. Мне всегда казалось, что я была бы гораздо счастливее, если бы была хоть немного похожа на него – или, по крайней мере, хотя бы вполне удовлетворена своей жизнью. Что ж, возможно, я ошибалась. Как,

впрочем, и во многом другом.

Джордж вздохнул, снял очки, машинально протер их, обдумывая ответ.

– Стоит ли? Не знаю, Летти. Всегда казалось, что да. Ради кратких минут, во время которых ты обретаешь смысл жизни, не жалко отдавать и многих лет. А я отдавал не так уж и много, правда? Так мне всегда казалось... Ты помнишь меня до моего первого отъезда из дома, Летти? Кем я был? Закомплексованным худосочным мальчишкой в толстых очках на пол лица, над которым вечно подтрунивали. Правда, в те моменты, когда вообще давали себе труд его заметить... Я засыпал каждую ночь, мечтая о том, как однажды я твердо встану на ноги, займу достойную меня ячейку в обществе, добьюсь успеха, добьюсь уважения.

Вдруг его глаза как-то подозрительно блеснули, но он упрямо не отводил от меня взгляд. Исчезла вся наигранность, церемонность, высокомерность – передо мной сидел обиженный, запутавшийся мальчишка.

– Если бы ты знала, как я мечтал тогда, чтоб мной гордились! – сказал он с таким надрывом, что у меня сжалось сердце. – На это была направлена вся моя жизнь. Я поклялся приложить все усилия, сделать все что угодно, чтоб добиться весомого положения в обществе. И... У меня получилось. Каждый мой выигрыш поднимал меня в собственных глазах все выше и выше, оставляя далеко внизу образ неуверенного закомплексованного подростка, от которого я с отвращени-

ем старался избавиться. Все изменилось. Уже никто не смотрел на меня с насмешкой. Я стал уважаемым, статусным, довольно известным в своих кругах человеком. Со мной считались. Родители стали мной гордиться. Я сам ужасно гордился тем человеком, которого вылепил собственными руками. Я носил эту маску, облачившись в нее, как в броню. А сейчас... сейчас я задумался, не свел ли я всю свою жизнь к пустой погоне за самоутверждением, упустив все важные вещи, ради которых вообще стоит жить?

– Что же заставило тебя задуматься, Джордж? – тихо спросила я.

Он вдруг запустил руку в задний карман, вытащил смятую пачку сигарет и вытащил две штуки. Одну протянул мне. Я ошеломленно покачала головой.

– Ты что же, куришь, Джордж?

– Бывает. Когда работаю над особо сложным делом, выхожу из кабинета и выкуриваю чертову пачку за раз. Говорю же – всегда до чертиков боялся проиграть. И каждый раз думаю – какая же дрянь... Не возражаешь?

– Нет. Только открой форточку.

Джордж приоткрыл окно, чиркнул зажигалкой и медленно затянулся, явно оттягивая время перед следующей своей фразой. Выдохнув едкий дым, он отвернулся от окна и посмотрел прямо мне в глаза.

– Я проиграл дело, Летиция. Впервые с самого начала своей карьеры.

Мне показалось, что подо мной содрогнулась земля, настолько поразила я тому, что услышала. Невозможно было даже представить, какой непоправимый удар это нанесло моему брату.

– Дело то было плевое, на самом деле, – между тем продолжил он, и взгляд его затуманился, словно он говорил с самим собой. – Ничего сверхъестественного. До сих пор не понимаю, как так вышло, что меня обошли. Я был уверен, что победа у меня в кармане. Даже не напрягался. Но вся соль даже не в этом чертовом проигрыше, хоть он и больно ударил по моему самолюбию. Знала бы ты, как больно!.. Но я впервые за долгое время снова почувствовал себя тем мальчиком, который боялся смеха за спиной. Столько лет прошло, а я опять испытал это, представляешь? И тогда я впервые понял, в какой зависимости оказался у собственноручно построенной жизни. Я был уверен, что подчинил себе свою судьбу, самодовольно взяв в руки рычаги управления. А оказалось, что это она все время удерживает меня... И не преминула насмешливо указать мне на это несчастным проигрышем, который одним махом отшвырнул меня в самое начало! И я понял, что, если рухнет моя карьера – у меня не останется ничего, понимаешь, ничего!

Он еще раз глубоко затянулся, рассеянно покрутив сигарету между пальцами.

– А ведь, если задуматься, все это дерьмо, Летиция. Деньги, должность, положение... Они все решают, но ничего не

определяют. Все мы, от уважаемых бизнесменов до закомплексованных подростков, носим глубоко внутри себя страх быть осмеянными, осужденными, презируемыми. Поэтому мы лихорадочно стремимся поскорее выбить себе место в социальной иерархии, выдохнув и оказавшись в мнимой безопасности. Мы окружаем себя иллюзорными признаками мнимого благополучия: дорогой машиной, брендовой одеждой, стабильной работой, – и цепляемся за них отчаянной хваткой. Становимся ли мы от этого счастливее? Кто знает, ведь разве у нас есть время задуматься? Нам нужно работать дальше, еще лучше и еще усерднее, чтоб удержать все, что было достигнуто ранее. Так мы и гонимся за созданными общим воображением идеалами, чтоб прочно утвердиться в жизни, законы которой написаны не нами...

– Боже мой, да ты философствуешь, Джорджи! – пораженно сказала я.

– Нужно ведь вносить какое-то разнообразие, – усмехнулся он. – К тому же, ты единственный человек в мире, которому я могу это сказать. Больше никто от меня ничего подобного не услышит, так что ты ничего не докажешь, даже если захочешь. Но мне нужно было выговориться. А я знал, что ты поймешь меня так, как никто.

– Поэтому ты здесь?

– Да. Наверно, меня обуревало то же чувство, которое заставило тебя уехать из Нью Йорка.

– Вряд ли то же самое, Джорджи. Не у одного тебя скелеты

в шкафу.

Он замялся, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Дело в том мужчине? Мама упоминала что-то, но...

– Нет, Джорджи. Дело во мне. Всегда было во мне. Как жаль, что я только сейчас это поняла.

Джордж задумчиво смотрел на меня. Кончик сигареты медленно тлел, роняя пепел, словно отсчитывая секунды нашей уплывающей жизни, проведенной в погоне за иллюзорным счастьем... Я достала пепельницу и молча поставила рядом с братом.

– Ты всегда была фантазеркой, Летти, – неожиданно сказал он, стряхнув пепел. – Я смотрел на тебя и не понимал. И все же... А знаешь... ведь я тебе завидовал. Сам пытался убедить себя, что до добра тебя твои фантазии не доведут, но все же завидовал. Потому что знал: у меня никогда не получится так же. Наверное, со стороны тебе казалось, что я совсем тебя не знаю и не стремлюсь узнать. Но, на самом деле, я частенько пристально наблюдал за тобой. Не стану отрицать, что всегда считал, что ты несерьезно смотришь на жизнь и совершаешь абсолютно глупые поступки...

– Ну спасибочки, – фыркнула я.

– Ты стремилась к чему-то, мне совершенно непонятному, – не обращая на меня внимания, продолжал он. – Ты бросалась в омут с головой, разочаровывалась, воодушевлялась, влюблялась, мечтала, страдала, металась, ошибалась, злилась, собиралась с силами, искала другой выход... И пусть

это было тысячу раз неправильно... Но ты жила. Ты чувствовала. Ты постигала жизнь во всем ее разнообразии, а я же ухватывал лишь бледное ее подобие, погрязнув в досье и документах.

– Как странно иногда все выглядит со стороны, Джордж, – удивленно сказала я. – Ведь мне всегда казалось, что это ты сделал правильный выбор, а я все время ошибалась. Мне хотелось быть похожей на тебя. Перестать метаться, выбросить из головы свои глупые идеализированные представления, трезво смотреть на жизнь, найти свой путь и следовать ему. Я нигде не могла найти себе места – ты же ясно знал, чего хочешь. Я постоянно бежала за недостижимой целью в каком-то туманном направлении, в то время как ты так надежно стоял на ногах.

– А мне, если честно, всегда хотелось перенять частичку твоего сумасшествия, – усмехнулся он и вдруг совсем по-мальчишески подмигнул мне. – Послать все к черту и обратиться оттуда, направившись на поиски приключений, как написано в твоих глупых книжках... Перечеркнуть всю предыдущую жизнь и начать все с чистого листа.

– Боже мой, Джорджи, ты хоть представляешь себе лицо нашей мамы, если бы она услышала, какие разговоры ты тут ведешь? Оба ребенка пошли по наклонной...

Мы захохотали, не в силах представить себе подобное, но смех как-то быстро утих, прозвучав неуместно в стенах моего дома.

– И все-таки ты вернешься, а я останусь, – наконец сказала я.

Он задумчиво посмотрел на меня.

– А ты останешься, Летти? – спросил он, молчаливо подтвердив первую часть моих слов.

– Да, Джордж. Мне нужна более долгая передышка. Я должна понять, куда и как мне двигаться дальше. Знаешь, я очень хорошо понимаю тебя. И то, что заставило тебя уехать. Возможно, так хорошо, как ты и сам этого не понимаешь. Но эта минута смятения... Она пройдет, Джордж. Ты гораздо сильнее меня. Ты стоишь на ногах слишком прочно, чтоб тебя можно было поколебать небольшой неудачей. И слишком много ты достиг, чтоб это могло быть разрушено. У тебя все будет превосходно. Я знаю это.

Я решительно поднялась.

– А теперь тебе нужно немного поспать. Я постелю тебе в комнате дяди и тети. А после я намерена познакомить тебя с Роджером. Уверяю тебя, ничто так не способствует поднятию боевого духа, как разговор с ним.

***

Вечером следующего дня Джордж уже собирался в дорогу. Я оказалась права. Небольшой переломный момент не затянулся надолго и лишь пошел ему на пользу. Слишком уж деятельным он был человеком, чтоб позволить себе погрузиться в трясину сомнений и раздумий. Все вчерашние слова улетучились у него из головы, как разлетаются утром об-

рывки воспоминаний о кошмаре. Сейчас он уже был столь же бодрым и энергичным, как прежде. Все утро он своим обычным деловитым голосом разговаривал по телефону, делая пометки в блокноте, и теперь с нетерпением ждал, чтоб вернуться в Нью Йорк и поскорее приступить к новому делу, отвоевав предыдущие позиции. Слегка пошатнувшаяся вчера жизнь сегодня уже возвращалась в привычную колею.

– Уверена, что не хочешь уехать со мной, Летти? Взяла бы самое необходимое, а остальные вещи прислали бы доставкой.

Я отрицательно покачала головой.

– Пока еще нет, Джордж. Сейчас мне нужно остаться здесь.

– И все же я никогда так тебя и не пойму, – недоуменно сказал он. – Добровольно торчать здесь? Ну, разве что, только ради кондитерской твоего приятеля Роджера. Клянусь, я сделаю все, чтоб заставить его перебраться в Нью Йорк.

– Вот уж не советую, – с улыбкой ответила я. – Иначе тебе придется иметь дело с праведным гневом Джастины.

Джордж обнял меня на прощание и даже поцеловал в лоб, правда, сразу же отстранившись так резко, словно он сам пришел в ужас от таких проявлений чувств. Мне же вдруг стало ужасно тоскливо, но я заставила себя улыбаться.

– Ну... до встречи, Летти.

– Пока, Джордж. И напомни им, кто самый крутой в Нью Йорке. Сделай это за нас обоих.

– Непременно. Как только решишь, что твое добровольное заключение окончено, позвони мне, и я сразу же заберу тебя отсюда.

– Договорились.

Он заводил машину. Мысли его были уже далеко, в бездушном Нью Йорке, куда его, как и тысячи других, тянули призрачные надежды. Но мне нужно было задать ему последний вопрос.

– Джордж?

– Да?

– Скажи, тебе и вправду так хочется вернуться?

Он обернулся ко мне, придерживав уже почти закрывшуюся переднюю дверцу машины.

– Да, Летти. Знаешь, я думаю, где бы мы ни были, всегда нас будут одолевать сомнения, все ли мы делаем правильно, не допустили ли мы ошибки, ничего ли не упустили. Такова уж наша суть. Трудные минуты неизбежны. Так стоит ли перечеркивать все ради призрачных поисков правильного пути, чтоб в итоге прийти к тому же самому?

И он уехал, оставив после себя лишь глубокие следы колес на снегу, легкий дымок выхлопного газа и противоречивые мысли, прав он в конечном счете или нет.

Глава 18

Началом моего конца стал прекрасный солнечный денек в самом разгаре весны. Я спешила домой с зоомагазина с собачим печеньем в виде ванильных косточек для Майло, по пути прикидывая, не заказать ли на вечер нашу любимую с Брайаном итальянскую пиццу. Вдруг я случайно зацепилась взглядом за идущую навстречу невысокую темноволосую девушку в изысканном кашемировом пальто цвета пудры. Девушка показалась мне смутно знакомой. Пристальнее взглядевшись, я с удивлением узнала в ней свою давнюю подругу.

– Лесли? – удивленно окликнула ее я, не успев подумать о том, что вообще собираюсь ей сказать.

Лесли недоуменно обернулась, даже не останавливаясь, и только тут заметила меня и замерла. Ее губы немного дрогнули от неожиданности, но она быстро взяла себя в руки. Одного взгляда на нее хватило, чтоб понять, насколько же она изменилась. Нет, ее фигура, черты лица, даже длина волос – все это осталось прежним. Но я обратила внимание на все эти неуловимые изменения – осанка, выражение лица, поворот головы – которые остаются незаметными при постоянном нахождении рядом, но которые сразу же бросаются в глаза, когда видишь хорошо знакомого человека спустя долгое время. В последний раз я видела ее робкой, нескладной девчонкой, старающейся растворить в алкогольном уга-

ре задымленных клубов свои комплексы. Сейчас же передо мной стояла вполне уверенная в себе, раскованная, излучавшая железное спокойствие молодая женщина.

Мы стояли посреди запруженной улицы и смотрели друг на друга, пытаясь с ходу определить, как изменились ставки со времени нашей последней встречи. Нельзя нас за это винить. В конце концов, разве не все мы неосознанно делаем это на протяжении всей жизни?

– Летиция! Какая неожиданность, – сказала Лесли приветливо-нейтральным тоном, подходя ко мне. Таким ровным голосом обычно здороваются с обслуживающим персоналом в заведениях. Ее губы тронула едва уловимая улыбка, но в остальном ее выражение лица никак не изменилось.

Моя мимолетная радость от встречи быстро улетучилась, разбившись о купол этого искусственного дружелюбия. Честно говоря, я уже успела пожалеть, что вообще окликнула ее.

– Сколько времени прошло с нашей последней встречи, – неловко сказала я. – Рада наконец-то тебя видеть.

– Да, да... Уже больше трех лет. Даже удивительно, как это мы ни разу не пересеклись, – в ее голосе послышалась легкая ирония.

– Нууу... Нью Йорк ведь довольной большой, не так ли?..

Закончив этот не самый содержательный диалог, я зашла в тупик, не зная, как себя вести дальше. В словах Лесли мне послышался неприкрытый намек на то, что я практически

исчезла после первого курса, безо всякий объяснений сведя нашу дружбу на нет. Не думаю, что она слишком от этого страдала, учитывая, что все время она только и мечтала выйти из моей тени. Что ж, разве я не предоставила ей такую возможность? Но, тем не менее, иногда я испытывала угрызения совести за то, что так свысока относилась к ней и столь небрежно отмахнулась в то время, когда решила порвать со всеми, начав новую жизнь.

Я подумывала о том, как бы повежливее попрощаться с ней, и уже открыла рот, чтоб сказать дежурную фразу вроде «Нужно будет встретиться как-нибудь выпить кофе», или что-то в таком духе, но Лесли неожиданно опередила меня.

– Знаешь, в моем распоряжении как раз есть пол часа обеденного перерыва. Как на счет пообедать в ресторане поблизости? Если, конечно, у тебя есть свободное время.

И она мило улыбнулась мне, уверенная, что я не отвергну предложение, высказанное таким уверенным голосом. Что-то в ее тоне и мимике неуловимо напомнило мне меня саму когда-то давно.

Вообще-то, я немало удивилась такому дружескому порыву, так как Лесли явно не была в восторге от нашей встречи и даже не особо старалась создать такое впечатление. Но отказываться я действительно не стала. Я все еще чувствовала себя немного виноватой перед ней и хотела по возможности загладить вину.

Мы с Лесли прошли чуть дальше по улице и свернули за

угол. Я уже собиралась пройти мимо помпезного ресторана французской кухни, когда поняла, что Лесли как раз туда и направляется. Едва переступив порог и оценив роскошную обстановку, я уже поняла, что обед с десертом обойдется мне здесь не менее ста двадцати долларов, и мысленно поздравила себя с тем, что всегда имею при себе банковскую карту – наличных у меня не было ни гроша. Было бы довольно неловко признаваться в этом своей новообретенной подруге.

Лесли изящно опустилась на столик возле окна, застеленный идеально чистой белой скатертью без малейшей складочки. Даже не просмотрев меню, она с видом завсегдатая заказала соте из лосося с помидорами и луком пореем и шоколадный фондан на десерт. Все ее движения невыразимо отдавали какой-то показной вычурностью. Почему-то меня не оставляло ощущение, что ей до ужаса захотелось пошвыряться деньгами.

Я заглянула в меню, кинула беглый взгляд на цены и заказала немного рассыпчатого риса, спаржевую фасоль с сыром и лимонное суфле.

– Ты работаешь здесь неподалеку? – спросила я, чтоб завести хоть какое-то подобие разговора, пока мы ждали заказ.

– В «Максберст», – понятия не имею, как ей удалось сказать это одновременно и небрежно, и самодовольно. – После стажировки меня назначили помощником их креативного дизайнера, представляешь? Он как раз сейчас подумывает над тем, чтоб перейти в другую компанию, а ему никак

не могут подыскать замену, так что, может быть... Впрочем, что толку загадывать наперед. А как ты, Летиция? Я вспоминаю, что Джейсон Риверс, наш старый общий знакомый, что-то упоминал по поводу того, что ты проходила стажировку в неплохой редакции. Уверена, ты уже успела выбить там себе теплое местечко, правда, дорогая?

Меня покорило от того, какое явное удовольствие она находила в том, что разговаривала таким непринужденно-покровительственным тоном. Ну, и что я должна на это ответить?

– Ну да, Джейсон остается верен самому себе и всегда в курсе всего происходящего, – я не придумала ничего лучше, чем одеть на себя маску той прошлой, беззаботной и легкомысленной Летиции, которой так легко было со смехом выкрутиться из любого неловкого разговора. – Это правда. Но я там не задержалась слишком долго. Поняла, что это не мое. До тошноты унылое местечко.

– Что ж, вполне могу тебя понять – ты ведь не любительница скуки, – мило улыбнулась она, ничуть не уступая мне. – По крайней мере, насколько я помню.

Значит, Лесли решила продемонстрировать, что и она научилась выпускать коготки. Я только вздохнула. Мне вдруг ужасно надоел весь этот фарс, эта гнилая комедия неприкрытого притворства. Когда-то мне нравились такие игры, и я с удовольствием принимала в них участие. Но не сейчас. Сейчас у меня было кое-что гораздо более важное.

– Многое поменялось с тех пор, – ответила я, глядя прямо на нее. – Я уже давно не падка на веселье так, как раньше.

– Может быть, и так. Я ведь ничего не знаю о тебе с тех пор, как мы виделись в последний раз.

События прошлого сгустились над нашими головами, как грозовые тучи, и я решила, что сейчас самое подходящее время, чтоб поговорить на чистоту. По крайней мере, мы разойдемся на хорошей ноте. Так я надеялась.

– Да, на счет этого, Лесли... Я ведь так и не объяснила тебе, почему так резко пропала тогда...

– Да ради Бога, Летиция, – прервала она меня, чуть сморщившись и небрежно махнув рукой. – Это ведь было давным-давно. Если когда-то это и имело значение, то сейчас уже нет. Так зачем говорить об этом? Уверена, у тебя были на то веские причины.

– Да...

Принесли наш заказ, и я смогла по вполне оправданной причине не продолжать этот неловкий разговор. Без особого аппетита я ковырнула вилкой рис, подумав о том, что Майло уже наверняка проголодался.

– А чем ты сейчас занимаешься? – вдруг спросила Лесли, отправляя в аккуратно подведенный рот маленький кусочек красной рыбы.

Черт возьми! Тон Лесли стал откровенно бесцеремонным, как будто она вдруг нащупала слабинку и, как акула на запах крови, ринулась на нее. Кажется, она настойчиво искала воз-

возможность получить реванш за прошлые годы. Усилием воли я заставила себя не замечать этого и оставаться непробиваемо-вежливой.

– Честно говоря, я сейчас в поисках. Стараюсь найти место, которое было бы мне по душе. Последнее время все развивалось довольно... непредсказуемо. Поэтому пока что у меня вроде как свободный год.

Я хотела сказать ей о том, насколько перевернулась вся моя жизнь. Хотела сказать, что обрела кое-что несравненно более важное и значительное, чем перспективная работа и амбициозные надежды на более высокую должность. Хотела сказать, что сейчас я так счастлива, что все остальное обязательно со временем приложится. Но вдруг эти слова застряли у меня в горле – Лесли сейчас вызывала во мне слишком неприятные чувства, чтоб я открывала ей источник моего душевного счастья.

К тому же, я вдруг остро ощутила, как шатко и наивно прозвучало бы это со стороны.

– Ну, я уверена, что ты найдешь то, что ищешь, – сказала Лесли, победно улыбнувшись кончиком губ. Кажется, наша встреча все-таки начала доставлять ей удовольствие. – Вообще-то, я не привыкла особо распространяться о себе, чтоб не сглазить. Но, раз уж у нас зашел такой разговор... Думаю, что я нашла свое место. До сих пор не могу поверить, что мне так повезло! Никто не загоняет меня в строгие рамки, у меня есть возможность проявить себя на полную, мои идеи

почти всегда одобряют, да и платят вполне неплохо... Правда, мой босс далеко не подарочек, но он вскоре все равно уйдет, так что...

Впервые с момента нашего разговора я увидела в ее глазах искреннюю воодушевленность и неподкупную радость, словно она и вправду не могла до конца осознать, с чего-бы это ей так повезло в жизни.

– Я рада за тебя. Правда, очень рада, Лесли.

– Спасибо. Уверена, что и ты найдешь свое, – она улыбнулась мне, и на краткий миг между нами вспыхнуло хотя бы блеклое подобие былого доверия. – Да, раз уж мы заговорили о призвании. Мне помниться, ты упоминала, что тебе, на самом деле, не слишком-то интересна журналистика. Ты ведь всегда хотела стать актрисой, разве нет?

Когда я, черт возьми, могла ей это сказать?! А я ведь столько раз предупреждала себя тогда – не стоит слишком раскрывать свою душу нараспашку! Но я быстро взяла себя в руки.

– Да, действительно, в свое время у меня бродили глупые мысли о том, чтоб стать актрисой, – засмеялась я. – Но о чем только мы не мечтали в восемнадцать лет, правда? Су-масшедшее было время...

Она внимательно посмотрела на меня, но не стала развивать эту тему.

– Да, ты права. О чем мы только не мечтали...

Остаток времени мы провели за пустыми, ничего не зна-

чащими разговорами.

***

Встреча с Лесли произвела на меня гораздо более сильное впечатление, чем следовало. И дело было не только в неприятном осадке, вызванном ее явными попытками невзначай задеть меня. В конце концов, такое бывало и раньше, когда мы еще назывались подругами. Что уж говорить сейчас, три года спустя, когда успех вскружил ей голову...

Мало меня трогало и то, что Лесли явно почувствовала долгожданное превосходство надо мной, и даже не старалась скрыть затаившегося в глазах торжества. Мне даже стало от этого легче. Если она достаточно утвердилась в собственных глазах, то, что ж, пусть так и остается. Я была только рада, что, взяв воображаемый реванш, она наконец отпустит свою давнюю затаенную обиду на меня за то, что некогда ей поневоле приходилось мириться с второстепенной ролью.

Нет, дело здесь было совсем в другом, хоть на какой-то краткий миг я и понадеялась, что все недопонимания вполне могли бы забыться за это время, и мы даже смогли бы снова дружить. Ведь, полностью погруженная в свою любовь к Брайану, я даже не задумывалась над тем, что у меня не осталось ни одной подруги – он заменил мне все и вся. Но, конечно, наша встреча быстро развенчала эту надежду. Даже врагам порой легче стать друзьями, чем бывшим приятелям – да и прощаешь им гораздо больше.

Некоторое время я не находила себе места, пытаюсь понять, что же меня беспокоит. Впервые за последние месяцы мое душевное равновесие поколебалось. Лесли была призраком моей прошлой жизни, который, однако, оказался достаточно материальным, чтоб выдернуть меня из уютного мирка, где я вполне удовлетворялась одним лишь Брайаном. И вместе с ней перед моими глазами пронеслись все наши ночные разговоры, все мои затаенные мысли, все мечты, которые я тогда любовно вынашивала и лелеяла. Словно отрезвляющий поток ледяной воды, она пробудила меня от сладкой дремы, в которой я пребывала.

В ушах то и дело гулко отдавались обрывки наших разговоров: «Чем ты сейчас занимаешься?», «Уверена, ты выбила себе местечко...» «Кажется, ты хотела стать актрисой...». Слова Лесли снова и снова проносились у меня в голове, каждый раз все глубже впиваясь в меня, как раскаленными щипцами. Они ураганом проносились по спокойной глади моей души, вздымая огромные волны. И, из самых затаенных глубин илистого дна, где они дремали в объятиях забвения, на гребне волны вновь вознеслись все мои былые мечты, которым так и не суждено было сбыться. Которые я снова предала. Которые я опять и опять заталкивала внутрь, находя все новые и новые причины и оправдания.

Я снова вспомнила неподдельный энтузиазм в глазах Лесли, когда она говорила о том, что нашла свое место, и впервые в жизни невольно испытала к ней чувство зависти. Мне

также представилось одухотворенное лицо Брайана, когда ему удавалось запечатлеть именно тот образ, который ему представлялся... И тем более жалкой себе вдруг показалась я, которая так и металась между мечтой и реальностью, между попытками и оправданием, между отчаянным рывком и отступлением...

Я вдруг посмотрела на себя посторонними глазами. Весь мой жизненный путь простерся передо мной, как на ладони. И, как бы я не вглядывалась, ничего особо утешительного я там не увидела. «Чем ты сейчас занимаешься?» А действительно, чем? Вся моя жизнь сейчас вращается вокруг Брайана. Я провожаю его с работы и жду его с работы, позирую ему, рассматриваю его фотографии, восхищаюсь ими... Но делаю ли я хоть что-то, не связанное с ним?

И передо мной вдруг предстал ужасающий ответ. Я перестала существовать как отдельная личность. я всю себя отдавала ему, его идеям, его чертовым фотографиям, для которых я примеряла всевозможные образы и в результате совсем потеряла себя... Я слишком вжилась в роль музы Брайана Тернера, и совсем забыла о Летиции Дэвис.

А чего желала бы Летиция Дэвис? «Кажется, ты хотела стать актрисой?». Да, вот только актрисой я так и не стала. Я сдалась уже после первой попытки. А затем я убедила себя, что время это еще не пришло, что я могла бы пойти на курсы актерского мастерства только после окончания колледжа. Но для этого нужны деньги. А я бросила работу, бросила меч-

ты, бросила все – и все это ради мыльного пузыря счастья, в радужных стенах которого я пребывала все это время.

Мне вдруг стало все глубоко противно. Как могла я столь сильно забытья? Нет, конечно, я не сомневалась в своей любви к Брайану. Но... любил ли он меня? Что, если все, что привязывает его ко мне – это по-прежнему лишь его восхищение своим искусством в моем лице? Что, если его любовь объясняется лишь тем, что он во мне нуждается? Однако ведь это не может длиться вечно. В конце концов, любая привязанность всегда сменяется другой – всему в мире находится замена, всем однажды пресыщаешься. А я же сейчас стала так сильно от него зависеть, принадлежать ему столь безраздельно, что потеря его интереса ко мне – лишь вопрос времени. Я не находила себе места и бранила себя всеми возможными словами – ну зачем, зачем только я подпустила его так близко?!

Вдруг мне пришла в голову еще одна страшная мысль: что станет со мной, если это произойдет? Ведь все это время, что я находилась рядом с Брайаном, я так и не сдвинулась с места. Он же постоянно устремлялся вперед, гонимый своим призванием. Что, если в этой погоне он оставит меня далеко позади? И, если однажды наши пути разойдутся – с чем я останусь? Куда я пойду? Ведь весь мой устойчивый мир сейчас опирается только на него. И если я его потеряю...

Я гнала от себя эти ужасные мысли, но все было бесполезно – они, словно изворотливые паразиты, пробирались все

дальше и дальше ко мне в голову. И с каждым днем я все больше и больше стала уверяться в неизбежности того, что придет день, когда Брайан станет ко мне абсолютно равнодушен.

***

Некоторое время я еще пыталась делать вид, что ничего не изменилось, но пелена счастливого забвения постепенно слетала с моих глаз, неумолимо открывая передо мной картину неприглядной реальности. И в этой реальности я уже не могла спокойно оставаться на месте, безмятежно наслаждаясь жизнью. Во мне кипело жгучее желание действий. Я даже не была уверена в том, что именно собираюсь делать, но нужно было делать хоть что-то. Праздность угнетала меня, в глазах Брайана мне мерещилось скрытое равнодушие, а собственный внутренний голос неумолимо порицал за столь легкое отречение от собственных далеко идущих планов. После встречи с Лесли мной овладела острая потребность наверстать все упущенное, но на этот раз она граничила с паническим отчаянием.

Честно говоря, я даже не знала, в какую сторону бросаться. В голове все смешалось в какой-то спутанный клубок, из которого я бездумно выхватывала обрывки нитей. Может, попробовать вернуться в редакцию? Но эта мысль внушила мне такое отвращение, что я сразу же отбросила эту идею. Наверное, лучше всего будет как следует взяться за свой предыдущий план с модельным бизнесом. Да, действи-

тельно, нужно довести хотя бы это дело до конца. И, несмотря на то, что даже мне самой воплощение этой последней надежды казалось маловероятным, я крепко уцепилась за нее, как за спасательную соломинку. И плевать, что Брайану это не нравится. Я и так слишком много думала о том, что ему нравится. И вот к чему меня это привело.

Но, когда уже я с облегчением решила последовать этому плану, меня ждало неприятное открытие. Последние месяцы я совсем перестала строго контролировать все, что ем, как делала это раньше. Брайан часто приносил мне к завтраку круассаны и мои любимые маффины с шоколадно-ореховой начинкой, а по вечерам мы любили выпить пару бокалов вина с кусочками Камамбера, валяясь на атласных простынях и ведя долгие разговоры. Я же пребывала в состоянии такого идиллического умиротворения, что совсем перестала задумываться о таких ничтожных мелочах, как вероятность немного поправиться. И вот, пожалуйста, результат не замедлил последовать. Я померяла свои параметры и пришла в настоящий ужас – я была намного, намного толще, чем предполагали модельные параметры. Ни одно уважающее себя агентство теперь не заинтересуется мной. Да что там, мне даже в голову не пришло бы записать в анкете эти непомерно большие, катастрофически недопустимые цифры.

Я смотрела на себя в зеркало и казалось себе просто устрашающе, кошмарно, отвратительно толстой. Как я могла позволить себе дойти до такого состояния? Неужели я не за-

мечала, что поправляюсь? Я отказывалась верить весам, которые показали прибавку каких-то пяти килограммов с момента моего предыдущего взвешивания. Я была абсолютно уверена, что набрала все пятнадцать. О чем, черт побери, я только думала?!

В тот вечер, когда Брайан принес домой мою любимую сырную пиццу, я посмотрела на него так мрачно, словно он бросил передо мной дохлую крысу.

– Ты нарочно это делаешь, – сказала я ему.

– Почему это? – удивился он. – Вчера у нас была моя любимая паста с курицей в соусе тирияки, а сегодня – твоя любимая пицца. Как по мне, все честно.

– Я не об этом, – хмуро сказала я. – Ты нарочно меня закармливаешь, чтоб я не влезла в одежду даже 6-го размера и думать забыла о том, чтоб пробоваться в модели.

– Ты это серьезно? – хмыкнул он, очевидно, решив, что я шучу. – Вообще-то, мне казалось, что ты решила, что это совершенно не твое, и давно бросила эту затею.

– Нет, это ты решил, что это не мое, потому что не хотел делить меня ни с кем другим! А я же пошла тебе на уступки, потому что люблю тебя.

Переложив честь вины на него, я вдруг почувствовала себя значительно лучше. Действительно, разве не от любви к нему я решила отказаться от всех своих планов? Разве не ради него я готова была принести в жертву все свои мечты?

Брайан же только внимательно посмотрел на меня своим

проницательным взглядом, не поддавшись на мою провокацию.

– Я тоже люблю тебя, Летти. И поэтому я никогда не склонял тебя ни к чему и ни от чего не отговаривал – сказал он. – Я лишь выразил свое мнение. В остальном ты всегда былавольна поступать, как хочешь.

– Ну да, можно подумать, ты весьма ненавязчиво не ставил меня перед выбором. Я ведь понимала, что тогда ты вряд ли сможешь... сможешь относиться ко мне с таким же чувством, видеть во мне то же, что раньше, и...

– И что?

– И потеряешь ко мне интерес, вот что! Разве тебе не нужно было, чтоб красоту во мне видел только ты, и ты один?! Чтоб я была только твоя?

Я отвернулась. Дура! И зачем только я вообще открыла свой рот, зачем позволила вырваться самым затаенным своим страхам, зачем показала ему свою слабость?

Брайан беззвучно подошел ко мне и опустил передо мной на колени, чтоб оказаться на одном уровне с моей склоненной головой.

– Летти... Летти, взгляни на меня. Я не могу сказать, что было бы, если бы ты сделала то и не сделала этого... Я знаю только одно. Я хочу, чтоб ты была счастлива. И если это делает тебя счастливой, то, пожалуйста, действуй. Я справлюсь с этим в любом случае.

Мой гнев в очередной раз разбился и бессильно соскольз-

нул с непроницаемого купола его обольстительной мягкости.

– Ладно... – сдаваясь, сказала я, совсем по-детски шмыгнув носом. – Но для начала мне нужно похудеть. Так что никакой пиццы, суши, выпечки и вина по вечерам.

– Ради Бога, милая, ты и так худая. Делай, что считаешь нужным, но только, пожалуйста, не сходи с ума.

Но я была непреклонна.

– Это тебе так кажется, – отрезала я. – От модельных параметров я отошла еще до Рождества... Так что теперь я буду есть только листья салата и обезжиренный йогурт... Черт, как же она соблазнительно пахнет...

Брайан хитро посмотрел на меня.

– Я, кажется, знаю, как отвлечь тебя от мысли о пицце...

Я улыбнулась, взяла его за руку и позволила ему увлечь себя в спальню. И все-таки какое счастье, что он у меня есть!

***

На самом деле то, как легко Брайан согласился, чтоб я снова пробовалась в модельной индустрии, стало для меня полнейшей неожиданностью. А ведь я прекрасно знала, что еще не так давно ему была невыносима сама мысль о том, чтоб я позировала кому-то другому, чтоб мои фотографии были не только делом его рук. И, чем больше я об этом думала, тем к более очевидному выводу приходила: он не был против потому, что ему попросту было все равно. А равнодушие его объяснялось тем фактом, что я больше не вдохновляла его так, как раньше. Я перестала быть для него бес-

ценной. Я раскрыла ему каждую свою грань, каждую струну души, каждый уголок, и теперь интерес его уже практически исчерпался. Я перестала быть для него музой. Я перестала быть неоценимой. Он взял от меня все, что мог.

Я находила доказательства этому на каждом шагу – в его взгляде, жестах, тоне голоса и движениях. Я замечала, насколько реже он стал с горящим взглядом предлагать мне поехать с ним в новонайденное им место, которое идеально вписалось бы в концепцию задуманной им съемки. А, когда такое все же случалось, мне все казалось, что он заканчивает работу гораздо быстрее, чем раньше, не испытывая по этому поводу особого сожаления. Я уже не видела в нем бывшего энтузиазма, того запала, который зажигался в его взгляде и который зажигал меня. Он работал словно машинально. Это выводило меня из равновесия, и я впервые за все время начинала чувствовать себя неловко и скованно, когда он фотографировал меня. И, если еще совсем недавно меня пугало то, что любовь Брайана ко мне была не более чем художественной потребностью в своей музе, ошибочно принятой за что-то большее, то теперь я боялась прямо противоположного. Ведь, если все действительно обстояло так, то он остынет ко мне гораздо раньше, чем я предполагала.

Я ведь хорошо изучила Брайана. Со свойственным мне тонким пониманием человеческих душ (которое я иногда проклинала, потому что обманывать саму себя так было гораздо сложнее), я на интуитивном уровне предугадывала все

движущие им порывы. Я знала – ему ведь никогда не будет достаточно просто женщины рядом. О нет, он нуждается в том, чтоб она восхищала его, вдохновляла, побуждала к новым познаниям. Она должна была постоянно разжигать его пламя, как только оно начнет затухать. В ней он должен видеть что-то особенное, чего не видит больше ни в ком другом. И вот тогда он готов превозносить ее, словно богиню, ставить ее выше всего остального, едва ли не преклоняться перед ей. Но это, конечно же, не будет длиться вечно. Спустя какое-то время ее сияющий образ в его воображении постепенно будет все более блекнуть и тускнеть, как тускнеет музейный экспонат после прикосновений тысяч рук. Вскоре, когда он полностью насытится ей, ему понадобится новый источник, новый глоток свежего воздуха, необработанный драгоценный камень, который он сможет обтачивать по своему желанию. Такова была его созидательная суть, и не в моих силах было изменить ее.

Конечно, Брайан очень благородный, вежливый и тактичный. Он никогда не покажет мне, что его чувства уже не те, что прежде. Он никогда намеренно не обидит меня.

Я видела картину будущего так ясно, словно это уже произошло. Возможно, он и дальше будет испытывать ко мне нежность и привязанность, служившую слабым отголоском когда-то сильного чувства. Но это будет уже погасший огонь, холодный серый пепел после прогоревшего костра. Он будет испытывать угрызения совести, будет смотреть на меня

каждый день, пытаясь силой заставить себя отыскать то, что прежде так возбуждало его интерес, волновало чувство и разум. Но он уже будет не в силах это сделать и начнет ненавидеть меня за это. И терзать себя, понимая, что это не моя вина. Будет продолжать делать вид, что любит меня, и искусственно улыбаться, и машинально целовать, думая о чем-то другом. Или о ком-то другом, кто займет мое место. Его любовь, если она и была когда-то, не исчезнет до конца, но начнет отдавать фальшью, разочарованием и равнодушием... А это было гораздо хуже, чем если бы она пропала совсем, не оставив ложной надежды на возрождение из пепла.

Но я все же продолжала лелеять отчаянную надежду, что все это – лишь плод моего воображения. По этой причине однажды вечером я решила невзначай поинтересоваться у Брайана, почему он стал гораздо реже фотографировать меня. Вопрос был задан самым небрежным тоном, чтоб он не догадался, что я все понимаю. На самом же деле, все внутри меня сжималось от страха в ожидании ответа.

Он оторвал взгляд от записной книги в руках, посмотрев на меня с удивленным выражением.

– Я подумал, что тебя это уже начинает раздражать, – коротко сказал он. – Разве не ты сама жаловалась, что я слишком много времени провожу с твоими фотографиями и слишком мало – с настоящей тобой? Я решил, что действительно слишком увлекся личными интересами, и совсем перестал заботиться о том, что нравится тебе, милая.

Он улыбнулся мне и снова вернулся к записям в своем блокноте.

Какая неприкрытая ложь!

Но мне совсем не хотелось выглядеть истеричкой, которая хочет сначала одного, затем другого, но при этом все равно недовольна исходом. К тому же, никакие разговоры не в силах вновь разжечь его интерес. Так что мне не оставалось ничего другого, кроме как улыбнуться в ответ, проглотив подступившую горечь.

***

Но долго притворяться, что все хорошо, было невозможно. С каждым днем становилось хуже и хуже, и я понимала, что абсолютно все выходит из-под моего контроля. И возглавило этот список то, что мне никак не удавалось вернуться к прежним параметрам, что стало для меня полнейшей неожиданностью – раньше мне не составляло труда сбросить лишний вес. Но расслабившийся после отступления от постоянных диет организм отчаянно сопротивлялся тому, чтоб его вновь сковали чередой ограничений. Мне приходилось прикладывать титанические усилия, чтоб не съесть чего-то сладкого, соленого, жареного или жирного. В конце концов я убеждала себя, что ничего не случится, если я позволю себе маленькое миндальное пирожное или пару кусочков пиццы. А на следующий день буду есть только овощной салат и яблоки. Однако такие мысли только заставляли меня лихорадочно заталкивать в себя как можно больше еды до того, как

я посажу себя на голодный паек. Я ненавидела себя за это, ругала последними словами и обвиняла в отсутствии воли, однако поделаться ничего не могла. Кажется, собственное тело восстало против меня.

В итоге, я, кажется, еще больше поправилась. От этого я начинала нервничать и раздражаться еще сильнее, что заставляло меня съесть в два раза больше еды, проклиная себя за это и клятвенно обещая на следующий день пить одну только воду. И со слезами на глазах запихивала в себя очередной эклер с заварным кремом, от которого меня уже выворачивало, но остановиться было выше моих сил. Я не понимала, что со мной. Я совершенно не могла себя контролировать. Наверное, моя нервная система окончательно расшаталась из-за переживаний о Брайане и собственном шатком будущем, которое не обещало мне ничего утешительного.

С такими параметрами я уже даже не пробовала отправлять фото в модельные агентства – это представлялось абсолютно бесполезным занятием.

«Наверное, лучше будет поискать объявления фотографов, которые ищут моделей для расширения своего портфолио или оттачивания мастерства», – решила я. В конце концов, позировала же я для Брайана, и справлялась с этим довольно неплохо. Правда, платят за это не так уж много, но и соответствия таким строгим параметрам там не требуется... Но, даже если я и получу немного денег за несколько таких съемок, их будет хватать в лучшем случае только на

жизнь, но уж точно не на то, чтоб поступить на факультет актерского мастерства. Хотя это сейчас не главная моя проблема. Тут я обычно спохватывалась, что думаю так, словно Брайана уже нет рядом со мной, и мои спутанные, отчаянные мысли окончательно превращались в хаос...

Вторая же причина окончательно сводила меня с ума, лишая последних остатков покоя. Это была ревность. Жестокая, изматывающая, непреходящая, как зубная боль, ревность, впивающаяся в меня железными зубьями и раздиравшая мою плоть на части. С того самого момента, как я начала выискивать малейшие признаки охлаждения ко мне Брайана, я стала все чаще присматриваться к фотографиям, над которыми он работал по вечерам, уделяя особенное внимание повторяющимся лицам. И, разумеется, я не могла не заметить, что некоторые снимки он редактировал особенно долго, тщательно и, как мне показалось, упоенно.

Однажды я опустила на подлокотник его кресла и внимательно всмотрелась в фотографию девушки, над которой он работал. Необъяснимым образом она сразу же привлекла мой взгляд. На вид ей было не больше двадцати лет. У нее были волосы редкого золотисто-рыжего оттенка и теплые светло-карие глаза. Белоснежная кожа ее лица была покрыта россыпью мелких, как крошки кукурузного печенья, золотистых веснушек. Она не была красавицей, и уж точно намного уступала мне. В лучшем случае я бы назвала ее своеобразной. Но, что сразу же бросилось мне в глаза, так это мечта-

тельность и одухотворенность, написанная на ее невинных, как у лесной лани, чертах. А мне было слишком хорошо известно, как падох Брайан на вот такое вот выражение расслабленной меланхолии, глубокой задумчивости и погружения в себя. Это кажется ему донельзя романтичным.

– Симпатичная девушка, – небрежно сказала я, внимательно глядя на него. – Кто она?

Мне показалось, что его плечи немного напряглись. Я прекрасно знала, что он не любит, когда наблюдают за его работой и тем более отпускают какие-то комментарии, но ничего не могла с собой поделать.

– Это Лейла, – коротко и бесстрастно сказал он, словно это имя не значило для него ровным счетом ничего, в то время как оно гвоздем вонзилось в мое сердце. – Одна из сегодняшних клиенток. Довольно фотогенична, правда?

– Ага, – сказала я.

Сама не знаю, почему, но задумчивое выражение на лице девушки вдруг показалось мне лисьим оскалом.

– Но ей бы гораздо больше пошел изумрудный цвет. Я не слишком люблю такой оттенок, но он всегда великолепно смотрится с рыжими волосами. Как думаешь, Летти?

– Определенно, – ответила я и резко встала. Девушка на фотографии откровенно насмеялась надо мной.

Погруженный в изображения Брайан даже не заметил моего неудовольствия.

***

Чем меньшую роль в наших с Брайаном отношениях стали играть фотографии, тем больше я знакомилась с другими его сторонами. Раньше я смотрела на него как на человека, который заставлял меня думать, чувствовать и ощущать себя так, как ему того хотелось. Он был тем, кто умел проникать сквозь непреступную материальную оболочку, замечая, раскрывая и взращивая то, чего не видят другие. Он был словно волшебник, меняющий реальность по своему желанию и запечатлевающий ее, словно в янтаре. Он был для меня на ступень выше всех людей в этом мире. Он был практически богом.

Но сейчас передо мной все яснее стали представлять подробности его повседневной жизни, его обыденные привычки, слова-паразиты, укоренившиеся жесты, предпочтения в еде и напитках... Через несколько месяцев нашей совместной жизни я уже в точности знала, какую зубную пасту он выберет в магазине, сколько ложек сахара он положит в американо, когда у него плохое настроение, и какую книгу он будет читать перед сном, если он находится в поисках вдохновения. Я совершенно точно могла представить, каким тоном он разговаривает по телефону, если его ждет напряженный день, и с каким выражением лица он возвращается домой, если Марта напутала что-то, планируя его рабочий график. Я могла с легкостью перечислить, к каким вещам он относится спокойно и добродушно, а что почти наверняка выведет его из себя. Я сама не обратила внимания, как начала

читать Брайана, как открытую книгу.

На самом деле, это было совсем не трудно, потому что, как я неожиданно поняла, во всем, что не касалось фотографий, вкусы и предпочтения Брайана были просты и неприхотливы. Создавалось впечатление, что он так много себя вкладывал в свое искусство, что ни на что другое места в нем попросту не оставалось. Для комфортной жизни ему хватало крыши над головой, нескольких его любимых книг и сносной еды. Когда он с головой уходил в работу, он вообще забывал поесть, и мне приходилось почти силой вытаскивать его из рабочего кабинета. К кинематографу он относился крайне критично: почти все романтические фильмы, которые мне хотелось посмотреть с ним вместе, он пренебрежительно именовал «фальшивым и искусственным подобием настоящих эмоций». По этой причине он практически ничего не смотрел, что очень меня расстраивало, ведь я с детства мечтала пересмотреть со своим парнем все свои любимые фильмы, начиная с «Завтрака у Тиффани».

Во время наших прогулок меня стало все больше раздражать, когда он останавливался, чтоб сфотографировать заинтересовавших его случайных прохожих, необычный рисунок на стене или красиво отражавшиеся от разноцветных витрин солнечные лучи. Более того, я, словно вдруг прозрев, начала с болью замечать то, что почти все наши разговоры о чувствах, внутреннем мире, истинных эмоциях, душевном состоянии и мечтах так или иначе сводились к тому, удастся

или не удастся ему отобразить это на фотографиях.

Все это вызывало во мне двойственные чувства. С одной стороны, чем лучше я узнавала Брайана, чем яснее мне представлялся его мир, тем привычнее и роднее он становился мне, тем больше я привязывалась к нему и тем сильнее ощущала нашу связь. Но, с другой стороны, меня все больше смущало, что все аспекты его жизни так или иначе сводились к его фотографиям. И, если бы все это было исключительно работой, я бы еще могла с этим мириться. В конце концов, каждый второй в этом переполненном городе помешан на своей работе. Взять только моего брата Джорджа! Ведь он находится в плену у своей работы, и так будет всегда, потому что иначе он просто не умеет.

Но ведь для Брайана фотографии не были просто работой. Это было смыслом каждой минуты его жизни – как в рабочее, так и в нерабочее время.

– Скажи, Брайан, а ты хоть когда-то берешь себе отпуск? – не выдержала я однажды.

– Отпуск? – удивленно спросил он.

– Ну да. Такая штука, когда люди отдыхают от работы и едут проводить лето в Париж. Или на Майами. Ну, или куда повезет.

– Брось, Летти, тебе не идет острить. Нет, я не беру отпуск. Как ты сама сказала, отпуск нужен, чтоб отдохнуть от работы. А мне, Слава Богу, не от чего отдыхать. Иногда, когда я чувствую себя выжатым, как лимон, или, когда у ме-

ня иссякает вдохновение, я просто не принимаю клиентов в течение нескольких дней и отправляюсь на природу. Или читаю книгу. Или просто хожу по улицам и смотрю вокруг, вглядываясь в лица людей. Ты не представляешь, сколько интересного можно увидеть, если не ищешь ничего конкретного. А почему ты спрашиваешь?

– Да так. Просто интересуюсь.

Да, я просто интересуюсь, до какой степени нужно было быть ослепленной своим иллюзорным счастьем, чтоб не видеть того, что было у меня прямо перед носом. Брайан смог изменить меня, но мне никогда не удастся изменить Брайана. Вся его жизнь сводилась к поиску вдохновения и красоты, нахождению скрытых ценностей, разыскиванию алмазов среди невзрачных угольков, жгучему желанию превращать в разноцветные глянцевые квадратики все, что вызывает в нем определенные чувства. Так всегда было и так всегда будет, потому что такова его суть. Мне никогда не дает покоя стремление к чему-то новому, чему-то неиспытанному, какому-то всплеску, взрыву, урагану. Брайан же нашел свою гавань и не нуждается больше ни в чем, кроме неиссякаемого источника своих призрачных грез. И если я хочу быть с ним, то мне придется разделить с ним эту жизнь. Но готова ли я?

***

Как я уже говорила, по необъяснимой причине Брайан терпеть не мог, когда наблюдают за его работой и уж тем бо-

лее расспрашивают о ней. Но, когда я бросила случайный взгляд на последние распечатанные им фотографии, которые он с упоением перебирал уже битый час в своем рабочем кабинете, глотая пятую чашку горького кофе, я снова заметила уже знакомое мне лицо. Та рыжеволосая девушки. Лейла.

Мне казалось, что она восстала из моих кошмаров.

– Ты снова фотографировал ее? – как бы невзначай спросила я, чувствуя, как внутри меня раздаются гулкие раскаты грома, предвещаая грозу, которую я уже не в силах была сдерживать. – Она зачастила к тебе.

Я взяла лежащую сверху фотографию, но не успела как следует разглядеть ее, потому что Брайан резко обернулся и выхватил ее из моих рук.

– Вообще-то, это была моя инициатива, – напряженно ответил он, старательно избегая моего взгляда. – Я попросил ее разрешения сделать несколько ее кадров. И, Летти, ты же знаешь, я не очень люблю, когда мои фотографии смотрят без разрешения.

Я застыла. Слова Брайана прозвучали для меня, как приговор палача перед тем, как на мою шею опустится холодное лезвие гильотины. Его фигура вдруг расплылась у меня перед глазами, и я пошатнулась. Всего несколько слов – и он вдруг оказался бесконечно далеко от меня, проведя передо мной незримую черту, через которую мне нельзя было переступить. Как ничтожно мало.

Что ж, я достаточно долго держала себя в руках.

– Просто прекрасно, – медленно проговорило я, понимая, что меня захлестывает истерика. – Значит, со мной тебе уже не так интересно, не так ли? Как же переменчивы твои настроения! Не так давно ты говорил, что после встречи со мной тебе стало тяжелее наладить контакт с чужими людьми, что они для тебя – словно бездушные статуи, что вдохновляю тебя только я одна, что ты нуждаешься только во мне, и ни в ком другом. Ну, как я вижу, ты прекрасно справился с этой проблемой!

– Да что с тобой, Летти? – недоуменно спросил Брайан, на этот раз сообразив посмотреть на меня. – Как будто для тебя секрет, что я всегда и во всем стремился видеть произведение искусства! Да, я действительно нахожу, что в лице этой девушки запечатлено нечто необыкновенное и порой даже неземное, поэтому и попросил ее позволить мне сделать чуть больше кадров, чем планировалось, так что же здесь такого? А если тебя так разозлило то, что я не позволяю тебе смотреть на фотографии...

– Ты не позволяешь мне взглянуть на них, потому что для тебя это личное, Брайан! – взорвалась я, растеряв последние крупинки самообладания. – Не так ли, а?! Или ты считаешь, что я законченная дура, которую так легко водить за нос?! Ты скрываешь только то, что имеет для тебя особое значение, пытаешься заботливо оградить все самое сокровенное от остального мира, чтоб оно безраздельно принадлежало только тебе! Ты не просишь всех подряд позировать тебе, о нет!

Только тех, с кем у тебя устанавливается личная связь, тех, на кого у тебя есть скрытые далекоидущие планы и надежды! И тогда ты входишь в раж, ты не можешь остановиться, хочешь получить еще и еще, забрать все без остатка! Именно это сейчас и происходит, разве не так?! Просто скажи мне, Брайан, мне будет легче, если я буду знать. Пожалуйста.

Последнее слово я произнесла с мольбой так тихо, что сама едва слышала его.

– Мне нечего тебе сказать, особенно, когда ты говоришь в таком тоне, – холодно ответил он. – Ты выдумываешь то, чего нет и в помине. Я всего лишь занимаюсь своей работой. А к нашей с тобой истории, как я уже говорил, это не имеет ни малейшего отношения. Я был бы очень признателен, если бы ты наконец это поняла.

Сказав это, он собрал фотографии и молча ушел в другую комнату. Я застыла, как вкопанная, глядя на пустое место, где только что был человек, которого я любила.

***

С этого момента всякий покой для меня стал невозможен. Мое былое счастье, в лучах которого я столь недавно купалась, лопнуло, словно мыльный пузырь. Мне казалось, что из райских садов Эдема я провалилась прямиком в клоко-тавшие раскаленной лавой глубины ада. Я достаточно долго пыталась бороться за воздушный замок созданного нами мира и упрямо не замечать, как от него отваливаются куски,

превращаясь в угольно-черные развалины. Но поделаться уже ничего было нельзя – отныне это было не в моей власти.

Каждая секунда моего пребывания с Брайаном кричала мне об этом. Несмотря на то, что мы оба сделали вид, что забыли нашу последнюю размолвку, в наших отношениях сохранилось осязаемое напряжение. И не в последнюю очередь она объяснялась тем, что Брайан не сказал и не сделал ничего, чтоб заверить меня в ошибочности моих обвинений, брошенных ему в лицо. Вместо этого он предпочел притвориться, что ничего и не произошло. Но в его выражении лица стало сквозить едва осязаемое напряжение, когда я спрашивала, что нового в студии, словно он ожидал, что я снова наброшусь на него с криками. Он становился неестественно спокойным и никак не комментировал то, что я упорно отодвигала в сторону принесенную им пиццу или итальянскую пасту с грибами и курицей. Вместо этого он только с прохладцей расспрашивал, как идут мои дела с поиском фотографов. Как будто бы я могла сейчас об этом думать.

Ах да, и еще он совсем перестал меня фотографировать.

Я уже не обманывалась по поводу того, чем это вызвано. У Брайана должна быть глубоко установившаяся связь со своей моделью. Он должен был знать, что ей движет, понимать, как она думает, чувствовать самую ее душу. А незримая нить нашей душевной связи с Брайаном заколебалась, как на штормовом ветру, и стремилась к тому, чтоб быть разорванной полностью. Да, с виду между нами не произошло ничего се-

рьезного – ни раздора, ни громких скандалов, ни преступных измен. Однако много ли нужно, чтоб между вами навсегда встала неприступная стена? Совсем нет – всего лишь случайное слово, вырвавшаяся помимо воли фраза, не успешшее изобразить полагающееся чувство выражение лица... В нашем случае яблоком раздора послужило лишь крошечное изображение чужой фигуры на цветном глянце...

Но, что самое неприятное, даже на саму себя я стала смотреть по-другому. Заботливо вылепленный Брайаном образ той Летиции, которую он видел, которой я хотела быть, которой я стала, стал соскальзывать и отрываться от меня, как кусок мокрой бумаги от оштукатуренной стены. Он больше не смотрел на меня восхищенными и одухотворенными глазами – и я вдруг поняла, до чего смешным и мимолетным было то мое ощущение собственной неповторимости. Ах, как шатко наше восприятие себя, если оно зависит от чужого взгляда! Брайан больше не видел во мне ничего, что вдохновляло бы его запечатлеть это – и я стала чувствовать себя ничтожной, примитивной, ничего не значащей и не выражающей, не достойной ни внимания, ни участия, ни любви...

А ведь, если взглянуть правде в глаза, к чему я пришла? Чего я добилась? Никогда еще я настолько ясно не ощущала, что весь мой жизненный путь был чередой бессмысленных метаний в поисках чего-то неведомого, стремлением к недостижимому, глупых мечтаний о звездах в небесах, прекрасных, но бесконечно далеких. Он же стал моей спасительной

соломинкой, сияющей поверхностью луны, которая смогла отразить мой собственный свет и озарить им мою бессмысленную жизнь. И теперь я поняла, что до одури боюсь его потерять.

Но где-то на задворках своего сознания я знала, что больше всего боюсь лишиться не столько его самого, сколько того, что он мне давал – чувства бесконечного счастья, для которого не требовалось смысла.

Глава 19

Я в очередной раз довольно болезненно упала на колени, поскользнувшись на скользкой поверхности катка. И это даже при том, что идеально отшлифованный с самого утра лед уже был испещрѐн многочисленными царапинами от острых лезвий коньков, так что ездить на нем должно было быть значительно легче.

Ну, это в теории. На практике же мои ноги так и продолжали разъезжаться в разные стороны уже битых два часа, то и дело заставляя меня позорно опускаться на колени, которых я уже не чувствовала, и дальше продолжать скольжение уже в таком положении. Синяки, наверное, будут сходить не одну неделю. Хорошо хоть, что руки в мягких пушистых перчатках хоть немного смягчали падение. А вообще-то, я не ожидала такой подлости от собственного же тела. Я-то считала себя довольно ловкой и грациозной.

– Выше нос, Летиция, – бодро крикнула мне Роуз, едва ли не со свистом проносясь мимо, – в этот раз у тебя получается уже значительно лучше. И ты даже почти вписалась в поворот...

Это «почти» стоило мне еще парочки дополнительных синяков. Я завистливо посмотрела вслед Роуз. Нет, ну просто немыслимо, как можно настолько умело управляться со своей отнюдь не маленькой комплекцией – она ни разу даже не

пошатнулась, держась на ногах твердо, как Эверест.

Полли и Эрик, как два неугомонных воробушка, подъехали ко мне с разных сторон и подхватили под руки.

– Вставайте, тетя Летти, и будем кататься вместе. Мы будем держать вас под руки, и вы не упадете, – щебетали они.

– Спасибо большое, – отдуваясь, сказала я, тяжело поднимаясь на ноги и опираясь о бортик катка, – но, боюсь, тогда падать мы будем все втроем, потому что я намерена крепко держаться за все, что вижу.

Они засмеялись и упорхнули дальше.

Несмотря на синяки, ссадины и ушибы, мы с Холденами, Роуз и ее двойняшками отлично проводили время. С самого утра все мы, потеплее укутавшись в пальто и шарфы, загрузились в старенький фольксваген Брайса, чтоб, как и планировали, отправиться на открытие нового катка. Каким образом семь человек уместились там, было совершенно необъяснимо с точки зрения всех физических законов, потому что большие габариты не пополнили список достоинств автомобиля. Мы настолько плотно прижимались друг к другу, что я точно знала, что Кэти еле на завтрак, Джастина подогнула ноги так, что коленки практически упирались в потолок, а Роуз каким-то невероятным образом удалось так вжаться в угол машины, что она стала едва ли не в два раза меньше. Таким вот чудным переплетением рук и ног мы все-таки добрались до места назначения. И не пожалели – дети веселились во всю, Роуз, катавшаяся лучше всех, торжествовала, а

мои падения, если сказать честно, только повышали градус общего настроения.

Я осмотрелась, выискивая своих в толпе разгорячённых, разурмянившихся, падающих и упорно поднимающихся людей. Немного впереди я заметила Джастину и Брайса. У Брайса, вообще-то, дела тоже шли не наилучшим образом – он владел своей массивной фигурой гораздо хуже Роуз. На повороте его снова начало опасно заносить в сторону, и он лихорадочно вцепился в руку Джестины, которая была тоньше его в два раза.

– Ты можешь не отпускать мою руку, черт возьми! – панически говорил он, крепко держась за руку жены и не замечая, как он увлекает ее за собой.

Джастина, которая держала другой рукой маленькую ладошку Кэти, сердито огрызнулась:

– Брайс Холден, отпусти меня немедленно, иначе мы сейчас...

«Сейчас» не преминуло наступить. Брайс, пытаясь устоять на ногах, еще крепче ухватился за Джастину. Она попыталась выровнять их обоих, но только еще больше усугубила положение. В итоге победил закон земного тяготения. Брайс вполне предсказуемо упал на лед, потянув за собой и жену. Кэти плюхнулась прямо на родителей, обеспечив себе мягкое приземление. Таким вот трехъярусным слоем они плавно отбуксировали к бортику катка и мягко ткнулись в него. Я поспешила на помощь, стараясь не упасть в очередной раз

от смеха.

Десять минут спустя мы вышли с площадки, решив немного прогуляться до ближайшего рестораника, выпить кофе, перекусить и согреться. По дороге каждый подсчитывал полученные ранения и потирал ушибленные места. Непострадавшими и совершенно довольными остались только дети, особенно Кэти. Они бежали впереди нас по хрустящему снегу, перегоняя друг друга и подгоняя нас.

Я начала снова чувствовать руки только после второй кружки имбирного чая с лимоном. Все остальные попивали кофе, а дети во всю уплетали морковные кексы.

– Нет, ну что за муж мне достался, – Джастина все еще продолжала негодовать. – Мало того, что не может устоять на собственных ногах, так еще и жену опрокидывает следом за собой. Я отшибла пол бока.

– Ничего подобного, – хмуро сказал Брайс, делая громкий глоток. – Ничего ты себе не отшибла. Ты же упала прямо на меня.

– А как по мне, так очень показательная ситуация, – перебила Роуз попытавшуюся яростно возразить сестру, – падающий мужчина, увлекающий за собой женщину. Вы не прослеживаете символичность?

– Иногда мужчина и женщина так крепко вцепляются друг в друга, что не замечают, как под двойной тяжестью падают вниз гораздо быстрее, – негромко заметила я.

– О, я это ощутила, – не смогла удержаться от колкости

Джастина.

– Но я это, разумеется, в чисто метафорическом смысле, – уточнила я.

– Надеюсь только, что ты, Летиция, оказалась более удачлива, чем я, – сказала Джастина, но уже довольно миролюбиво.

– Да какие бы они ни были – лучше или хуже – запомните, как только появляются мужчины, начинаются все проблемы, – неумоимо гнула свое Роуз, хотя я хотела бы посмотреть на того мужчину, который рискнул бы составить для нее проблемы.

И все же я не могла не возразить.

– Я не совсем согласна. Я хочу сказать... ведь не можем же мы обвинить только одну сторону... Если люди добровольно решили идти вместе... то ошибка одного – всегда следствие ошибки другого, вам так не кажется?

Взгляд мой затуманился, и воспоминания нахлынули на меня.

***

Последней каплей стал тот день, когда я увидела ее.

Я проходила недалеко от студии Брайана, так что решила заглянуть ненадолго, взяв в соседней кофейне его любимый американо без сахара. Я уже протягивала руку к дверям, когда они распахнулись прямо передо мной. Оттуда вышли Брайан и рыжеволосая девушка. Я ни капли не удивилась,

увидев ее вживую. Она так часто преследовала меня в кошмарах и еще более ужасных подозрениях, что уже казалась мне более реальной, чем я сама. Лейла мило смеялась и что-то рассказывала Брайану, слегка дотрагиваясь до его руки. Я остановилась и спокойно посмотрела на них.

– Летти! – воскликнул Брайан. Удивление и неловкость лишь на секунду промелькнули в его глазах, тут же сменившись показным радушием. – Что ты здесь делаешь?

Он был неподражаем в своей непоколебимости. На его лице не дрогнуло ни единого мускула.

– Привет, любимый, – но даже ему не по силам было сравниться со мной в убийственном спокойствии. – А я как раз была поблизости и решила заглянуть на секунду. Но, как я вижу, я не совсем вовремя.

И я лучезарно улыбнулась ему, чем совершенно сбила его с толку.

– Да, мы как раз уезжали... Если бы ты зашла буквально на пол часа раньше... Эээ ...Лейла, познакомься, это моя девушка, Летиция.

– Привет, – Лейла изо всех сил изображала доброжелательность, но ее улыбка вышла слегка натянутой. Она украдкой глянула на Брайана, словно молчаливо спрашивая его, как ей следует себя вести. А вот он уже полностью взял себя в руки.

– Летти, это моя клиентка, Лейла. Ты видела ее фотографии на днях.

– Да-да, разумеется, я помню. Твоя новая муза, – в моем голосе не прозвучало даже тени иронии.

Брайан слегка нахмурился. Я же не удостоила его и взглядом и посмотрела на Лейлу.

– Скажу вам по секрету, он в полном восторге от вас. Прямо-таки не может оторваться от ваших фотографий. Я уже давненько его таким не видела, – заговорщически сказала я и подмигнула ей. – Только хочу предупредить вас, что вы здорово встряли. Будьте готовы к тому, что теперь он не успокоится, пока не соберет целую коллекцию ваших фотографий.

– Ох, да я буду только рада, – доверительно сообщила Лейла, взглянув на Брайана лучистым взглядом своих бархатных, как у лани, глаз, – он потрясающий фотограф! На самом деле, лучший из всех, кого я знаю. Понимаете, ведь раньше я ужасно боялась камеры и напрочь отказывалась фотографироваться. Подруга почти силой заставила меня пойти на фотосессию, чтоб, так сказать, раскрепоститься. И я так ей благодарна! Seriously, я чувствую себя так естественно, как рыба в воде! И все это – заслуга мистера Тернера.

– Перестаньте, дело совсем не во мне, – отмахнулся он, глядя все же только на меня.

– Ох, мистер Тернер бывает таким скромником, – улыбнулась я, и наши с ним взгляды скрестились, как клинки. – Никогда не признает вслух своего таланта, хоть и отлично осведомлен о нем. Так куда вы едете, ребята?

Брайан открыл было рот, но Лейла перебила его.

– О, мы едем в Вашингтон сквер парк, – прошептала она. – Сейчас он утопает в свежей листве и распустившихся цветах, и там должно быть потрясающе красиво. Правда, я немного смущаюсь, все-таки там всегда столько людей... Но мистер Тернер сказал, что такая атмосфера как нельзя более подходит мне. А вы как думаете, Летиция?

– Уверена, раз Брайан так говорит, то так и есть. В понимании таких вещей ему нет равных. Ну, удачи вам.

Я уже собиралась развернуться и уйти, когда Брайан по непонятной причине замялся и взял меня за локоть. Он выглядел немного смущенным.

– Послушай, Летти... Может, и ты бы поехала с нами? – он повернулся к Лейле. – Знаете, Летти легко вживается почти в любой образ, у нее это выходит очень живо и естественно. Может, она помогла бы вам почувствовать себя увереннее, если вам будете неудобно в публичном месте?

Вау. Да неужели, Брайан?

– Да, конечно, это было бы очень хорошо, – пробормотала Лейла, но по ее застывшему лицу было понятно, что ничего хорошего в предложении Брайана она не увидела.

Значит, таким образом он пытается доказать мне, что я ошибаюсь, и ему нечего от меня скрывать? Что ж, наверное, это хороший знак. Как жаль, что мне уже все равно.

– Да нет, Брайан, что ты. Уверена, Лейле будет более комфортно, если вокруг нее не будет крутиться куча людей с

подсказками, что и как ей делать. Ты ведь сам прекрасно это знаешь. Тем более, что такой профессионал, как ты, и сам легко поможет ей войти в образ. Так что встретимся дома. Удачи, Лейла.

Я резко развернулась и пошла в обратную сторону. Только зайдя за угол, я вспомнила, что забыла отдать Брайану его американо. Не останавливаясь, я выплеснула его на мостовую, а пустой стаканчик бросила в урну. Черная, как смола, жидкость смешалась с грязью асфальта, словно олицетворяя то, что творилось в моей душе.

***

Когда Брайан вернулся спустя гораздо меньше времени, чем я предполагала, я лежала на кровати, читала книгу и потягивала мятный чай без сахара.

– Привет, милый, – сказала я, не поворачивая головы. – Как прошла фотосессия?

При виде моего ледяного спокойствия его собственное немного дрогнуло. Он явно готовился к выяснению отношений и теперь напряженно ждал, когда разразится буря.

Глупый, неужели он не понимает, что во мне не осталось ничего?

– Что ж... На самом деле, вполне неплохо. Конечно, она часто отвлекалась и мне было немного сложно словить удачный момент... Но, в общем и целом, я очень доволен. Снимки получились прекрасные.

– Что ж, это замечательно.

Он замялся.

– Значит, ты не злишься? – осторожно спросил он. – Честно говоря, мне показалось, что ты была не очень довольна, увидев нас. Но меня очень радует, что ты понимаешь, что для меня это только работа.

Я действительно была неестественно спокойна, словно высечена из гранитной глыбы. А чего ради мне было волноваться? Сейчас, когда я была абсолютно уверена, что Брайан для меня потерян, бояться было больше нечего. Боятся лишь тогда, когда сомневаются в исходе.

– Конечно, Брайан, с чего бы мне злиться? – спросила я, даже не отрываясь от книги и изящно перелистывая страницу. – С того, что за тобой прямо на моих глазах увивается рыжая шлюшка, а ты с воодушевленным видом говоришь ей те же слова, что говорил мне, и везешь ее в парк, чтоб она потешила твою созидательную натуру, даже не смущаясь того, что я все это вижу и понимаю? Нет, разумеется, я не злюсь. Не поставишь чашку на стол?

– Что ты сказала? – охрипшим голосом спросил Брайан.

– Тебе какую именно часть повторить, про чашку или про эту потаскуху Лейлу?

Он глубоко вздохнул, пытаюсь совладать с собой, забрал у меня из рук книгу и небрежно бросил ее на стол.

– Я думаю, нам пора все выяснить. Мне показалось, что мы закрыли эту тему, но, как оказалось, нет. Но для начала я

попросил бы тебя не называть ее так. Она хорошая девушка и...

–...и с огромными глазами смотрит тебе в рот. Да-да, я уже поняла.

– Нет, ну это уже становится просто невыносимо! – он резко вскочил с места и пнул попавшуюся ему под ногу коробку из-под пиццы. Я впервые наблюдала у него такую вспышку и испытала мрачное удовольствие от того, что мне все-таки удалось вывести его из себя. – Мы поговорим, когда ты начнешь воспринимать то, что я тебе говорю, а не то, что ты сама для себя решила.

И он вышел, громко хлопнув дверью.

***

Я лежала в темноте на непривычно пустой кровати. Холодные простыни леденили кожу, и от этого я чувствовала себя невыносимо одиноко. Слезы тихо стекали по щекам, сейчас из ран жестоко обманутого сердца, но они были холодны, как лед. Все внутри меня застыло. Я была пустой, бесчувственной и потерянной, словно меня бросили дрейфовать на айсберге в безбрежном черном океане, ни в одной из сторон которого меня не ждали.

Вдруг я услышала сзади себя шум. Он. Брайан лег рядом со мной. Поплотнее укрыл меня одеялом и обнял, прижавшись своим горячим телом к моей неподвижной спине.

– Спишь?

Я промолчала.

– Летиция, прости.

– Тебе же не за что извиняться, ты же сам знаешь.

– Наверное, не за что. Но я люблю тебя.

– Нет, не любишь.

– Люблю.

Я повернулась к нему лицом. Не удержавшись, протянула руку и убрала с его лба непослушные взлохмаченные пряди.

– Нет, Брайан. Ты просто понял, что у тебя не получается так легко наладить с другими такую же сильную связь, как со мной. Ведь это оказалось не так просто, правда? Ты потерпел неудачу с Лейлой. Разве я не права? Я прекрасно понимаю, в чем дело. Тебе недостаточно простой симпатии. Ты должен знать как ее достоинства, так и недостатки, как светлые, так и темные стороны. Должен понимать, что терзает ее душу. К чему стремится ее тело. Ты должен познать ее, проникнуть ей под кожу. Ты должен спать с ней, Брайан. А ты ведь не будешь спать с кем попало, правда?

Он помолчал. Его рука перехватила мою, прижалась к ней губами.

– Да... Да, наверное, все, что ты говоришь – правда. К чему отрицать очевидное? Но, Летиция, ничего этого не имеет отношения к нам, к нашей истории, к моим чувствам к тебе. Ни Лейла, ни кто-либо еще в этом мире. Ты вне границ всего, с чем я привык иметь дело до нашей встречи. Я уже говорил и повторю еще много раз, если потребуется, что ты важнее и выше всего, что есть в моей жизни. Ты отдельный

мир, и ничему другому в нем нет места. Есть только мы. Я и ты. Ничего больше не имеет значения.

– Мне тоже так казалось, Брайан. Ах, как же это было заманчиво, не так ли? Но я ошибалась. Абсолютно все имеет значение. Может, ты и веришь в то, что говоришь. Действительно веришь. Да, я нужна тебе, Брайан, я и сама это понимаю. Ты не хочешь меня потерять. Но ты... не любишь меня. Все это обман. Иллюзия, в которую нам обоим очень хотелось поверить...

Он ничего не ответил, только невесомо притронулся губами к моему обнаженному плечу. Я позволила ему обнять себя, и положила голову ему на плечо. Заснули мы в полной тишине.

***

На утро я проснулась с легкой головой и четко принятым решением. Все спутанные, противоречивые мысли улеглись и пришли к единственному возможному выводу. Я испытывала странное чувство облегчения. Сколько времени я терзалась, обманывалась, фантазировала, сомневалась и мучила себя бесконечными сомнениями и вопросами. Теперь же, когда я знала, что барахтаться уже бесполезно, что стекло не превратится в бриллиант, как бы мне того не хотелось, я была совершенно спокойна. Худшая часть осталась позади, и мне оставалось только хладнокровно объявить о своем решении.

– Не уходи, – в очередной раз сказал он.

– Я не ухожу, Брайан, – устало ответила я. – Но ты же понимаешь, что мы слишком запутались, чтоб двигаться дальше. Мы зашли в тупик и упрямо стучимся в него лбами, делая вид, что впереди нас свободный и светлый путь. Но мы не можем и дальше игнорировать это. Нам нужно некоторое время побыть порознь и разобраться, что мы все-таки значим друг для друга.

Я не видела другой возможности. На месте нашей любви остались жалкие обломки. Разумеется, мы вполне могли бы сделать вид, что ничего не произошло, остаться вместе и жить дальше вполне нормально. Но что это будет? Смогу ли я примириться с такими изменениями? Никогда уже наши отношения не будут тем глубоким слиянием душ, которое заставляет перестать существовать весь остальной мир. Никогда уже мы не будем чувствовать друг друга так тонко, так остро, так близко, так страстно. А мы оба не были созданы для того, чтоб согласиться на меньшее. Так за что же я должна была цепляться? Стоит ли бороться за жалкое подобие той любви, которая когда-то была смыслом жизни? Мысль о том, чтоб каждый день мириться с этой новой реальностью, была непереносимой.

– И куда ты пойдешь? – тихо спросил Брайан.

– На свою старую квартиру. Ту, которую я снимала, когда только переехала из общежития. Оттуда недавно съехали жильцы, и пока что не нашлось никого желающего занять их место, так что...

– Ясно.

– Майло пойдет со мной. Ты ведь не против?

– Нет, конечно. Я ведь принес его для тебя. Он твой.

Когда я была уже в дверях, до меня донесся его голос:

– Я... Я позвоню тебе, Летти, хорошо?

– Да... Да, разумеется.

***

Но он так и не звонил. Я все ждала, ждала и ждала. Сначала это было какое-то отстраненное любопытство, потом недоумение, переходящее в нетерпение. И, наконец, пришла боль. Мысль о том, что он действительно мог отказаться от меня, застигла меня врасплох.

Несмотря ни на что, я не задумывалась всерьез о том, что мы с Брайаном и вправду можем разойтись навсегда. Да, я испытывала обиду, боль, разочарование. Да, развитие наших отношений оказалось совсем не таким, каким мне бы хотелось. Да, я сомневалась в подоплёке своих чувств к нему и его ко мне. Однако за последние месяцы я настолько привыкла воспринимать нас с ним как единое целое, что мысль о том, чтоб существовать отдельно друг от друга, казалась мне дикой и противоестественной. Жить так, словно ничего и не было... Жить без него... Но как это было возможно, если мое восприятие себя настолько зависело от Брайана, что я не могла сделать ни единого телодвижения, не представив, как бы я выглядела его глазами. О чем бы я не подумала, все мои мысли были неразрывно связаны с ним. О чем бы я не

вспомнила, это так или иначе касалась его. Казалось, что отдельно от него я окончательно перестала существовать.

Да, я ушла сама, потому что оставаться рядом тогда было просто невозможно. Но уходила я с мыслью, что в конечном счете все как-то уляжется. Иначе просто не могло быть. Все сгладится и забудется, как кошмарный сон. Разве не расходились и не сходились мы раньше, становясь еще ближе, чем прежде? Встряска пойдет нам только на пользу, мы вышвырнем прочь все грустные воспоминания, как выкидывают старое белье, и тогда все снова будет хорошо. Так, как было раньше. Так, как и должно быть.

Но, чем дольше он не звонил, тем больше меня одолевал страх, а затем и панический ужас. Я все больше корила себя за то, что снова все запутала, снова сделала ошибку, в очередной раз испортила то, что было подарено мне благосклонной судьбой. Я томилась и терзалась, в сотый раз задавая себе один и тот же вопрос: ну почему, почему, я всегда недовольна тем, что у меня есть? Ведь он же сказал, что любит, сказал, что хочет. Почему же я не поверила в его слова? Он ведь просил, умолял меня не уходить. Но почему же тогда он не дает о себе знать? Неужели он мог так легко остыть? Нет, нет, я знала своего Брайана. Я знала, что он так же привязан ко мне, как и я к нему. Невозможно, чтоб он меня оставил. Может, с ним что-то случилось? Все ли с ним в порядке? Я была едва ли не на пороге сумасшествия...

И, когда он наконец появился на пороге моей квартирки,

я едва не расплакалась от облегчения. Слава Богу, все это безумие закончилось, шторм улегся и теперь все снова хорошо. Я опять смогу быть счастливой.

– Брайан! Наконец-то! – я радостно обняла его за шею и тут же, по его напрягшемуся телу, напряженному взгляду, рукам, которые едва прикоснулись ко мне и сразу же опали, поняла, что что-то не так.

– Ты ждала меня, Летиция? – кажется, он был удивлен Летиция. Он давно уже не называл меня полным именем.

– Да. Ждала. Ничего не могла с собой поделать, как не старалась... Разве ты не рад? – растерянно спросила я, заглядывая ему в лицо.

Он молча стоял и смотрел на меня.

– Еще недавно это было бы для меня всем, что имеет значение, – наконец ответил он. – Знать, что ты любишь, что ждешь. Сейчас же...

– Что сейчас, Брайан?

Он нервно провел рукой по волосам. Его глаза бегали по моей маленькой гостиной, глядя на все, но только не на меня. На его лице ясно читалось, что он принял для себя какое-то решение, и теперь мучительно собирается с мыслями, чтоб высказать его вслух.

Брайан еще даже не заговорил, а я уже знала, что все было кончено.

– Когда ты ушла, я долго думал, – медленно начал он, глядя себе под ноги. – О нас с тобой... да и об остальном. И,

знаешь...я понял, что ты была права. Все, что ты говорила мне... Мне нужно было побыть некоторое время одному, чтоб это понять, осмыслить, признаться себе... Быть честным перед собой оказалось гораздо труднее, чем перед кем-то, Летиция. Я долго избегал этого. Но в итоге обманывать себя стало невозможно. Это было бы несправедливо по отношению к тебе, ведь это уже причинило тебе боль, в последствии грозившую стать еще больше, если я наконец не наберусь смелости взглянуть себе в глаза. Я не врал тебе, Летти. Ни разу не врал. Я действительно люблю тебя. Я верю в это, но... Ты права. Эта любовь... не настоящая. Она рукотворная. Пока мы верили в то, что сами создали в своих фантазиях, все было прекрасно. Но, как ты сама видишь, как только мы начали избавляться от иллюзий... Все пропало. Рухнуло, как карточный домик. Мы еще старались цепляться за уступы, повиснув над пропастью, но... Ты оказалась для меня наркотиком, Летти. Я стал зависим от тебя. Поэтому... поэтому я должен уйти. Потому что ни к чему хорошему это не приводит. Все это – наша иллюзия, в плену которой мы оказались. И нам лучше разойтись, пока мы еще в состоянии это сделать.

Я долго смотрела на него, на его склоненную голову, полыхающее лицо. А потом вдруг громко рассмеялась. Хрипло и истерически.

– Вот, значит, как, да, Брайан?! Значит, все это была лишь иллюзия? Нет, мне определенно нравится, каким образом ты

это преподносишь! Во имя общего блага, не так ли? Но ведь это ты создал эту иллюзию, это ты заставил меня принять ее за истину, а теперь ты вот так вот запросто говоришь, что оба мы просто поверили в то, во что хотели верить? И с чистой совестью уходишь, не запятнав своей чистой созидательной души?

Он поднял голову. Я видела, как черты его лица мучительно исказились. Видимо, мое обвинение сильно его задело.

– Да, я виноват, – глухо и иступленно сказал он сквозь зубы. – Но разве я намеренно вводил тебя в это заблуждение? Разве и ты не верила в реальность всего, что происходило между нами? А теперь ты ведешь себя так, словно я обманул тебя в чем-то. Но я не врал тебе, Летиция. Никогда. Я тебя боготворил.

– Ну конечно же нет, Брайан. Как же ты можешь врать?! – закричала я, пропуская мимо ушей его последнюю фразу, очередную ложь, которую он вливал в мою душу и которой я в своей наивности так долго упивалась. Теперь, когда я знала, что все кончено, меня было уже не остановить. – Но зато ты прекрасно можешь вертеть людьми по своему усмотрению, говоря им то, что им хочется услышать! Да, разумеется, ты и сам веришь в то, что говоришь, но кому потом от этого легче, скажи мне?! Ты, как вампир, охотишься за человеческими эмоциями, напитываешься ими, а, высосав все, что можешь, говоришь, что все это было заблуждением. И отправляешься на поиски следующего источника. Более

сильного, более чистого, более глубокого. Меняхватило на дольше, чем других, только и всего.

Брайан, к моей несказанной радости, тоже вышел из себя. Его лицо побагровело. Ну наконец-то он перестанет вести себя так, словно он создан из амбры небесной! Мое губы искривила злая усмешка, что еще больше вывело его из себя.

– Довольно! Я долго выслушивал твои обвинения, которые летели мне в лицо одно за другим! Наверное, я это заслужил. Но только не смей говорить мне, что я использовал тебя в своих целях, потому что я никогда этого не делал! Разве тебе это не нравилось?! Разве тебе не нравилось, что ты чувствовала себя особенной, а? Ты ведь этого всегда хотела, правда? Что ж, тогда я тоже с чистой совестью могу заявить, что ты использовала меня, что только с этой целью ты меня соблазнила! – он перевел дыхание, пытаясь совладать с эмоциями. – Но я хотел, чтоб ты была счастлива, Летиция. Это было единственное, к чему я стремился. Я хотел оградить тебя от всего, что хоть как-то омрачало твою радость.

– О, конечно, ты делал это! Но только ради того, чтоб я была кругом тебе обязана, была привязана к одному тебе, понимая, что больше у меня ничего нет! Чтоб я была зависимой от тебя игрушкой, твоей послушной куклой, которую ты мог держать за ниточки! С какой же чистой совестью ты выдаешь свои эгоистические цели за продиктованные любовью и заботой побуждения!

– Вот про это я и говорю, – сквозь зубы процедил чело-

век, которого я любила. – Всегда и везде ты разыщешь двойное дно! Сколько бы я не старался сделать тебя счастливой, сколько бы не закрывал глаза на твои истерики, хоть ты и вела себя временами, как законченная стерва, ты все равно вечна была недовольна! Твоя проблема в том, что тебе всегда недостаточно. Что бы ты ни имела, ты никогда не бываешь удовлетворена. Постоянно ты стремишься к какой-то идеальной картинке, какой-то невоплощенной мечте. А если что-то не соответствует этому представлению, тебе кажется, что все катится к чертям! Разве это не правда? Ты ушла от меня, потому что тебе стало казаться, что я люблю тебя не в той степени, которая тебе нужна, не так ли? Ты хотела получить все без остатка, а, не получив, опять разочаровалась.

– Черт побери, Брайан, не тебе говорить мне о том, что я живу фантазией! – его слова кинжальной болью полоснули по мне, и мне захотелось только одного – отворотить этот удар на него самого. – Да вся твоя лицемерная жизнь – это твоя драгоценная камера! Ты ведь не в состоянии увидеть ничего, даже того, что подsunут тебе под нос, если только оно не находится в фокусе твоего объектива! Я удивлена, что ты до сих пор не соблазнился тем, чтоб сделать пару снимков. Только подумать, какие эмоции! Бьюсь об заклад, ты потом пожалеешь о таком упущении со своей стороны!

Он вдруг усмехнулся, неожиданно успокоившись.

– Нет, не пожалею, – сказал он своим обычным голосом, больше не отводя взгляд. – Этот день действительно разру-

шил все иллюзии, включая мои собственные. Мне действительно жаль, что все так вышло. Прощай, Летиция.

И он ушел из моей жизни, мягко прикрыв за собой дверь. Только звук удаляющихся шагов служил напоминанием о том, что не так давно я любила и была любима.

Глава 20

Завтра Роуз с Эриком и Полли собирались возвращаться домой, поэтому все мы собрались у Роджера в «Мечтах о Париже», чтоб как следует отпраздновать последний вечер. И, хоть я и не принадлежала к их семье, но уже почти забыла об этом, настолько дружеские, теплые и доверительные отношения у нас сложились за столь недолгое время. Раньше я и подумать не могла, что можно вот так вот привязаться к совершенно чужим людям, не сходящимся с тобой ни положением, ни возрастом, ни интересами. Я полюбила и веселые подтрунивания Джастины и Брайса, и тяжеловесные шуточки Роуз, и неумолкаемую болтовню детей с их робко-восторженным обращением «тетя Летти». Эти простые, добродушные и приветливые люди открыли мне свой теплый уютный мирок, в котором я больше всего нуждалась, при этом не требуя ничего взамен и не заставляя никому соответствовать. И я всегда буду благодарна им за это.

Вечер прошел прекрасно. Мы, пользуясь дружбой с Роджером, собрались в кондитерской уже после закрытия, так что она была полностью в нашем распоряжении. Что оказалось очень кстати – ведь при другом раскладе нам было бы непросто уместиться там. Сейчас же мы сдвинули вместе парочку столов и с комфортом расположились вокруг них. Дети наперебой просили меня привести Майло, и теперь он по-

слушно лежал на полу и смотрел на нас умильными блестящими глазками, строя из себя примерного пса. Что ж, посмотрим, насколько его хватит.

Роджер в очередной раз превзошел самого себя, завалив стол самыми разнообразными лакомствами: хрустящим печеньем с шоколадной крошкой, воздушным чизкейком со сладким кленовым сиропом, лаймовыми пирожными, крем-брюле с нежнейшим заварным кремом, пышными панкейками с карамельным соусом и вкуснейшим шоколадным трюфелем с ромом в ореховой крошке. Все это выглядело настолько соблазнительно и источало такие невероятные ароматы, что все мы решили наесться до отвала, даже если потом не сможем унести отсюда ноги. Брайс с заговорщическим видом достал бутылку выдержанного коньяка и немного бренди. Роджер, вообще-то, не приветствовал алкоголя в своем заведении, но оказался совсем не против, когда и ему протянули рюмку.

Вскоре от тепла, обилия сладостей, а, в случае взрослых, еще и превосходного крепкого коньяка, все совсем развеселились. Взрывы смеха не стихали и были слышны, наверное, по всей улице. Майло, как я и предполагала, недолго был послушным мальчиком и, зараженный всеобщей праздничной атмосферой, принялся бегать по кондитерской и совать свой любопытный нос во все углы, к вящему ужасу Роджера. Кэти, Полли и Эрик попытались оттащить его обратно к столу и заставить играть вместе с ними в сыщиков. Майло проявил

упорное сопротивление предложению стать поисковой собакой, и в итоге воцарилась несусветная кутерьма.

Нам с трудом удалось восстановить порядок, вернув детей за стол, а Майло под стол, и пир продолжился. Все честно выполнили свои обязательства – набили животы так, что просто не представляли, как встать с места, не говоря уже о том, чтоб доплестись до дома. Мы тяжело развалились в креслах, лениво переговариваясь, а я постаралась как можно незаметнее ослабить ремень своих джинсов. От сытости все впали в меланхоличное настроение и пустились в философские диспуты, которые ни к чему особо не сводились и по итогу возвращались к тому же, с чего и начинались. Никого это особенно не смущало, так как мы были в том состоянии, когда в любой сказанной ерунде каждый открывает для себя глубокий смысл, недоступный другим. В конце концов, когда Роуз залихватски опрокинула в себя уже десятую рюмку, Роджер пустился в рассуждения об относительности свободы мысли человека, а Кэти начала дремать на руках у матери, мы поняли, что пора собираться домой.

Роджер заставил нас забрать с собой остатки чизкейка и лаймовых пирожных, при чем он впихивал их нам с такой настойчивостью, будто мы прямо сейчас отправлялись на необитаемый остров. Брайс взял малышку Кэти на руки, а Джастина и Роуз потеплее укутали двойняшек (Джастина никак не могла взять в толк, почему капюшон Полли закрывает ей лицо, а не затылок, пока Роуз без всяких коммента-

риев не передела куртку правильной стороной). Мы дружно пообещали Роджеру обязательно доесть на завтрак его выпечку, и дружно вывалились в прохладную темноту. Возле дома Холденов я тепло распрощалась с Роуз, на которую влияние алкоголя сказалось только тем, что она стала еще прямолинейнее и любвеобильнее обычного, если это вообще возможно. Пока она прижимала меня к своей массивной груди, Эрик и Полли обняли Майло и заставили меня торжественно дать слово, что во время их следующего приезда мы с ним обязательно придем в гости. Еще раз помахав всем на прощание, я отправилась домой.

***

Я шла сквозь хрустальную тьму, лишь кое-где разгоняемую блеклым светом фонарей. Несмотря на приподнятое настроение после весело проведенного вечера, все же что-то не давало мне покоя. Какие-то мысли, которым я не могла найти определения, все это время крутились где-то на задворках моего сознания. Они не были неприятны, и все же постоянно мягко и ненавязчиво напоминали о себе, не позволяя сосредоточиться ни на чем другом.

Гулкая тишина ночи была нарушена лишь негромким похрустыванием снега под моими ногами. Майло лениво трусил справа от меня, слишком сытый и уставший, чтоб бросаться по сторонам. Небо сегодня было удивительно безоблачным: на его черном бархате, словно золотистые монетки, были рассыпаны ясные огоньки звезд. Среди них скром-

но затесался изящный рожок туманного месяца. Все вокруг словно застыло, оставив меня наедине со своими воспоминаниями.

«Твоя проблема в том, что тебе всегда недостаточно. Что бы ты не имела, ты никогда не бываешь удовлетворена!»

Я неожиданно осознала, что давно уже не чувствовала столь безыскусной и непринудительной радости, как за последнее время, проведенное с моими новыми друзьями. Я в кое-то веки не нуждалась ни в алкоголе, ни в шумихе вечеринки, ни в скоплении сотен людей, ни в безумном фейерверке эмоций, чтоб почувствовать себя почти счастливой. Дружеское расположение, разговоры обо всем и ни о чем, вкусная еда и бокал вина в отличной компании, искренний смех детей – неужели понадобилось так мало, чтоб вернуть меня к жизни? Неужели наше мироощущение определяется не громкими событиями, а такими незначительными мелочами?

Погруженная в собственные мысли, я и не заметила, как подошла к воротам своего дома. Пройдя по темному саду, залитому призрачным лунным сиянием, я отперла дверь и вошла внутрь. Скинув пальто, я забралась с ногами в кресло и укуталась в мягкий плед. Майло расположился у меня в ногах, тихо опустив голову на лапы и мгновенно заснув. У меня же сна не было ни в одном глазу. От выпитого алкоголя я пребывала в приятном расслабленном состоянии, но голова оставалась кристально ясная. Я застывшим взглядом смотрела перед собой, боясь упустить с таким трудом схва-

ченную нить, которая тянулась далеко назад сквозь все годы моей жизни.

«Постоянно ты стремишься к какой-то идеальной картинке, какой-то невоплощенной мечте».

Эти слова Брайан прокричал мне в лицо в нашу последнюю встречу. А ведь я ни разу не задумывалась над его словами, гоня от себя воспоминания о нашей последней встрече, как чуму.

Я до сих пор содрогаюсь от того, что я пережила после грязного конца нашей казавшейся столь прекрасной истории. Все мое существо тогда представляло собой огромный комок боли. Я не могла ни отстраниться от нее, ни спрятаться, ни убежать. Мне казалось, что даже сам воздух Нью Йорка кричал о моих неисполненных мечтах, о сокрушительном крушении всех моих надежд, и бесславном конце всего, во что я верила, об уничтожении целого мира, в котором я жила до того момента. Масштабность моего поражения настолько сводила меня с ума, что я кричала по ночам, заглушая свои крики подушкой. Думаю, я была предельно близка к тому, чтоб помешаться рассудком. Что бы я не делала и не собиралась делать, все казалось мне загодя бессмысленным. Для чего я живу? Живу ли я вообще? Чего стоит моя никчемная жизнь? Жестокие мысли нанизывались одна на одну, словно черный жемчуг на шелковую нить, чтоб затянуться на моей шее. Я ни на шаг не продвинулась к мечте стать актрисой, я потеряла работу, разочаровала родителей и разрушила от-

ношения. Я не завершила ничего из того, что начала. Я пре-
зрела и испортила все, что имела. Я потеряла столько време-
ни, и каждая ошибка служила очередным звеном в цепочке
моей глупости, неизбежно ведя к следующей.

И, наконец, истерзанная до крайней степени, я желала
лишь одного – сбежать, скрыться от самой себя, от своей ис-
коверканной жизни, запереться, спрятаться, оградиться от
всех. Все мои физические и душевные силы были на исходе.
Раз я так и не смогла найти своего места в жизни – значит,
я не была достойна ее. И тогда я решила навсегда уехать из
Нью Йорка, замуравив себя заживо.

Да, я просто сбежала. Сбежала, так и не задумавшись о
словах Брайана. А ведь, несмотря на наши общие заблужде-
ния, мы читали друг друга, как открытую книгу. Он прекрас-
но знал, что послужило причиной моей трагедией, как и я
знала, что в конце концов погубит его.

«Постоянно ты стремишься к какой-то идеальной картин-
ке, какой-то невоплощенной мечте» ... «Ты никогда не бы-
ваешь удовлетворена» ...

Поднявшись над извилистой дорогой собственной жизни,
я наконец-то увидела ее такой, какой она и была – без при-
крас, предвзятости и искажений.

Я выросла на вымышленных образах из фильмов и книг,
вылепила свой характер по примеру любимых героинь, срав-
нивала каждое событие своей жизни с тем, что было соткано
чужим воображением. С самого начала я создала себе иде-

альный мир, в сравнении с которым окружавшая меня реальность была скучной, серой и блеклой. Я отчаянно металась в поисках своего места в жизни. Места, которого... просто не было.

Ведь у меня всегда все было прекрасно. У меня была любящая семья, которая готова ради меня на все. Детство, не омраченное ни болезнями, ни ссорами родителей, ни вообще какими-либо трудностями. Учеба всегда давалась мне безо всяких усилий. Во мне единогласно признавали природные способности к усвоению знаний. Я легко находила контакт с людьми, умела нравиться им и при желании могла бы иметь много друзей и знакомых... Я имею ввиду, действительно хороших и достойных людей, с которыми мне было мне интересно, которые подталкивали бы меня вперед, а не тащили бы ко дну. Но на пути у меня стояло собственное высокомерие, превосходство, с которым я смотрела на многих с высоты своей «несхожести с остальными». Я внутренне презирала любые проявления блеклой реальности и даже не желала подумать о том, что же мне на самом деле нравится. Даже моя мечта стать актрисой во многом объяснялась тем, что мне хотелось жить воображаемыми жизнями, а не своей собственной. Я закрывала глаза на все свои успехи и достижения, ведь моя беспокойная душа стремилась совсем к другому, чему-то размытому и недостижимому. А ведь сколько всего я могла бы сделать...

Но что же я делала вместо этого? Почему не использова-

ла все свои природные способности и стремление к познанию? Да потому, что я постоянно жила в ожидании идеального момента, восхищалась вымышленной картинкой, испытывала постоянную тягу к необузданным эмоциям, которые позволили бы мне сбежать от реальности... Отчаянно рвалась к мелькнувшему на горизонте лучезарному свету мечты и разочарованно поворачивала обратно, как только она представлялась уже не такой воздушной и красивой, как мне виделось... Страшно представить, сколько времени я потратила, затерявшись в собственных иллюзиях и страдая от болезненного несоответствия между мечтами и реальностью... А ведь моя реальность... была совсем не плоха.

Безусловно, Брайан прекрасно это видел и понимал. Он с самых первых встреч разгадал всю мою суть. И, не исключено, что именно это его и привлекло во мне. Ведь и ему не нужна была реальность. Он испытывал тягу ко всему, что крылось за ее гранью. Все наша история любви... А была ли эта любовь?

Сейчас, когда боль улеглась, и я наконец смогла окинуть свои отношения с Брайаном беспристрастным взглядом, я вдруг ясно увидела, насколько грандиозный и взаимозависимый обман мы выстроили. Настолько реалистичный, прекрасный и желанный для нас обоих, что оба мы готовы были отстаивать его до последнего вздоха. Брайан долгое время видел во мне венец собственного искусства, торжество своего гения. Он полюбил не что иное, как собственное вообра-

жение, вдохновлявшее его на все новое созидание. Он стал зависим от вылепленного своими руками шедевра, который он формировал и изменял по малейшей своей прихоти.

Ведь что такое фотографии? Бездушные клочки бумаги, которые, как в волшебном искаженном зеркале, отображали меня так, как мне того хотелось. Но взамен они медленно разрушали меня, вытягивали из меня энергию, вытягивали жизнь, пока от реальной меня не осталась одна пустая оболочка. Брайан же все же больше и больше напивался тем, что получал от меня, в конце концов, окончательно перестав различать грань между мной и моим прекрасным, ослепительным, восхищавшим его образом.

А я же... Я остро нуждалась в том, чтоб мой иллюзорный мир воплотился в реальность. Я искала любую дорожку, которая увела бы меня во вселенную золотисто-розовых грез... А кто мог помочь мне в этом лучше, чем Брайан? И я с жадностью ухватилась за него в надежде сбежать от собственной скучной и лишенной смысла жизни, где я могла сиять, подобно звезде. И, что ж, у меня получилось. С Брайаном я жила в волшебном мире, в фантасмагорическом театре фантазий, где оба мы отлично сыграли свои роли. Я была единственной, неповторимой, сказочной принцессой, под ноги которой готовы положить весь мир. Никто не мог сравниться со мной. И я с огромным удовольствием бросила все свои планы, цели и надежды на успешное будущее на алтарь любви. Ах, разве может что-то быть более романтич-

ным, чем забыть обо всем, отдав спутнику жизни свое тело и душу? Вот какими мыслями жила я тогда...

Но нет ничего постоянного под солнцем. Ни одна иллюзия не держится вечно... Рухнула, увы, и наша... Как только я засомневалась в истинности нашей большой и безраздельной любви, которую, как казалось, ничего не могло поколебать, я вновь испытала острое разочарование. Ведь мне этого было недостаточно, совсем недостаточно... Я хотела быть для Брайана средоточием вселенной, я хотела иметь все. Но, поняв, что могу потерять даже ту его часть, которой еще владела, я испытала острый страх. Незаметно для себя я стала зависима от него, создавшего для меня другой, возвышенный и незамаранный мир. Утратить его означало для меня вернуться в ужасавшую меня реальность и встретиться лицом к лицу с собственными проблемами. Но вместо этого я в очередной раз сбежала, отгородившись от всего мира глухими стенами и замкнувшись в жалости к себе.

И вот теперь, незаметно, по крупинке, по маленькому, неуверенному шажку, я наконец-то приблизилась к тому, чтоб посмотреть себе в глаза. Правду сказал тогда Брайан: быть честным перед самим собой гораздо сложнее, чем перед другими. Тяжело выдать медяк за золотую монету, когда она протянута собственной рукой.

Всю жизнь я терзалась тем, что же со мной не так и почему я никогда не удовлетворена тем, что имею. Теперь же я поразилась тому, сколь проста была отгадка. Я искала сча-

стья в чем-то туманном и недостижимом, в то время как ответ лежал прямо у меня перед носом. Он скрывался в приятных будничных мелочах: в утренней прогулке по переполненной солнечной улице, в круассане с горячим шоколадом за завтраком и бокале токайского вина перед ужином, в хорошей книге, посещении театра, занятиях любимым спортом, уютном вечере за душевными разговорами с друзьями и наслаждении от созерцания звездного неба, наполненного бесконечными тайнами... Он был в любви к себе и заботе о своих близких. Он был в красоте распустившихся цветов, которые я могла видеть, и серебристом журчании водопадов, которое я могла слышать. И не было в счастье ничего величественного и непостижимого. Оно не было наградой за долгие мучительные усилия, оно не заключалось в другом человеке, или определенной сумме денег, или идеальной фигуре... Оно не зависело ни от места, ни от статуса, ни от времени, ни от известности. Оно исходило изнутри. Его сложность заключалась лишь в том, что оно оказалось слишком простым. А мы, по природе своей склонные к подозрительности, всю жизнь норовим отыскать какой-то подвох.

На фоне всего этого меня поразила мысль, которая никогда не была осмыслена мною до конца и которая, как я сейчас ясно понимала, в конце концов и стала моим палачом. Мое проклятье, которое я сама навлекла на себя, состояло в том, что я могла наслаждаться лишь фантастическими образами в своей голове. Не вполне сознательно я всегда по-

нимала, что, даже если мне удастся получить желаемое, то я все равно не смогу быть счастлива, ведь мои воздушные мечты облекутся в свинцовую оболочку реальности, наслаждаться которой я как раз и не умела. Я могла отточить до совершенства свой воображаемый мир, но я приходила в совершенное недоумение, когда сталкивалась с миром насущным и материальным, и пребывала в неизбежном затруднении, что же мне с ним делать. Вот это жгучее стремление к мечтам и одновременный страх неопределенности, которая ждет меня в случае их воплощения, и привели меня к неизбежному финалу.

Все это нахлынуло на меня так неожиданно, что я не успевала упорядочить одни сбивчивые мысли, когда на смену им накатывали другие. Однако самое главное я все же поняла. То навязчивое ощущение, которое не давало мне покоя, было торжественным гимном жизни, которая бурлила, клокотала и призывала меня к себе, милостиво протягивая мне руку.

Я больше не хотела оставаться в доме. Я больше не хотела прятаться. Я стремилась к жизни. Я стремилась к людям. Я сгорала от нетерпения наверстать все, чего не замечала в своей слепоте. Я жаждала познакомиться с новыми людьми, записаться на курсы актерского мастерства, пойти на открытие новой галереи, продегустировать иностранную кухню, прочитать очередной роман Фитцджеральда, приобрести свежий номер *Вог*, чтоб опять быть в курсе всех мод-

ных новинок, купить красивое струящееся платье лавандового цвета, вытащить Джорджа на конную прогулку и махнуть в Париж, чтоб сравнить представления Роджера с настоящим городом любви... Ах, сколько всего нового и неизведанного лежит за этими стенами, ожидая, пока я захочу сделать шаг ему навстречу... И пусть реальность не всегда похожа на лакричный леденец, однако она настолько безгранична и многогранна, что, думаю, в ней найдется местечко и для меня. И на этот раз я готова была без страха отправиться на его поиски.

Я даже засмеялась от нахлынувшего на меня облегчения, словно сковывающие меня железные цепи, которые я сама на себя надела, лопнули и растворились в воздухе, оставив лишь едва заметные отметины на коже. Но я знала, что скоро от них не останется ни следа.

Я боялась идти спать, чтоб с рассветом не развеялось это удивительное озарение. Но все-таки что-то подсказывало мне, что даже с восходом солнца оно останется при мне. Потому что это теперь была моя реальность. Настоящая жизнь Летиции Дэвис.

... Вот так вот, в темной пустой гостиной, озаренной лишь таинственными лунными лучами, пробивающимися сквозь тонкие полупрозрачные занавески, я наконец-то стала взрослой.

***

На следующее утро я проснулась со жгучим желанием сделать то, что следовало бы сделать уже давно. Я протянула руку к лежащему на прикроватном столике телефону и набрала номер, с нетерпением ожидая ответа.

– Летти? – голос мамы прозвучал заспанно и немного настороженно. – Ты видела, сколько времени?

– Прости, мам, я не хотела тебя будить! Я просто не могла дождаться, чтоб сказать... что я очень люблю тебя, мам. И папу. И Джорджа. И я хочу сказать вам спасибо за все, что вы когда-либо для меня сделали. Я всегда принимала это, как должное, но я хочу, чтоб вы знали, что я очень, очень ценю это. Я счастлива, что у меня такая семья, как вы!

– Летти, с тобой точно все в порядке? – испуганно спросила мама.

– Ты даже не представляешь, насколько, – смеясь, ответила я. – Я столько всего поняла в последнее время... А, вообще-то, у нас будет предостаточно времени, чтоб обсудить все. Не по телефону.

– То есть, ты...

– Да, мам. Все кончено. Я возвращаюсь домой.

***

На то, чтоб уладить все дела, не ушло много времени. Чемоданы были упакованы и отправлены, а дом приведен в надлежащий порядок. Мои дядя и тетя договорились с пожилой семейной парой, которые должны были приехать через пару недель осмотреть дом. Я не испытывала никакой жалости по

этому поводу. Надеюсь, им там понравится больше, чем мне.

Провожать меня пришли все мои добрые друзья – Брайс, Джастина, маленькая Кэти и Роджер, который принес мне в дорогу целый пакет эклеров и шоколадных маффинов и все сокрушался, кто же теперь будет заботиться о моем завтраке. Такси, которое должно было отвести меня на вокзал, ожидалось с минуты на минуту. Я приняла решение уехать так же спонтанно, как и прибыла сюда, поэтому решила не беспокоить Джорджа. У него и так было предостаточно забот с восстановлением своей пошатнувшейся репутации.

– Эх, как все-таки жаль, что ты уезжаешь, – грустно сказала Джастина. – Ты оживила наши монотонные будни. А теперь наверняка забудешь о нас, как только вернешься в Нью Йорк.

– И правильно делает, что уезжает, – отчеканил Брайс, положив руку мне на плечо. – Разве место такой молодой умной девушке в нашей глубинке? Нет, она принадлежит большому миру, где она сможет как следует размахнуться.

– Полностью согласен, – сказал Роджер, с опаской потеснив Брайса, чтоб тоже попрощаться со мной, – ставлю «Мечты о Париже» на то, у тебя впереди море событий, одно захватывающее другого. И не меньше возможностей. Главное, гляди в оба и не упускай ни одну из них. Вот только не усердствуй слишком сильно – поиски смысла, это, конечно, хорошо, но только до тех пор, пока они не ударяют в голову. А если что-то пойдет не по плану, то ты всегда знаешь, кто тебя

и выслушает, и накормит, Летиция.

– Спасибо, – растроганно сказала я, чувствуя, что на глаза невольно наворачиваются слезы, – спасибо вам всем. Я не знаю, что бы я делала, если бы не познакомилась с вами.

– Обещайте, что будете приезжать к нам в гости, тетя Лети, – строго сказала малышка Кэти, когда я опустилась перед ней на корточки.

– Обязательно, милая, – сказала я, целуя ее в нежную, как лепесток розы, щечку, – а лучше, приезжайте-ка вы ко мне. Уверяю вас, Нью Йорк совсем не так плох, как кажется на первый взгляд.

– И все же не идет ни в какое сравнение с Парижем, – мечтательно сказал Роджер.

– Ты ведь, кажется, говорил, что не был в Нью Йорке, разве нет? – недоуменно спросила я.

– Совершенно верно, моя дорогая. Не был ни разу, – ничуть не смутившись, отчеканил он. Я только открыла рот.

Только мы все успели обняться и расцеловаться, а Майло покорно позволил Кэти повиснуть у себя на шее и на прощание лизнул ее в щеку, как подъехало такси с почему-то очень недовольным водителем. Он раздраженно просигналил, привлекая мое внимание. Пора было отправляться.

Я открыла заднюю дверцу, впуская Майло, и в последний раз помахала рукой Холденам и Роджеру. Они улыбались и махали в ответ. Кэти, сидящая на шее у Брайса, послала мне воздушный поцелуй.

Я залезла на переднее сиденье и закрыла дверь, назвав адрес ближайшего вокзала, откуда я поеду напрямиком в свой родной город. А Нью Йорк... Он ждал меня достаточно долго, так что подождет и еще несколько недель. Но сначала я должна повидать родителей.

Такси медленно отъехало. Я уже мысленно прикидывала, удастся ли мне добраться целой до места назначения по этой изрытой рытвинами и колдобинами дороге.

На дом я даже не обернулась.

Эпилог

С того времени минуло уже больше года. Сейчас я живу в Нью Йорке, работаю помощником главного редактора в печатной версии модного глянцевого журнала и получаю от этого огромное удовольствие. Кажется, мои бывшие мечты о работе в индустрии моды все же воплотились, правда, совсем не в той интерпретации, в которой я ожидала. Но, как любил говаривать Роджер:

«Да, пусть не всегда все складывается так, как виделось нам в мечтах, но кого это волнует, если в итоге мы все равно приходим к лучшему исходу.»

Вот и я в конце концов, после долгих и болезненных метаний, блужданий, громких взлетов и сокрушительных падений, озарений и разочарований, все-таки смогла найти свое место. Да уж, могла ли я когда-либо подумать, что самым сложным и непреодолимым препятствием к этому буду я сама и тот непроницаемый барьер, который я собственноручно

выстроила между собой и своей жизнью?

Не думайте, я не забыла о своей пламенной мечте стать актрисой, к чему у меня все еще стремились душа и тело. Поэтому я записалась на актерские курсы при Нью Йоркской Академии Киноискусства и начала играть в театре. Конечно, мне нелегко было совмещать это с работой в журнале, но кто сказал, что путь к мечтам легок и усыпан цветами благоухающего жасмина? К тому же, играть на сцене доставляло мне несметное удовольствие, а это было более чем достойной наградой за все часы недосыпа и порой сильную усталость. Я с восторгом пробовала себя в самых разных амплуа, как мне всегда этого и хотелось, увлеченно воплощаясь то в беззаботную Наташу Ростову, то в романтическую и острую на язык Элизабет Беннет, отправляясь в захватывающие путешествия по странам и эпохам. И пусть театры в современном мире стали довольно старомодны, пусть я не купаюсь в ярком свете прожекторов и лучах славы, но каждую минуту на сцене моя душа ликует и блаженствует, находя столь желанную отдушину. Вот только сейчас я проводила отчетливую черту между побегом в царство фантазий и своей настоящей жизнью. Замечательной жизнью, в которой меня поджидало еще столько всего интересного.

Ну а со временем... Кто знает, может, в туманном и непредсказуемом будущем меня все-таки ждет что-то большое? Ведь все знают – счастливый случай любит подкрадываться тогда, когда перестаешь его ждать. Пока же я была

всем абсолютно довольна.

После затянувшегося безделья, пока я утопала в апатии на окраине мира, я снова вернулась к активному образу жизни. Но на этот раз я твердо решила заниматься исключительно тем, что мне нравится. Я вспомнила, как в детстве обожала танцевать, поэтому я начала с радостью посещать проходившие в городе танцевальные мастер-классы. А по выходным я любила расслабиться и поплавать в бассейне, растворяясь в безмятежном умиротворении мягко окутывающей меня голубой воды.

И, что самое главное, – больше никаких диет, ограничений и подобных истязаний собственного тела, которые когда-то помогали мне маскировать душевный упадок и разрушительную потерю контроля над своей жизнью. Теперь я понимала, что невозможно получать удовлетворение от своей пусть даже самой роскошной «модельной» фигуры с узенькой талией и шуплыми бедрами, относясь к собственному телу без должной любви и уважения – тебе всегда будет недостаточно, и всегда найдется пара лишних килограммов, от которых не помешало бы избавиться.

А что касается моей семьи, то у нас никогда еще не было таких теплых и доверительных отношений. Как оказалось, они меня все-таки хорошо понимали, порой даже лучше, чем я сама, хоть всю свою жизнь я и была абсолютно уверена в обратном. Не так давно меня ожидал приятный сюрприз – мама и папа решили перебраться в Нью Йорк, чтоб быть по-

ближе ко мне с братом. Конечно, я очень обрадовалось этой новости, ведь возможность в любой момент увидеть родителей – это порой ни с чем не сравненная ценность. К нашему общему удивлению, Джордж стал проводить с нами гораздо больше времени. Несмотря на то, что он по-прежнему уделял колоссальное количество времени работе, кажется, его нервическое помешательство на ней все же немного ослабло, что было уже немалым достижением. Он даже перестал с заносчивым видом вворачивать через каждое слово юридические термины, так что начал понемногу претендовать на роль вполне себе приятного собеседника.

Остальное же свободное время я проводила с новыми знакомыми с работы и театра. Конечно, было бы откровенным враньем сказать, что со всеми у меня складывались прекрасные отношения, и я пребывала в полной гармонии с окружающим миром. Разумеется, случились и недопонимая, и ссоры, и личная неприязнь, да и еще много чего малоприятного. Но, знаете, когда вы смотрите на людей, загодя стараясь разглядеть их хорошую, а не плохую сторону, вы поразитесь, как приятно удивить может этот мир.

А однажды мои старые друзья, о которых, я, конечно же, не забывала, не стали дожидаться, пока у меня появится время навестить их, и заявили в Нью Йорк самолично. Даже старина Роджер решился ради меня на время покинуть свой уютный мирок, заключенный в тесных стенах «В мечтах о Париже», а это уже было настолько героическим по-

ступком с его стороны, что я тут же значительно возвысилась в собственных глазах. Я успела очень соскучиться за ними, и тут же пригласила их отпраздновать приезд вместе со своей семьей. Всем им было очень приятно общество друг друга, а Кэти, покраснев, шепотом призналась мне, что, когда вырастет, хочет выйти замуж за Джорджа. Правда, я так и не поняла, почему.

Наслушавшись моих восторженных рассказов о кулинарном мастерстве Роджера, мама с папой были, конечно, очень заинтригованы. Так что он не преминул расширить аудиторию своих поклонников до самого Нью Йорка, приготовив настоящее произведение искусства – роскошный воздушный торт безе со сливочным кремом и клубникой. Мама, которая была неумеренной сладкоежкой, безапелляционно заявила, что Роджер должен немедленно открыть свою кондитерскую в Нью Йорке, а мы с Джорджем горячо поддержали ее. Роджер, признаться, и сам начал задумываться об этом, заявив, что Нью Йорк совершенно очевидно нуждается в спасении, даже в большей степени, чем Париж, с которым еще не все так потеряно. Что ж, не знаю, смириться ли Джастина с таким поворотом событий, но, кажется, Холдены будут у нас частыми гостями.

А я же... А я, несмотря на недостаток свободного времени, частую усталость и одновременное совмещение множества дел, все же чувствовала себя живой и полной сил и энергии, как никогда раньше. Как ни странно, чем больше

я делала, тем больше понимала, сколько еще неизведанного и заманчивого окружает меня со всех сторон. Мне хотелось предпринять еще больше, наверстать все упущенное время, познать все грани жизни во всем ее разнообразии. Я хотела попробовать ее на вкус и взять от нее все, что только можно. Конечно, невозможно было изведать и ощутить все на свете, однако я старалась изо всех сил – я полностью погружалась в то, чем занималась, и наслаждалась каждой секундой, смаковала каждый момент, чувствовала его всем своим существом. Кто бы подумал, что жизнь может быть так приветлива к тем, кто открывается ей навстречу, а не упрямо сопротивляется ее дарам?

Что же касается Брайана... Что ж, я не могу сказать с чистой совестью, что ни разу не думала и не вспоминала о нем. Разве это было возможно? Все-таки столь сильные чувства, в чем бы не крылся их источник и к какому бы исходу они не привели, не могут исчезнуть без следа, не могут забыться или раствориться в череде последующих событий. Но я могу с уверенностью сказать, что больше не испытывала ни горечи, ни боли, ни обиды на него. Он стал для меня приятным воспоминанием, теплым островком в глубинах моей памяти. Я больше не стремилась стереть малейшее напоминание о нем из своей жизни, ведь с ним я была когда-то очень счастлива. Как бы там ни было, но все же я любила, и все же была любима. Я не хотела забывать его. Вместо того, чтоб отвергнуть боль, я ее приняла. Моя история с Брайаном – это часть

моей жизни, и так будет всегда. Благодаря ему я смогла стать той Летицией, которой я была сейчас. Я сохранила внутри себя то необыкновенное чувство, которое испытывала рядом с ним, и оно стало неотъемлемой частью моей личности. Вот только теперь я знала, что мне не нужен ни он, ни кто-либо другой. чтоб чувствовать себя значимой, особенной и неповторимой. Я не нуждалась в холодном небесном теле, отражающем мой внутренний свет, чтоб я могла его разглядеть. Я наконец-то смогла сиять сама по себе.

И все же кое-что не давало мне покоя. Словно какие-то незнакомые силы бродили во мне, настойчиво ища выхода. Они напоминали о себе снова и снова, упрямо требуя чего-то. Я испытывала острую душевную потребность какого-то действия, необходимость, почти обязательство совершить что-то очень нужное и важное, но долгое времени остающееся для меня загадкой.

И тогда я села писать эту книгу. Меня толкнула на это надежда, что какой-то юный, только вступающий в этот мир чистый, как свежесвыпавший снег, человек, окрыленный мечтами и надеждами, не столкнувшись с противоречивостью и запутанностью реальности, теряющийся в разнообразии ведущих в разные стороны порой обманчивых жизненных путей, знал, что он не одинок, и не повторил моих ошибок. Хоть я и понимала, что ошибки неизбежны и во многом даже необходимы, ведь они – неотъемлемая часть жизненного опыта и формирования собственной личности. Но все же я

хотела, чтоб каждый, даже совершая ошибки, помнил – убегаю в театр фантазий и окружая себя зыбким туманом иллюзий, тяжело отыскать в безграничных темных небесах свою личную драгоценную звезду, затерянную среди множества других, которая будет указывать тебе путь на протяжении всей жизни. И, если перестать воодушевленно строить внутри себя идеальную красочную картинку, а перевести взгляд наружу, то, возможно, откроется не менее прекрасная, яркая и полная неожиданностей жизнь? Если моя история поможет хотя бы одной жаждущей неокрепшей душе, с сияющим взглядом устремляющейся в неведомое, я буду знать, что все, через что я прошла, было не напрасно.

Я была не уверена, как именно я буду писать свою книгу и какое название ей дам. Не знала я и того, какие крайне важные, а порой кажущиеся совсем незначительными события лучше описать, чтоб вы поняли, что именно сыграло ключевую роль в моей жизни, уводя меня в том или ином направлении. Но я наверняка знала, что она закончится словами, которые сопровождают теперь каждый мой день:

«Меня зовут Летиция Дэвис. Я свободна. Полна жизни. И счастлива.»

Конец

...это только начало чего-то нового